Кулак Петрович И Ада

ВРЕМЯ ВЬЮГИ

Часть первая

2018

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На дворе конец XIX века, века дыма, грохота и великих социальных потрясений. В дворянских усадьбах еще звучат тихие романсы, а речи министров полны уверенности в завтрашнем дне, но самым чутким уже слышен скрежет, с которым распадается прежний миропорядок. Тянет пороховой гарью с далеких полей, и совсем скоро с венценосцев упадут короны. Одни ждут этого момента с радостью, другие со страхом, а третьи спешно выискивают билеты в будущее первым классом, не считаясь ни с чем. Люди всегда остаются людьми - не хорошими и не плохими, мужественными и трусливыми, верными долгу и присяге или понимающими эти слова совершенно по-своему. Одни герои сражаются за вчерашний день, другие - за завтрашний. А за порогом уже скалится Время Вьюги из старых сказаний. Не все падет, но все изменится. P.S. Авторский мир, сказочной фауны и классической магии нет, мистика и элементы хоррора есть.

- Пролог.
- Глава 1.
- Глава 2.
- Глава 3.
- Глава 4.
- Глава 5.
- Эпилог.

Пролог.

1.

"Когда в штабе все идет через известное место, пехота потом обязательно идет через место неизвестное".

К своим тридцати двум годам Ингрейна Дэмонра все еще не знала, какая математика могла бы отвечать за такое странное распределение неведомого в мире, но интуитивно чувствовала глубокую правоту этой мысли. А иногда, как сейчас, и на собственной шкуре ощущала. Особенно когда чужие великие планы загоняли ее мобильный стрелковый полк в малознакомые места глухими зимними ночами.

Спасибо на том, что из всего полка отправили одну роту. Видимо, идея незаметно и быстро протащить добрых шесть сотен человек через лес кому-то все же умной не показалась. Дэмонре, впрочем, вообще не казалось умным идти короткой дорогой, будучи в Рэде. Плоха была та короткая дорога, на которой не сидело бы хотя бы два десятка местных патриотов с неместными винтовками. Братская любовь, оформленная в виде договора о добровольном присоединении Великого княжества Рэдского к Калладской кесарии, за последние триста лет дала вполне определенные всходы.

В лесу было холодно, как в аду, черно и мертво, но нисколько не тихо. От мороза резко трещали ветки, заставляя и без того взвинченную нордэну думать о засаде. Где-то далеко тоскливо выл волк - вот уж кому было даже хуже, чем им, если такое возможно. Январь только-только вступил в свои права, а стужа стояла такая, что морщились и покрякивали даже привычные к любым холодам калладцы. Дэмонре не очень хотелось знать, чем такими зимами в обычно теплой Рэде будут питаться волки сейчас, и все прочие - весной.

Снег сухо скрипел под ногами почти сотни человек за спиной Дэмонры. Яркий огонь фонаря - единственное теплое пятно на фоне черно-синей ночи - плыл впереди и был подарком для каждого стрелка, догадавшегося залечь в местных сугробах.

- Вроде пехота - а топота как будто эскадрон драгун с жалованья в бардак спешит! Не на параде, давайте потише! - раздраженно процедила Дэмонра. - Мондум, давай они еще песню

затянут? Чтоб мне точно первым выстрелом башку снесли.

- Здесь можно потише, только если крылья отрастить, - невозмутимо возразила та, но куда-то назад все-таки зашипела. - Разведка была здесь три часа назад и никого не нашла.

- Она бы и задницы своей без карты не нашла. Или от башки бы не отличила, - пробурчала Дэмонра. Разведка - это, конечно, прекрасно. А вот вкопанный в снег бочонок пороха, снаружи обвернутый тряпьем с гвоздями, щебнем и металлическими шариками - это уже существенно менее прекрасно.

Дорога - вернее то, что зима с ней сделала - круто поворачивала. Дэмонра, шедшая впереди, остановилась сама и подняла руку, чтобы рота тоже замерла. Она даже не успела осознать, что именно ей не понравилось - в зимнем лесу ей не нравилось все, от белой земли до черного неба - как раздался резкий сухой треск. Дружный. Как будто со всех сторон сразу.

- Рассредоточиться! - заорала Дэмонра, падая в снег и отшвыривая фонарь как можно дальше.

Первые несколько секунд она не видела ничего, кроме рыхлого сугроба перед собой. Выстрелы все стрекотали, но уже как-то недружно. Это позволяло надеяться, что они налетели не на профессиональных борцов за справедливость, а на обычных местных партизан. Впрочем, их в любом случае стоило сперва перестрелять ко всем бесам, а потом уже разбираться, кто они были и чего хотели. Но для начала следовало, самое меньшее, понять, откуда ведут огонь.

Дэмонра быстро приподняла голову, оценивая обстановку, и юркнула обратно. Стреляли с обеих сторон от тропы и явно довольно близко. Во-первых, она хорошо видела огненные вспышки - лупили по ним из винтовок, конечно же, не местных. Во-вторых, попасть в таком лесу более чем с двадцати метров даже в идущую колонну - еще надо было суметь.

Она быстро перекатилась к дереву - на фоне черного ствола разглядеть черную же пехотную форму было сложнее, чем на снегу - прижалась к нему спиной, выхватила пистолет и, дождавшись вспышки, пальнула почти вслепую.

Система Рагнвейд при таких ничтожных расстояниях просто чудеса творила.

Из прореженной короткими сполохами темноты раздался крик. Очень высокий и удивленный.

Дэмонра выстрелила еще раз. Кто бы там сейчас ни прятался в темноте - дети, взрослые или случайно спорхнувшие с икон белокрылые Заступники - у нее имелся приказ доставить роту в помощь гарнизону Вальде, и она должна была ее туда

доставить. Все остальное было частностями, даже если частности орали тоненькими детскими голосами.

Пуля врезалась в ствол почти у уха Дэмонры, обдав ее щепками. Щеку как огнем обожгло. Нордэна снова перекатилась, на этот раз уже целенаправленно, к довольно удобной ямке между корней разлапистой ели.

- Крыть их на три часа и на десять! Крыть, вашу мать!

Дэмонра могла только догадываться, скольких ее людей выкосили первым залпом - на снегу чернело как минимум пять шинелей - однако оставшиеся огрызнулись огнем очень удачно. Прямо-таки показательно, как на учебных стрельбах. Подлесок по обеим сторонам тропы буквально прошили пули. Грохнули выстрелы, затрещали ломаемые ветки, завизжала покрытая льдом кора. Нордэна прищурилась, пытаясь уловить мельтешение в лесу, тьму темнее тьмы. Не могли они положить всех нападавших разом. И улететь те не могли. Поняли, что наскочили на целую роту, обломали зубы - и сейчас будут драпать, будь они рэдцы или их заграничные друзья.

В лесу, перескакивая от одного дерева к другому, мелькнула тень. Дэмонра выстрелила почти в тот же миг, метя в ноги. Тень неловко подпрыгнула - как подстреленный заяц - и упала, взметнув тучу снежной пыли. И взвизгнула так же пронзительно.

- Создатель, - в повисшей на какие-то мгновения тишине Дэмонра четко различила полувыдох-полустон лейтенанта Эрвина Нордэнвейдэ. И поняла, что закопает его прямо здесь же, среди партизан, если он при ней еще хоть раз скажет хоть одно слово на рэдди или позовет рэдского же бога. В Каллад бога упразднили за ненадобностью лет за триста пятьдесят до ее рождения и никто, кроме крестьян уж в совсем глухих деревнях, в критических ситуациях его не звал. Эрвин совершил типичный промах, после которого шпионы частенько оказывались на соснах.

Имя Создателя, разумеется, сработало. Но, наверное, несколько иначе, чем предполагал помянувший его лейтенант. Лес опять огрызнулся пулями. Уже не так дружно и не далеко так метко, но огрызнулся. Кто-то со стоном осел на землю.

- Залп на три и на девять, - скомандовала Дэмонра и выстрелила сама.

Она уже поняла, что нападавших было не так много, как ей показалось изначально. Рэдцы просто засели по обе стороны тропы и отлично использовали эффект неожиданности. Но нападение двух десятков на сотню - на такую помесь романтизма и идиотизма были способны или святые, или и вправду дети малолетние. Правда, малолетки с винтовками из Аэрдис, в

личном понимании Дэмонры, резко прибавляли в возрасте. Человеку, который десять лет назад в щепки разнес ее жизнь, тоже вряд ли было больше четырнадцати, но с бомбой в руках метрики уже не требовалось.

- Магда! Зондэр! Чтоб ни одна мразь не ушла!

Все было кончено в какие-то десять секунд. Может, кому-то и удалось уйти, но Дэмонра не имела ни малейшего желания гоняться за привидениями глухой зимней ночью по малознакомой территории. Нордэна поднялась, отряхнулась, добрела до ближайшего трупа, проваливаясь в снег почти по колено, и брезгливо перевернула носком сапога.

- М-да. В трактире бы я ему не налила. Во избежание лишних проблем с законом, - задумчиво высказалась майор Магда Карвэн, оглядывая плод их трудов.

- Можно только порадоваться, что есть статья, запрещающая им наливать, и нет статьи, запрещающей их убивать, - поджала побледневшие губы Зондэр Мондум.

Дэмонра дернула плечами.

В руках мертвец сжимал сильно побитую жизнью винтовку производства империи Аэрдис образца двадцатилетней давности. Все бы ничего, но самому новоиспеченному покойнику лет было куда как меньше.

Нордэна добралась до следующего трупа. Картина существенно не изменилась. Одеты как крестьяне, вооружены как аэрдисовские наймиты, более чем юны. Ничего хорошего, но ничего уж совсем из ряда вон. Кроме того, что разведка проморгала настолько явных дилетантов. Дэмонра, впрочем, тоже отличилась: понадеялась на разведку и даже малого отряда вперед не выслала, пошла через лес как на парад. Неудивительно было, что это плохо закончилось.

- Потери?

- Пятеро ранены серьезно, один совсем тяжело, шестерых наповал. Царапины не в счет.

Дэмонра мерзла и злилась. Фактически на ровном месте они потеряли убитыми шесть человек, просто потому, что какому-то идиоту из разведчиков было лень на ночь глядя вылезать из теплой постели. "Под трибунал загоню, - мысленно пообещала себе она, прекрасно осознавая, что, скорее всего, обещания не сдержит. Сословная армия - это сословная армия. Если бы ранили ее или на худой конец капитана - еще можно было бы говорить о чьей-то халатности, а всяких там Георгов да Францев - кто их считать будет? Крестьянки новых нарожают, вот и все тут. Расходимся пить игристое вследствие несовершенства мира, и никто ничего не видел, как обычно.

Дэмонра вернулась на тропу. Там уже споро и несуетливо делали волокуши и для мертвых, и для раненых. Волчий вой, как ни странно, стал ближе. Впрочем, наверное, странно это не было - серые, видимо, оголодали настолько, что запах крови действовал на них сильнее, чем запах пороха.

Нужно было отправлять раненых и убитых назад, выделив им сопровождение, а самим продолжать путь. Они и так потеряли время. Дэмонра сощурила глаза и кое-как определила, что стрелки ее часов показывают половину четвертого. Час волка, ничего не скажешь. Видимо, хвостатым сегодня повезло, потому что закапывать она никого не собиралась.

Нордэна рассеянно оглянулась, и ее взгляд зацепился за деталь не на своем месте. Лейтенанту Нордэнвейдэ следовало находиться на дороге, со своим взводом. А он торчал в подлеске, да еще и за дерево держался, как будто собирался хлопнуться в обморок.

- Нордэнвейдэ, вы там что, застряли?

Тот ее то ли не слышал, то ли не слушал.

"Каждое второе доброе дело наказывается еще в этой жизни, верно мне мама говорила". Дэмонра, нахмурившись, подошла к Эрвину. Посмотрела туда же, куда и он. Причины расстройства лейтенанта стали вполне понятны. Из-под мохнатой шапки убитого партизана выбились длинные девичьи косы. Хорошие такие косы, каждая в руку толщиной, светлые, лишь немногим темнее снега под ними.

- Соз...

- Нордэнвейдэ, еще раз прилюдно вспомните Создателя - и я вам с ним свиданку устрою, - почти беззвучно зашипела Дэмонра, не оборачиваясь к лейтенанту. Не хватало из-за одного человека испортить годами работавшую схему. - Эрвин, серьезно. Пристрелю. - И уже громко продолжила: - Лейтенант, вы закончили изливать элегическую грусть? Мне думается, я знаю ей лучшее применение. Эта чистая душа только что не без успеха стреляла в ваших сослуживцев, так что недурно бы написать их семьям что-то помимо похоронок.

Эрвин как будто вышел из ступора. Обернулся к Дэмонре. У нее на секунду промелькнула мысль, что тот попытается ее ударить, но бледное невыразительное лицо застыло окончательно.

- Так точно.

Дэмонра проводила удалившегося лейтенанта взглядом и снова посмотрела на убитую. Девчонка, лет четырнадцати. Можно понять, отчего мутило Эрвина - развороченный пулей лоб

действительно хорошо не выглядел. Зато почти черная кровь на почти светящемся голубом снегу выглядела нарядно, как картина на какой-нибудь новомодной фотовыставке.

Нордэна думала не об искусстве, в котором ничего не смыслила, а о волчьем вое.

"Не я дала им винтовки. Не я начала бойню за идеалы на их грядках. Жалеть их и хоронить их тоже не я буду".

- Зондэр, строй всех. Выступаем.

- А...

- Выступаем.

Конечно, Мондум ее решение не нравилось.

- Проблемы, - одними губами произнесла та и кивнула в сторону, где лежали убитые. Проблемы и вправду были - аж шесть штук, у половины из которых, к гадалке не ходи, семеро по лавкам бегали. А вторая половина только-только сама из-под этих лавок вылезла. Зондэр поднесла к ним фонарь, и в неверном свете Дэмонра оглядела смутно знакомые лица.

У одного из солдат глаза были распахнуты. И вокруг крохотных, сжатых в точки зрачков неумолимо выступала радужка неестественного темно-фиолетового цвета. Зондэр, убедившись, что цель достигнута, быстро убрала свет. Дэмонра наклонилась и молча закрыла солдату глаза. Со стороны командира этот жест подозрительным не выглядел. И освещение здесь было хуже не придумаешь. Вряд ли кто-то успел заметить.

А вот медики заметить могли, и тогда Дэмонре лучше было на этот свет просто не рождаться.

- Приберите.

Зондэр потерянно посмотрела на Дэмонру.

Какими они ни были друзьями, а иногда нордэне хотелось надавать затрещин этой библиотекарше в погонах.

- Магда, займись ранеными и убитыми. Возьми десять человек и возвращайтесь. Зондэр, выступайте. Времени мало. Я догоню. Магда?

Магда, хоть и писала с тремя грамматическими ошибками на строчку, в критических ситуациях всегда была куда более толковой. Во всяком случае, она не задавала вопросов, ни глупых, ни умных, когда надо было дело делать.

- Ребятки, берите раненых, - распорядилась она. - Мертвых я тут посторожу, никто к ним не сунется. Давайте, давайте, времени мало. Георг, с тебя спрошу. Дотащишь всех живыми - с меня ящик ее, родимой. И всем по чарке, как вернусь. Марш!

Дождавшись, когда остатки роты во главе с Мондум скроются за поворотом, а раненые на волокушах и их

сопровождение растают в темноте, Дэмонра подошла к ближайшему рэдцу. Подняла винтовку, передернула затвор. Вроде должна была еще пострелять.

- Паскудно все это, - поделилась впечатлениями Магда. Она уже деловито вытряхивала из полушубка партизана, больше других тянувшего по комплекции не на школьника, а на солдата.

- Менее паскудно, чем многое другое. - Нордэна стянула с мертвого солдата шинель и отбросила ее в сторону. Принялась за верхнюю рубаху.

- Да брось ты, полушубок надень на него и ладно, - посоветовала Магда.

- Ладно будет, когда нас с тобой к стенке поставят.

Раздевать и одевать трупы приятно не было. По счастью, они еще не успели окоченеть. Но на таком холоде до этого было недалеко. Перчатки пришлось снять, пальцы слушались плохо, а петельки и пуговицы оказывали ожесточенное сопротивление, однако делать было нечего. Вскоре перед Дэмонрой лежало пятеро калладских солдат и один рэдский партизан - даже с ладанкой на шее - а в подлеске среди убитых рэдских партизан затесался калладский солдат. Тоже весьма натурально выглядящий, хоть и очень молоденький.

- Ну, малец, извини, - вздохнула Магда и с двух шагов выстрелила ему в лицо из рэдской винтовки. Дэмонра провернула ту же операцию, но воспользовалась винтовкой калладской. Результат был непригляден и очень прост: парня, еще день назад имевшего какое-то имя и будущее, теперь бы и мать родная не узнала. Ну а добрые доктора не узнали бы, какой секрет он унес с собой в могилу.

- Дальше сама разберусь. Догоняй их, пока Зондэр с перепугу не спутала бунт прачек с мировой революцией...

- Помяни мое слово, Магда, мировая революция как раз с бунта прачек и начнется. Уж точно не с интеллигентских бредней...

- Выпить тебе надо, Дэм, вот что я скажу. Вечно тебя на философию несет, когда надо просто стрелять или делать вид, что собираешься стрелять.

- Вершина мировой философии, если уж на то пошло, уметь отличить, когда нужно первое и когда достаточно второго, - буркнула Дэмонра, натягивая перчатки. Магда была права в том, что копаться и вправду не стоило. Ни вообще, ни в своих мыслях и чувствах. Следовало как можно скорее догнать Зондэр, желательно, не нарвавшись на волков. Хотя последние, вроде бы, выли еще достаточно далеко отсюда.

- Второго здесь было явно недостаточно.

- Повтори мне это, если Нордэнвейдэ на днях повесится. И да. Доберешься до штаба - бей по мордам или пои кого хочешь, но я должна знать, кто тут так до нас хорошо разведал.

- Ящик игристого, и ты будешь знать, кто заразил сифилисом сынка императора Гильдерберта и на чьи деньги, - хмыкнула Магда. - А про разведку я тебе и так скажу.

Услышав имя, Дэмонра несколько секунд молчала, просто не зная, что ответить.

- Это... это точно?

- Точнее некуда.

- Тогда забудь об этом и больше никогда никому не говори.

- Не говорить до того момента, как на нас повесят всех собак или когда вешать будут уже не собак, а непосредственно тебя?

- За что? За десяток малолетних партизан? Не смеши меня, Магда.

Магда кивнула на труп без лица:

- Честно говоря, мне уже не очень смешно. Ладно, ну хоть Наклзу ты скажешь? Я думаю, ему-то можно сказать.

Дэмонра скривилась:

- Наклзу можно сказать все. Но только когда все закончится хорошо и все поженятся, и ни секундой раньше.

2.

- Я бесконечно признателен вам, мессир канцлер, за столь высокую оценку наших... подвигов.

Офицер говорил медленно и тихо, тщательно выбирая слова и глядя куда-то в район воротничка собеседника. Если до этого момента у Наклза еще оставались сомнения, что дело идет к большим неприятностям, то при виде колоритной парочки у окна они окончательно рассеялись. Определенно, канцлер Рэйнальд Рэссэ очень сильно промахнулся с адресатом дифирамбов. За "освобождение Рэды" лучше было похвалить тех, кто пил игристое неподалеку, а не тех, кто ее на самом деле "освобождал". "Прачкин бунт" закончился, не начавшись. "Две роты в помощь местному гарнизону и два часа делов", - метко заметила Магда Карвэн и, скорее всего, не солгала. В общем, окажись он на месте офицера, Наклз, вероятно, и сам дал бы в морду всем расточителям похвал, начиная от деревенского

дурачка и заканчивая кесарем Эдельстерном Зигмаринен. Однако в свете последних событий стрелковому полку "Ломаная Звезда" следовало сидеть предельно тихо и культурно, не ввязываясь в скандалы. С другой стороны, прием, более похожий на плохой маскарад, длился уже почти два часа. Они и так не огрызались столько, сколько могли. На памяти Наклза памятники в бронзе ставили и за меньшие подвиги.

Он быстро двинулся к окну, у которого застыли друг напротив друга чрезвычайно любезный канцлер Рэйнальд и мужчина в черной форме. Лицо последнего было серым от усталости, чего не мог скрыть даже теплый тон освещения, и до крайности невыразительным. Офицер был то ли от природы скуп на эмоции, то ли прекрасно владел собой, но на фоне цветущего в профессиональной улыбке канцлера выглядел он особенно тускло. На взгляд Наклза, с этой парочки можно было смело рисовать аллегорию Победы, поскольку они идеально отражали ее дуализм. Или аллегорию Ненужной Победы, если вдуматься в суть происходящего.

- Рэдский казус - это очень неоднозначный вопрос, - глубокомысленно сообщил канцлер. Он вообще отличался потрясающим умением говорить самые избитые пошлости с самым умным видом. Наклза это периодически просто обезоруживало. Вот и сейчас Рэйнальд Рэссэ, сообразивший, что здорово промахнулся с собеседником, воспользовался излюбленной тактикой. Возможно, ему и удалось бы выкрутиться, если бы он стал первым, кто поздравил Ломаную Звезду с потрясающим успехом последней кампании. Но офицер, похоже, принимал подобные поздравления уже часа два, так что был готов свернуть шею даже спорхнувшему с фрески Заступнику. А перед ним стоял государственный деятель, приложивший руку к началу упомянутой кампании. И вдумчиво ронял банальности.

- Рэдский казус, - отчетливо повторил офицер, неотрывно глядя на канцлеров воротник, словно прикидывая его обхват. - Очень хорошо, что вы это сказали. А то у меня, знаете ли, были сомнения, каким словом следует назвать размахивание винтовками перед носами старух и детоубийства на оккупированной территории.

- Детоубийства на оккупированной территории обычно называют побочным эффектом войны, - самым скучным тоном, на который он только был способен, ввернул Наклз, подходя, и тут же продолжил, - мессир канцлер, мне казалось, вас разыскивает миледи Агранн. У нее появилось какое-то новое предложение насчет благотворительного сбора в пользу... честно сказать, я запамятовал в пользу кого, - здесь он бессовестно врал. Впрочем,

у упомянутой Агранн всегда имелась масса предложений, наблюдений и замечаний по любому поводу. Повод не являлся обязательным условием. Богатый и яркий внутренний мир обязывал непременно поделиться своим мнением с окружающими, и она делилась. Стареющая благотворительница была бесценной находкой Наклза: Агранн обладала воистину бульдожьей хваткой и могла часа на полтора заболтать даже искушенного в казуистике канцлера. И у нее имелся абсолютный иммунитет к пошлостям: она сыпала ими еще бессовестнее Рэссэ.

- Прошу меня простить, господин лейтенант. Мы не в том положении, чтобы пренебрегать столь благородными порывами граждан, - прошелестел Рэссэ, кивнул Наклзу, наградив его выразительным взглядом, и смешался с толпой в центре зала.

- Филантропы, - очень тихо бросил ему вслед офицер, как выругался, и отвернулся к окну. - Мне, наверное, следует вас поблагодарить, - сообщил он не Наклзу, а стеклу, понизу покрытому морозными узорами. Наклз встал рядом и тоже посмотрел на улицу. День, медленно клонившийся к вечеру, сделался золотым, как вино. Безупречно белый снег составлял прекрасный контраст с грязью по эту сторону стекла. Грязь, разумеется, качественно присыпали золотом и позолотой, завесили портретами героев всех мыслимых кампаний и прикрыли обнаженными плечами приглашенных дам. Дамы старались как могли, да и свежевыданные ордена красиво сверкали в свете свечей. Но грязи от этого меньше, разумеется, не стало.

Наклз никак не мог отделаться от ощущения, что некоторые победы благоухают не игристым, а выгребными ямами. Его собственный вклад в общее дело "освобождения" Рэды, по счастью, был минимален, и исчерпал себя лет восемь назад. На этот раз даже либеральная пресса клеймила Седьмое Отделение "извергами" и "палачами" только за компанию. С прачками и без магов-вероятностников отлично справились.

- Благодарить совершенно не обязательно, - спокойно ответил Наклз. - У меня имелся личный интерес, а благотворительность оставим госпоже Агранн. Я помню ваше лицо, но имя запамятовал.

- Лейтенант Эрвин Нордэнвейдэ к вашим услугам, мессир, - слова были вежливыми, но нечеловечески ровный тон явно давал понять, что никаких услуг лейтенант никому оказывать не намерен.

Наклзу стало окончательно ясно, как вовремя он вмешался. Если бы Эрвин все-таки ответил канцлеру любезностью на любезность, непременно началось бы разбирательство. В ходе

которого выяснилось бы, что никакого Нордэнвейдэ в Каллад быть не должно. Документы на это имя, насколько знал Наклз, были фальшивыми. Или настоящими, но тогда фальшивым был их нынешний обладатель, - это уже зависело от ревизской сказочки, которую на сей раз сочинили в Ломаной Звезде, а в этом полку служили мастера сочинять сказочки. Дополнительную пикантность ситуации добавлял тот факт, что под основным протоколом, необходимым для получения калладского гражданства, стояла подпись ни кого иного, как Рэйнальда Рэссэ. У жизни вообще имелось очень своеобразное чувство юмора.

- Мне не пришлось побывать непосредственно в Рэде. Так что я знаю о тамошних событиях только по газетам. Это значительно меньше, чем ничего. Но, судя по тому, что старшего офицерского состава Звезды я здесь не наблюдаю, дело действительно плохо, - заметил Наклз.

- Они все живы, - коротко сообщил Эрвин. - От разочарований в нашем возрасте уже не умирают.

- Ни мгновения не сомневаюсь, что трагически стреляться пойдут другие. В основном это будут истеричные гимназисты. Я имею в виду, что старшие чины напиваются где-то в другом месте. Чтобы все остальные гости тоже остались живы.

На такое откровенное хамство полагалось отвечать совершенно определенным образом, вне зависимости от того, насколько оно соответствовало истине. Но лейтенант все так же смотрел в окно и ничего не говорил. Стоял, поджав губы, и созерцал снег, как будто вещи важнее в мире не существовало. Следовательно, дело было совсем плохо.

- Лейтенант Нордэнвейдэ, я могу узнать, что там произошло?

Бледное лицо осталось неподвижным.

- Все в отчете. Я уверен, госпожа полковник не возражает, когда вы их читаете.

Госпожа полковник даже не возражала, когда Наклз их диктовал, если уж на то пошло. Ему не раз приходилось сочинять небылицы под мягкое клацанье старой печатной машинки. Вернее, хоть как-то приближать к реальности небылицы, сочиненные другими.

- Отчет я уже видел. И должен поздравить человека, который эту сказку написал. Такое умение не называть кошку кошкой доступно только дипломатам со стажем. Кто это сочинил? Я точно знаю, что не полковник Дэмонра, не ее заместитель Мондум и уж никак не майор Карвэн: для них там слишком много запятых и слишком мало непечатных выражений. В частности, наймиты Аэрдис в отчете называются "силами противника". А это

значит, что ни одна из перечисленных дам его даже не читала.

Офицер тихо фыркнул.

- Нет предела совершенству. Примем к сведению.

- А кого вы назвали "вооруженным бандформированием"?

Нордэнвейдэ дернул щекой, но вполне ровно сообщил:

- Знаете, разница между разбойниками и партизанами часто бывает чисто стилистической. В нас упомянутые партизаны стреляли. Так что мы решили классифицировать их, как бандитов.

- А кем были эти бандиты? Я имею в виду, национальный состав.

Офицер резко развернулся и даже изволил сверкнуть глазами. Видимо, подобными вопросами лейтенанта сегодня засыпали все кому не лень, в лучших традициях артиллерийского обстрела. И бастионы его терпения, похоже, находились в крайне плачевном состоянии. Нордэнвейдэ потер виски, словно у него нестерпимо болела голова, и тусклым голосом, не без некоторого яда, поинтересовался:

- А сами вы как думаете? Если бы они были аэрдисовцами, мы бы непременно назвали их "силами противника" и расстреляли бы на месте за милую душу. Впрочем, последнее мы и так сделали. Что касается деталей, не вошедших в отчет. Думаю, самому старшему рэдскому патриоту было не больше четырнадцати. Кстати, это была девочка. Но я это уже потом сообразил, когда увидел труп - было темно, мы почти вслепую стреляли, но залп есть залп. Что касается всего прочего, то их было десять человек, в возрасте от двенадцати лет, предположительно, разумеется, - Нордэнвейдэ говорил негромко и сухо, не выдерживая драматических пауз, не горячась и не сводя с собеседника каких-то уж слишком черных глаз. Вот поэтому Наклз ему поверил, сходу и безоговорочно. Поверил усталому бледному офицеру, а не радостно трубящим о победе консервативным газетам, последние дни пестрившими заметками о героических деяниях калладцев на территории Рэды. - Я не знаю, какая белокрылая мразь дала им оружие, - между тем продолжал Нордэнвейдэ, - но зато точно знаю, что эти детишки положили четверых, прежде чем мы стали отстреливаться. После первого детского вопля из кустов мы, правда, прекратили огонь. Двоим это жизни стоило. Меня, раз уж вам так нужны детали, едва не вывернуло прямо в тех кустах, когда я увидел, в кого попал. Лейтенанта Маэрлинга тоже. Мы, надо полагать, слишком сентиментальны и недостаточно патриотичны, поэтому развороченный пулей детский лоб мне показался... неприглядным зрелищем. К счастью, госпожа полковник и ее заместитель

качественно разрешили проблему. Они здраво рассудили, что детки, лупящие по нам из аэрдисовских винтовок, это очень плохие детки. Насколько мне известно, вера запрещает им убивать детей. Впрочем, страдать в кустах, когда убивают калладцев, им запрещает что-то еще. Поэтому они... навели порядок, как сумели. Предвосхищая ваш следующий вопрос... леди Мондум, насколько мне известно, сейчас в часовне на улице Гончих Псов. О местонахождении полковника я ничего сказать не могу, но ни одному человеку на свете я бы сейчас не порекомендовал ее искать. Я уже договорился до дуэли или вы желаете еще каких-нибудь красочных подробностей? Ландшафт, погода, цвет волос той девочки?

Чего-то подобного Наклз ожидал с тех самых пор, как услышал про чрезвычайный успех кампании в Восточной Рэде от канцлера Рэйнальда Рэссэ, а не от главнокомандующего Вильгельма Вортингрена. Известие о том, что упомянутый Вильгельм набрался до совершенно скотского состояния в "Стертой подкове" и там громко объяснял своему отражению, какие именно сношения он имел с Рэдой и войной, пока его не утащили "поправлять здоровье" за закрытые двери, хороших предчувствий не добавило. Как оказалось, не зря.

Узел рэдских противоречий Наклза, не имевшего никакого официального отношения к армии, традиционно волновал мало. Он даже не смог бы с точностью сказать, что заставило кесаря подписать приказ о дальнейшем наступлении на Рэду, красиво именуемом "освобождением братского народа". Возможно, и весьма вероятно, что дело было в рудниках Карды и только в них. В любом случае, к приказу прилагались многочисленные рассказы о зверствах аэрдисовцев на оккупированной ими территории Рэды, повешенных из-за неправильного цвета глаз женщинах и детишках и всех прочих радостях войны. Армия, похоже, верила в красивую версию о братской помощи, в которой рудники не фигурировали. Вернее, раньше верила. А потом выяснилось, что угнетенные женщины и детишки не очень-то их и ждали на своей земле.

Так или иначе, теперь упомянутый узел следовало разрубить как можно скорее. Пока он не оказался ключевой деталью калладской петли.

- Дуэли в военное время запрещены эдиктом кесаря Эдельстерна. А дуэли с офицерами Ломаной Звезды еще и очень вредны для здоровья, - вежливо улыбнулся Наклз. - Считайте, ваш рассказ меня на такой подвиг не вдохновил.

- Приятно слышать. Полковник Дэмонра лично бы меня убила, если бы я согласился с вами стреляться и по каким-то

причинам выжил, - Нордэнвейдэ не льстил и не любезничал, он просто был серьезен как катехизис.

Наклз подумал, что кого бы Дэмонра за это убила, был еще очень спорный вопрос. Возможно, даже никого. Зная ее характер, можно было ожидать, что дело закончилось бы парой затрещин нравственного толку. Скорее всего, она бы отправила проштрафившегося лейтенанта высаживать цветочки или морковку за штабом. По общепринятой версии, ее народ полагал, что это увлекательное занятие учит терпимости, смирению и множеству других положительных качеств. Наклз, в свою очередь, полагал, что общепринятая версия как обычно врет, а сами выходцы с Серого берега терпимость и смирение положительными качествами не считают. Во всяком случае, за последние пять веков нордэны не сделали ни малейшей попытки упомянутыми добродетелями обзавестись. Он бы скорее поверил, что им просто нравится ходить по газонам.

Эта крамольная мысль впервые посетила Наклза еще лет десять назад, в самом начале его знакомства с Ломаной Звездой и ее начальством. Более того, он точно знал, что дело обстоит именно так от первоисточника по имени Магда Карвен. Первоисточники по имени Ингрейна Дэмонра и Зондэр Мондум предпочитали загадочно отмалчиваться или отделываться глубокомысленными сентенциями о красоте, которая спасет мир, если в Каллад резко закончится пудра и спиртное. Самым активным борцом за красоту последние года три выступал виконт Маэрлинг. Вот уж кого Наклз регулярно видел высаживающим за штабом омерзительно розовые розы. Белокурый лейтенант по совместительству приходился кесаревым дальним родственником, и, наверное, только это спасало его от более серьезных проблем, чем общение с грядками. Количество только тех дуэлей Маэрлинга, о которых в Каллад знала каждая кошка, хорошо переваливало за дюжину. То же касалось числа его официальных любовниц.

Бытовало мнение, что у Ломаной Звезды имелись три проблемы: война, мир и Витольд Маэрлинг. Последняя считалась принципиально неразрешимой при текущем уровне прогресса.

- Не хотелось бы мне проверять, кого бы упомянутая леди убила. Кстати о дуэлях и убийствах. Я не вижу лейтенанта Маэрлинга. Почему его здесь нет? - Наклз обвел зал взглядом. Младший офицерский состав Звезды отдувался за отсутствие старшего с мужеством, достойным героев древних сказаний. То тут, то там мелькали парадные черные мундиры и приклеенные к лицам любезные улыбки. Однако виконта Маэрлинга рядом со стайкой дам не наблюдалось. А больше нигде его быть не могло

по определению.

- Госпожа полковник разрешила ему упасть с лестницы, - как о чем-то вполне очевидном сообщил Нордэнвейдэ.

- Всегда подозревал, что ей не чуждо милосердие. А почему вам не разрешили?

Эрвин вздохнул:

- Потому что разрешения на внезапно возникшие проблемы со здоровьем очень лимитированы.

Наклз едва не фыркнул. По официальной версии все старшие офицеры Звезды, вернувшиеся из Рэды, вчера вечером отравились некачественным печеньем, которым заели некоторое количество ведер очень качественного игристого. Так что квота "трагических случайностей" определенно была исчерпана на пару месяцев вперед.

Наклз снова посмотрел в окно. Снег сверкал так, что резало глаза. Желтоватый зимний закат, прошитый черными ветвями деревьев парка святой Рагнеды, казался неправдоподобно далеким. Впрочем, Рэда со всеми ее неразрешимыми противоречиями вообще представлялась чем-то вроде страшной сказки. В сердце Моэрэнхэлл Каллад все было хорошо. Здесь рекой текло игристое, проштрафившиеся дамские угодники высаживали розы и морковку, студенты стрелялись, а гимназистки травились исключительно от несчастной любви, большей частью неудачно. И детишки не палили с крыш.

"Нам не следовало ввязываться", - подумал Наклз. "Ни за что не следовало ввязываться. Ни ради рудников, ни ради мира во всем мире и Вселенской Гармонии в придачу. Аксиома Тильвара наводит справедливость самостоятельно. Ей одинаково бесполезно мешать и помогать. И они бесовски зря снова полезли в Рэду".

- Знаете, он говорил на морхэнн, - медленно произнес Эрвин. Зимнее солнце блеснуло на его новенькой медали и утонуло в тени. Лейтенант нахмурил брови, словно какая-то мысль не давала ему покоя. - Последний... "партизан". С перепугу, наверное.

На самом деле, половина Рэды, если не больше, свободно говорила на морхэнн, что не являлось секретом ни для кого, кто хоть раз в жизни открывал учебник истории. Но признавать этот факт считалось очень немодным, что в Каллад, что в Аэрдис. Впрочем, Эрвин едва ли собирался обсудить тонкости языкознания.

- Пощады просил? - уточнил Наклз.

- Нет, конечно. Были жертвы, так что командование не было намерено делать скидку на возраст. Не могу никого за это

осуждать. Так или иначе, этот рэдец проклинал нас. Нас и всех калладцев, которые пришли на их землю. На довольно чистом морхэнн, честно скажу, это звучало... не слишком хорошо. Мы привыкли выслушивать проклятия на аэрди. Не хотелось бы отвыкать.

Чтобы иметь приятную возможность выбирать себе врагов самостоятельно, не следовало идти в армию. Но говорить этого Наклз, конечно, не стал. Тем более, у человека с фальшивыми документами выбор, скорее всего, был невелик.

- Господин лейтенант, он просто повторил сказки, которые ему рассказали аэрдисовцы. Не больше, не меньше, - мягко и убедительно проговорил Наклз. - Вы же не думаете, что они сами смастерили винтовки и сами догадались устроить вам засаду ночью?

- Конечно, на это их надоумили аэрдисовцы, - спокойно согласился Нордэнвейдэ. - Справедливости ради стоит отметить, что убить их мы догадались сами. Мессир Наклз, вы не боитесь?

Вопрос офицера поставил Наклза в тупик. Калладцы прошли Восточную Рэду за три дня. Им не оказали никакого внятного сопротивления. Белокрылые "друзья" рэдцев сбежали почти сразу, оставив некоторому количеству храбрых сопляков оружие и указания по его применению. И все. Наклз даже гипотетически не мог представить ситуацию, при которой Каллад имел шансы проиграть. Здесь нужно было даже не чудо, а целая совокупность чудес. Чума, смена династии, массово сошедшее на государственных деятелей слабоумие, какие-нибудь неслыханные катаклизмы и гражданская война в довесок, для полного комплекта. Меньшее бы не сработало.

Самым смешным при всем этом было то, что Наклз действительно боялся.

- Поражение Каллад просто невероятно. Математически. Логически. Как угодно.

- Если я хоть что-то понимаю в истории и тактике, победа Каллад в битве на Моэрэн тоже была невозможна. Математически. Логически. Как угодно. Что в итоге не помешало ей состояться.

- Это было почти пять веков назад. И калладцы должны были победить. Они защищались, их поддерживало местное население, - начал было Наклз излагать прописные истины о благородной борьбе молодого Калладского государства против огромной империи Аэрдис, раздувшейся на чужой крови, и вдруг понял, какую чушь несет. Эта чушь отлично подходила для школьных классов или для амвонов. Но никак не для беседы двух взрослых людей, которые уже что-то повидали в жизни, и

прекрасно знали, что ингредиента "правда с нами!" в победном пироге нет. Там было мужество солдат и офицеров, разумное командование, хорошее оружие и лошади, даже интенданты, ворующие меньше обычного, но никак не "правда". - К тому же, это могла быть случайность.

В конце концов, разница между случайностью и тем, что принято называть промыслом, тоже часто бывала чисто стилистической.

- Вы полагаете, справедливость имеет срок давности? - невесело усмехнулся офицер.

- Не знаю, - легко соврал Наклз. - Но я думаю, в наших интересах, чтобы она периодически объявляла амнистии.

- Главное, чтобы проценты по отложенным долгам не начисляла, - суховато заметил Нордэнвейдэ. - Меньше всего на свете я хотел бы наблюдать таких же малолетних патриотов на улицах столицы. Надо же, какой чистый снег, - тише и мягче добавил он, видимо, надеясь как-то загладить последние слова. - Помню, когда я впервые увидел Каллад, именно это потрясло меня больше всего. Здесь как будто вообще нет грязи и копоти, хотя часто пахнет дымом. Никогда этого не мог понять. Я был сопляком двадцати лет и почему-то счел нужным загадать желание. Чтобы здесь всегда было так же чисто. Такая невероятная глупость возможна только по молодости, не находите?

- Да нет. Я бы даже сказал, очень нетривиальные надежды. Обычно люди, приехавшие в Каллад, загадывают деньги, или должность, или на худой конец знатную любовницу. Так что хорошее было желание. Полагаю, оно не сбылось первой же весной, столкнувшись с распутицей?

- Оно благополучно пережило шесть исключительно слякотных весен. Умерло на прошлой неделе, - совершенно спокойно, как о чем-то само собою разумеющемся сообщил Эрвин. Затем извлек из-под отворота мундира маленькое круглое зеркальце и бросил в него быстрый взгляд. Наклз удивился, но долго удивляться ему не пришлось. Нордэнвейдэ так же быстро убрал зеркальце обратно и скучным голосом заметил:

- А теперь извините меня. Кажется, к нам идет госпожа Агранн. Маэрлинг много о ней рассказывал. Двенадцать поколений чистейшей крови и предков, не запятнавших себя трудом и коммерцией, мне на трезвую голову не вынести. Еще раз прошу меня извинить. Мне, видите ли, строго-настрого запретили ввязываться в скандалы.

Наклз и Эрвин обменялись прощальными кивками, после чего последний исчез так быстро, словно его феи унесли. Иными

словами, дезертировал, оставив Наклза разбираться с превосходящими силами противника. Агранн плыла к нему словно каравелла, целеустремленно, величественно и неотвратимо, да еще и юбками шелестела как волнами. Наклз пораскинул мозгами. С одной стороны, окно было отличной стратегической позицией. С другой стороны, если бы здесь должно было произойти что-то важное, оно бы уже произошло. Кесарь на прием не пришел, старшие чины Ломаной Звезды его также проигнорировали. Никаких перспектив, кроме беседы с Агранн, Наклз не видел, а подобные ужасы следовало наблюдать с предельных дистанций. В итоге он здраво рассудил, что в некоторых ситуациях бегство является единственно возможным выходом, и сбежал. Мысленно отдав должное талантам канцлера: Рэссэ удалось избавиться от благосклонного внимания госпожи Агранн всего за полчаса и даже натравить ее на обидчика. Люди получали ордена и за меньшие подвиги. Не зря все-таки старый греховодник, проворовавшийся минимум трижды и продавшийся самое малое двум разведкам, все еще был канцлером.

3.

Дом полковника Ингрейны Дэмонры смотрел на заметенную снегом улицу слепыми темными окнами. Жутью от двухэтажного каменного особняка, построенного почти три сотни лет назад, веяло даже в погожие летние дни, не говоря уже о зимних вечерах. Наклз, начисто лишенный сентиментальности и не склонный к суевериям, и тот предпочитал бывать там в темное время суток как можно реже. Будучи математиком, он, разумеется, прекрасно знал, какому именно врачу следует показаться, если мерещатся призраки и таинственное свечение на верхних этажах, но в этом доме не хотелось лишний раз заглядывать в зеркала или ночами ходить по лестнице.

Впрочем, саму хозяйку особняка его не слишком приятная атмосфера тревожила мало. В один прекрасный вечер она, по ее словам, просто-напросто переколотила все зеркала в доме, сменила нервного любовника-драматурга на куда менее нервного законника, а заодно вызвала каменщиков, раз и навсегда решивших проблему со скрипом деревянных ступенек. И уже спокойно наслаждалась видом заката над парком и темной ленты Моэрэн из чердачного окна.

А еще Дэмонра всеми силами поддерживала скверные

слухи о населяющих дом духах. В основном это выражалось в том, что из окон в неприятных ей людей периодически летали бутылки. На все претензии она дрожащим от возмущения голосом отвечала, что никогда не стала бы тратить вино на всяких гнид, поэтому готова нести ответственность только за брошенные пустые бутылки. "Призрак" же, конечно, метал полные. И не всегда попадал с первого раза. Зимой улица, испятнанная темно-бордовыми кляксами, выглядела поистине незабываемо.

Наклз миновал невысокую кованую решетку и палисадник. По дороге к дверям он насчитал четыре багровые кляксы. Это говорило о том, что Дэмонра, во-первых, была дома и пребывала в отвратительном настроении - во-вторых. Наклз поднялся по трем высоким ступенькам, обледеневшим до безобразия, и оказался у двери.

Прибитая к ней записка лаконично сообщала, что внутри никого нет, а господа воры могут смело залезать, предварительно для верности побеседовав с духовником или нотариусом, в зависимости от личных убеждений. Что-то подсказывало Наклзу, что самоубийц, рискнувших воспользоваться этим любезным предложением, не нашлось. Видимо, все прогрессивное население уже было в курсе, что по новому закону убийство вора в доме при попытке ограбления наказывалось весьма умеренным штрафом и нотацией на предмет допустимой самообороны.

Впрочем, от всех других визитеров Наклза отличало наличие запасного ключа. Он из вежливости пару раз стукнул молоточком по бронзовой пластине и, не дождавшись никакой реакции, отпер дверь.

В прихожей было темно, как в погребе, и столь же уютно. В воздухе висел кислый запах вина. Наклз подозревал, что дело плохо, но масштаб катастрофы пока оставался загадкой.

- Если у тебя любовник, будь любезна, скажи сразу. А то прошлый меня чуть на дуэль не вызвал, когда я вошел без стука, - учтиво попросил он темноту. Темнота промолчала. Наклз счел это хорошим знаком и просчитался. Едва он снял меховое пальто и прошел в гостиную, в стену рядом с грохотом врезалась бутылка. Достаточно близко, чтобы напугать, но недостаточно, чтобы поранить.

- Дэмонра, перестань. Мне кажется, ты лучше других знаешь, что осколки могут сделать с человеком, - воззвал он к разуму нордэны.

Нужно отдать должное, больше бутылок из спальни не полетело. Наклз стал предельно осторожно пробираться через завалы перевернутой мебели к смутно чернеющему прямоугольнику дверного проема.

- Я уже понял, ты в отличном расположении духа. Если я себе что-нибудь сломаю, тебе правда полегчает?

- Я даже не уверена, что мне полегчает, если ты провалишь отсюда ко всем бесам, - раздраженным женским голосом ответила темнота. - Но мы можем проверить.

Тем не менее, в спальне послышалась какая-то возня, а затем вспыхнуло пламя свечи. Огонек стал приближаться, и Наклз разглядел хозяйку дома. Выглядела она далеко не цветуще, но скорее напоминала человека, который не спал пару суток, а не того, кто все это время пил. Серые глаза были усталыми, злыми и совершенно трезвыми. Лежавшие под ними тени в неверном свете казались черными. Дэмонра куталась в плед. Наклз только теперь понял, что в доме сегодня не топили.

- Холодно, как в аду. За что ты платишь Греберу? И где, собственно, эта свинья?

- У него отпуск. И мне не холодно.

- Ну разумеется. И пневмония будет не у тебя, - с некоторым раздражением ответил Наклз и стал на ощупь пробираться к камину. - Когда-нибудь я доберусь до этого старого пьяницы. Между прочим, попытка уморить полковника может расцениваться как диверсия против государства, ты знаешь?

- Оставь Гребера в покое. Он пошел на пару с Зондэр замаливать наши тяжкие. Это надолго. Мне сказать, что я рада тебя видеть?

Наклз, к своему некоторому удивлению, обнаружил дрова и даже масло для розжига камина. Усатый пьяница Гребер был все же не безнадежен. Услышав последний вопрос, он усмехнулся.

- Ну что ты. Я сегодня уже имел удовольствие пообщаться с канцлером. Так что получил запас вежливой лжи на неделю вперед.

- С... е... этот канцлер, - кратко и емко высказалась Дэмонра, отпихнув с дороги стул. Тот с хрустом врезался в стену. - Мне утром передали его поздравления. Надеюсь, зубы посланца он уже получил. Вместо ответа.

Наклзу стал примерно понятен источник агрессии "призрака". А еще он никак не мог осуждать дворника, который решил сегодня не расчищать дорожку к дому Дэмонры. Это было на редкость здравое решение.

- Боюсь, поздравлениями только тебе он не ограничился, - сообщил Наклз, вспомнив бледного как смерть Нордэнвейдэ.

- Искренне надеюсь, что Зондэр он не нашел. Иначе Каллад придется разоряться на очень дорогую панихиду, - Дэмонра рассеянно обвела взглядом разгромленную комнату и хмыкнула. - Вот же бесы. Упадешь в обморок, если приглашу в

спальню? Камин хоть разжигай, хоть не разжигай, а холодно сейчас везде одинаково.

- А что, там больший порядок? - поддел Наклз.

Насколько он знал Дэмонру - а знал он ее почти двенадцать лет - слова "Дэмонра", "спальня" и "порядок" могли совмещаться в одном предложении в количестве максимум двух штук, хотя и группировались по-разному.

- Там меньший бардак, - и не подумала смутиться Дэмонра. - Сломать хорошую дубовую кровать - занятие довольно трудоемкое. Что бы ни болтал виконт Маэрлинг.

- Кстати о Маэрлинге. Это было довольно жестоко с твоей стороны.

- Да неужели? Может, мне следовало попросить его закрыть глаза и предупредить, когда мы начнем палить по этим безмозглым щенкам? Или дать нас всех расстрелять к бесам единственно из человеколюбия? Что именно мне следовало сделать?!

- Я не про твои рэдские приключения. Про них я не хочу знать ничего, сверх того, что уже знаю.

- Правильно делаешь, - кивнула Дэмонра. - Жаль, все остальные так не делают.

- Хотя, не отрицаю, мне любопытно вот что: как ты считаешь, причина - это рудники или все-таки благородная придурь кесаря, на которой неблагородно сыграли?

- Если бы я это знала, меня бы уже повесили. Либо за убийство кесаря, либо за убийство Сайруса, в зависимости от причины. Но я не знаю. Полагаю, все сразу. Но ни то, ни другое не тянет на основную причину. Поэтому я не знаю. Что говорит тебе твоя возлюбленная Аксиома Тильвара? Она же вроде как знает все обо всем и чуть больше, ее и спроси!

- Она никогда ничего не говорит о причинах. Только о следствиях.

- Отличная отговорка. А что так потрясло твою нежную душу в случае с Маэрлингом? - Дэмонра критически оглядела смятую постель и, недолго думая, рванула гардины. Карниз, по счастью, выдержал такую вероломную атаку, а вот крючки - нет. В комнату плеснулся рассеянный вечерний свет и заиграл на солидной коллекции бутылок, ровно выстроившихся у окна. Боезапас впечатлял. Пока Наклз предавался размышлениям на тему того, что полк Ломаная Звезда - в надежных руках, Дэмонра застелила кровать получившимся в результате агрессивных действий покрывалом и уселась на край. - Так что показалось тебе жестоким, ты, эталон бесчеловечности?

- То, что на прием отправились держать осаду три с

половиной лейтенанта.

- Не угадал. Один Нордэнвейдэ стоит пяти.

- Я заметил. Он даже умудрился не сказать канцлеру ничего нелюбезного.

- У него был хороший стимул. Гражданство второго класса - оно, знаешь ли, учит вежливости и спокойному отношению к идиотам. А уж поддельное гражданство второго класса...

О том, что его лучший и, по сути, единственный друг отличается нестандартным мышлением, Наклз знал довольно давно. Но вот так запросто отправить на прием, куда мог заявиться сам кесарь, человека с фальшивыми документами - это было слишком даже для выходца с Серого берега. Может, нордэны и мыслили нестандартным образом, но шейные позвонки у них при повешении ломались точно так же, как и у всех прочих.

- А если бы он ему все-таки врезал?

- Рыжик, ты наивен. Выбивать канцлеру зубы на приеме - это так неэстетично. С Эрвина бы сталось аккуратно пырнуть его стилетом в какое-нибудь очень неожиданное место и потом долго сокрушаться, что канцлера в цвете лет настиг сердечный приступ. Понимаешь, такие заботы, такие заботы...

- Не отнекивайся! Ты держишь в Звезде несанкционированного "вампира"?

- Ты так орешь, словно думаешь, что я держу в Звезде только одного несанкционированного "вампира", а это наивное заблуждение, - отрезала Дэмонра, сверкнув глазами. - И вообще мерзкое слово, ты ж не безграмотная горничная и прекрасно понимаешь, кто здесь жертва, и кто - чудовище. Сыворотка Асвейд, к твоему сведению, из порфириков ручных котят делает. И я, бесы дери, держу в Звезде, кого считаю нужным. Включая, прошу заметить, натурального кесарева племянничка. Хоть и двоюродного.

- Может поэтому вас еще не пересажали.

- Может, поэтому. А может потому, что Наместница Архипела - моя интимная подружка. И Немексиддэ очень не понравится, если меня упекут в тюрьму по ложному обвинению. Как ты думаешь, моя голова, прибитая над городскими воротами, стоит взрывчатки, лекарств и ядов, идущих из Дэм-Вельды? Рыжик, вся разница между Немексиддэ и мной заключается в том, что я эту бесову страну люблю, а она на нее работает. И, как ты понимаешь, прекратить второе гораздо легче, чем первое. Учитывая расположение Дэм-Вельды, они могут завтра же объявить свою независимость от всех, включая зеленых похмельных бесов. И сидеть на наших островах, хоть пока

Хилледайн не затрубит в свою дудку и все дружно не откинут копыта от великой радости! И, если уж тебя так заботит вопрос моей личной безопасности, я, опять-таки, могу удрать на Архипелаг хоть завтра.

Наклз вздохнул. В споре все разумные доводы и вправду с пугающей регулярностью разбивались об аргумент "я люблю Каллад". Этот аргумент, собственно, был железным и основным. К нему прилагался ряд модификаций, порой весьма неожиданных и забавных, но в целом он объяснял любую глупость, когда бы то ни было выкинутую Дэмонрой.

Еще было "я не люблю идиотов". Оно действовало в тех случаях, когда объяснить сломанный нос оппонента стремлением к благу Родины ну никак не получалось.

- С тобой бесполезно спорить.

- Так не спорь со мной, - Дэмонра улыбнулась, уже более миролюбиво. - Чувствуешь в себе желание запить последние новости? Да не смотри ты на это пойло, это снаряды. Я патриотично скупаю рэльскую кислятину с альтернативными целями. Для тебя же у меня есть в запасе бутылочка первоклассного даггермара. Даже не спрашивай, какими правдами и неправдами я утащила его с Дэм-Вельды. Кесарь запретил ввозить в столицу напитки крепче сорока градусов. У нордэнов по этой причине траур. Жестоко, да?

Наклза так и тянуло ответить, что в Каллад столько спиртосодержащего нет, чтобы запить подобные новости. Даже если это был восьмидесятиградусный дэм-вельдский даггермар, в народе носящий нежное произвище "чернила", "тьма" и еще несколько таких, какие не следовало употреблять при дамах. По твердому убеждению Наклза, нужно было родиться на Архипелаге, чтобы получать хоть какое-то удовольствие от распития этой пропахшей полынью горькой дряни.

- Чувствую в себе желание проснуться. Нам всем твоя, как бы это назвать, блажь голов может стоить.

Дэмонра откинулась на кровать и почти нараспев протянула:

- Рыжик, ты зануда. И к тому же ты бесчеловечен. Но будь спокоен. Даже если нас надумают засудить за какие-нибудь грехи, этого не случится раньше конца рэдской кампании. А уж она будет долгой. И веселой. Поверь мне.

- Долгой? Кто, прости, там сопротивляется? Кусты и изгороди? Или, может быть, иконы?

- Угадал. Кусты, изгороди, перелески. Любая щель, в которую может забиться человек. А иконы, - Дэмонра скривила губы. - Насчет икон ничего сказать не могу: ни одной не видела.

Они все куда-то загадочным образом исчезли. Это, впрочем, заметила не я, а Зондэр. Ей это, кстати, очень не понравилось. А особенно ей не понравились люди, на чистейшем морхэнн орущие, что наша кровь восстанет сама на себя. Если они просто призывали на нас чуму и сифилис, могли бы выразиться более конкретно. В общем, Рыжик, догадайся я в свое время уверовать в Создателя, непременно огорчилась бы с Зондэр за компанию.

- Неужели там все настолько плохо?

- Мы победим, если ты об этом спрашиваешь.

- А если не об этом?

- Тогда - да. Там все плохо. Белокрылые научили местных детишек какой-то очень альтернативной истории. Это мы, оказывается, разграбили Арну, ты знал?

Наклз знал, что, по мнению Аэрдис, Каллад виноват во всем. Начиная с фатального сбоя в мироздании, из-за которого май приключался всего раз в году, и заканчивая тем, что у истаскавшегося не по летам сынка императора Гильдерберта обнаружилась некая дурная болезнь, при текущем уровне науки не поддающаяся излечению.

- Теперь знаю. И местных жителей, независимо от пола и возраста, на каменоломни согнали тоже вы, надо полагать?

- Почему независимо от возраста? Всех, кому не исполнилось десяти лет, тогда, помнится, утопили как котят, - Дэмонра смотрела в потолок, как будто видела там нечто донельзя интересное. - Поправь меня, если я ошибаюсь, но именно в это время Студеную переименовали в Багру. Так или иначе, почти вся Восточная Рэда полагает, что это наши заслуги. Кстати, я бы не сказала, что наши с Зондэр действия добавили кесарю популярности. Завоевать - еще не значит убедить. Штыки - вообще бесовски неудобное орудие переноса идей, как считаешь?

- Считаю, что да, идеи от этого портятся, - прищурился Наклз. - Идеалы любви, добра и всепрощения вообще очень быстро загнивают, столкнувшись с суровой реальностью. Они годятся исключительно для тепличных условий. Но это не секрет ни для кого, кто ухитрился выйти из подросткового возраста. А что с Западной Рэдой?

- Там все по-другому. Местное население уже сполна хлебнуло благости Аэрдис, так что нам они будут рады, как родным. Но не приведи нас бесы туда сунуться.

- Думаешь, вам окажут сопротивление?

Дэмонра нахмурилась и медленно покачала головой:

- Думаю, три четверти населения нас встретит цветами. Вот поэтому мне будет бесовски стыдно оттуда уходить, как только умники из правительства решат, что армия жрет слишком

много золота, а рудники Карды все-таки на востоке. Они, конечно, те еще идиоты, но через месяц-другой, возможно, и у них хватит мозгов глянуть на карту.

- Я даже не хочу спрашивать, что вы тогда станете делать.

Дэмонра резко села и обернулась к Наклзу. Серые глаза нехорошо блеснули:

- А ничего. Мое дело - исполнять приказы. Прикажут - войдем в Рэду, прикажут - уйдем из Рэды. Прикажут - будем "партизан" вешать, устраивать стойла в их соборах или на какой там еще идиотизм у начальства ума хватит... Вот только по возвращении в Каллад я сделаю все, чтобы люди, громче всех кричавшие о необходимости "освобождения" Рэды, украсили собою фонари! В частности - союз промышленников полным составом. И вообще, они будут бесовски хорошо смотреться под мирным фиолетовым знаменем. В глубине души, Рыжик, я люблю поэзию, а это будет чрезвычайно поэтичное и поучительное зрелище. По-моему, канцлер когда-то говорил об "аллегории мира". Что-то там про смеющихся ребятишек, белых голубей и цветущую сирень. Так вот, Сайрус и компания, висящие на фонаре на фоне фиолетового знамени и слогана "Aeterix meden ", представляются мне гораздо более аллегоричными и символичными, чем вся избитая классика мира, с ее с пухлощекими детками и белыми голубями!

Наклз удивился. Дэмонра не то чтобы была эмоциональной женщиной - нет, она могла вполне громко кричать, хохотать так, что дрожали стекла, и очень выразительно трясти кулаками перед лицами интендантов при надобности - но внутренне всегда казалась ему вполне спокойной. Истинная дочь своего народа, она чем-то напоминала летящую пулю, а пули не нервничали и не думали, что летят не туда. Дэмонра вроде бы тоже.

- Что не в порядке?

- Мир дерьмо. Мир не в порядке.

- А если конкретнее?

- А если конкретнее, то тащи стаканы. Мы с тобой все-таки запьем нашу победу, потому что такие победы нужно как можно качественнее запивать и забывать. Не хмурься, я знаю, тебе завтра лекции с девяти читать. Хочешь, я скажу всем, что ты поскользнулся на крылечке?

- Как вы дружно "печеньем отравились"? Мне даже спросить страшно, кто из вас додумался до такой потрясающей глупости.

- Глупости? Как бы не так! Напоминаю, по официальной версии, это некачественное печенье было запито ведрами

качественного игристого. И спасибо, потому что мне сегодня не хотелось тащиться никуда. Кстати, додумалась до этого Магда. Вернее, она просто поделилась кое-какими деталями своей красочной биографии. А Сольвейг Магденгерд наш рассказ документально подтвердит. Она, видишь ли, тоже любит восьмидесятиградусный даггермар. Чего сидишь, забыл, где стаканы стоят? Или, пока мы прыгали под рэдскими елками, мир непоправимо изменился и теперь настоящие мужчины пьют только из горлышка?

4.

Шутка Дэмонры насчет падения с крыльца оказалась не такой уж смешной: поутру Наклза от перелома некоторого количества ребер спасли только широкие перила да неплохая реакция. В результате своевременного соприкосновения с первыми он умудрился не посчитать ступени, а сразу познакомиться с приличных размеров сугробом, наметенным за ночь. Пока Наклз отфыркивался от снега, вытряхивая его из самых неожиданных мест, он успел окончательно протрезветь. Маячащая впереди лекция начала казаться более серьезной проблемой, чем тяжелая, но при этом странно пустая голова.

Наклз пытался вспомнить, что он сегодня читает. Не вспоминалось. Тогда он решил опустить к бесам лишние подробности и хотя бы понять, кому. Существенно это картины не улучшило.

Дэм-вельдский даггермар - самый крепкий на территории Каллад алкоголь - потому и слыл отличным способом избавиться от неприятностей, что на утро люди, прошедшие терапию этим напитком, о проблемах помнили крайне мало. Наклз набрал в ладони снега и мужественно растер его по лицу. К моменту, когда он сумел относительно проморгаться и вспомнить некоторые безрадостные детали своего расписания, уже окончательно рассвело. Со стороны улицы послышался скрип снега. Какой-то самоубийца, похоже, решил нанести Дэмонре ранний визит. Заинтригованный Наклз обернулся на звук и увидел мужчину, спешащего к крыльцу по тому, что за ночь осталось от дорожки. Мужчина его тоже увидел и замер, как вкопанный. До сознания Наклза стало постепенно доходить, что нелегкая свела его с тем самым любовником, который был с крепкими нервами и юридическим образованием. Пикантности и без того довольно

пикантной ситуации добавлял тот факт, что Рейнгольд Зиглинд приходился кесарю дальним родственником.

Этот законник отличался весьма трезвым взглядом на вещи, любезными манерами и безукоризненно белыми воротничками, не говоря уже о безупречных родичах и репутации, а также той мерой неприязни к "либеральной интеллигенции", какая была позволена порядочному человеку в кесарии. Наклз плохо себе представлял, как совокупность перечисленных факторов могла привести его к Дэмонре, с ее любовью к радикальным решениям и индивидуальной непереносимостью идиотов, которой она объясняла украшающие ее бурную биографию многочисленные скандалы и драки, однако как-то привела. Отношений они по понятным причинам не афишировали - как ни крути, это был бы мезальянс - но Наклз несколько раз видел Рейнгольда, выходящим поутру из дома Дэмонры. Теперь вот и Рейнгольд видел его выходящим поутру из этого дома. И, судя по всему, делал какие-то очень далекие от истины выводы.

- Доброе утро, - Наклз изобразил на лице самую доброжелательную улыбку из своего, увы, очень ограниченного арсенала. В голове тут же зазвенело, поэтому от приветственного поклона он решительно воздержался. Мир плыл и без резких телодвижений. При большой надобности Наклз мог более-менее правдоподобно прикинуться существом безобидным и бестолковым, эдаким "гением не от мира сего", и вполне цинично этот образ эксплуатировал, когда хотел избежать неприятностей. Еще слишком свежи были воспоминания о темпераментном драматурге, который трижды со всего маху пытался отвесить ему пощечину, едва держась на ногах от выпитого вина, и, в итоге, сломал себе запястье, совершенно самостоятельным образом потеряв равновесие и упав. Наклз не чувствовал в себе моральной готовности еще раз объяснять Дэмонре, что он "это" пальцем не тронул.

- Доброе утро, - подчеркнуто вежливо откликнулся Рейнгольд, приближаясь. Именно с такими вежливыми лицами в Каллад обычно лепили друг другу затрещины. Наклз мудро предпочел решительных действий со стороны бедняги не дожидаться и с ходу сообщил:

- Мессир Рейнгольд, вы не то подумали, уверяю вас.

Родич кесаря нахмурился. У него были светлые брови и такие белокурые волосы, что они почти не отличались по цвету от упавших на них снежинок. Водянисто-серые глаза, предельно разнившиеся с голубыми, как лед, и столь же холодными очами кесаря, не слишком уверенно обшарили лицо Наклза, как будто

искали там некий ответ. Наклз отвлеченно подумал, что, скорее всего, зрение у Рейнгольда было не блестящее.

- Вы так полагаете? - наконец, поинтересовался Рейнгольд.

- Я в этом абсолютно уверен.

- Вы думаете, я вам сейчас истерику закачу? - сухо уточнил законник.

- Вы же не беременная гимназистка. Конечно, я так не думаю. Я просто не хочу, чтобы вы тоже думали что-то не то.

- Все, что я думаю, так это то, что вам удалось попасть в дом, в котором меня вчера спустили с лестницы, - подозрительно спокойно проинформировал Рейнгольд. - Из этого я делаю только вывод о том, что некая дама относится ко мне, как к собаке, а не о том, что она вас любит. Так что стреляться с вами я не намерен.

Наклз решил, что с собакой Рейнгольд промахнулся. Дэмонра не так, чтобы была в восторге от всяческих четвероногих, но зимой она бы пса с лестницы не спустила. В остальном же тот был прав. Однако это следовало отрицать до последнего.

- У упомянутой дамы было крайне скверное настроение. Не без причин, должен отметить. Вам не приходит в голову, что ей просто не хотелось срывать злость именно на вас? К тому же, могу предположить, что вы не тот человек, в чьей компании упомянутая дама стала бы распивать крепкие спиртные напитки и с изрядным цинизмом ругать по матери весь мир скопом. Это обычно бывает вопросом срока знакомства. Но иногда бывает вопросом уважения. Такой вариант не приходил вам в голову?

Серые грустные глаза стали совсем растерянными.

- Приходил. Но он слишком жизнеутверждающий.

В трезвом взгляде на вещи кесареву родичу было не отказать.

- В любом случае, от меня вы правды не добьетесь хотя бы просто потому, что я знаю даже меньше вашего. - Наклз не любил вмешиваться в чужую личную жизнь и еще меньше он любил давать советы. С его точки зрения, молодой человек, стоящего под снегом и быстро-быстро моргающего белыми ресницами, сделал очень сомнительный выбор, но здесь не ему было судить. При всех ее недостатках, Дэмонре нельзя было отказать в некотором обаянии, видимо, идущем от силы характера. - Мессир Рейнгольд, окна здесь расположены низко. Сугробы намело высокие. Возможно, вы придумаете какой-то способ потрясти упомянутую даму настолько, что она осознает возможность пить и ругаться и в вашем обществе тоже, раз уж вам это так важно. А теперь я желаю вам доброго дня.

Кланяться Наклз снова разумно не стал, потому что голова у него все еще гудела. Впрочем, Рейнгольд, похоже, оторопел настолько, что прегрешения против этикета не заметил.

- Доброго дня, мессир, - только и откликнулся он вслед. Но Наклз уже шел по улице и мало что слышал за мерным гулом, звучащим где-то в районе затылка.

Утро выдалось холодным и светлым, таким, что блекло-голубое высокое небо почти не отличалось от снега, а человеку с мигренью хотелось лечь и умереть на месте. Дворники успели почистить дороги, так что, догадайся Наклз с вечера не накачаться дэм-вельдским сокровищем, прогулка показалась бы ему сплошным удовольствием. Теперь удовольствие портили головная боль и крайне смутное представление о том, что он скажет студентам. И еще одна неопределенная мысль, обитающая где-то на задворках сознания. Что-то о Рэде и о том, что совать нос туда не следовало.

У моста сидела плотно закутанная в шерстяной платок женщина неопределенного возраста. Рядом с ней примостился мальчик лет десяти. Попрошайничество по калладскому закону приравнивалось к воровству, а воровство - к диверсии против государства. Раньше за это можно было легко лишиться рук, а потом попрошаек стали отправлять куда-нибудь, куда солнце не заглядывает, добывать камни, уголь или даже "голубое серебро". На рудниках, где обнаружилось последнее, больше полугода не выживали даже сильные мужчины. В общем, профессиональных нищих в Каллад не было уже лет двести. Зато имелось некоторое количество уличных торговцев, сбывающих всякую дешевку, вроде спичек и вязаных рукавиц. Эти двое как раз предлагали восковые свечи. Вернее, свечи были разложены на тряпке перед женщиной, а мальчишка что-то мастерил.

Носы у обоих по цвету мало чем отличались от лучших калладских маков.

"Мир остается прежним, мир всегда остается прежним", - как заклинание повторил про себя Наклз, проходя мимо. Аксиома Тильвара, по большому счету, исключала сколько-нибудь значительное изменение баланса того, что принято считать "добром" и "злом". Кто-то все равно будет вести занятия в Калладской Академии Наук и пить после этого теплый чай на кафедре, а кто-то будет сидеть у моста, пытаясь продать никому не нужные свечи омерзительного желто-зеленого цвета. Кто-то взойдет на трон, а кто-то - на плаху. Кто-то будет убивать в Рэде, а кто-то будет умирать в Каллад. Ничего никогда не менялось.

Наклз развернулся и пошел обратно, к сидящей паре.

- Сколько? - рассеянно полюбопытствовал он, кивнув на

свечи.

Женщина подняла на него бесцветные глаза и хриплым голосом ответила:

- Большая - пять кольдэ. Маленькая - три. Возьмете две - сброшу кольдэ с каждой, мессир.

- Все вместе - сколько?

В бесцветных глазах мелькнуло что-то непонятное.

- Вы покупаете свечи или мой уход отсюда?

Наклзу хотелось сказать, что он покупает отсутствие воспаления легких у ее ребенка, но мальчишке было лет десять, не меньше, а в таком возрасте оскорбления уже запоминались. Поэтому он только пожал плечами:

- Свечи. У меня званый вечер. Давайте сюда все, что есть. Сколько?

Женщина какое-то время беззвучно шевелила губами, видимо, считая, потом ответила:

- Восемьдесят пять кольдэ.

Наклз полез в кошелек, хотя прекрасно знал, что там не будет ни восьмидесяти пяти, ни даже пяти кольдэ. Он навскидку даже не мог вспомнить, когда в последний раз держал в руках мелочь: на профессуре в Каллад не экономили, потому что предпочитали в отдаленном светлом будущем сэкономить на тюрьмах. В лучшем случае в кошельке могло оказаться несколько марок серебром. Но лучший случай, как известно, наступал крайне редко: серебра тоже не оказалось. Наклз протянул торговке хрустящую ассигнацию.

- У меня нет сдачи, - холодно сказала женщина.

- Доставка включена в оплату, - в тон ей отозвался Наклз. И назвал адрес. Бумага легла в покрасневшую ладонь и тут же исчезла где-то в складках платка.

- Храни вас Создатель, - ухмыльнулась торговка. В традиционно атеистически настроенном Каллад за такие слова легко можно было получить в зубы. - Сынок, поблагодари доброго господина.

Мальчишка исподлобья поглядел на Наклза и буркнул:

- Спасибо. Храни вас Создатель.

"Рэдцы", - сообразил Наклз, глядя в полные ненависти светлые глаза. Ниже глаз обнаружилась латаная-перелатаная курточка и недоплетенное лукошко в очень красных руках. Это решило дело. Наклз молча присел на корточки и пересыпал все содержимое кошелька в лукошко, не переставая мерить мальчишку взглядом. Парнишка платил той же монетой, но сдался первым.

- Б... калладская, - пробормотал он по-рэдски.

- Я прекрасно понимаю твой язык. И я не могу быть б... хотя бы в силу пола, - на чистейшем рэдди ответил Наклз. Глаза торговки стали круглыми, как монеты.

- Тогда ты прекрасно понимаешь, что вас ждет, - на рэдди продолжила она. - Надеюсь, ты боишься.

- Мало кто здесь хотел этой войны. Проклинайте виноватых, а не всех.

Женщина хрипло засмеялась.

- Так вы убивайте виноватых, а не всех!

- Вы не хуже меня знаете, что это невозможно.

- Нет ничего невозможного. Вся Рэда молит Создателя, и когда-нибудь Он ответит. И знаешь, что тогда случится?

С Наклзом столь важные персоны не разговаривали, он с ними - тем более. Но узнать было соблазнительно.

- Нет.

- Наклонись ближе.

Выполнение просьбы дамы попахивало возможностью обзавестись вшами. Впрочем, вряд ли они стали бы прыгать на таком холоде. Наклз подался вперед.

- Ваша кровь восстанет сама на себя, - тихо, почти нежно пообещала женщина ему на ухо. - Меня зовут Марина. У меня было пятеро детей, остался один сын, да и тот не мой, а соседки. В тот день, когда Каллад падет, ты вспомнишь меня. Ваша драгоценная калладская кровь восстанет сама на себя, и все будет кончено.

Что-то в ее тоне было такое, что Наклз даже не оскорбился, а просто слегка оторопел. Как если бы увидел в школьной хрестоматии нечто из высшей математики. Ничего сложного или страшного в сказанном, конечно, не было, а было легкое выпадение из общей логики происходящего, как случайная фальшь в мелодии.

Но у Наклза на такие вещи была приобретенная на профессиональной почве аллергия. Ненавидел он доморощенных пророков и пророчиц всех мастей.

- Поверь мне на слово, для вас все кончится еще раньше, - так же тихо и ласково пообещал ей Наклз. - Расти своего змееныша хорошо. Лет через пять его уже можно будет записать в передовой отряд калладской пехоты. Я не знаю, как выглядит кровь, восставшая сама на себя, но знаю, что ударные части, сформированные из неграждан, живут в среднем трое суток. Меня зовут Койанисс, и плевать мне, вспомнишь ли ты меня в тот день, когда станешь матерью очередного славного героя, павшего за Каллад, поняла?

- Мразь! - пронзительно взвизгнула женщина и

попыталась вцепиться Наклзу в волосы, но он легко увернулся. Быстро выпрямился, развернулся, взметнув подолом плаща тучу снежной пыли, и, не слушая дальнейших воплей, пошел по мосту.

Впрочем, долго орать торговке никто бы не дал. Во-первых, на улицах Каллад было запрещено говорить на любом языке, кроме морхэнн, и вряд ли мадам попала бы под исключение как иностранный дипломат или особа прибывшая по специальному приглашению. Во-вторых, ругаться посреди бела дня не разрешалось даже на нем. В-третьих, негражданам вообще лучше было помалкивать. И, если бы при ней обнаружили такую сумму в золоте, разговор был бы предельно коротким, в-четвертых.

Снег громко скрипел под сапогами, заглушая глухой гул в области затылка.

"В следующий раз, когда мне захочется просто так кому-то сделать добро, я пойду и покажусь Сольвейг", - думал Наклз, глядя, как из-за белых от инея ветвей вырастают шпили Калладской государственной академии. "А их Создатель, который придет и надает нам тумаков за плохое поведение... У Аксиомы Тильвара есть перед ним одно важное преимущество: она объективно существует. Не где-то в бесконечности и пустоте, на сияющем троне, а здесь, под боком, всегда и каждый день. Она не откликается на молитвы, не наказывает виновных и не вознаграждает добродетельных. Она только отвечает за смысл последствий. Рассчитывает противодействие к действию. Когда-нибудь я обязательно пойму, по какому принципу она исчисляет коэффициенты, и перестану совершать ошибки. Возможно, дав этим двум рэдцам деньги, я спас двух калладцев в Рэде. Или спас их с вероятностью в восемьдесят процентов. Или в шестьдесят. А, может быть, убил четверых, если подоплека поступка принимается во внимание. Хотя вряд ли ей интересна такая чушь, как чьи-то намерения. Остается только понадеяться, что у справедливости все-таки есть срок давности и предусмотрены амнистии для тех, кто увяз по самые уши. "Чудо на Моэрэн" может повториться. Будет до крайности паршиво, если оно повторится с обратным знаком".

Перед зданием академии шумели студенты. Кто-то отчаянно пытался списать у приятелей задание, кто-то громогласно рассказывал вольную фантазию на тему "как и с кем я провел выходные", кто-то с изрядным цинизмом обсуждал новенькую преподавательницу с кафедры словесности. Никто из них не отвечал за то, что союзу промышленников захотелось чужие рудники, а кесарь, которому очень удачно скормили благородную сказочку, подписал приказ о наступлении на Рэду.

Аксиома Тильвара имела самое близкое отношение к тому, что называлось скользким словосочетанием "высшая справедливость". А высшая справедливость ну никак не могла подразумевать коллективной ответственности. Или Наклзу просто очень хотелось в это верить.

Из вихря не самых приятных мыслей его вырвал знакомый голос.

- Мессир Наклз, как я рада вас видеть! - темно-голубые глаза Кейси Ингегерд напоминали о позднем лете и бескрайних полях, пахнущих васильками, даже самой холодной зимой. Птичкой спорхнувшая со ступенек девушка лучезарно улыбалась. Она умудрялась занимать не последнюю должность в "Ломаной Звезде", состоять аспиранткой в академии и при этом любить весь мир. По совокупности красот и безобразий. Обычно Наклз такую потрясающую лояльность к окружающей действительности объяснял недостатком ума, но это явно не было случаем Кейси. Кейси глупа не была. Пожалуй, она была умна. А еще красива как фарфоровая кукла, весела, удачлива и всегда готова поделиться своей удачей и прийти на выручку всем нуждающимся. В обывательском значении этого слова, вероятно, она была добра.

И, как ни странно при всех этих неисчислимых достоинствах, она Наклзу совершенно не нравилась. Если он хоть что-то к своим тридцати семи годам понимал в жизни, не могло в таком роскошном плоде не быть какой-то гнильцы.

В Рэде ее не оказалось по чистой случайности. Уж если кто действительно поскользнулся на лестнице за два дня до того, так это Кейси. Вот и не верь после этого в мудрость жизни, которая все расставляет по своим местам...

- Взаимно, миледи Ингегерд. Я не уверен, что видел новую версию вашей работы. Но непременно посмотрю ее при первой же возможности.

Васильковые глаза улыбались.

- Благодарю вас. Я обновила третью главу и слегка переписала заключение. Но смысл остался прежним. Могу себе представить, как меня за это будут чихвостить самые неподкупные и идеологически правильные дамы с кафедры социологии.

В своей кандидатской эта девушка пыталась расширить категорию существ, попадавших под эдикт кесаря Эвальда "Об обеспечении социальной стабильности". В частности, Кейси утверждала возможность адаптации порфириков, заваливших тест Кальбера в силу давности заражения. Это, конечно, было совсем не по профилю Наклза, но она почему-то просила его прочесть и высказать мнение. А что Наклз мог ей сказать? Что она права, но

кандидатскую ей завалят?

- Кейси, вам не следует упоминать сыворотку Асвейд.

Цветущая улыбка стала удивленной.

- Что? Но... как это можно, она же - мой основной аргумент? Она притормаживает агрессию, восстанавливает недостаточность кровяных телец и...

Ну конечно. Удачливая девочка из нордэнской семьи писала кандидатскую диссертацию, а неудачливому мальчику из какого-то рэдского села за это светила пуля в голову. Трудно было видеть такие взаимосвязи и не тронуться умом, но на месте Кейси все-таки стоило и об этом подумать.

Почему-то каждый раз так получалось, что при разговоре с ней Наклзу хотелось уйти в глухую оборону. А лучше - просто уйти. Но он заставил себя кое-что объяснить:

- Кейси, я знаю, зачем она нужна. Комиссия непременно и у вас спросит, откуда вы это знаете. Вы, конечно, скажете, что читали и видели ее действие на зарегистрированных порфириках собственными глазами. Но в вашей работе утверждается, что на тех, кто не прошел тест на социальную адаптацию, она действует точно так же и в той же мере. У вас спросят, откуда вы и это знаете. И здесь аргумент "я читала" не сработает, а "я видела" будет стоить жизни одному нашему с вами общему знакомому. Или даже не одному.

Кейси кивнула, а потом тихо заметила:

- Но вы же знаете, что это правда. Вы же сами его видели.

- Видел. Если бы я выбирал, с кем сесть за один стол, с ним или с теми самыми неподкупными дамами с кафедры социологии, я выбрал бы его. Но это ничего не меняет. Мне очень жаль, что я сейчас убиваю научную новизну вашей работы.

Девушка побледнела:

- О какой научной новизне вы говорите, Наклз? Я... я чуть не убила...

Кого бы она ни жалела сейчас, точно не Эрвина и ему подобных. Уж про отношение безупречной Кейси к безродным мигрантам Наклзу кое-что известно было.

- Без имен, прошу вас. Сожалею, мне пора идти. Я посмотрю вашу работу и постараюсь привести ее в тот вид, от которого упомянутых дам хватит удар, но придраться будет не к чему. Доброго дня.

- Доброго дня, - пробормотала Кейси и быстро ретировалась, поддерживая тяжелую юбку на лестнице. На последних ступенях она снова порхала, как ни в чем не бывало.

Наклз проводил уходящую Кейси взглядом. Кто-то - пусть неумно, ради славы или каких-то еще соображений, отличных от

сострадания - пытался доказать полудюжине зажравшихся снобов и всему миру заодно, что такие, как Эрвин Нордэнвейдэ, имеют право на жизнь, а кто-то тем временем чужими руками делил чужие же рудники. В общем, мир был бесконечен и для пущей радости, похоже, непостижим. Последнее огорчало его, как ученого. С другой стороны, непостижимость мира как раз исключала повторение "Чуда на Моэрэн" с обратным коэффициентом и прочую гадость, которая лезла Наклзу в голову последние два дня.

"Мир остается прежним. Мир всегда остается прежним".

Глава 1.

Моэрэнхэлл Каллад. Два месяца спустя.

1.

- Нелюдь! Бей, кто Каллад любит!

Эрвин Нордэнвейдэ глубже зарылся носом в воротник. В прошлый раз, когда его хотели нашпиговать осиновыми колами, окружающие орали "Бей, кто в Создателя верует!". Дело было в Рэде, и тогда у страждущих действительно нашлись осиновые колы. У нынешних преследователей имелись только кулаки, факелы и уйма энтузиазма, компенсировавшего отсутствие колов. Впрочем, это были чисто стилистические тонкости, отличавшие Рэду от Каллад. В большинстве людей вино будило желание петь и плясать, а вот в некоторых - религиозное рвение или приступы не совсем понятного Эрвину патриотизма, но тут уж каждому были свои игрушки.

Лейтенант Нордэнвейдэ, не оборачиваясь на голоса, повернул к парку Святой Рагнеды. В Красную Ночь там всегда проходили массовые народные гуляния, так что смешаться с толпой труда бы не составило.

- Лови кровососа!

- Да шоб я его видел! Грег, сам глаза разуй!

- Упустили гада...

Эрвин шел по парку, стараясь не сбиться с шага и не побежать. Разгулявшимся "охотникам на вампиров", которые по безграмотности верили в наличие у тех самых "вампиров" длинных клыков, а заодно, вероятно, встречали на своем веку бесов и русалок, только это и надо было. За следующим поворотом должен был находиться памятник Рагнеде и Дэзмонду-Заступнику. А также толпа молодых людей разной степени трезвости и влюбленности. Вот толпа-то Эрвину и была нужна.

"Я в полной безопасности", - как заклинание повторил он про себя. Заклинание не работало. Эрвин чувствовал резь в глазах, а, значит, у него оставалось не так уж много времени до того момента, как белладонна прекратит действовать. О том, что закономерно случится дальше, не хотелось даже думать. В довершение ко всему, саднило обожженный висок. В общем,

приключений на одну ночку выходило многовато, даже если это была самая праздничная ночь в году.

- Слышь, глянь! Тот, в длинном плаще!

Длинных плащей вокруг хватало, благо холодная калладская зима доживала свои последние часы, но выкрик Эрвину все равно не понравился. Меньше всего на свете ему хотелось начинать новый год с художественной нарезки местных патриотов. Расхожее поверье гласило, что год как встретишь, так и проведешь. У лейтенанта Нордэнвейдэ были совершенно другие, гораздо более человеколюбивые планы.

- Хватай нелюдя!

"Вот же дрянь дело", - подумал Эрвин, нащупывая холодную рукоять офицерского кортика. Памятник Рагнеде и Дэзмонду маячил уже совсем близко, но толпа еще не была достаточно густой, чтобы скрыться. "Только бы не подключилась полиция". У жандармов хватило бы ума не только попытаться выбить ему зубы, но и попросить документы. А вот здесь у Эрвина начались бы по-настоящему серьезные проблемы.

- Эй, красавец, в беду попал?

Определение "красавец" не подходило Эрвину даже в годы самой светлой юности, а сейчас он выглядел хорошо за тридцать, да еще мог похвастать новоприобретенным ожогом на лице. Впрочем, даже без ожога худощавый, болезненно бледный шатен с длинным и не особенно выразительным лицом плохо вписывался в калладские представления о красоте. Но в беду он и впрямь попал. Так что лейтенант механически кивнул. Румяная пышнотелая девица вполне профессионально повисла у него на шее. От нее пахло дешевым вином и дешевыми же духами.

Учитывая, что даже удирающего от погони Эрвина она сочла симпатичным, определить профессию женщины труда не составляло.

- Милый, ну не надо так выразительно морщить нос, - ухмыльнулась она.

- Не хватайте за волосы, - спокойно попросил Эрвин, оценивая ситуацию. Девица, заметив ожог на его виске, тут же ослабила хватку и слегка приоткрыла рот.

- Ой... Да ты на самом деле?

Насколько лейтенант Нордэнвейдэ знал продажных девиц - а знал он их мало и плохо - орать они умели громко. Так что ей точно не следовало врать в духе "все в порядке, дорогая, тебе кажется".

- Давайте это потом обсудим, - быстро предложил он, прикидывая, каковы шансы успешно уйти от погони, если девица решит поднять шум. Перспективы не впечатляли. Но тут

незнакомка его удивила:

- Хорошо, - согласилась она и с неожиданной силой поволокла Эрвина куда-то в гущу толпы. - Да не бойся ты. Знаю я вашего брата. Идем, идем. Как Красную Ночку встретишь, так и год проведешь. Нечего сегодня крови литься. Пойдем, красавец, потанцуем...

Прилично танцевать Эрвин за шесть лет в Каллад так и не научился, но тут уж было не до деталей.

- До нумеров ты со мной, конечно, не прогуляешься? - безразлично поинтересовалась женщина, когда они вышли из толпы с другой стороны, протанцевав внутри кольца не меньше четверти часа и оставив свору калладских патриотов с носом. Вернее, с большими носами, красными то ли от мороза, то ли от выпивки. Говорила она тихо, так что за взрывами смеха и доносящимися отовсюду песнями разобрать слова было непросто. Эрвин скорее угадал вопрос, чем его услышал. И полез в кошелек. Не слишком толстый, но, по счастью, не пустой.

- Нет. Но я вам заплачу.

Та резко отстранилась.

- Как мило. Правы они. Души у вас нет.

Если уж на то пошло, проблема, насколько Эрвин представлял из путаного объяснения знакомого медика, была в каком-то "гемоглобине", а вовсе не в душе. По крайней мере, при вскрытии души не обнаруживалось не только у поганых кровососов-порфириков, но и у калладцев с безупречной родословной.

- Нелюдь - нелюдью останется, - припечатала она.

- Вне всякого сомнения. От этого, к сожалению, пока не лечат, - сухо согласился Эрвин. Его так и тянуло сообщить даме, что быть "вампиром" в Каллад крайне невыгодно хотя бы в экономическом плане. Сыворотка Асвейд стоила совершенно немыслимых денег, даже в тех редких случаях, когда ее можно было достать легально. Что, конечно, для большинства зараженных порфирией находилось далеко за пределами возможного.

Пышка поджала губы.

- Действительно. Такая штука, как советь, не продается. Я тебе жизнь спасла, а ты мне серебро суешь. И сколько же стоит одна спасенная жизнь?

Сколько стоит спасенная жизнь, Эрвин не знал. Но, учитывая не самый внушительный размер его лейтенантского жалования, она определенно стоила не так дорого, как принято было полагать среди романтиков. Если пересчитать на количество

спасенных Ломаной Звездой жизней, выходило что-то вроде пары марок за десяток. Расценки за ночь у ночных бабочек точно были выше.

- Я понятия не имею, сколько она стоит, - честно сказал Нордэнвейдэ. Наверное, даже несколько грустно.

- Да ты военный, - сообразила женщина. Скорее всего, заметила фасон сапог. Но, возможно, и тон ответа. - Прости, красавец. Сдуру ляпнула. Вопросы сняты. Считай, я проявила гражданскую сознательность. И убери ты к бесам свое серебро. Сегодня же Красная ночка. Добрые калладцы делают друг другу подарки.

Эрвин поправил воротник плаща. В том, что девица опознала в нем военного, ничего ужасного еще не было. Но ей ни при каких обстоятельствах не следовало знать, в какой конкретно структуре он состоит.

- Тогда спасибо за подарок. Как вас зовут?

- Марита Пышка. Так и зовут. Будешь вдруг в "Зеленой лампе", кликни такую. А теперь уж прости, красавец, но мне работать пора. Думаю, большая часть мужиков уже набралась до того состояния, когда симпатичной кажется любая баба. Так что мне время терять не с руки. Доведу тебя до моста и назад пойду. И вот, держи платок, обмотай голову. Да не отнекивайся, захочешь - потом вернешь. А то по дороге еще столько шпаны соберешь, что мало не покажется. Да глаза спрячь.

От шерстяного платка невыносимо пахло фиалками, но отнекиваться Эрвин действительно не стал: не до того было. А голову можно было потом и вымыть. К тому же, Марита сейчас не столько совершала гражданский подвиг терпимости, сколько задабривала судьбу на следующий год. Калладцы всегда казались Эрвину очень любопытным в этом плане народом: они криком кричали о своем неверии в приметы, гороскопы, рок и прочую метафизику, но не забывали отдать последний глоток вина огню, избегали смотреть в зеркала в темное время суток и уж, конечно, ни за что не выезжали со двора, если спотыкался конь или выли псы.

- Счастливого нового года, Марита, - сказал он на мосту.

Марита улыбнулась:

- Теплой весны, долгого лета, - и поспешила назад, туда, где горели огни и шумела толпа. Нордэнвейдэ, как она и советовала, опустил глаза и пошел вдоль набережной. У него было не так много времени, чтобы сочинить более-менее пристойную версию событий. То есть объяснить полковнику Дэмонре, почему лейтенант Маэрлинг в тюрьме, Кейси Ингегерд - у лекарей, а у него самого рожа - краше в гроб кладут. Объяснить

так, чтобы Дэмонра никого не убила и не уволила хотя бы до завтра. Не следовало начинать год с членовредительства среди своих - паршивая это была примета.

2.

С улицы донесся очередной взрыв смеха и нещадно перевранная песня, в которой человек, обладающий хотя бы зачатками музыкального слуха, в жизни не узнал бы калладского гимна. Наклз его узнал только потому, что музыкального слуха был начисто лишен.

- Никогда не понимал, как можно с таким вдохновением вопить "Пусть нечистая кровь оросит наши долы...", когда празднуешь совершенно мирное событие, - недовольно заметил он, запирая за собой двери.

Дэмонра стряхнула с шапки снежинки и широко улыбнулась:

- Неужели ты предпочитаешь, чтобы народ в пьяном виде распевал арии Клотильды Сладкоголосой? Или, хуже того, всякие ужасы про сияющую любовь и ликующую смерть из Марграда? По мне, пусть лучше орут марши. Марши так и пишут, что их ничем не испортишь...

Наклз, если уж на то пошло, предпочитал, чтобы пьяные толпы не таскались по ночам мимо его окон, но для этого следовало поселиться где-нибудь подальше от набережной. А за удовольствие созерцать архитектурные шедевры прошлых веков на фоне темных вод Моэрэн приходилось платить. Плата не всегда равнялась аренде. В дни государственных праздников приходилось доплачивать душевным равновесием и спокойным сном. Пока Наклз мысленно проходился по юным и не очень романтикам, которым по такому холоду дома не сиделось, Дэмонра повесила плащ на крючок и заглянула в гостиную.

- Огня можешь не зажигать: светло как днем, - радостно сообщила она.

И не погрешила против истины: по улице как будто тек живой поток пламени, столько горело факелов. Веселиться калладцы любили и умели.

- Светло как днем и холодно как в могиле, - проворчал Наклз, оглядывая выстывшую до безобразия комнату. Пляшущие и поющие за окном люди уже третий час встречали весну, которая нынешней ночью официально вступала в свои права. Процесс

встречи дорогой гостьи сопровождая бурными возлияниями и массовым сжиганием самой злостной оппонентки весны - Госпожи Стужи. Соломенная Стужа сдавалась быстро, но на погоду это никак не влияло. В Каллад по-прежнему стоял лютый мороз и раньше, чем через полтора месяца, существенно лучше не стало бы.

Калладскую погоду он ненавидел даже сильнее, чем калладский ура-патриотизм.

- Представь себе, у меня есть оригинальное предложение, как согреться, - Дэмонра плюхнулась в любимое кресло и принялась разворачивать сверток, который до этого несла под плащом. - Ты упадешь!

- С некоторых пор слово "оригинальное" в твоих устах меня пугает.

- Нет, Рыжик, двести сорок семь позиций "Великого наслаждения" - это неоригинально. Три сотни лет для книги - серьезный срок. - Дэмонра, наконец, справилась со свертком. В ее руках появилась внушительная емкость. При таком освещении определить цвет жидкости внутри возможности не представлялось, но Наклз никогда не был склонен к лишнему оптимизму. И достаточно долго знал Дэмонру, чтобы расстаться даже с тем, который лишним не был. Но она правду говорила - с ног эта штука валила как новомодный дэм-вельдский пулемет.

- Ты, конечно, понимаешь, что это противозаконно? - скорее для проформы поинтересовался он.

Дэмонра, конечно, понимала. И потому была довольна, как кошка.

- Ну так законник придет только через тридцать минут. По Рейнгольду можно сверять часы и рецензировать справочники этикета. Как и по Зондэр, кстати. Так что у нас есть еще полчаса на всяческие незаконные и аморальные действия. Только потом надо очень качественно спрятать бутылку. А то я до сих пор помню, что сказал мне Вильгельм, когда бутылка упала на него со шкафа прямо в штабе.

- Что же сказал главнокомандующий? - полюбопытствовал Наклз, разжигая камин. - Что ты снова не получишь премии?

- Можно подумать, я ее хоть раз в глаза видела, ту премию! - не без гордости заявила Дэмонра. - Нет, Рыжик, он очень обиделся и сказал, что я его не уважаю. Как ты понимаешь, мне пришлось тут же бросать все дела на Зондэр и прямо в кабинете доказывать, как сильно я его уважаю на самом деле. Часа через три я башки своей без карты найти не могла. А ему - хоть бы хны, пьет и не морщится! Знаешь, как обидно понять, что ты - безнадежный дилетант рядом с профессионалом. С другой

стороны, армия - в надежных руках, это я тебе точно гарантирую.

Дрова, наконец, стали понемногу разгораться. Наклз же, смирившись с судьбой, пошел за бокалами. Учитывая состав приглашенных, ждать помощи раньше, чем через полчаса, все равно не приходилось.

Почти черного цвета напиток, как и предвиделось, на просвет оказался темно-фиолетовым. Дэмонра довольно щурилась, глядя, как даггермар медленно стекал по стенкам бутыли.

- Отличные "чернила", между прочим. Готов к уроку чистописания?

Суровое будущее стремительно приближалось. Наклз попытался хотя бы временно уйти от опасной темы:

- Истинная калладка после первой не закусывает? - поинтересовался он, прикидывая, что съестного могло заваляться в доме. Сам он обычно перебивался с сахара на печенье, а деликатесы вроде котлет покупал в институтской столовой. Но Дэмонре ни за что бы в этом не сознался. Нордэна тоже была неприхотлива как кошка, но она могла сказать Магде. А если бы за рацион Наклза взялась последняя, он, скорее всего, уже бы умер.

- Истинная калладка не закусывает раньше третьей. А у тебя что, что-то съедобное в доме есть? По-моему, здесь последний таракан повесился с голоду, еще когда я была невинной гимназисткой с идеальным аттестатом.

Наклз мог бы сказать, что тараканов в его доме никогда не водилось, но предпочел проигнорировать такую наглую клевету. В то, что лет пятнадцать назад Дэмонра окончила гимназию, он даже верил. А вот идеальный аттестат вызывал некоторые сомнения: нордэна до сих пор отчетливо морщилась при слове "логарифм" и совсем уж не стеснялась в выражениях, когда слышала про "танцы".

- Невинной гимназисткой? С идеальным аттестатом? А такое мифическое время действительно было?

- Где-то между золотым и серебряным веком. Так или иначе, во имя спасения голодающих умников Зондэр принесет с собою курицу. А ты лей-лей, не отнекивайся, Рыжик. Что значит "сколько"? Краев не видишь? Вот и я их вижу, не пытайся мухлевать.

Пока Наклз мужественно боролся с контрабандными "чернилами" и излишне радикально настроенной собутыльницей, горожане под окнами решили качественно сменить репертуар. Калладский гимн затих, и вместо него зазвучала популярная песенка о сметливом Эрвине, продающем прошлогодний снег. Как

и все подлинно народные песни, она отличалась тем, что хорошо спеть ее на трезвую голову мало кому удавалось. А вот на пьяную и хором - выходило вполне ничего.

- А у этого твоего лейтенантствующего сокровища имя такое же фальшивое, как и документы? - вспомнил знакомого Наклз. Вопрос был в своем роде отвлекающим маневром. Пока Дэмонра соображала, в чем подвох, Наклз умудрился достать из серванта самые маленькие рюмочки. Скорее всего, военная подлость не осталась незамеченной, но возмущаться нордэна не стала и только покачала головой:

- На самом деле, все документы, кроме протокола о прохождении теста Кальберта, у него настоящие. Скорее уж поддельный он сам. Эрвин Нордэнвейдэ - мещанин из Торлье, умер лет двенадцать назад. Волки задрали. Сам понимаешь, в холодные зимы они подходят совсем близко к жилью. Погибший соответствовал нужным параметрам - рост, телосложение, даже цвет волос - так что мы отсыпали его матери кругленькую сумму, и она признала, что ее пропавший без вести сынок жив. Так в "Ломаной Звезде" появился Эрвин Нордэнвейдэ. По иронии судьбы его зовут Эжен, кстати. С поправкой на морхэнн, это ведь почти Эрвин. Что говорит на этот счет твоя концепция объективности случайностей?

Концепция объективности случайностей говорила Наклзу, что однажды Дэмонру непременно попытаются повесить. Объективно и неслучайно.

- Как тебе удалось уговорить канцлера Рэйнальда на такое безумие? Сама знаешь, что бывает за подписание заведомо фальшивых документов. Тем более, тестов на социальную адаптацию.

- То же самое, что и за казнокрадство. Его сынок продулся в карты в пух и прах. По, гм, иронии судьбы обыграл молокососа лейтенант Маэрлинг. У Рэйнальда был вариант: позаимствовать у казны или у нас. Я считаю, он выбрал правильно. Мы просто поставили... необычные условия кредитования.

Чем больше Наклз узнавал о внутренних делах Ломаной Звезды, тем меньше они ему нравились. От половины гражданских подвигов Дэмонры и ее приятелей ощутимо пахло пеплом Волчьего поля.

- Когда-нибудь вам и это припомнят.

Нордэна безмятежно рассмеялась.

- Припомнят? Едва ли хоть кто-то из нас об этом забывает. Ладно, Рыжик, с даггермаром ты, я смотрю, справился. Давай тост.

Наклз задумался. Пить за весну было неоригинально и

рано, за войну - грустно и поздно, за Каллад - тошно, а за торжество вселенской справедливости - просто страшно.

- Я разливал. Ты это чудо принесла, ты и тост сочиняй. Впрочем, можем выпить за счастье. В качестве модификации, за счастье всем и каждому, чтоб никому мало не показалось.

Дэмонра вертела в руках рюмку, разглядывая напиток на просвет.

- Нет, Рыжик, мне крайне невыгодно быть счастливой. Меня, представь себе только, сразу тянет прощать всех моих врагов. Оптом и в розницу. Я даже начинаю думать, что у них могли быть какие-то причины поступать так, а не иначе. Ну и что они вроде тоже как живут в этом мире и чего-то там хотят... Сам понимаешь, с подобными мыслями в армии делать нечего.

Наклз подумал, что с такими мыслями нечего делать не только в армии, но и вообще где-либо, кроме кладбища, но решил не пускаться в доморощенную философию. Стояла слишком хорошая ночь, чтобы обсуждать вопросы экзистенциального характера.

- Ну, посвящать наш последний зимний тост врагам будет неправильно. Пусть идут туда же, куда и обаяние борьбы, а заодно все наши высокие идеалы, не к ночи будь помянуты.

- Придумала! Пьем за прощенье и любовь? Как тебе такой тост?

- Договорились. За прощение и любовь. С приходом весны тебя.

- И тебя, Рыжик.

По Рейнгольду Зиглинду и впрямь можно было сверять часы - законник вошел точно с одиннадцатым ударом колокола. Зондэр Мондум, как истинная леди, явилась с пятиминутным опозданием. Под боком она тащила корзину с закусками, размер которой устрашал. Впрочем, следом возникла Магда Карвэн, волокущая ни много ни мало, как чучело Госпожи Стужи в человеческий рост. Разумеется, она не могла не застрять в дверях гостиной, что, в конечном итоге, очень плохо закончилось для нижних петель.

Пока Магда отчитывала Наклза за "хлипенькие" двери и неприлично узкие коридоры, Зондэр вполне профессионально накрыла на стол, использовав при этом предусмотрительно захваченную белую скатерть в цветочек, а Рейнгольд с неожиданной сноровкой откупорил две бутылки игристого. Дэмонра тем временем боролась с Госпожой Стужей, пытаясь поставить ее так, чтобы она не падала. Но символ уходящей зимы сдаваться легко не желал, поэтому гостиную периодически

оглашали отчаянный грохот и следовавшая за ним цветистая брань на двух языках.

- ...! Наклз, у тебя тут было бесово зеркало?!

- Это не "бесово зеркало", это вильярское стекло. Подарок коллег на пятилетие педагогической деятельности.

- В общем, у тебя было вильярское стекло, а теперь нет! Магда, тащи метлу! И где ты достала только это кривоногое чучело?!

- Вообще-то у нее ноги прямее, чем у тебя и меня, - Магда, всегда простая и безыскусная, как удар топора, как ни странно, почти всегда оказывалась права. Дэмонре на ее справедливое замечание осталось только стиснуть зубы и пойти на очередной штурм настырного чучела.

Когда до полуночи осталось минут десять, обмотанная белыми ленточками Стужа все же сдалась и встала относительно ровно, будучи привязанной к шкафу и карнизу. Пояс после этого благого дела остался только у Рейнгольда, чрезвычайно вовремя решившего закопать игристое в снег во дворе и удравшего, пока молчаливая Зондэр и необыкновенно красноречивая Дэмонра воплощали шедевр своей технической мысли с такими выражениями, которые даже офицеры стараются не употреблять при солдатах.

- Как-то она стоит криво, - оценила плоды их трудов Магда, закончившая разносить Наклза и его интерьер.

- Скажи еще "воинское приветствие не отдает, одета не по уставу", - огрызнулась взъерошенная Зондэр. Госпожа Мондум была истинной аккуратисткой и потому страдала при виде асимметрии, но наводить симметрию дальше сил в себе, очевидно, не чувствовала.

- В колонну по двое, шагом марш за стол! - пресекла скользкую тему Дэмонра, которой тоже явно не хотелось производить еще какие-то перестановки.

Наклз аккуратно отправил в мусорную корзину остатки вильярского стекла и порадовался, что следующее подобное чудовище ему подарили бы не раньше, чем через пять лет. У него самого как-то рука не поднималась выбросить безвкусное зеркало в раме с крылатыми детками: коллеги, наверное, с ног сбились, пока нашли подобное уродство. Чужие старания Наклз уважал.

За столом случилось чудо: Рейнгольд Зиглинд покраснел практически до ушей и, опустив очи долу, поставил на скатерть извлеченную из-под полы бутылку. Жидкость, содержавшаяся в бутылке, по цвету здорово напоминала дэм-вельдский даггермар, а по пищевкусовым свойствам и вовсе вряд ли от него отличалась. Наклз понял, что в очередной раз недооценил то разрушительное

влияние, которое Дэмонра имела на порядочных людей.

- Орел! - оценила Магда.

- Конфискат, - не понял ее Рейнгольд.

- Полгода условно, - внесла ясность Зондэр. У нее имелось базовое юридическое образование и друзья, на примере которых можно было наглядно изучить большую часть статей административного кодекса и даже кое-что из уголовного.

- Это если нас поймают, - выдала свое обычное уточнение Дэмонра. - Дамы и господа, учитывая специфику напитка, классические первый и второй тост - то есть за Каллад и за его прекрасных дам - я предлагаю сразу объединить с третьим.

- Это с каким же?

Дэмонра расплылась в хитрой улыбке и полюбопытствовала:

- Магда, ты хоть раз видела премию?

Карвэн недоуменно нахмурилась:

- Ты еще спроси, верю ли я в бесов и русалок! Нет, ну столько я никогда не пила.

- Решено, пьем за Каллад, дам и вещи, столь же прекрасные, сколь и недостижимые. Ну там, за премию, Вселенскую Гармонию и за то, чтобы хоть эта весна выдалась теплой!

Победный звон бокалов перекрыл громкий стук в дверь. Во избежание драк и конфликтов, открывать пошел несколько озадаченный Наклз. Он не был прекрасной дамой, не содержал подпольного притона и даже не приторговывал галлюциногенами, как делали почти все его коллеги-веротяностники, так что к нему в дом редко кто ломился за пару минут до полуночи.

Увидев на пороге Нордэнвейдэ, Наклз почти не удивился. Лейтенант стоял, прислонившись к перилам крыльца, и прижимал к виску и щеке комок снега. На голове у него был намотан ярко-зеленый платок. В довершение всего, Эрвин благоухал фиалками как целая клумба или прихожая публичного дома.

Наклз каким-то шестым чувством понял, что ничего смешного не происходит, хотя зрение и нюх вопили об обратном. Так или иначе, рассматривать лейтенанта, стоя в дверях, не было лучшей политикой.

- Заходите, - бросил Наклз, отступая с прохода.

Нордэнвейдэ не двинулся с места.

- Это совершенно лишнее, мессир. Лучше позовите госпожу полковника. Это важно.

Едва ли кто-то рискнул бы отрывать Дэмонру в Красную

Ночь от дегустации достижений дэм-вельдской алкогольной промышленности, не будь дело и впрямь важным и срочным.

- Нордэнвейдэ, не ломайте комедию. Если вы попали в историю, то уже поздно. Если нет - бессмысленно.

- Дело в том, что я не знаю, попал я в историю я или нет, - совершенно спокойно и без малейшего раздражения отозвался Эрвин. - Поэтому не хотел бы...

Чего бы лейтенант Нордэнвейдэ хотел или не хотел, никому узнать не удалось. В определенных ситуациях Магда Карвэн бывала на диво убедительна. Вот и сейчас возникшая из-за спины Наклза дама, не вдаваясь в долгие объяснения и рассуждения о конспирации, схватила Эрвина за плечо и практически швырнула в коридор, так что последний с глухим стуком врезался в стену. Магда деловито закрыла дверь и расплылась в улыбке:

- Нашли, когда трепаться. Холода напустите.

- Ой, да кто ж тебя так приложил? Да в Красную Ночку? Ох, и молодежь пошла, - причитала Магда, с чистым полотенцем прыгая вокруг вяло отбивавшегося Эрвина. Учитывая, что представитель "молодежи" если и был младше Магды, то только по званию, сцена выглядела комично. Дэмонра доброго расположения духа подруги определенно не разделяла. Первым делом она швырнула злосчастный платок в камин. Вторым - коротко выругалась и извинилась перед Рейнгольдом за свой морхэнн. И только потом ледяным тоном осведомилась:

- Какого беса у вас ожог на лице, лейтенант?

Эрвин без особенного успеха попытался прикрыть покрасневшую кожу над бровью волосами, но быстро сдался.

- Госпожа полковник, я не уверен...

- Если кто и был не в курсе, теперь все точно в курсе, так что не стесняйтесь! У вас что, от радости крыша поехала? Забыли, что сыворотка Асвейд категорически не совместима со спиртным любой градусности?!

- Я помню, - тихо отозвался Эрвин.

- Тогда какого беса произошло?

Нордэнвейдэ поднял глаза. Наклз тут же примерно понял, отчего тот смотрелся в зеркальце на приеме в позапрошлом месяце. Из-под черных, предельно расширенных зрачков, медленно выступала радужка неестественного фиолетового цвета. Похоже, заканчивалось действие белладонны или чего-то подобного. Лейтенант очень вовремя убрался с улицы. Хотя Наклз бы предпочел, чтобы порфирик укрылся не в его доме.

- Мне кажется... произошла провокация. Я не уверен, но... трое молодых людей очень настойчиво пытались привлечь

внимание госпожи Ингегерд.

- Что как раз вполне нормально, - пожала плечами Зондэр. По сравнению с Дэмонрой она, пожалуй, выглядела спокойной, как ледяная статуя. Только в огромных синих глазах стыл плохо скрытый страх. Наклзу эта женщина всегда чем-то напоминала до предела сжатую пружину, хотя он ни разу не слышал, чтобы она даже слегка повышала голос. Просто проскальзывало что-то не то в ее внешнем спокойствии, как фальшь в мелодии. - Помимо того, что Кейси ваш начальник и приличный некромедик, она еще и вполне миловидная блондинка, - ровно продолжила Зондэр, не отвлекаясь от белой салфетки в своих руках. - Причем последнее видно без диплома и документов.

- Они прекрасно знали, кто такая госпожа Ингегерд. Методы привлечения внимания были... очень наглые. Я удивился, потому что самоубийства сейчас в моде у гимназистов, а эти были старше.

- Кейси отшутилась? - уточнила Дэмонра, уже менее раздраженно. - Эрвин, вот вам чай. Пейте, простудитесь. - Нордэна поставила перед лейтенантом кружку, от которой поднимался пар. - Кейси не дура, она не стала бы ввязываться в скандалы, когда вы были с ней.

- Да. Но с нами был лейтенант Маэрлинг.

Услышав имя родича кесаря, Дэмонра выразительно поморщилась.

- Не продолжайте, я поняла, что Маэрлинг устроил драку. Я не поняла, какое отношение к этому имеете вы? Я не говорю, что вам следовало сидеть дома в Красную Ночку, в конце концов, ничто не мешает вам принимать участия в народных забавах. Но, бесы дери, в драку вы зачем ввязались?

- А я не ввязался в драку, - просто сказал Эрвин. - Эти молодые люди плеснули мне вином в лицо. Я не успел увернуться.

Наклз нахмурился. Плохо было дело. Вино и впрямь действовало на всех, кто принимал сыворотку Асвейд, как святая вода из легенд. По сути, это был единственный серьезный недостаток данной сыворотки. К сожалению, в Каллад каждая курица знала, кого следует кликнуть, если выпивка оставляла ожоги.

- Надеюсь, это произошло на улице? - нахмурилась Дэмонра. В конце концов, на улице было достаточно пара и дыма, да и на факелы можно было списать многие проблемы. За известную сумму кто-нибудь бы обязательно подтвердил, что был не слишком аккуратен.

- Сожалею, но это произошло во "Вранье когте". Мы зашли туда погреться. Вслед за нами явиась та компания. Сейчас мне кажется, что они за нами шли вполне осознанно.

- Вам плеснули вино в лицо при большом скоплении народа в хорошо освещенном помещении трактира? - Рейнгольд был совершенно спокоен. Он деловито уточнял подробности происшествия, глядя на Эрвина безо всякой неприязни. Принимая во внимание тот факт, что приключения лейтенанта Нордэнвейдэ вполне могли стоить головы не только лейтенанту, но и любимой женщине Зиглинда, Наклз заподозрил, что видит первого в своей жизни адвоката, которого следует немедленно канонизировать. Ему самому хотелось надавать лейтенанту затрещин. А лучше - тихо закопать на заднем дворе, чтобы до следующей весны не нашли. Не то чтобы Эрвин был в чем-то виноват. Ни Эрвин, ни Дэмонра, ни кто-либо другой не были виноваты в том, что "внутреннего врага" в Каллад лепили из кого придется, в том числе из безобидных и забитых порфириков, которые, разумеется, не пили крови, не кусались и не превращались в летучих мышей, волков и прочую живность. Но, укрась Ломаная Звезда собою виселицы, вряд ли кому-то стало бы легче от факта невиновности порфириков во вменяемых им грехах.

- Да, так и было, - хладнокровно подтвердил Эрвин. Зондэр поджала губы, но смолчала. Рейнгольд ровно продолжил:

- Что вы сделали?

- Попытался увернуться. Не успел, как вы можете видеть.

- Я не силен в химии... И никогда не защищал... неграждан. Кажется, ожог не сильный?

- Не огорчайтесь, мне не известен ни один адвокат, который в Каллад защищал бы неграждан. При охоте на ведьм адвокаты ни к чему, - сухо ответил Эрвин. Рейнгольд и сам, похоже, понял, что его ремарка, с точки зрения лейтенанта, была вполне бестактна.

- Прошу прощения, я крайне неудачно выразился.

- Почему же. Вы правильно выразились и все именно так и есть. Вам не за что извиняться. А ожог действительно легкий. На мое счастье, они пили вино, а не даггермар.

- Действие сопровождалось какими-то эффектами? Световыми, шумовыми? Я не издеваюсь, - тут же добавил Зиглинд.

- Едва ли это знание пригодится вам в профессиональной деятельности, но - нет, зеленый дым от ожога клубами не валит. Что касается шумовых эффектов, то виконт Маэрлинг очень громко бранился, если вы об этом. А миледи Ингегерд... уронила люстру. Почти сразу, как плеснули вино. Прошло не больше

секунды.

- Кейси всегда похвально быстро соображала, - Дэмонра пробарабанила пальцами по столу. - Это хорошо, что упала люстра. Кстати, а почему она упала?

- Цепь лопнула.

- Я пошлю господину Ларсу новые люстру и цепь, а также наши глубочайшие извинения. Думаю, если приложить к ним двадцать марок, их даже примут. Что было дальше?

- После падения люстры началась паника. Занялся небольшой пожар, но его быстро потушили, кажется. Дыма там, во всяком случае, хватало, так что едва ли кто-то обратил внимание на меня. Дальше я решил, что не стоит находиться в трактире с обожженным лицом и стал пробираться к выходу. Один из тех ребят попытался мне помешать.

- Где труп? - Дэмонра тоже соображала похвально быстро.

- Там же, где и два других. Виконт Маэрлинг, как я уже говорил, был крайне зол.

- Прекрасно. Прежде чем переходить к угрозам, ругательствам и святотатствам, мне остается выяснить, где Кейси Ингегерд и виконт Маэрлинг.

- Кейси Ингегерд формально ничего не сделала, так что, вероятно, пошла искать, - Эрвин осекся, - пошла искать одного знакомого. На случай, если и его решили проверить на вампиризм народным методом. Думаю, по пути ей придется навестить госпожу Сольвейг, так как у нее, вероятно, будет сильно болеть голова, - Наклзу даже думать не хотелось, как будет болеть голова у человека после спонтанного выхода во Мглу. Без страховки, без маяка, без некромедика, нужных галлюциногенов и прочих полезных приспособлений, позволяющих случайно там не остаться. Но жестокое похмелье после такого, определенно, показалось бы легким неудобством. - Лейтенант Маэрлинг, насколько я понял со слов стражи, в городской тюрьме.

- Да ... я этого Маэрлинга! - взвилась Дэмонра. Под колокольный звон, возвещающий начало весны, она экспрессивно и емко изложила, что еще с упомянутым виконтом делала. Рейнгольд покраснел и нахмурился. Наклз тут же заверил его, что Дэмонра выражается метафорически и что вот это как раз точно неправда. Дэмонра продолжала метафорически выражаться, сокрушаясь, как ей не повезло с коллегами по службе, которые даже в самую праздничную ночь года не могут засунуть куда-нибудь свою придурь и не вляпаться в историю. Эрвин слушал внимательно и не перебивал. Зондэр все хмурилась. Потом заметила:

- Ну вот и встретили весну.

- С новым годом! - расплылась в улыбке Магда, но мигом посерьезнела, перехватив не самые дружелюбные взгляды подруг.

- Ну и кто пойдет этого, гм, Маэрлинга из тюрьмы вытаскивать? - мрачно поинтересовалась Дэмонра. Судя по тону вопроса, на самом деле она выясняла меру тяжести травм, которые лейтенанту нанесут при встрече.

- Я в прошлый раз ходила, - отрезала Зондэр. - И клялась в следующий раз сделать так, чтобы его прямо там и прикопали во дворе где-нибудь.

- Причина, - согласилась Магда. - Но мне его не выдадут. С тех пор, как я случайно выбила им дверь в дежурку, в городской тюрьме на меня косо смотрят. Хотя, замечу, я извинялась.

- Думаю, я мог бы сходить, - безмятежно проговорил Рейнгольд. - В конце концов, я ему родственник, хоть и дальний. А, если дело будет совсем плохо, я всегда могу припомнить еще более дальнее родство.

- Отлично, Рэй. Я с тобой. Всегда мечтала сломать Маэрлингу нос. Ты ведь не возражаешь против маленького членовредительства в узком семейном кругу?

- Узком семейном кругу? - подняла брови Магда. - Так ты...

- Забыла сказать. Мы помолвлены. Поженимся, как кончится война, - Дэмонра подмигнула. - Так что ты, Магда, попала на ящик "чернил". А ты, Зондэр, отдашь мне половину выигрыша, потому что без меня его бы не состоялось.

Магда и Зондэр дружно покраснели. Видимо, поняли, что в штабе у стен все-таки были уши.

Рейнгольд стоял с таким сияющим видом, словно лучшей партии для него нельзя было выдумать даже нарочно. Наклз поймал себя на мысли, что следует принести либо поздравления, либо соболезнования, но только не пялиться на Зиглинда с открытым ртом, как деревенский олух. Даже у Нордэнвейдэ, которому полагалось изображать из себя предмет интерьера, несколько округлились глаза.

- Ну, весну мы уже встретили. Дальше празднуйте без нас, вас, лейтенант, это тоже касается. Счастливо! - улыбнулась Дэмонра и, выплеснув в огонь содержимое своего бокала, исчезла в коридоре. Зиглинд вежливо раскланялся со всеми, включая явно не находящего себе места Нордэнвейдэ, и тоже пропал из виду.

- Пусть нечистая кровь оросит наши долы! - снова грянуло с улицы. Эрвин заметно дернулся, но ничего не сказал.

Повисло тяжелое молчание. Магда, закончив перевязку - то есть просто-напросто обмотав голову пострадавшего солидным

слоем бинта - некоторое время удивленно созерцала соседей по комнате, а потом громогласно заявила:

- Начальство дало приказ праздновать. А не сидеть с кислыми рожами. Пить тебе, Эрвин, конечно, нельзя, но танцевать ничто не запрещает, верно?

Наклз едва не прыснул. Вынужденная трезвость была лейтенанту до крайности полезна: танец с Магдой требовал изрядной сноровки и увертливости. Такие мелочи, как ноги партнера, госпожу Карвен никогда не волновали.

- Миледи Мондум? - быстро поинтересовался он, делая приглашающий жест.

3.

Дорога до городской тюрьмы была не слишком долгой. На окраинах столицы ютились преимущественно темницы, пользующиеся дурной славой, такие как Эгрэ Вейд или Игрэнд Дэйв. Городские власти здраво рассудили, что соседство с помещениями, откуда периодически доносятся вопли, стоны и брань надзирателей, будет плохо сказываться на ценах на жилье. А вот место, куда попадали на денек-другой особенно рьяные гуляки, находилось почти в двух шагах от моста Дагмары Скульден. Дэмонре с Рейнгольдом оставалось только перейти Моэрэн и немного прогуляться вдоль набережной.

В морозном воздухе медленно кружился какой-то нереально белый снег и так же медленно оседал на темный лед реки. Рейнгольд молчал, не то чтобы мрачно, но достаточно красноречиво.

- Мне жаль, что я испортила тебе праздник, если тебе интересно, - наконец оценила его безмолвие Дэмонра.

- Мне интересно. Но врать все же не стоит, - чрезвычайно любезно посоветовал Рейнгольд в ответ.

"Крепись, подруга, сегодня первый день весны. Хамство в любой форме исключается, а то кто-то решит, что я совершенно не ценю его общества", - не без раздражения подумала нордэна, подставляя лицо снегу. Она, в отличие от большинства военных, была абсолютно не склонна к суевериям, но порой делала скидку на то, что никто не обязан разделять ее здравомыслия.

- Хорошо. Тогда мне жаль, что так вышло, но я ничуть не раскаиваюсь. Ближе к истине?

- При чем здесь праздник? Даже если на этот раз вам

удастся выкрутиться, рано или поздно вы попадетесь.

"Сегодня Красная Ночь. Хорошие нордэны сегодня весь день говорят только о котятах. О пушистых серых котятах...", - Дэмонра подключила все свое воображение, представляя упомянутых котят. Они гоняли клубок розовой шерсти и не отвлекались на посторонние предметы.

- И это скорее будет рано, чем поздно, между прочим.

Котята сдали стратегическую позицию и исчезли вместе с клубком. Дэмонра поняла, что нужно переходить на какие-то более серьезные средства защиты. "В начале мира была метель", - мысленно процитировала она первую строку священной книги нордэнов.

- Ты меня не слушаешь, мне кажется.

Рейнгольду не казалось. Дэмонра уже в подробностях представляла себе процесс отделения неба от земли в условиях яришейся метели. Этот пункт программы творения мира с юности вызывал у нее большие сомнения. Но глас разума, представленный законником, долетал даже туда, в снежную мглу создаваемого мира.

- Я считаю твое поведение безответственным.

Увы, отделить небо от земли у Дэмонры так и не вышло. Она от души пнула попавшийся под ноги кусок льда и процедила:

- Не впадай в тон Наклза. Он тебе крайне не идет.

- Нисколько не сомневаюсь, что давать тебе советы позволено только мессиру Наклзу, - с поправкой на характер Рейнгольда эту фразу, видимо, стоило считать сарказмом. - Он, надо думать, тоже не в восторге?

- Он, что б ты знал, вообще не склонен к бурным восторгам. Во всяком случае, за двенадцать лет, которые мы знакомы, я от него ничего подобного ни разу не видела, - процедила Дэмонра. Обычно после этого она не забывала с многозначительной улыбкой добавить: "Кроме как в постели, конечно", но Рейнгольд был одним из немногих людей, кто никогда не задавал ей глупых вопросов на счет их более чем давней дружбы. А потому резкостей не заслуживал. - Так или иначе, мое некрасивое поведение раздражает его меньше, чем некоторые особенно нелепые параграфы закона об обеспечении социальной стабильности. В противном случае он бы Эрвина на порог не пустил. Если ты помнишь, спустить с лестницы канцлера он не постеснялся.

Рейнгольд вздохнул. Не демонстративно, всем своим видом показывая, как ему надоела одна конкретная идеалистически настроенная дура, а просто устало.

- Либо он просто тебе все прощает. С моральной точки

зрения ты права. Но...

Дэмонра быстро перехватила инициативу и самым безмятежным голосом продолжила:

- Рэй, я понимаю, мораль - моралью, закон - законом. И, если попадусь, обещаю, я сделаю все возможное, чтобы ты не представлял мои интересы в качестве адвоката. Не хочу поломать тебе карьеру безнадежным делом, - попытка отшутиться не сработала. Рейнгольд совершенно спокойно поинтересовался в ответ:

- А жизнь мне поломать ты хочешь?

От неприятной необходимости сообщать, что у нормальных людей при столкновении с суровой реальностью ломаются иллюзии, а не жизнь, нордэну избавила беззлобная брань мужчины средних лет, стоявшего у тюремных ворот. Он определенно мерз и страдал. И, как следствие, был готов поделиться кое-какой информацией, чтобы улучшить свое положение. Вскоре они уже знали, когда и куда притащили Маэрлинга, а мужчина получил пару монет, которые мог с чистой совестью прогулять в соседнем трактире по окончании дежурства.

Посетителям крупно повезло. Секретарь, ведущий прием, оказался человеком на редкость вменяемым и не попытался сорвать на них злость за то, что в праздничную ночь сидит в непротопленной комнате, одинокий и трезвый. Рейнгольду даже не пришлось трясти перед его носом метрикой, намекая на родство, которое он очень не любил афишировать, им и так сообщили все, что полагалось знать. Рейнгольд остался заполнять форму для посетителей, а Дэмонра отправилась вниз по коридору, беседовать с Маэрлингом.

Не доходя до камер, она столкнулась нос к носу с импозантным мужчиной лет пятидесяти пяти, который был тут же опознан ей, как почтенный родитель Витольда Маэрлинга. Нелегкая сводила их уже раз пять, и каждый раз - при крайне сомнительных обстоятельствах.

- Мессир. Какая неожиданная встреча, - улыбаясь, соврала нордэна. Как раз эту встречу можно было ожидать.

- И все же радостная, - Эвальд Маэрлинг одарил Дэмонру поклоном и улыбкой прожженного дамского угодника, которая ему поразительно шла, несмотря на возраст. По твердому убеждению нордэны, граф вообще был человеком на редкость симпатичным и приятным в общении. Близко они знакомы не были, но, исходя из подборки его врагов, Дэмонра подозревала в Маэрлинге-старшем очень хороший вкус. - Надеюсь, этой встречей я не обязан одному дурно воспитанному юнцу? Видит небо, я сделал все, что мог.

- У вас прекрасно получилось, - честно сказала Дэмонра. Витольд Маэрлинг, конечно, был одной сплошной проблемой, но отличался известной порядочностью, аккуратностью в действительно важных делах и истинно рыцарским пониманием чести. То есть, как она полагала, унаследовал от папаши не худшие из возможных дворянских предрассудков. А родись он лет на сто раньше - и вовсе цены ему бы не было.

- У меня больше нет сына, - в меру печально возвестил мессир Маэрлинг. Роль убитого горем родителя давалась ему особенно хорошо. Наверное потому, что он примерял ее в среднем раз в полгода, лишая Витольда титула и наследства после каждой особенно громкой дуэли. И признавал отпрыска обратно после каждой новой медали "За храбрость и глупость", как любила говорить Зондэр. Дэмонра не сомневалась, что пропустила прелестнейшую семейную сцену, и ничуть об этом не жалела.

Оставалось уладить некоторые формальности практического характера.

- Разумеется, сына у меня больше нет. Но я внес залог за этого опустившегося юнца, - ответил мессир Маэрлинг на ее невысказанный вопрос. - Так что вы можете забрать его и наказать сообразно вашим представлениям. Я лишь просил бы не увольнять его из армии. Мне хочется верить, что он сумеет смыть позор со своего имени в бою.

Примерно такие речи от мессира Эвальда Дэмонра слышала уже раза три. Зондэр - раз пять. И ни для кого это не было секретом.

- Вы не возражаете, если я оттаскаю этого опустившегося юнца за уши? - вопрос был задан исключительно для проформы. Уши Маэрлинга не могло спасти уже ничто в этом мире.

- Пользительно. Весьма пользительно для усвоения основных принципов хорошего тона, - важно кивнул безутешный отец. В его черных глазах кувыркались бесенята. - Только не оторвите вовсе. Нужен плацдарм, на который его дети будут вешать ему лапшу. Я верю в преемственность поколений и в то, что мои внуки за меня отомстят. А теперь... Сожалею, что вынужден покинуть вас, госпожа. Однако дела не терпят.

"Дело" было на три года младше сына Эвальда Маэрлинга и отличалось взрывным темпераментом. Что при этом самое поразительное, пасынка Милинда Маэрлинг любила. Раз уж отпустила мужа вытаскивать его из затруднительного положения в ночь прихода весны.

- Я желаю вам удачно разобраться со всеми вашими делами. Счастливой весны, мессир.

- Позвольте ручку, миледи. Никогда не целовал руку прекрасной дамы в тюрьме. Надо же начинать.

Дэмонра решила не уточнять, что ручку прекрасной даме под сводами тюрьмы он так и не поцеловал: с дамой не задалось. Но ее отвратительное настроение вдруг стало хорошим. Во всяком случае, ей расхотелось ломать Витольду Маэрлингу конечности.

Камера, как ни странно, была практически пуста. Самых активных гуляк то ли еще не привели, то ли уже отпустили с миром. В дальнем углу развалилось какое-то существо, предположительно женского полу. Оно с упорством маньяка рассказывало потолку, стенам и единственному сокамернику о том, что в юности было любимой фрейлиной кесаревны, но зависть и интриги заставили ее бежать из дворца. А "те проклятые серебряные ложки" подбросили недоброжелатели. В максимальном отдалении от "фрейлины" восседал Витольд Маэрлинг. Он несколько картинно запрокинул голову назад и только вздыхал на самых сильных моментах монолога жертвы людской зависти.

- Витольд, на выход! Прилетел твой личный Заступник. Сейчас будет наносить тебе травмы!

- Что, второй подряд? - Маэрлинг, наконец, заметил посетительницу и расплылся в улыбке. Дэмонра в очередной раз удивилась тому факту, что он сумел сохранить за собой изначальный комплект зубов.

- Ну ты красавец, - фыркнула она, и погрешила против истины. Вообще, Витольд действительно был красавцем в сильном смысле этого слова. Девочки, девицы, дамы и старые девы вешались ему на шею с пугающим единодушием. Нордэна понятия не имела, было ли дело в романтических льняных кудрях, жарких очах или умении сыпать неплохими комплиментами со скоростью артиллерийского обстрела, но факт оставался фактом: второго такого дамского угодника еще нужно было поискать. Правда, сейчас два внушительных "фонаря" под глазами определенно убивали хорошее впечатление. - С папашей беседовал?

- Как вы догадались? - поразился Витольд. - Я имею в виду, как вы догадались, что я "беседовал" именно с папашей?

- А так, что после каждого лишения титула и наследства тебе отчего-то ломают нос. Удивительное совпадение. Как тебе удалось сохранить фамильную горбинку?

- А ее не было никогда, фамильной горбинки, - ухмыльнулся он.

- Но... погоди. У твоего отца ведь тоже нос с горбинкой...

- У моего отца был мой дед, - виконт Маэрлинг расплылся в очень отцовской белозубой улыбке. - Папаша называет это "преемственностью поколений", если не путаю.

Против "преемственности поколений" было не поспорить.

- Я пришла тебя забрать.

- Благодарю вас, госпожа полковник. Я могу попросить вас в ближайшие двадцать четыре часа оградить меня от общения с майором Мондум? Дело в том, что получать удары морального толку после физических - особенно больно. И плохо сказывается на фамильной горбинке. Завтра вечером я сам явлюсь к ней с повинной, букетом морковки и глубокими извинениями.

Самым поразительным в этом белокуром паршивце было то, что злиться на него долго не могла даже серьезная и собранная Зондэр. А у Дэмонры биография была не так чтоб многим лучше, чем у Маэрлинга. На это она тоже порой делала скидку.

- Ну, с новым годом тебя, лейтенант. Постарайся провести его не так, как встретил.

Улыбка Витольда сделалась совсем безмятежной:

- Госпожа полковник, смею вас заверить, непосредственно весну я встретил в компании очаровательной барышни-следователя. И ни в чем, кроме своей искренней расположенности к брюнеткам, не сознался.

4.

Пока Рейнгольд улаживал с секретарем оставшиеся формальности, Дэмонра и виконт вышли на улицу. Там падал крупный снег и периодически раздавались радостные вопли запоздалых гуляк. Меньше всего на свете Каллад походил на державу, находившуюся в состоянии войны с кем бы то ни было.

Маэрлинг тут же слепил из снега небольшой комок и приложил его к носу.

- Хорошо-то как, - мечтательно протянул он. - Госпожа полковник, вы не находите, что жизнь прекрасна?

- Не слишком хорошо, - сообщил подошедший Рейнгольд. - Разбирательство все-таки будет. И вам нельзя покидать столицу до его окончания.

- Вот уж, покидать столицу весной - несусветная глупость. Сюда же как ласточки слетятся самые хорошенькие барышни.

- Вам, виконт, исключительно повезло. Все трое живы, - развивать тему хорошеньких барышень Рейнгольд решительно не желал.

- Ну так это им повезло, а не мне, - не разделил мнения законника Маэрлинг.

- Кому повезло на самом деле, мы обсудим не здесь и не сейчас, - отрезала Дэмонра. - Подробности приключений расскажешь по дороге. В конце пути я разрешаю тебе свернуть, потому что Зондэр рада тебе не будет. И вообще, Маэрлинг, я хочу знать, какого рожна вас потащило развлекаться во "Враний Коготь"? Да еще такой компанией?!

Лейтенант глубоко вздохнул. Обычно оправдания для руководства сочинял его закадычный приятель Нордэнвейдэ, но незаменимого сказочника под рукой как на грех не оказалось.

- Вы не поверите, госпожа полковник, - уныло сообщил он. И ошибся. Когда речь шла о подвигах Маэрлинга, Дэмонра, будучи наученной горьким опытом, безоговорочно верила почти в любые глупости. Эти глупости периодически сказывались на ее жаловании, так что были вполне материальны.

- На вас, надо полагать, напала бригада зеленых бесов? И на аркане потащила в трактир?

- Не совсем. Изначально мы с лейтенантом Нордэнвейдэ хотели отметить праздник в моем доме. Тихо, мирно, в узком кругу сослуживцев.

"С вином, девками и метанием подручных предметов в трофейный портрет императора Гильдерберта", - мысленно закончила Дэмонра. Она хорошо знала, что именно в армии подразумевается под "тихим и мирным торжеством в узком кругу сослуживцев". Впрочем, такие торжества здорово поднимали духовность соседей: к третьему часу празднества молиться начинали даже прожженные атеисты. А если к пятому часу ничего еще не горело и не рушилось, торжество следовало считать скучным и неудавшимся.

- Однако я был вынужден утром зайти в академию по делам.

"Дело" определенно было брюнеткой. В мирное время Маэрлинг раньше полудня в принципе не вставал без крайне веских на то причин. Крайне вескими причинами считались только дамы. Судя по тому, что более "дело" нигде не упоминалось, лейтенант получил афронт.

- Там я встретил миледи Ингегерд.

Дальше все было как в известном калладском фельетончике "очень просто, очень мило". Как выяснилось, Кейси Ингегерд в третий раз попытались завалить кандидатскую, она

вспылила и прошлась по двухсотфунтовому "венцу творения", забраковавшему ее работу, с применением очень армейской терминологии. Кафедра социологии ее казарменного красноречия не оценила и попыталась добиться отчисления задним числом. Кафедра некромедицины, практически полностью состоявшая из выходцев с Серого берега, прослышав о таком, естественно, встала на дыбы. Пока в Калладской государственной Академии шла невидимая миру война и лились слезы "венца творения", миру вполне видимые, Кейси решила временно передохнуть, вышла на крыльцо и там обнаружила лейтенанта Маэрлинга. Тот, разумеется, решил, что это могло быть перстом судьбы, а барышням в затруднительном положении следует помогать. Увы, с кандидатской он помочь не мог решительно ничем. Когда выяснилось, что опечаленная барышня никогда в жизни не пробовала лечить грусть глинтвейном, Витольд окончательно укрепился в мысли, что он послан Кейси самим небом. По счастью, у него хватило соображения не компрометировать ее прогулкой по трактирам тет-а-тет, так что к славной компании присоединился Эрвин Нордэнвейдэ, который по части занудства и умения следовать этикету мог составить достойную конкуренцию самому Наклзу.

Бравая троица решила пойти посмотреть, как станут сжигать Госпожу Стужу, предварительно заглянув во "Враний Коготь" и угостив Кейси вином. И заглянула. Маэрлинг клялся, что подозрительных "молодчиков" он заметил еще на улице, но не обратил особенного внимания: все подходы к центру Моэрэнхэлл Каллад были забиты народом. По словам Маэрлинга выходило, что они втроем мирно сидели в уголке наводненного посетителями трактира, Кейси пила глинтвейн, а он с Эрвином - чай, в знак мужской солидарности. Все трое заедали приятную беседу свежими эклерами и горя не ведали, как вдруг какой-то прыщавый юнец начал весьма настойчиво предлагать девушке сменить столик и общество. На первый раз Кейси вежливо отшутилась, сообщив, что двух кавалеров ей одной вполне достаточно. На второй, когда ценителей женской красоты стало уже двое, отшутилась чуть менее вежливо. На третий виконт Маэрлинг своротил любителю "смазливеньких северяночек" челюсть. Нордэнвейдэ тоже занес кое-какие правила вежливости в грудную клетку парню, намекнувшему на расценки. Вот тут-то подлетел третий юнец и, вместо того чтобы поддержать товарищей активными действиями или хотя бы позвать на помощь, плеснул Эрвину в лицо вином. Не швырнул бокал, а именно выплеснул напиток. Кейси сообразила, что происходит, быстрее всех прочих. По рассказу Маэрлинга выходило, что

люстра сорвалась с потолка почти сразу. Эрвин тотчас же покинул помещение через служебный выход, столик рядом с которым был предусмотрительно выбран им заранее. Нордэнвейдэ вообще был исключительно аккуратен. Правда, на прощание ему пришлось как следует приложить головой о стол одного из любителей северяночек. А Витольд, отвлекая внимание на себя, устроил классическую трактирную драку с двумя оставшимися, то есть переколотил максимальное количество посуды и произвел очень много шума. Кейси, получившая адскую головную боль после спонтанного выхода во Мглу, с видом мертвецки пьяного человека по стеночке выползла из трактира и, скорее всего, направилась к кузине Сольвейг Магденгерд, живущей в трех минутах ходьбы от "Враньего Когтя". А час спустя виконт Маэрлинг уже встречал весну в городской тюрьме.

- На новую люстру Ларсу скидывайтесь сами, - подвела итог Дэмонра, выслушав рассказ. - Я платила ему в прошлый раз, когда мы набрались и стали вырезать похабщину на столешницах. И то только потому, что не уверена, кто именно был автором.

- Насколько я помню - а помню я плохо - автором был я. Но вы были идейным вдохновителем и диктовали.

- Да, ответственность идеолога - вещь неприятная. Пришлешь ему марок двадцать, как проснешься. Нет, лучше тридцать. Я хочу быть уверена, что, когда мне в следующий раз захочется тамошних расстегаев, в них не сыпанут стрихнина.

Хозяин трактира, господин Ларс, крайне нервно реагировал на порчу своего имущества, а потому принципиально не любил студентов и офицеров. Договориться с ним миром получалось только постфактум. Правда, он никогда не забывал послать пострадавшим наутро по кружечке эля за счет заведения. За что и числился "благодетелем".

5.

Время близилось к утру. Натанцевавшись, Магда и Зондэр уговорили-таки контрабандную бутылку даггермара и довольно долго обсуждали какие-то непонятные трезвому Наклзу вопросы бытия. Эрвин смотрел на дам, как на привидений, и в беседу предусмотрительно не вступал, отделываясь от прямых вопросов глубокомысленным "все возможно". Такие скучные кавалеры дамам, разумеется, надоели, о чем прямолинейная Магда не постеснялась поставить в известность всех, включая прохожих -

громкость голоса ей позволяла. Наклз, которому как хозяину было положено гостей развлекать, сколь бы ни хотелось спустить их всех с лестницы, был несколько пристыжен и предложил фанты на интерес. Это была единственная игра, которую он знал, помимо шахмат. Нордэнвейдэ наградил его прямо-таки потрясающе выразительным взглядом, но момент был безвозвратно упущен. Магда и Зондэр переглянулись, после чего первая от радости захлопала в ладоши. Наклз понял, что совершил непоправимую ошибку.

"Напоить, пока не поздно", - одними губами прошептал лейтенант. Однако Наклз и сам сообразил, что деликатные проблемы не всегда требуют деликатных решений. И резко вспомнил, что у него имелись запасы очень качественного игристого в погребе.

Наклз проворно дезертировал, оставив Нордэнвейде держать оборону в одиночку.

- А может все-таки не стоит? - неуверенно поинтересовалась Зондэр, вертя в руках маленькое круглое зеркальце.

- Стоит, - Магда была абсолютно безжалостна. - Я ж не предлагаю ему облобызать первого вошедшего в комнату. Поскольку понимаю, что это будет Наклз, несущий игристое. Наклз шутки не поймет и игристое разольет, а ему можно найти лучшее применение. Я имею в виду - игристому, хотя и Наклзу тоже. Эрвин, ведь ты же согласен, что фант - это святое?

- Согласен. Но я совершенно не умею петь, - с мужеством отчаяния отбивался лейтенант. Впрочем, в глубине души Эрвин был готов сдаться, если ситуация станет опасной. Лобызать Наклза ему определенно хотелось даже меньше, чем исполнять романс. Он еще помнил случай, когда Витольд Маэрлинг при сходных обстоятельствах запечатлел пламенный поцелуй на устах Рагнвейд Скульден, почему-то вошедшей в комнату раньше главнокомандующего Вильгельма. Лейтенант Маэрлинг тогда получил три звонкие затрещины физического толку и без счета - нравственного.

- А я не умею кукарекать! - не прониклась Магда. - Но меня же это не остановило.

- Может, ограничимся стихотворением? - гнула свое Зондэр. Полбутылки даггермара настроили ее на человеколюбивый лад.

- Эрвин, ты выразительно читаешь стихи?

- Незабываемо. То есть еще хуже, чем пою, если только такое возможно. Мой преподаватель изящной словесности не уставал утверждать, что я - его личное воздаяние за грехи юности.

- Отлично! Тогда скажешь комплимент! Развернутый комплимент. Не меньше десяти слов. И без "глаза как звезды"! Все ясно?

- Ясно, - убито согласился Нордэнвейдэ. Он уже искренне сожалел, что курс калладской лирики прошел мимо него.

Когда Наклз вернулся из погреба, он застал в гостиной картину на свой манер удивительную. Красный как мак Рейнгольд круглыми глазами смотрел на не менее красного Нордэнвейдэ, который, в свою очередь, смотрел в пол. Зондэр тихо хихикала в рукав. Магда хохотала во всю мощь легких. А Дэмонра подозрительно принюхивалась и на повышенных тонах интересовалась, чем они умудрились за полтора часа накачать не переносящего алкоголь лейтенанта до состояния, когда симпатичным ему начинает казаться ее, между прочим, жених!

- Это фанты, - успокоил ее Наклз. - А фанты - это святое.

- И ваш, Наклз, фант все еще у нас, - улыбнулась Зондэр, показав всем присутствующим карманные часы на цепочке.

- А у меня - индульгенция в количестве двух бутылок, - не растерялся хозяин дома. Десять с лишним лет близкого знакомства с нордэнами сделали свое черное дело. Магда с Зондэр понимающе переглянулись, и вопрос был решен.

Когда в шестом часу утра гости расползлись по спальням, у стола остались только Наклз и Дэмонра с Рейнгольдом. Зиглинд тут же вежливо поблагодарил за приятный вечер и ушел домой, не дожидаясь невесты, что Наклзу сразу показалось странным. Женщина проводила его до дверей, вернулась и опустилась на стул. Тихо усмехнулась:

- Что мне в тебе нравится, так это то, что ты никогда ни о чем не спрашиваешь.

- Я просто плачу тебе любезностью за любезность. Двенадцать лет назад ты была настолько галантна, что оставила мое прошлое в покое. Считай, я проникся глубокой благодарностью. И вообще, я давно усвоил одну нехитрую истину: легче полчаса подождать с расспросами, чем полтора часа упрашивать.

- Да ты, я смотрю, специалист по дамскому мышлению...

- Я консультировался с Маэрлингом-старшим. Вот уж кто - профессионал. В любом случае, захочешь - сама расскажешь, - пожал плечами Наклз и принялся убирать со стола. - Хотя, не скрою, твоя помолвка меня удивила. Тем не менее, прими мои поздравления. Мне кажется, твой будущий муж - очень порядочный человек.

- Мой жених, - поправила Дэмонра. - Он мой жених, а не

мой будущий муж.

- Не вижу никакой разницы. Даже стилистической, как выражается один твой сослуживец.

- Она не стилистическая, она чисто практическая. Мы поженимся в конце войны. Тебе это не напоминает "когда зимой фиалки зацветут"?

- Я думал, имеется в виду конец рэдской кампании, а не войны с Аэрдис вообще. Он ведь законник. Так что не мог пропустить мимо ушей такую важную оговорку.

Дэмонра достала из-под отворота мундира какую-то бумагу. Швырнула ее на скатерть и уронила голову на скрещенные руки с видом смертельно уставшего человека. Наклз, с самого начала ожидавший чего-то подобного, поднял документ и пробежал глазами идеально ровные строчки. Потом сел рядом и тихо спросил:

- Ты уверена, что не глупая шутка?

- Это очень глупая шутка, Рыжик. Помесь идиотизма и предательства. Но там подпись кесаря. Под этой глупой шуткой стоит кесарева подпись, - не поднимая головы, ответила Дэмонра. - Мне Гребер принес. Он полночи искал меня по городу, чтобы это передать. А они умны, эти промышленники. Упросили кесаря подписать приказ в Красную Ночку. Пока все праздновали, они поделили Рэду. Наши узнают об этом только завтра-послезавтра. У нас как раз будет время собрать вещи и - вперед, к великим свершениям! Ненавижу...

Наклз еще раз прочитал документ. Приказ о вводе войск в Западную Рэду был датирован последним днем зимы. Не очень хорошо кесарь весну встретил, если верить народным приметам.

- И ты три часа молчала.

- А что, начни я криком кричать о своих открытиях, кому-то стало бы лучше? Третьего числа все все узнают из газет. Самые либеральные в очередной раз обругают нас "вешателями" и "извергами", а самые консервативные назовут "опорой престола".

Наклзу было глубоко безразлично, что и о ком скажут либеральные и не очень газеты. Ему только хотелось, чтобы всю кашу, заваренную в Рэде, расхлебали без Дэмонры. Потому что на вкус эта каша без сомнений была бы отвратительна.

Он поднялся, плотно задернул шторы, проверил, заперта ли дверь, вернулся и спокойно заметил:

- Ты всегда можешь уехать на Дэм-Вельду. Бери своего жениха и уезжай. Он с тобой уедет, наплевав на всякое родство. Такие вещи по глазам видно. Не дожидайтесь третьего числа. Уезжайте сегодня же. Твои финансы я приведу в порядок. Просто

уезжай.

- "Просто - только неверных жечь, для всего остального голова на плечах нужна", как поговаривал Дэзмонд-Заступник, за что и вылетел из официального аэрдисовского пантеона, - фыркнула Дэмонра. - Рыжик, а кто в Рэду поедет? Зондэр? Магда? Или, может быть, Кейси?

Вопрос был резонный. И очень скользкий. И думать над ним нужно было до того, как начинать свою самоубийственную благотворительность. Эрвин, вероятно, был хорошим человеком, но уж слишком много от него было проблем.

- Солдатский состав неподсуден, когда речь идет о решениях офицеров. Значит, собирайся и уезжай. А Эрвина своего увольте задним числом. Я бы предложил его пристрелить для верности, но не думаю, что ты согласишься.

- Я говорила тебе, что ты бесчеловечен?

- Да, постоянно говоришь. Много было бы проку от моей человечности? Если хочешь, как-нибудь могу умилиться котенку или солнышку в небе, но порфирика твоего надо убрать отсюда подальше. Я этим займусь.

- Наклз.

- Успокойся. У Каллад, кроме столицы, знаешь, еще есть провинции, деревни, а еще мир как-то не заканчивается на его границе. Ты, думаю, это даже видела не так давно.

- Видела, - хмуро согласилась Дэмонра.

- Вот потому бери своего юриста и уезжай на Дэм-Вельду. Там не запрещено это ваше восьмидесятиградусное издевательство, в конце-то концов...

Нордэна тихо рассмеялась:

- Это называется "государственная измена", Рыжик. За нее вешают всех, включая родственников, слуг и соседей, недостаточно быстро сообразивших, что ренегата надо обругать последними словами.

Наклз хотел сказать, что Гребера забрать с собой ей будет несложно, родственников стараниями прошлого кесаря и всяческих патриотов у нее не осталось, а на соседей ему наплевать, и вообще никакая это не измена, а глупая детская попытка улучшить мир, при столкновении с реальностью крупно провалившаяся, как вдруг скрипнула лестница. Он едва не подскочил и обернулся на звук. На ступеньках стояла Магда Карвэн, белая как полотно. Судя по всему, последние новости обладали прекрасной способностью снимать всякий хмель.

- Магда, ты чего? Иди спи, - попыталась сделать хорошую мину при плохой игре Дэмонра. Попытка, разумеется, не удалась: майор Карвэн слышала достаточно. Карие глаза женщины

нехорошо сузились:

- Приплыли. А берег, гляжу, все тот же.

- Тот же, Магда, другого не придумали. Спать иди. Толку теперь от наших душевных метаний? - устало спросила Дэмонра.

Магда неторопливо спустилась.

- Наклз дело говорит. Немексиддэ не выдаст, кесарь не съест.

- Предлагаешь удрать?

- Предлагаю тебе уезжать с женихом. Срочно в отставку, бросить все и уехать. А мы с Зондэр как-нибудь да отбрешемся. Уволимся, наконец.

- Как жаль, что я не верю в вечную жизнь, - скривилась Дэмонра. - Я бы тебе тогда сказала, что мне мама бы за такое на том свете все уши оборвала. Но у меня и такой отговорки нет. Магда, а ты бы что сделала?

Карвэн тяжело вздохнула:

- Извини, но я рада, что я не на твоем месте. Потому что понятия не имею, что бы я стала делать. Разумеется, после того, как протрезвела бы и закончила материться. Я ничего не понимаю ни в политике, ни в этой вашей метафизике, поэтому сужу просто. Нам предлагают сделать очень паскудное дело, поскольку война - вообще дело паскудное. А уж война со слабым противником, прикрытая какой-то там "защитой интересов народа" - дело паскудное втройне. Но это паскудное дело кому-то все равно делать придется. Так вот, надо бы сообразить все так, чтобы обошлось без лишнего паскудства.

- Иными словами, наше плохое дело все равно надо сделать хорошо.

- Что-то в этом роде.

- Люблю я тебя, Магда, - криво усмехнулась Дэмонра. - Еще когда гимназисткой была, уже понимала, что у тебя мозгов на троих хватает, когда до столкновения с суровой реальностью доходит. Потому и давала сочинения про возвышенные чувства скатывать. Считай, ты только что все долги закрыла.

Извини, Рыжик. Видимо, у меня на роду написано повторить мамины подвиги. А теперь идите спать, а я найду Гребера и распоряжусь на счет завещания, на всякий случай. Надо оставить пару писем. Вот весну и встретили, осталось ее пережить.

6.

В глубине души Наклз надеялся, что к моменту, когда он вернется, у Магды хватит такта убраться из кухни. Но Магда и такт были двумя несовместимыми понятиями. Женщина сидела за столом и перечитывала приказ, запустив пальцы в и без того всклокоченные волосы. Услышав шаги, она подняла глаза и нахмурилась:

- Не надо смотреть на меня так, словно я ограбила тебя в темной подворотне, Наклз. Если ты хотел, чтоб я наврала, мог бы хоть подмигнуть.

- А это что-то бы изменило? Вы стали понимать намеки? - Наклз даже не пытался иронизировать. Магда относилась к той категории людей, которые были совершенно невосприимчивы к насмешкам.

- Ну, мне пришла бы в голову такая возможность. Наверное. Нет, намеков я не понимаю. Я предпочитаю людей, говорящих без обиняков. Не сомневаюсь, что ты меня считаешь дурой.

Дурой Наклз Магду не считал уже давно. Хотя периодически ему и приходила в голову мысль, что душевная организация майора Карвэн чуть менее примитивна, чем устройство булавы. Но Магда регулярно заставляла его усомниться в этом. Нет, умной она не была, как не была начитанной, склонной к размышлениям или хотя бы увлеченной искусством. Высокая дворянская культура, которой так гордились калладцы, явно прошла мимо госпожи Магды Карвэн, чем нисколько не огорчила последнюю. Но Магда отличалась большим благоразумием. А монолитность ее убеждений, какими бы примитивными они Наклзу ни казались, порой вызывала у него приступы острой и бессильной зависти. Его собственные истины хромали гораздо сильнее и нуждались в доказательствах. От отсутствия которых хромали еще сильнее, и так по замкнутому кругу.

- Я вовсе не считаю вас глупой, миледи Магда, - сказал Наклз, присаживаясь напротив. - Я считаю, что у вас смещенная система ценностей. Не лично у вас. У всех нордэнов. Безнадежно смещенная система ценностей.

Магда поморщилась:

- Ты говоришь слишком умными словами. Но суть, я так понимаю, в том, что ты не согласен с решением Дэмонры.

- Да. Я считаю его нерациональным. Нисколько не сомневаюсь, что вы в ответ укажете мне на безнравственность другого варианта.

Магда тихо прыснула:

- Нравственность, безнравственность. Когда я слышу эти слова, у меня перед глазами встают строчки гимназических сочинений. "Почему лично я против тирании?", "Имел ли право Линденвейрэ застрелить своего брата?" и все такое прочее. От моральных норм пахнет промокашками, чернилами и списанным в последние десять минут заключением.

Классической барышне, успешно окончившей Калладский Институт благонравных девиц, после таких признаний оставалось только упасть без чувств. Наклз скорее испытал к Магде смутное уважение. Он вряд ли сумел бы вот так запросто говорить правду в лоб, не задумываясь о возможных последствиях своих слов.

- Тогда мне совсем уж непонятно, зачем вам Рэда? Там будет пахнуть гораздо хуже, чем просто промокашками и чернилами.

Магда посмотрела на Наклза с каким-то неясным выражением.

- О морали здесь думаешь и говоришь ты, Наклз. Я говорю о необходимости. Не о готовности отвечать перед вечностью и потомками, или перед чем ты там готов отвечать, а о том, что можно и нужно делать сейчас.

Наклз едва не фыркнул. Религия северян недвусмысленно сообщала, что будущее предопределено и не меняется. То есть, по логике вещей, любая борьба была лишена смысла изначально. Все равно мир начался метелью, а кончится - неким Хилледайном, трубящим в рог, звоном колоколов и битвой, в которой полягут обе участвующие стороны. Он, конечно, мог бы указать Магде на эту нестыковку, но тогда спора о сущности бытия было бы не избежать. А Наклзу сейчас только этого и не хватало для абсолютного счастья.

- Я вообще думаю о морали значительно меньше, чем вам кажется. Поэтому я и считаю, что вам следовало соврать и заставить Дэмонру уехать под крыло к Немексиддэ. Я подумал о простом таком обывательском уюте. Мещанском счастье. Можно подобрать много других нелестных синонимов. Шутка в том, что такое мещанское счастье, не предусматривающее никакой ответственности за внутреннее содержание эпохи, лучше гордой борьбы за чужое дело. Тоже, кстати, не особенно праведное.

Наклз мог бы добавить, что проверил этот тезис на личном опыте, но не с Карвэн же было откровенничать.

- Ты опять слишком умно говоришь. Что такое "обывательское" счастье? Я знаю, что есть просто счастье.

Наклз устало вздохнул. Тут имел место конфликт двух вселенных. Никто никого понять не мог бы, даже если бы и хотел.

- Извините, Магда, мне кажется, наш разговор

беспредметен. Каждый видит то, что может видеть.

Женщина сдвинула брови, как будто силилась понять какую-то неимоверно сложную вещь, а потом вдруг выдала:

- Наклз, да ты же... ты же Каллад не любишь.

Примерно с таким же бесконечно удивленным видом ему лет пятнадцать назад совершенно другая женщина заявила, что он в Создателя не верует. Она тогда тоже сочла это за великое откровение. Наклз тихо рассмеялся.

- Магда, вы бесподобны. Давайте я облегчу вам процесс дальнейших страшных открытий, чтобы вы окончательно поняли, с каким подлецом говорите. Нет, я не верю в богов, ни в аэрдисовского Создателя, ни в ваших северных молодцев с большими булавами. Хотя последние, не скрою, кажутся мне более... симпатичными в силу их потрясающей природной, гм, незамутненности всякой философией. Нет, я не люблю Каллад, по совокупности причин личного и не очень характера. В частности, я считаю его потрясающе уродливой социальной системой, которая недалеко ушла от Аэрдис с ее кастами и "неполноценными расами". Не хмурьтесь, я объясню. Уродливая социальная система - это когда вовсю идет торговля гражданствами первого и второго класса. Понимайте это - правом законно зарабатывать на хлеб и не быть брошенным в темницу только потому, что на чей-то взгляд рожей не вышел. Но все при этом морщат носы, кричат о равноправии и о том, что все мы - любимые подданные кесаря. Вы, конечно, можете мне возразить, что Каллад - это не только торговля гражданствами и рэдские подвиги. Это еще живопись Тальберта, поэзия Тэлля и музыка Вирдэна. В крайнем случае, это сияющий снег и пахнущая дымом весна. Я это даже с натяжкой пойму, хотя сам и не калладец, а вот вкалывающие по восемнадцать часов в сутки граждане "второго класса" - вряд ли. Им не до Вирдэна, а весна для них все равно пахнет железной стружкой. И тот Каллад, который вы так любите и Дэмонра так любит... он очень милый и симпатичный, этот Каллад. Только его не существует. Он фикция. Магда, фикция - это такая вещь, которой на самом деле нет. Девять из десяти калладцев не имеют к вашему Каллад никакого отношения, Магда, это вы понимаете?

Наклз осекся, потому что увидел в карих глазах какой-то странный блеск. Нет, Магда конечно не плакала. Из всей Ломанной Звезды плачущей он, пожалуй, мог представить только Кейси Ингегерд, которая была лет на десять моложе всех прочих, и то с большой натяжкой. Плачущая Магда - это вообще было что-то из разряда дурного анекдота. Карвэн просто смотрела на него широко распахнутыми блестящими глазами с таким видом, как

будто увидала привидение. Наклз сообразил, что наговорил очень много лишнего.

- Знаешь, я тебе еще одно "открытие" про тебя скажу, - тихо произнесла Магда после некоторой паузы. - Бесы с ним, что ты в богов не веришь и Каллад не любишь. Людей ты совсем не любишь, Наклз. А вот это уже плохо.

Плод напряженного мыслительного труда существа, к этому труду самой природой неприспособленного, конечно, прошел бы мимо Наклза. Слова его вообще мало задевали. Задел тон. Магда говорила грустно и ласково, как будто обнаружила в собеседнике какое-то непоправимое душевное или физическое уродство, и пыталась его успокоить. Разве что конфетку не протянула.

Сводить счеты с женщиной было бы некрасиво, неправильно и, главное, бессмысленно.

Наклз поднялся из-за стола и кивнул:

- Доброй ночи, Магда.

- Не ходи сегодня во Мглу. И так выглядишь как покойник, - майор Карвэн была верна себе и как всегда учтива.

7.

"Враний Коготь" был трактиром респектабельным, просторным, хорошо освещенным и чрезвычайно чистым. Выпить там чаю или пропустить пару стаканчиков чего покрепче после трудового дня не гнушались даже высокопоставленные калладцы. Наклз, с его острой нелюбовью к скоплениям народа, заходил туда лишь однажды, но очень хорошо запомнил обстановку и расположение дверей, как запоминал практически все, что когда-либо видел: полное отсутствие воображения у него компенсировалось почти фотографической памятью. Для спусков во Мглу второе было необыкновенно полезно, а первое - и вовсе бесценно.

Оборотная сторона Каллад, как и всякая оборотная сторона, выглядела если не безобразно, то уж во всяком случае, значительно хуже лицевой части. Как-то в далеком детстве Наклзу довелось увидеть вышивку на пяльцах и ее изнанку. Когда лет через семь после этого его впервые выбросило в странный тусклый мир, он провел, пожалуй, единственную художественную параллель в своей жизни, решив, что это место напоминает реальность в той же степени, что изнанка вышивки у неумелой

мастерицы - саму вышивку. То есть рисунок вроде бы тот же, но что-то с ним не так, видны ошибки, которых с лица не разглядеть, а узлы и перетяжки попадаются в самых неожиданных местах.

Во Мгле у каждого места и почти у каждой вещи имелось отражение, более или менее похожее на оригинал. Для этого как раз и нужна была хорошая память. Чем детальнее маг представлял себе место, в котором желал оказаться, тем больше у него было шансов действительно попасть туда, а не просто проснуться с адской головной болью пару часов спустя. Поход во "Враний Коготь" через Мглу был в этом плане занятием совершенно безопасным, если определение "безопасный" вообще можно было применять к чему-нибудь, хотя бы косвенно связанному с Мглой.

Как правило, чем больше дурных слухов ходило о том или ином месте, тем меньше оно напоминало себя во Мгле. Во "Враньем Когте" пару раз приключались роскошные драки, один раз он даже горел, но всегда обходилось без жертв, так что опасаться там было нечего.

Наклз извлек из прикроватной тумбочки склянку с экстрактом виссары и видавший виды клубок грязно-красной шерсти. Первая, как сильный галлюциноген, должна была отправить его во Мглу, второй - быстро вернуть назад в случае необходимости. И оба должны были вызвать очень косые взгляды коллег. На счастье Наклза, косые взгляды его волновали мало еще до того, как он встретил Дэмонру. А уж долгое знакомство с ней и вовсе давало абсолютный иммунитет к неприятным мелочам жизни.

Наклз налил из графина в стакан холодной воды и растворил там содержимое склянки. Затем уселся в кресло, положив на колени клубок, и залпом опрокинул получившуюся смесь. Народная мудрость вероятностников гласила "сколько виссару не разводи, все равно получишь горькую дрянь вечером и головную боль - утром", и в этом ничуть не лгала. С первой бедой Наклз боролся тем, что всегда использовал ледяную воду - так вкуса почти не чувствовалось, а вторая мага почему-то миновала. Вернее, его мигрень не имела конкретной временной привязки и, как истинная женщина, приходила, когда хотела. Так что никакого вреда, кроме периодически приключающихся бронхитов, виссара Наклзу не причинила.

Выход во Мглу для каждого мага выглядел по-своему. У Наклза этот процесс всегда сопровождался чрезвычайно гулким ударом колокола где-то в области затылка, заставляющим вспомнить о нордэнском конце мира, и чувством, что он очень быстро погружается в ледяную воду на большую глубину.

"Вынырнул" Наклз уже у дверей трактира. Первыми из серой мути выступил дверные створки с прихотливым узором и колокольчиком над ними, затем - нечеткие контуры крыльца и ступеней, а последними - звуки. Слышимость во Мгле всегда была до отвращения плохой, так что использовать это место для беззастенчивого шпионажа было почти бесполезно. Иногда до слуха мага долетали какие-то обрывки слов, но их глушил далекий, невнятный рокот. Выросшему в Рэде Наклзу никогда не доводилось видеть приближающейся снежной бури, но он верил Кейси, которая утверждала, что шум Мглы похож именно на это. Хотя ни снега, ни бури там, конечно, не было.

Дождавшись, пока створки дверей станут четкими, Наклз прошел сквозь них и оказался внутри. Швейцар его, разумеется, не видел и продолжал неспешную беседу с половым. Трактир был почти пуст, и только на дальнем столике, по-детски подложив ладонь под щеку, спал какой-то господин средних лет. На полу в центре зала чернела небольшая подпалина, а к стене у служебного входа была прислонена столешница с подозрительными подтеками темно-серого цвета. Кровь во Мгле, как и все остальное, была серой, но за долгие годы практики Наклз научился отличать ее оттенок от всех прочих. Вообще единственным цветным пятном, которое маг видел, был клубок грязно-красной шерсти в своих руках.

Наклз перевел глаза на часы, висевшие над стойкой. Они показывали без четверти семь. Маг предельно четко представил, как стрелки начинают двигаться в обратную сторону и длинная делает восемь полных оборотов.

Без четверти одиннадцать. И еще зима. В дверь переполненного трактира вваливаются хохочущая Кейси и два ее спутника. Витольд Маэрлинг ослепительно улыбается всему, что можно хотя бы с натяжкой отнести к женскому полу, а Нордэнвейдэ пристально оглядывает помещение, словно ищет путь к срочному бегству, если потребуется. Компания усаживается за столик в углу, с которого хорошо обозревается вход в трактир. Эрвин садится лицом к двери, а Кейси - у окна. К ним подбегает услужливый половой, затем мчится на кухню, получив заказ, а Наклз наблюдает за дверью. Через пару минут действительно входят три молодых человека, двое из которых безобразно пьяны. Третий, прыщавый тип, похожий на шпика в худших романных традициях, напротив, кажется кристально трезвым. Компания сразу обращает внимание на столик, за которым сидит Кейси, и приземляется неподалеку.

Наверное, Наклз попытался бы осмотреть занятных молодых людей поближе, но тут его взгляд случайно упал на

Кейси. Девушка повернулась под таким углом, что в окне отразился ее правый висок. В первый момент магу пришла в голову совершенно глупая мысль, что нордэна по какой-то причуде приколола к волосам яркий цветок, скорее всего, красный. Потом он вспомнил, что Кейси никогда не страдала безвкусием, а носить цветы под шапкой - дело нелегкое. Миновав подозрительную троицу, Наклз стал аккуратно обходить помещение трактира, стараясь не попадать в отражения зеркал и окон. Это было первым, чему учили магов, выходящих во Мглу. Зеркала здесь вели себя, мягко говоря, странно. На тему этой аномалии студентами и учеными мужами было измарано едва ли не столько же бумаги, сколько досталось феномену "гремящих морей" и "рэдскому казусу". Наклз по молодости имел глупость подойти к зеркалу почти вплотную, и быстрое хватательное движение с той стороны, как будто что-то метнулось в стекло, запомнилось ему достаточно хорошо, чтобы не повторять прошлых ошибок. Маг застыл в пролете между окнами. Эрвин с убийственно серьезным выражением лица рассказывал что-то, а Кейси и Витольд хохотали так, что почти плакали. Нордэна движением головы откинула с лица выскользнувший светлый локон. В левом виске у нее была аккуратная маленькая дырочка. Очень яркая и четкая. Тоненькая темная струйка стекала по шее за воротник.

"Вероятность - одна вторая", - сказал кто-то чужой в голове Наклза, прежде чем он сам успел удивиться. И обрадоваться, что все-таки оказался здесь. Вероятность можно было и поменять. Нуль, конечно, из одной второй не получить, как ни крути, но сделать одну вторую - одной десятой - это тоже хорошо, просто замечательно. "Причина... Нужна основная причина и повод. Или хотя бы повод. Но лучше - причина", - Наклз рассеянно обвел помещение трактира взглядом, хотя причину там он, конечно, не искал. Причиной, к гадалке не ходи, были "подвиги" Ломаной Звезды. Причем скорее гражданские, чем военные.

"Я минимизирую вероятность. А потом вернусь к Дэмонре и расскажу ей, что каждое второе доброе дело наказывается еще в этой жизни".

Взгляд Наклза зацепил нечто необычное. Оказывается, он не был единственным человеком во "Враньем Когте", кто сейчас следил за Кейси Ингегерд через Мглу. У противоположной стены спиной к Наклзу стоял высокий худощавый мужчина и пристально смотрел в зеркало. Зеркало как раз должно было отражать Кейси и, собственно, окно, в котором она отражалась.

Будь это просто человек, глядящий в зеркало и окно, он

вряд ли бы увидел то, что хотел, учитывая игру теней и освещение трактира. Но, пока в них отражался непосредственно маг, зеркала во Мгле не давали никаких искажений картинки. Правда, надо было быть законченным безумцем, чтобы пользоваться этим. Следовательно, следящий за Кейси из Мглы мужчина был, во-первых, магом и - сумасшедшим, во-вторых.

Наклз, недолго думая, направился к нему, стараясь не попасть в зону отражения зеркала. С магом явно было что-то не так. Он стоял неподвижно, как истукан, и не отводил взгляда от ровной поверхности. Наклз обходил его справа. И почти не удивился, когда на виске мужчины обнаружился тот же "цветок", что и у Кейси. Только калибр пули, видимо, был крупнее. Когда Наклз сообразил, что именно, помимо лишней дырки в черепе, ему не нравится в этом человеке, было уже поздно. Мужчина повернул голову и встретился с ним глазами.

"Виссара довела меня до доппельгангеров", - механически подумал маг, глядя в собственное лицо безо всяких зеркал. В коллекции любимых ночных кошмаров Наклза определенно ожидалось приятное прибавление.

Двойник коснулся виска и несколько мгновений озадаченно рассматривал густую темную жидкость на пальцах. А потом рассеянно улыбнулся Наклзу и что-то сказал. За глухим гулом слов маг не разобрал, но кое-что он давно умел читать по губам.

"Единица".

Клубок в руках Наклза резко дернулся, а потом в лицо ему ударило холодом. Он не рассчитывал провести в трактире много времени, так что доза виссары была маленькой. Время вышло.

- Что - "единица"?! - еще успел крикнуть маг, прежде чем серый мир дернулся куда-то вверх и вбок.

Вопрос был преглупый. Он и сам прекрасно понял, что единице равнялась сумма двух продырявленных черепов. Потому что вероятность "единица" для еще не наступившего отдельного события не встречалась в природе.

Глава 2.

1.

Сани скользили по снегу так быстро, что, казалось, еще мгновение - и они полетят, вместе с серебристой поземкой и тройкой лошадей, из ноздрей которых на морозе валили клубы пара. Извозчик напевал что-то залихватское и удалое, колокольчик под дугой заливался звоном, а укутанные в меха пассажиры - смехом. Стоял ясный и холодный день, и два студента последнего курса, без пяти минут дипломированные некромедик и инженер, спешили в ресторан, на блины с семгой. Впереди маячили выговор от декана, строго поджатые губы родителей и огромное, безбрежное счастье, в какое верится только по юности.

Сани свернули. Мимо пронесся вход в парк святой Рагнеды и черные голые деревья за кованой решеткой, улица Хельги Асвейд, желто-белый кадетский корпус его величества кесаря Эвальда и, наконец, в лучах зимнего солнца ослепительно сверкнула темная лента Моэрэн. Тройка помчалась по набережной.

Дэмонра смотрела на эту картинку как будто со стороны. Она давно не чувствовала никакой связи между собой и смеющейся девушкой, прижимающейся к плечу Мейнарда Тальбера. Мейнард навсегда остался двадцатиоднолетним, красивым и счастливым, точно как в тот зимний день. А вот девушка куда-то исчезла. Дэмонра больше не встречала ее ни в зеркалах, ни на фотографиях. Одиннадцать лет спустя она начала сомневаться просто в факте ее существования.

На перекрестке, перед мостом, показался подросток в лохматой черной шапке и не по размеру большой шубе. Сани неслись прямо, мимо перекрестка. Дэмонра почему-то видела все это не из-за плеча извозчика, как в жизни, а с высоты птичьего полета. В тот ясный зимний день она заметила даже не подростка, а просто какую-то размытую темную фигуру, метнувшуюся к саням. Заметила в самую последнюю секунду, уже после того, как светлые глаза Мейнарда стали черными и бездонными из-за расширившихся зрачков.

Сейчас Дэмонра имела сомнительную радость в тысяча

первый раз наблюдать, как мальчишка в несуразной шапке неловко подбегает к перекрестку, путаясь в ногах и едва не падая на льду.

Парень мог трижды поскользнуться. Заметивший его за пару секунд до этого жандарм мог его задержать. Дэмонра и Мейнард могли досидеть до конца скучнейшую лекцию и только потом поехать кататься. Могли выбрать другой маршрут. Извозчик даже, наверное, мог успеть повернуть. Самодельная бомба могла взорваться в любой другой момент или не взорваться вообще никогда.

Красивая и уютная теория вероятностей столкнулась с реальностью и полетела к бесам.

Подросток в смешной шапке ковылял последние шаги и уже доставал что-то из-под шубы. Дэмонра предельно четко видела его красный нос и сжатые в линию губы. Все это было бы очень смешно, если бы не было так страшно.

Колокол ударил вдруг, неожиданно и гулко. Улица замерла. Мальчишка так и не достал бомбы. Извозчик еще не сумел понять, почему смеявшаяся секунду назад девушка завизжала "Поворачивай!". Мейнард еще не успел вышвырнуть спутницу из летящих саней. Замерли сани, прохожие, даже вихрившаяся в воздухе морозная пыль. Бил колокол. Дэмонра слушала звучные, полновесные удары и ждала.

Кому-то на Архипелаге она, видимо, здорово понадобилась, если там нарушили негласный запрет на пользование Мглой и пролезли в ее сон.

Долго ждать ей не пришлось.

Из ближайшего подъезда вышла Ингегерд Вейда, как всегда строгая и подтянутая. Мать Кейси, занимавшая место начальника городской службы безопасности и уволенная после серии терактов, жила на Дэм-Вельде уже почти десять лет. Наместница Рэдум была слишком занятой дамой, чтобы странствовать по Мгле и доносить до других нордэн свои пожелания и домыслы, так что эта сомнительной прелести задача легла на плечи Ингегерд. Учитывая, что кесарь выгнал последнюю без выходного пособия, выбирать матери Кейси не приходилось.

- Сожалею, что нарушаю твой сон, - казенно отрапортовала Вейда, оглядываясь с некоторым опасением. Дэмонра, наконец, начала осознавать себя. Не двадцатилетнюю девочку, летящую в санях, и не некоего абстрактного наблюдателя, а просто себя - разозленную, тридцатидвухлетнюю, даже во сне не выспавшуюся женщину.

Меньше, чем обсуждение важных дел во Мгле, она

любила только разглагольствования о долге калладской интеллигенции перед народом да нравоучительные романы. И, пожалуй, Эйвона Сайруса. Хотя к самой Ингегерд нордэна тоже светлых чувств не питала.

- Слушаю тебя, - во сне, по счастью, громко орать не приходилось. Колокола били вдалеке и особенно не мешали. Гораздо больше Дэмонру смущала зависшая в воздухе поземка. Она слишком живо напоминала тот злополучный день, когда они с Зондэр, еще гимназистки-старшеклассницы, на пару надышались эфиром в надежде повидать волшебные миры и пообщаться с их обитателями. Волшебных миров они тогда не нашли, а вот отец, забрав дочурку из больницы, единственный раз в жизни всыпал ей по первое число. Ремнем и добрым словом раз и навсегда отбив у нее охоту к общению с инфернальной фауной и вообще экспериментам подобного толку.

- Немексиддэ просит, чтобы ты не артачилась и шла, куда посылают, - огромным плюсом Ингегерд было то, что она не имела привычки ходить вокруг да около и подготавливать собеседника к неприятным новостям.

Дэмонра поморщилась. Просьба Наместницы была ожидаемой, но лучше от этого не становилась.

- Я и так не артачусь. Иду, куда посылают. А посылают меня на ... да в общем сама видишь, куда меня посылают, - проинформировала она. Казенное спокойствие Ингегерд вымораживало нордэну с ранней юности. Мать Дэмонры, генерал Рагнгерд, эту даму тоже не жаловала. Даже отец, предельно спокойный и вежливый Бернгард Вальдрезе, и тот ее недолюбливал. Видимо, у них это было семейное.

- Ну вот и иди. Дэм-Вельда гарантирует тебе безопасность при любом исходе.

- Чушь собачья. Пуля, знаешь ли, дура. Но поумней всякого мудреца.

- Я не о том, с пулями на западе ты сама разберешься, не маленькая. Безопасность - после.

- Как моим родителям? - не удержалась Дэмонра.

- Прошлые ошибки учтены, - ровно заверила ее Ингегерд. Внимательные глаза нордэны остановились на начавших переворачиваться санях. Надо думать, та была достаточно наслышана о биографии Дэмонры, чтобы понимать: она влетела в сердце кошмара, который правда пока как кошмар не выглядел. Пришла бы на пять секунд позже - застала бы куда более разнообразную цветовую палитру, чем белое и голубое. - Тебя также выведут из-под кесарской юрисдикции, если возникнет такая необходимость, и будут судить по праву стали. Но Западная

Рэда должна быть нашей к началу лета.

"Право стали" Дэмонра намеренно пропустила мимо ушей. Когда человека хотели осудить, его осуждали по "серебру". Если Дэм-Вельда при этом сильно упрямилась и вопила, что видит прямую "волю богов", его судили по праву стали, иными словами, по нордэнскому закону, и даже чудом могли оправдать. "Чудо" по праву серебра стоило больших вносов в казну и не только, а "чудо" по праву стали стоило большой благосклонности Немексиддэ Рэдум. И заплатить "по серебру" было куда как проще и приятнее. Как обстояло дело доподлинно Дэмонра не знала, но у нее, как у обывателя, складывалось впечатление, что Дэм-Вельда лезла в судебные дела - и вообще политику - не так уж часто и с большой неохотой. Явные исключения делались только в тех случаях, когда под суд по разным причинам попадали близкие к старой нордэнской аристократии семьи, то есть владельцев фабрик и заводов, объединенных в Иргендвигнандэн, "Зимнее безмолвие". Наверное, самую крупную группу промышленных компаний во всем обитаемом мире. Защищая их интересы, дэм-вельдские Наместницы демонстрировали поразительную непреклонность с поразительным же единодушием.

Классическим примером тому служила нашумевшая почти тридцать лет назад история Рагнеды Скульден, боевого офицера из Каллад, и Дэзмонда Кадияра, тоже боевого офицера, но уже от Аэрдис. Любовь с первого взгляда началась как в романе и едва не закончилась точно так же. Дэмонра была слишком мала, чтобы помнить, какие страсти кипели в столице, армии и головах, но финал был хорошо известен всему Каллад: кесарь по праву серебра осудил идеологически неверных голубков на смерть, нордэны оправдали по стали. Если верить Рагнгерд Дэмонре, ее матери, Архипелаг тогда пошел на этот шаг тоже скорее из-за ситуации с наследством Скульден, чем от склонности к рыцарской романтике. Коса нашла на камень, полетели искры, а чуть позже - выбитые стекла. В принципе, на золотоволосого красавчика из Аэрдис было плевать всем нордэнам, кроме его гражданской жены - тогда это называлось несколько более грубым и емким словом - но вот терять фабрики, принадлежавшие семье Скульден, Дэм-Вельде не хотелось. И умные люди решили пойти на компромисс. Кесарь получил улучшенную модель револьвера (по тем временам немыслимый шедевр оружейного дела), а морально нестойкие голубки - право валить из Каллад к собачьей матери, предварительно подписав посмертную дарственную на имя Рэдум Эстер, тогдашней наместницы Архипелага.

Дэмонра считала этот случай классическим еще и потому,

что Рагнеда и Дэзмонд случайным образом утонули в море при попытке переправиться на Архипелаг. Вместе с нерожденным ребенком Рагнеды, который бы сделал ее "дарственную" простой бумажкой. Такие вот удивительные дела творились в кесарии.

Мать Дэмонры неоднократно высказывалась на тему того, что она думает о праве серебра и о праве стали. А также о том, какими незначительными отличиями обладают две эти субстанции, с серебром и сталью как раз предельно несхожие. Дэмонра разделяла ее взгляд на вещи, но право на такие выражения давал чин от генерала и выше.

- Зачем нам Рэда к лету? - мрачно поинтересовалась Дэмонра, разглядывая застывшего, точно изваяние, мальчишку. Видеть своего несостоявшегося убийцу так близко ей еще не доводилось. А это был совершенно обычный мальчик, какой мог бы сидеть за партой калладской гимназии и карябать в тетрадке скверные стишки про розы и морозы. - На кой ляд? От Рэды мы последние полсотни лет не видели ничего, кроме неразрешимых проблем этического свойства. Пшеницу и тк продают...

- Затем, что иначе через пять лет в Дэм-Вельде будут есть кору, вот зачем. И в Каллад - лет через пятнадцать. Граница Гремящих морей придвинулась еще ближе, - сообщила Ингегерд.

Последнее прозвучало так бесовски зловеще и столь же дешево, что живо напомнило Дэмонре дурную оперетту. Не хватало только какому-нибудь клоуну в черном плаще на заднем плане протанцевать.

- Шикарно. Если я что-то помню из курса географии, она придвигается каждый год. На пару метров. Простая математика подсказывает мне, что у Дэм-Вельды есть порядка трех тысяч лет в запасе на решение этой проблемы. А у Каллад - и того больше. Через три тысячи лет люди сами себя уничтожат. Да что я говорю? Артиллерия, газовое оружие, автоматические пистолеты системы Рагнвейд. Пятьдесят лет назад половину из этого считали невозможной сказкой. А еще лет через пятьдесят кто-нибудь все-таки придумает, как бы шарахнуть по соседу издали чем-нибудь таким, чтобы там все живое разом передохло. Желательно, сохранив при этом его, соседа, как это бишь называть? - природные ресурсы. И назовут это прогрессом, между прочим. И я советую заранее проклясть тот день, когда мы сумеем подняться в воздух на чем-то более скоростном, чем дирижабль. Ингегерд, серьезно, проблему с Гремящими морями можно оставить в покое. Мы перебьем друг друга значительно раньше, чем сюда придут холод и мгла.

- Сто лет назад на Дэм-Вельде росли яблони, - пожала плечами бывшая глава калладской службы безопасности.

- А теперь не растут, - продолжила Дэмонра. Притчу о наливных дэм-вельдских яблочках и их трагической судьбе она слышала уже достаточное количество раз. Большинство нордэнов в этом плане огорчались только тому факту, что теперь приходилось гнать сидр из привозных. - Сто лет назад в Рэде нам краснощекие и довольные жизнью девахи пекли пироги и наливали самогону. А теперь не пекут и не наливают. Мы обсуждаем золотое вчера, когда трава была зеленее, даггермар крепче, и при слове "любовь" люди вспоминали не бардаки, а браки.

- Северное побережье Дэм-Вельды становится полностью непригодным для рыбной ловли. Пропало больше десятка рыбацких лодок за полгода, рыба мутирует, - гнула свое Ингегерд.

- Отлично. Семга в Каллад подорожает. Но не исчезнет. У Дэм-Вельды, помимо северного, еще три побережья, если я правильно помню карту.

Светлые брови Ингегерд сошлись на переносице:

- Я сожалею, что воспитание прошло мимо тебя. Рагнгерд бы не одобрила подобного тона.

- А вот это вы с ней обсудите при встрече, - оскалилась Дэмонра. Ничто между небом и землей не убедило бы ее, что Ингегерд могла прошляпить подрыв церкви, полной важных сановников, без чьего-то вполне ясного указания.

- При встрече я ей скажу, что глупо было экономить на учителе географии. Каждый дэм-вельдский нордэн скажет тебе, что два метра в год - это миф.

- И сколько тогда?

- В прошлом году - километр. И два - в этом.

Дэмонра нахмурилась:

- Бред. Это минимум девять сотен квадратных километров территориальных вод за последние три года. Каллад на войне столько ни разу не терял. Кесарь бы уже трубил во все трубы и вешал виноватых.

- Кесарь опоздал с виноватыми на пять с лишним столетий, - невозмутимо возразила Ингегерд. - К тому же, кесарю не следует совать свой нос в такие дела, пока мы исправно поставляем ему оружие. И ты забываешь ветра, дующие с севера. Мы теряем не только территориальные воды и милую твоему сердцу семгу. Дыхание Гремящих морей, как бы тебе сказать, не очень полезно. Последние четыре года у нас плохо растет пшеница. Даже на фоне обычных, и без того не блестящих показателей. Нельзя бесконечно рассчитывать на прошлые запасы. И на апельсинную дипломатию. Смотри на вещи трезво. В

плане хлеба Каллад в лучшем случае может прокормить себя. Без завоеваний последних десятилетий - и этого бы не смог. Кто будет кормить Дэм-Вельду?

- Рэда, конечно, - фыркнула Дэмонра. - Сперва когда-то дружественная Рэда. Потом ныне дружественная Виарэ. Потом Эсса, Эфел, Эйнальд. Оттяпаем чужие сырьевые придатки, делов-то. Но наш бодрый марш на запад рано или поздно закончится у границ Аэрдис. Это если наши белокрылые друзья, замечу в скобках, не потопают нам на встречу, а я бы на их месте потопала. И что мы тогда станем делать? Искать очередного неотягощенного умом блондинчика с генеральскими погонами и рассказывать ему, что мы на самом деле спасаем мир, а не делаем то, что все нормальные люди подумали? Нам второй раз так едва ли повезет.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Ничего, - скривилась Дэмонра. - Предлагать нашим умникам поумерить амбиции - дурная затея. Поэтому сказать мне нечего.

Ингегерд тяжело вздохнула:

- Я передала тебе волю Немексиддэ. Ты всегда ставишь свой долг под сомнение?

Дэмонра закатила глаза.

- Напротив. Меня папа приучил, что при моих финансовых обстоятельствах - я уверена, ты знаешь, они не блестящие - нужно вести долгам строгий учет. Я всегда отлично помню, кому и сколько задолжала. А потому ненавижу, когда мне пытаются приписать лишнее.

- Дэмонра, за последние три года у нас на сто младенцев восемь рождаются с уродствами, ты хоть это понять можешь?!

- Могу. Пейте меньше и меньше курите всякой дряни. Еще можно вести более упорядоченную интимную жизнь, хотя тут не мне...

- А не хочешь узнать, сколько сотен младенцев у нас вообще родилось в этом году?

Вопрос, конечно, был плохой. Истинный гордиев узел. Вот только не Дэмонра его завязала, и не Дэмонре было его рубить.

- Не хочу. Ушел поезд. Мне было сказано, что мое присутсвие на Архипелаге нежелательно, я все поняла и уехала в Каллад. Если уж вы лишили меня возможности любоваться родными елками, то и от созерцания ваших скорбей тоже избавьте. Это будет честно.

- Ты по юности все приняла слишком близко к сердцу. Если это и было изгнанием, то только в твоих глазах.

- А твое увольнение - увольнением только в твоих. Ну а

если говорить серьезно, от того, что мы оттяпаем еще кусок Рэды, мы не перестанем вымирать, как саблезубые кошки, Ингегерд. Ты это если не лучше меня знаешь, то уж точно лучше меня видишь.

Повисла пауза. Дэмонра уже рассчитывала, что сейчас ее собеседница исчезнет и на мир обрушится грохот, но не на ту нарвалась. Ингегенрд несколько раз выдохнула - пара от ее дыхания не шло - и похоже, совершенно успокоилась. С ледяной любезностью поинтересовалась:

- Мне передать Немексиддэ твой гордый и решительный отказ?

- Передай ей, что она получит желаемое к концу весны, - процедила Дэмонра. - И заплатите, наконец, вашим магам-погодникам. Если вспомнить всю ту же несчастную географию, на которой так бессовестно сэкономили мои родители, у каждого района есть роза ветров. Вот и попробуйте ее поменять.

Ингегерд смерила Дэмонру взглядом синих глаз, холодных, как фьорды за час до рассвета.

- Доброго тебе дня.

- И тебе тоже сдохнуть.

Колокол вдалеке смолк. Нордэна исчезла, а вслед за ней взвихрилась поземка. Мальчишка все-таки извлек из-под шубы сверток, рыжеволосая девушка вылетела из саней, потом раздался визг полозьев, страшных грохот и металлический лязг. Белый снег застил черный дым.

2.

Наклз проснулся далеко за полдень и совершенно разбитым. Калладские маги славились умением спать не только в креслах, но и вообще на любых не приспособленных для этого поверхностях, так что шея и спина не ныли сильнее обычного. А вот голова болела. Где-то в области затылка гулким эхом перекатывались слова, которые он слышал в последнюю минуту сна.

Наклз нащупал подлокотники и прикинул программу мероприятий на сегодняшний день. Она мало чем отличалась от обычной. "Итак, начинаем сеанс некромантии для невежественных романтиков", - бодро продекламировал про себя Наклз начало студенческой песенки весьма игривого содержания. Если ему что в этом чуде и нравилось, то это энергичный мотивчик, отчасти напоминающий сильно перевранный

калладский гимн. "Романтик" из студенческого фольклора нашел массу приключений, от последствий которых потом долго лечился, тоже с приключениями. У Наклза планы были куда более скромные и скучные. "Шаг первый - поднятие трупа. Шаг второй - доставка трупа на кухню. Шаг третий - накачка трупа седативом, если по дороге предметы отрастят себе лишние углы, тени и проблемы с перспективой".

Каждый пункт программы сопровождался решительными действиями. Наклз действительно выполз из кресла, без приключений добрался до кухни: она сияла поразительной чистотой и недвусмысленно намекала на хозяйственные таланты Зондэр Мондум - Магда и уж тем более Дэмонра никогда уборкой себя не утруждали. Разве что бутылки контрабандного даггермара всегда сами прятали, не доверяя другим операции такой важности. Наклз открыл шкафчик, где хранил чай и несколько менее безобидные достижения дэм-вельдской промышленности, и ощутил глубокое разочарование. Третий пункт плавно трансформировался в "донести труп до аптеки, не напугать аптекаря". На фоне большинства калладских магов Наклз, возможно, и выглядел вменяемым, но по утрам встреченные дворники и извозчики все равно тихонько осеняли себя знаменем. Многочисленные выходы во Мглу не сказывались на внешности самым печальным образом только в дамских романах.

Давным-давно стоило нанять слугу, но Наклз отличался еще более тяжелой формой непереносимости идиотов, чем Дэмонра. Если последняя крыла их по матери и в итоге как-то добивалась своего, то у него после второго глупого вопроса начинались приступы черной меланхолии и натуральной зубной боли. Мало того, что в итоге он все равно делал все сам, так еще и с испорченным настроением. Поэтому в аптеку предстояло идти самостоятельно.

Гости ушли, убрав со стола, перемыв посуду и расставив по местам мебель с чисто армейской дисциплинированностью. Впрочем, Госпожа Стужа все еще возвышалась в углу и угрюмо поглядывала на Наклза нарисованными синими глазами. Здесь явно имело место вмешательство Магды. Впрочем, они догадались не спалить чучело прямо в доме, что само по себе было очень хорошо. На чистом столе лежала записка. Обладатель каллиграфического почерка благодарил за гостеприимство и сообщал, что за дверями приглядывает некий швейцар, имя которого Наклзу ничего не говорило. С другой стороны, ни один домушник в здравом уме не полез бы к магу, водящему знакомство с Ломаной Звездой. Существовали гораздо менее болезненные способы расстаться с жизнью.

Солнце светило омерзительно ярко. Снег сверкал еще хуже. Улица была идеально пуста. Но аптеки работали. Более того, в стеклянных витринах стыдливо переливались бутыли с содержимым нежно-зеленого цвета. Объем и количество емкостей впечатляли. Наклз, впрочем, был уверен, что через пару часов, когда продерут глаза самые активные гуляки, от всего этого богатства не останется и следа. Резервами в таком щекотливом вопросе заблаговременно озадачивались только медики да военные.

Держательница ближайшей аптеки, госпожа Розье, завидев клиента, расцвела в дежурной улыбке. Ярко-изумрудное платье в мелкий оранжевый цветочек в другой момент нанесло бы жестокий удар по эстетическим идеалам Наклза, но у него имелись проблемы более практического характера. Так что он перевел взгляд на белые букли подозрительной густоты и пышности.

- Добрый день, госпожа. Вытяжка из кайлены есть?

Розье заулыбалась еще шире.

- Да всю раскупили, почитай. Но я для особого клиента приберегла. Чуяла душа моя, что вы придете, мессир.

Наклз бы голову свою против трех грошей поставил, что обостренно чувствующую душу аптекаря спонсирует Третье отделение. Благо, у него имелись все необходимые бумаги.

- Как любезно с вашей стороны. Будьте добры две склянки.

- Про рецепт не спрашиваю, - кокетливо заметила Розье, скрываясь где-то за стойкой. Наклз мрачно подумал, что у него и рецепт, и назначение врача на лбу написаны. А если не на лбу, то под глазами - точно.

- Мессир Наклз, что-нибудь еще?

- Нет, спасибо, - он давно взял за правило не покупать в городских аптеках ничего крепче кайлены. В слухи о том, будто бы власти сознательно ухудшают качество продаваемых магам седативов и галлюциногенов, чтобы последние вели себя смирно, он, конечно, не верил. Но дэм-вельдские вытяжки выгодно отличались от конкурирующих продуктов тем, что действительно работали всегда. Хотя за последние пять лет Наклзу пришлось сменить уже три препарата, и радоваться здесь было нечему. Кроме, может быть, того факта, что он дожил до тридцати семи и до сих пор ухитрялся производить впечатление совершенно вменяемого существа, иногда даже на себя самого. Большинству его коллег по ремеслу повезло куда как меньше.

- Может быть, виссару? - отвлекла его от неприятных мыслей Розье.

- Спасибо, не стоит.

- Как угодно, как угодно, все для клиентов. А вы, знаете ли, наша гордость. Как посмотришь иногда на других магов, аж дрожь берет. Шатаются, глаза бегают, руки трясутся...

Во-первых, Наклз терпеть не мог, когда специалистов в области вероятностных манипуляций называли магами - они все-таки не кроликов из шляпы доставали, да и стальные цветы едва ли заставили бы расцвести. "Вероятностники" звучало как-то менее нелепо. Во-вторых, проведи Розье хотя бы пару минут во Мгле, она бы не шаталась и даже не ползала. Но он решил не грубить. К тому же, судя по интонации, женщина собиралась добавить что-то еще.

- А вот вы, такой видный господин. А жена у вас есть?

Наклз мысленно присвистнул. Да в ход пошла тяжелая артиллерия. Оставалось дождаться лихой штыковой атаки.

- Нет. Знаете, вероятностники вообще редко женятся.

"Как правило, женщины предпочитают мужчин, хотя бы теоретически способных дать здоровое потомство и не спятить окончательно к сорока годам", - мысленно добавил он.

Мадам Розье даже со всем ее зелено-оранжевым платьем, шедевром куафера на голове и слоем пудры, способным удержать выстрел из винтовки, меньше сорока пяти-пятидесяти дать было сложно. Но ее лоб не бороздила ни единая морщинка. Наверное, это стоило бы счесть достоинством, но Наклзу всегда казалось, что отсутствие знаний и, увы, неразрыно следующих за ними скорбей, напрочь убивает любое очарование. Розье сморщила нос - что в ее случае, видимо, считалось выражением крайней задумчивости - а потом перегнулась через стойку и драматическим шепотом сообщила:

- А у меня и от этого травки есть.

Удар прошел мимо цели: упомянутых проблем Наклз у себя не замечал. Но такая вероломная атака стоила ответной галантности.

- И что, работают? - любезно поинтересовался он, заблаговременно убирая склянки в сумку и оставляя на стойке монеты.

- Еще как! А уж если и дама нужная попадется, - "нужная дама" затрепетала ресницами, на тот случай, если безмозглый колдун еще не понял. Безмозглый колдун смотрел на ее поблескивающее обручальное кольцо и думал, что, может, не так уж ему и не повезло. - Бывают в жизни такие встречи...

Наклз же уяснил, что ничего принципиально нового не услышит, а потому тоже слегка наклонился над стойкой и мягко уточнил:

- А что, мужу вашему они уже совсем не помогают? Если рост дозы не помогает, нужно сменить средство, как маг я в этом понимаю...

Контрудар сработал даже слишком хорошо. Аптекарь налилась багровым румянцем:

- Все маги - мерзавцы. До единого, - гордо сообщила она после выдержанной трагической паузы.

- А это необходимое условие или достаточное?

- Что?

- Не спорю, все маги - мерзавцы. Но не все мерзавцы - маги. Подумайте об этом на досуге, в качестве гимнастики для ума. Доброго дня.

3.

Дэмонра сидела, обняв подушку, и мерила Рейнгольда раздраженным взглядом. Разбуженная ранним утром после государственного праздника, в полном соответствии с известным калладским анекдотом, нордэна чем-то напоминала невыспавшуюся сову, разве что отнюдь не производила впечатления милого существа.

- Наступает конец света? - наконец, фыркнула она, устав от попыток просверлить любовника взглядом. Рейнгольд отрицательно покачал головой и отхлебнул чаю.

- Тебе снилось что-то не очень хорошее. Я решил тебя разбудить.

Под рыжими ресницами, еще не подчерненными достижениями дэм-вельдской косметической промышленности, серые глаза женщины казались очень темными, гораздо темнее, чем днем. Рейнгольд механически подметил эту деталь и снова сделал глоток. Он давно знал, что, если не реагировать на первые три-четыре выпада, злость нордэны проходит сама собой и не наносит особенных разрушений. Конечно при условии, что речь не шла о каких-то действительно серьезных проблемах. Поэтому он спокойно пил чай и ждал, когда гроза разразится и отгремит.

Дэмонра ненавидела, когда ее будили. А Рейнгольд ненавидел, когда его любимая женщина, чуть не плача, металась по подушке и монотонно повторяла: "Поворачивай".

- Я весьма сожалею, что мешаю тебе спать не только тогда, когда ты этого хочешь!

Рейнгольд молча кивнул на вторую чашку. Первые два

выпада прошли мимо цели. Он вовсе не имел ничего против. Хотя в глубине души и мечтал уговорить Дэмонру на какое-нибудь легкое снотворное.

- В конце концов, ничто не мешало тебе подцепить более роскошную юбку! - продолжала шипеть женщина.

- Когда мы познакомились, ты была в брюках, - меланхолично возразил Рейнгольд. - В брюках и на коне.

Дэмонра прыснула. Видимо вспомнила, как через пару часов после этого знаменательного события они попали под сильнейший ливень и оказались в убогой деревенской гостинице. Без коней, а спустя какое-то время - даже без брюк.

- Я обычно так не знакомлюсь, вернее, стараюсь быстро раззнакомиться. Просто на тех учениях ты сумел произвести на меня неизгладимое впечатление.

Эту фразу Рейнгольд слышал от Дэмонры уже не раз. И давно чуял подвох. Он пожал плечами и поглядел в окно. Еще и не думало светать, но времени все равно оставалось слишком мало. После разговора с Наклзом Дэмонра вернулась неожиданно спокойной и умиротворенной, улыбалась, шутила и весьма пикантным образом стягивала чулки. Тогда Рейнгольд подумал, что она все-таки согласилась бежать в Дэм-Вельду. Промучившись с этой мыслью весь остаток ночи, он решил, что поторопился с выводами. Серьезного разговора было никак не избежать, и лучше бы он состоялся раньше. Тогда у него осталось бы больше времени или на упаковку чемоданов, или на прощание с иллюзиями.

- Я вчера, то есть уже сегодня, так и не понял, что ты решила. Мы едем на Дэм-Вельду?

Улыбка нордэны исчезла так быстро, словно ее стерли ластиком.

- Тебе не понравится тамошний климат. Солнца нет по полгода. Оставшиеся полгода его слишком много, - сообщила она не Рейнгольду, а одеялу на своих коленях.

- А еще в Дэм-Вельде нет ежедневных газет, театра и работы для адвокатов, - спокойно продолжил Рейнгольд. - Но жить-то там все же можно?

- Жить можно везде. Вопрос - нужно ли, - Дэмонра поморщилась и стала заплетать косицу. Как истинная калладка, на ее конце она носила черно-белую подвеску с четырьмя ромбами. Нордэна с преувеличенным тщанием переплетала между собой тонкие оранжевые прядки и смотрела куда-то мимо.

- Я так понимаю, ты остаешься.

- Да, - Дэмонра ответила сразу, без раздумий, безо всякого пафоса, спокойно и ровно. Она не стала рассказывать

Рейнгольду, как любит Каллад или что бесполезно ее отговаривать. И тогда-то он окончательно понял, что надежды нет.

- Жаль. У меня мелькнула глупая мысль, что ты послушаешь Наклза, - скорее подумал вслух, чем обратился к собеседнице Зиглинд. Дэмонра под белой фатой уплывала куда-то в туманную даль рэдских полей и перелесков. Это было логично, ожидаемо и абсолютно немыслимо. Рейнгольд давно знал, что у их истории может быть только такой финал, но всегда как-то надеялся, что минует. Разумеется, не миновало.

- Можно подумать, ты знал, что он скажет, - буркнула Дэмонра.

- Твой маг не похож на рыцарствующего дурака.

- Зато я похожа на рыцарствующую дуру.

- Это ты сказала, не я. Я всего лишь выразил сожаление, что дельные советы Наклза прошли мимо тебя. Тот факт, что мое мнение всегда постигает та же участь, меня уже давно не огорчает.

Дэмонра, к большому удивлению Рейнгольда, не стала фыркать в ответ. Вместо этого она покачала головой:

- С тобой тяжело спорить, Рэй. Это у тебя врожденное или благоприобретенное?

- Профессиональное.

- Тогда твои профессиональные знания должны помочь тебе понять, что меня загнали в угол. Я могу оттуда шипеть и огрызаться, но кардинально ничего уже не могу изменить. Давай на этом закончим. Хочешь, я прямо сейчас уберусь из твоей спальни и твоей жизни? Я это хорошо умею.

Рейнгольд смотрел в темное окно. Рассвет почему-то медлил.

- А я ведь тебя люблю. Глупость какая.

- Действительно, глупость какая. Ничего это не меняет. - Дэмонра пошарила по полу в поисках чулок. - Можно я задам тебе еще один глупый вопрос в довесок?

- Задавай, конечно.

- Если выйдет так... что я повторю мамины подвиги. Что делать станешь?

Рейнгольд мог бы отшутиться, сказав, будто Дэмонра никогда бы не сумела повторить подвиги генерала Рагнгерд просто потому, что больше в Рэде столько фонарей не было. Местное население, увидев их альтернативную функцию, быстро означенные фонари ликвидировало. Так что вешать инсургентов Дэмонре предстояло на каких-то менее прогрессивных устройствах, вроде старых добрых виселиц, шибениц и

обыкновенных березок.

- Затаскаю по судам первую либеральную газету, которая назовет тебя дурным словом, разумеется, - сухо сообщил он.

- А думать что при этом будешь?

- Это уже второй глупый вопрос. Я сделал тебе предложение, которое, будем честны, стоит мне возможности видеть большую часть моего семейства. А ты можешь сделать из этого какие-то выводы. Я имею право на встречный вопрос?

Дэмонра подозрительно прищурилась и кивнула:

- Задавай.

- Чем же я ухитрился произвести на тебя неизгладимое впечатление при первой встрече? Только не говори, что у тебя склонность к людям, скверно читающим карты. Не поверю.

Лицо нордэны просветлело. Дэмонра благодарно улыбнулась:

- Гм, видимо сегодня у нас утро тяжелых откровений. Ладно, Рэй, все значительно проще, чем ты думаешь. Я просто в тот день впервые в жизни увидела человека, догадавшегося притащиться на учения в лесу с театральным биноклем.

Рейнгольд не первый раз подумал, что некоторые вещи, перестав быть тайной, теряют половину своего очарования.

- Так вот, я сразу решила, что у тебя интересный взгляд на мир и не ошиблась. Не злись на меня, пожалуйста. Мы поженимся в июне. А потом махнем на историческую родину Магды, под крыло к ее дедушке. Обаятельнейший старик, гонит распрекрасный самогон из самых неожиданных ингредиентов и играет на чудном музыкальном инструменте со струнами. Добрые Заступники и зеленые бесы нас там не достанут, ты уж мне поверь. Он сбивает их на подлете винтовкой, видевшей еще виарскую кампанию.

4.

- К вам какая-то барышня приходила, - сторож говорил на морхэнн преувеличенно правильно и убийственно серьезно, с выражением лица, которое больше пристало бы министру накануне получения грандиозного разноса от кесаря. Так что это вполне невинное сообщение Наклзу с ходу не понравилось.

- Барышня? - удивился он. До начала сессии было еще слишком далеко, чтобы особенно бестолковые студентки приступали к правильной осаде. Во всяком случае, количество откровенно глупых вопросов и томных взглядов еще не

превышало обычного уровня.

- Ну, то есть не совсем барышня...

У Наклза имелись совершенно четкие и определенные представления о том, как должна выглядеть классическая калладская "барышня". Как правило, это было миловидное, восторженное и совершенно не приспособленное для жизни существо, заботливо взращенное на сентиментальных романах из маменькиного шкафа и гуманистических идеалах полувековой давности. При хорошем раскладе родители все же догадывались отдать упомянутое существо не в пансион, а в реальную гимназию, где, помимо мертвых языков, изящных искусств и танцев, преподавались азы математики и медицины. Тогда был шанс получить на выходе кого-то похожего на Кейси Ингегерд. "Не барышня", обыкновенно, имела гражданство второго класса, ходила в платье со шлейфом даже днем и при случае весьма мило стреляла папироски у прохожих молодых людей. И уж дворники со сторожами умели различать эти два непересекающихся множества лучше других.

- Не совсем барышня - это барышня в перьях? Или в штанах? - окончательно запутался в определениях Наклз.

Сторож кивнул:

- Именно так, мессир. Страшно сказать, в штанах.

- Барышня в штанах - это очень современно, - сдерживая улыбку, заверил собеседника Наклз. Долгое общение с нордэнами приучило его стоически воспринимать и гораздо более пикантные зрелища. Одна Магда, лет восемь назад подошедшая к нему с вопросом "А как эти бесовы хреновины цепляются на эту бесову дрянь?" дорогого стоила. Особенно учитывая тот факт, что помимо чулок и пояса для этих самых чулок надето на ней было не особенно много. Пожалуй, это было последнее нравственное потрясение в жизни Наклза.

- Так и до конца света дожить недолго, - буркнул сторож. - Но, в штанах она или не в штанах, а все-таки девица. Замерзла бы, бедная, на таком морозе ждать. Я ее в сторожку свою отвел.

- Благодарю. Пусть приходит, раз уж у нее какое-то дело. Это вам на чай. Вы меня очень обяжете, если не станете отказываться.

Сторож спрятал монету и улыбнулся в бороду:

- Благодарствую. Куда ж мне отказываться? Пятеро малых, а цена на сахар все растет.

"Бесы с ним, с сахаром, - подумал Наклз, поворачивая ключ в замке. - Удивительно, что не растет цена на хлеб".

Лет двадцать назад в Рэде его делали из отрубей уже на второй год войны. Да и суп из крапивы ему хорошо запомнился.

Как и прочие кулинарные изыски из предметов, самой природой для кулинарии не приспособленных. А Каллад все держался.

"Поразительная удача и страшная страна".

5.

"Не совсем барышня" явилась через четверть часа. Медная пластинка и молоточек ее совершенно не заинтересовали, так что в дверь она колотила по-простому, да еще, судя по громкости звука, ногой.

"Очень современно", - оценил ее старания Наклз и резко распахнул дверь. Бедняжка едва не потеряла равновесие, но все же ухитрилась устоять на ногах. Наклз с интересом оглядел гостью. Нет, ничего подобного у него точно не училось. Такое чудо к престижному учебному заведению на выстрел не подпустили бы.

- Ежели вы собираетесь меня держать на пороге, как нищего, то так и скажите! - с вызовом заявила гостья нарочито низким голосом.

- Прошу вас, - Наклз вежливо посторонился, пропуская удивительное создание в прихожую. Сразу после разговора со сторожем он представил себе эдакое "эмансипе" с подчерненными ресницами, кокетства ради нацепившее брюки, но тут случай был явно серьезнее. На девице, помимо непонятного покроя штанов, болталось мужское пальто, которому лет было никак не меньше, чем самой гостье, а довершали образ короткий парик чернильного цвета и криво наклеенные усики.

Магда в таких случаях вздыхала: "Конспирация...!" - и тянулась за шашкой. Нет, бомбу такому чуду бы не доверили. Впуская барышню в дом, Наклз не рисковал ничем, кроме нервов.

Едва он успел закрыть дверь и поинтересоваться, чем он может служить, как удивительное создание возопило на чистейшем рэдди:

- Я пришел по поручению Боевых Ястребов Революции, - название организации не сказало Наклзу ничего, сверх того, что у ее создателей не было ни мозгов, ни даже вкуса, - и буду вас судить! - и извлекло револьвер.

Такого выкидыша оружейной промышленности Наклз не видел давно. Он оторопел. В револьверах и оружии вообще маг понимал мало, но по его представлениям чем-то подобным калладцы гоняли горцев еще в виарской войне. То есть лет эдак

тридцать назад.

- Пришла, - механически поправил он, с интересом рассматривая с позволения сказать оружие. - Ваш маскарад не обманул даже сторожа. Простите, а где вы достали подобный... экземпляр? Там есть еще такое?

Наклз не язвил и не пытался язвить. Не то чтобы до этого дня его никто не хотел убить - хотели этого многие и не раз. Но еще никто не догадывался угрожать ему музейной редкостью. У него имелись серьезные сомнения, что эта вещь в принципе может стрелять.

- Сатрап! Палач! Изверг! - завизжала несостоявшаяся судья. - Пятно на совести мира!

- А вы, извините, пятновыводитель? - полюбопытствовал он, аккуратно уходя из-под прицела. Если бы девушка собиралась стрелять, она бы уже стреляла. Наклз спокойно обошел ее и запер дверь.

А потом с интересом выслушал беллетризованный пересказ своей биографии. Политическое кредо барышни он слушал уже с меньшим интересом. Ясноглазые идеалисты не отличались широкой образованностью и обычно цитировали один и тот же "научный труд", и речи их отличались разве что количеством упоминаний "свободы", "равенства" и "справедливости" на единицу текста.

Пока девушка сыпала ворохом скверных цитат и собственных измышлений на тему того, чем мир плох и как сделать так, чтобы он срочно стал хорош, Наклз отмечал детали. Лет двадцать-двадцать пять. Скорее всего, блондинка или светло-русая. Брови подкрасить не догадалась. Стрелять явно не умеет, даже оружие держит каким-то чудным образом. Судя по всему, последний раз нормальную еду видела давно или очень давно.

Дэмонра ласково звала таких "идиолистами". С очень выразительной паузой после "о".

- Так вот, - девица перевела дух. Шедевр оружейной промышленности отплясывал в ее руках какой-то варварский танец. - Я знаю, что переживу вас ненадолго. Но мой долг в том, чтобы смести вас с земли, как отвратительное насекомое!

- Я должен предупредить, что ваши Боевые Орлы Революции выдали вам очень некачественный инсектицид, - серьезно сказал Наклз, лучше многих знавший, как выглядит развороченный череп. И это было несколько не то зрелище, которое ему хотелось бы наблюдать в собственной прихожей.

- Что? - осеклась юная революционерка. Видимо, "пятно на совести мира" вело себя несколько не так, как ожидалось, и пятновыводителя не боялось. Оно не звало полицию, не хваталось

за спрятанный под полой кинжал и даже не повышало голоса.

- То, что это чудо в лучшем случае не выстрелит. В худшем мне придется вызывать врачей, чтобы вам пришили назад руки и голову. Для красоты, естественно.

Девушка надула губы. Потом каким-то театральным жестом сорвала парик и уставилась на Наклза с непонятным ему торжеством.

Безусловно, рыжевато-русый цвет волос шел ей больше, чем иссиня-черный, но ослепительной красавицей метаморфоза барышню все равно не сделала. Эту проблему вряд ли решила бы даже ванна и хорошее трехразовое питание.

Наклз молчал, ожидая продолжения спектакля. Право слово, если в этот момент к нему через черный ход пытались влезть домушники, он все равно был почти благодарен за представление. В Каллад писали недурные драмы, но вот с комедиями там всегда было туго.

- Я пришла стреляться.

- На здоровье. С каких пор для этого нужна компания? Вы знаете, калладский закон запрещает дуэли, а вот о самоубийствах ничего не говорит.

- С вами стреляться!

- Извините. С девицами не стреляюсь. Из-за девиц - другое дело, - сухо проинформировал гостью Наклз. Голубые глаза расширились от удивления:

- Вы меня еще и оскорбляете?!

Видимо, в кругу Боевых Орлов Революции ей привили какой-то очень странный взгляд на логику человеческих отношений. Наклз честно не понимал, с каких пор было принято восхищаться залетными девицами, трясущими револьверами и фонтанирующими банальностями либерального толку.

- Вы, вы... Вы, в конце концов, мой отец!

Идеально круглые глаза Наклза девушке, похоже, не понравились, потому что она дрогнувшим голосом добавила: "Что меня, конечно, очень огорчает".

Наклз еще пару мгновений изумленно созерцал гостью, а потом покатился со смеху, плюнув на всякую вежливость.

- Как верную дочь Революции огорчает? Честное слово, я пальцем не тронул вашу маму. Или вам жаль, что арифметика прошла мимо вас? - отсмеявшись, поинтересовался он.

- Арифметика? - опешила девушка.

- Да, барышня, в мире существует такая упрямая вещь, как арифметика. К сожалению, с точки зрения арифметики столь излюбленный всяческими орлами и ястребами трактат "О всеобщем равенстве" не выдерживает никакой критики. Так что

профессиональным революционерам ее, я полагаю, не преподают?

Революционерка хмуро молчала. Даже чудом оружейного дела перестала трясти. Когда молчать дальше стало невозможным, вскинула голову и выдала:

- Я так и думала: вы подлец.

- Я подлец, а вы никак не думали, - утешил ее Наклз. - Пойдемте в кухню, я вам чаю наведу. Выпьете, успокоитесь.

Верная дочь революционных орлов вдруг совершенно по-детски всхлипнула и шмыгнула носом. А Наклз вспомнил все, что недавно наговорил Магде и что наговорила ему Магда. И решил, что препираться с этой великовозрастной деточкой некрасиво и просто неспортивно. Как котенка пнуть.

- Не нужно мне от вас ничего! Я...

- Я понял, вы от меня ничего не хотите и стреляться пришли. Давайте выпьем чаю, я уверен, шпики снаружи как-нибудь подождут, а потом я принесу нормальные револьверы и мы с вами сыграем в калладскую рулетку. Это такая "дуэль наоборот", - мягко и успокаивающе сообщил он. - Плакать только не надо.

Несостоявшегося судью и палача в одном лице звали Маргери или Магрит, если на калладский манер. Услышав эту сногсшибательную новость, Наклз уронил обе чашки на пол. Потом кое-как собрал осколки, еще раз налил девушке горячего чая, без особенной надежды залез в кухонный шкаф и, увидев там остатки вчерашней курицы, мысленно возблагодарил майора Мондум с ее максимализмом. По выполнении всех обязанностей хозяина он удалился на крыльцо, где вдумчиво курил минут двадцать, пока не убедился, что руки у него трясутся от холода, а не от нервов.

Наклз всегда знал, что у жизни гораздо больше юмора, чем принято полагать, и гораздо меньше - милосердия.

Залетная дурочка носила то же имя, что и его единственная дочь. Последняя вместе с матерью погибла в "исправительном лагере", организованном Аэрдис для родственников "врагов империи". Ей было шесть. По иронии судьбы "врагом империи" Наклз стал несколько позже, уже после того, как солнечным утром, едва вернувшись из длительной командировки, получил извещение из того самого лагеря. Как выяснилось, в Аэрдис плохо умели писать рэдские фамилии. Ошиблись на одну букву и вместо родственников какого-то пойманного на взятке чиновника в Тихий Лес отправились Элейна и Маргери. Императорская канцелярия даже изволила

прислать ему лист с казенными извинениями и сотню гильдеров компенсации.

О том, что произошло дальше, Наклз предпочитал не вспоминать никогда.

Вторая Маргери благополучно дожила до двадцати четырех лет, вынашивая в растрепанной русой головке планы мировой революции, которая начнется в Каллад и принесет всем счастье. Революцию же в Каллад принесут рэдцы. Разумеется, на деньги Аэрдис, но об этом идеалистически настроенная деточка как-то не подумала.

То, что первая умерла, и то, что вторая выжила, казалось Наклзу какой-то адской таблицей умножения и сложения вероятностей, непостижимой уму и чуждой всякой логике.

Одна Маргери умерла потому, что кто-то росчерком пера сделал из Кресэ Кressэ, кто-то другой украл ничтожную сумму из какой-то богадельни, а кто-то третий гонял врагов императора слишком далеко от места развития событий, и все это одновременно. Вторая Маргери прошла заполненный переодетыми шпиками город в накладных усах, мужских брюках и пальто, видавшем еще прошлый рэдский переворот. Не говоря уже о чуде оружейного дела, за счастье подержать в руках которое некоторые коллекционеры друг другу бы глотки перегрызли. Это настолько плохо вписывалось в красивую и уютную теорию вероятности, с шариками разных цветов, случайным образом извлекаемыми из корзины в качестве наглядной иллюстрации возможных исходов, что Наклзу становилось тошно.

Когда он вернулся, Магрит уже выпила весь чай, съела все, что в доме было съедобного, и только виновато улыбалась:

- Спасибо! Неделю нормальной еды не видела. Чуть цветок на подоконнике не схарчила за компанию. Потом он на меня зашипел, гнида такая!

- Он ядовитый, - ухватился за нейтральную тему Наклз. - Это дэм-вельдская модификация мухоловки. Так называемая "мухоловка Немексиддэ". Кусается, жжется, шипит и вообще имеет отвратительный характер.

- Я так и подумала, что гнида. Заменяет кошку особенно невезучим людям? Я оставшиеся осколки прибрала и пол вытерла. Что-то случилось? - взгляд девушки стал беспокойным.

- Ничего. Мигрень.

- Лицо у вас зеленое.

- Всегда такое, - покривил душой Наклз. Вообще, лицо у него было бледное от природы, а скверный столичный климат здоровому загару никак не способствовал. Разве что веснушек в

апреле подкидывал.

Чай закончился, поэтому Наклз налил себе кипятку, уселся за стол и пристально посмотрел на Магрит. Голубоглазая смерть теории вероятности недоуменно улыбалась.

- Как вы до моего дома добрались? Нет, не то. Как вы вообще до Моэрэнхелл Каллад доехали? Бесы с ним. Как вы сумели просто пересечь калладскую границу?

Магрит нахмурилась, как будто вспоминая.

- Ой, да как-как, как все... Первое - пехом. Второе - поездом, третьим классом. А границу... да под военным эшелоном проехала. Был там один сержантик - феерический дурак.

- Феерический дурак, - тихо повторил Наклз. - Одно совпадение есть. Хорошо.

- Что "хорошо"? - не поняла Магрит.

- Все хорошо, - рассеянно отозвался он. - И феерический дурак - тоже хорошо. Как без документов в поезд сели?

- Да говорю ж, как все! Сказала, что в шальную столицу еду. На заработки. Знаете, сколько нас таких едет? Да по желтому билету, калладки они же все морально стойкие, своей родной национальной проституции в Каллад нет! - для особенно непонятливых пояснила Магрит с некоторым раздражением. - Денег сунула и поехала. Хорошо, хоть деньгами взяли, а не в... натуральной форме.

- Да, неплохо, - согласился Наклз, прихлебывая кипяток. Его уже почти не мутило. - А в столице?

- Ну, желтый билет мне еще Ястреба сделали. Почти как настоящий. Показать?

- Не стоит, - Наклз в жизни не видел и не держал в руках желтого билета, так что имел крайне смутное представление о том, как он должен выглядеть. - И многим вы его уже показали?

- А то, - расплылась Магрит в радостной улыбке. - Желтый билет - штука полезная. Метрики после него уже не спрашивают.

Наклз задумался. Перед ним действительно сидела смерть теории вероятности. Глупость этой девицы воистину была подарком небес. Магрит, похоже, даже в голову не приходило, что по этому самому желтому билету ее спокойно могла позаимствовать на ночь дюжина ребят из Третьего отделения. Они, надо думать, сильно удивились бы, когда гордая дщерь революции извлекла бы из сумочки свое чудо породы револьверовых. Но едва ли очень расстроились бы. Инсургентка - это все-таки шик. За такое выдают премии.

- Магрит, извините, вы не могли бы пройтись по кухне?

- Что? - удивилась она. - И вообще, Магрит - это как-то по-калладски. Меня зовут Маргери.

- Мы в Каллад, Магрит, - тусклым и скучным голосом сообщил Наклз. - Пройдитесь, пожалуйста, по кухне.

Девушка пожала плечами, но просьбу выполнила. Наклз, проследив взглядом ее движение, вздохнул:

- Я так и думал. Очаровательно.

- Что именно кажется вам очаровательным? - снова заулыбалась Магрит.

Наклз тактично смолчал. Он вдруг понял, что чуть более получаса назад, то есть еще посреди бела дня, все соседи могли видеть, как в его дом, активно вихляя бедрами, вошел худосочный брюнетик с усами, как у профессионального "кота". До этого брюнетик успел показать желтый билет дворнику, сторожу и, надо думать, вообще всем желающим.

Осада студенток, имеющих проблемы с точными науками, по всей вероятности, отменялась. Главное, чтобы их место не заняли такие же студенты с широкими взглядами на вещи. Наклз залпом допил остывший кипяток и бросил:

- Магрит, если вы не возражаете, в калладскую рулетку играть будем завтра. Прежде чем мы разойдемся досыпать, задам вам еще один вопрос: с чего вы взяли, что ваш отец - именно я?

- Да мне знакомый сказал, что я на тебя страшно похожа, - домашний уют, чай и остатки кулинарных талантов майора Мондум явно настроили Магрит на миролюбивый лад. Девушка сонно мурлыкала и совершенно спокойно говорила "ты". Без панибратства и как-то очень естественно. - И, кстати, похожа. Хотя ты, конечно, посимпатичней будешь, - безапелляционно добавила она.

- Магрит, подумайте... подумай сама, - беседовать на "вы" с этим безнадежно выпавшим из реальности существом и вправду было смешно. - Подумай сама. Тебе двадцать четыре, ты сама сказала. Мне четыре месяца назад исполнилось тридцать семь. Я никогда не копался в этом вопросе, но, думается мне, стать отцом в двенадцать - задачка не из легких. Не говоря уже о том, что, когда мне было двенадцать, полным ходом шел третий раздел Рэды. Это, я тебе скажу, было невесело. Хлеб из отрубей, размоченная березовая кора, комендантский час и все прочие радости, которые только могли дать миру белокрылые. Надо было иметь очень много жизнелюбия, чтобы в такое время бегать за девицами. У меня столько никогда не было.

- А жаль. Ты, вроде, хороший. Хотя, конечно, перебежчик и вообще морально нестойкая личность, променявшая Родину на черно-белое гражданство.

Морально нестойкому Наклзу оставалось только проигнорировать этот выпад. Он действительно был абсолютным

космополитом. Не по убеждениям, а за их полным отсутствием в данном вопросе. За что был нещадно обруган Дэмонрой и не раз.

- Хм, как звали человека, который тебе сказал, что ты на меня похожа?

- Кассиан Крэссэ.

Наклз в уме считал быстро. И братца своего знал хорошо. Вот уж у кого наличествовал воистину неисчерпаемый запас жизнелюбия. И на момент третьего раздела Рэды ему как раз было шестнадцать.

- Ясно. Не огорчайся. У него тоже всегда имелись большие проблемы с арифметикой.

6.

Револьвер инсургентки потряс воображение Дэмонры. Она долго ходила вокруг него, едва не облизываясь, и бросала томные взгляды то на оружие, то на Наклза. Будь у нее хвост, она, наверное, и им бы помахивала, как кошка. Процесс всесторонней оценки достоинств оружейного шедевра длился не менее десяти минут, а потом Дэмонра совершенно несвойственным ей мурлычущим тоном поинтересовалась:

- Рыжик, где мне надо расписаться, что я продаю тебе свою бессмертную душу? Неси бумагу.

- Мне кажется, оно не стреляет, - с сомнением протянул Наклз. - Во всяком случае, не стреляет, когда должно стрелять.

- А зачем ему стрелять? Некоторые вещи убивают одним своим видом. Рыжик, давай ты выдашь мне эту штуку в счет моих будущих дней рождений на десять лет вперед?

- На что оно тебе?

- Да жалко мне его, - необыкновенно серьезно сообщила Дэмонра. - Похоронить я его хочу. В земле, понимаешь? По-человечески. Прикопать ветерана где-нибудь под осинкой, у чистого ручейка. А то его, бедного, в музей заберут, будут в него пальцами тыкать. Рыжик, где ты, собственно, достал это чудо?

- Мне им сегодня угрожали. Я даже действительно испугался грешным делом. Бесы знают, как, когда и куда такая штука может выстрелить.

Дэмонра несколько секунд созерцала Наклза, рассеянно теребя оранжевую косичку, по калладскому обычаю перекинутую на грудь, а потом расхохоталась. До громкости смеха Магды Карвэн ей, конечно, было далеко, но стекла все равно жалобно позвякивали.

- Рыжик, да у тебя никак появилось чувство юмора! Я тебя сердечно поздравляю, - пробормотала она. - И сказки научился сочинять. А то все "классическое мышление, классическое мышление"...

- Не шуми, - попросил Наклз. - Пойдем. Я тебе кое-что покажу. На свой манер еще более потрясающее, чем револьвер. Тоже можно в музей сдавать, но жалко.

Магрит мирно спала, свернувшись калачиком посреди кровати, и тихо посапывала. Скорее всего, в классический интерьер спальни она вписывалась не очень хорошо. Во всяком случае, брови Дэмонра вскинула высоко. С интересом осмотрев одетый в штаны подарочек рэдских друзей, который, правда, додумался снять сапоги и поставить их у изножья кровати, она тихо присвистнула:

- Это ведь не проститутка? Я уверена, твой хороший вкус распространяется на все аспекты жизни.

- Это инсургентка, - заверил Наклз. - Но желтый билет у нее есть, я так понял, это у них модно.

Дэмонра поморщилась.

- Избитая классика. Всех рэдских, гм, дев с желтыми билетами тщательно проверяют. Сюда попадают только профессионалки и отнюдь не на поприще борьбы с тиранией. Чего она хотела?

Наклз задумался. Чего от него хотела эта милая барышня, он сам до сих пор в толк взять не мог. Поэтому честно воспроизвел хронологию событий.

- Сперва, как водится у этих борцов за свободу, она хотела равенства, смерти сатрапов, мести, крови и, конечно, справедливости. Потом угомонилась и захотела поесть. Сейчас устала витийствовать, поела и мирно спит в моем доме, как ты можешь видеть. Не шуми, пожалуйста. Девочка сюда долго добиралась, ей надо отдохнуть. Перед вторым заходом обличительных речей.

- Думаю, второго захода не будет. Судя по нежности, с которой она сопит и обнимает подушку, мы имеем дело с идиолисткой обыкновенной. Idiolista vulgaris, как говорит Сольвейг, а уж она во всяких дивных тварях понимает, стольких препарировала... Пара рассказов о необходимой жестокости и тяжелой ноше кесаря, затем, непременно, пара шелковых чулок и кулек леденцов на дорожку - и инсургентка простит нам тот факт, что мы тоже живем на земле. Эти юные и не очень борцы за свободу обходятся Каллад гораздо дешевле, чем принято думать. Видишь ли, Рыжик, те, кто действительно приезжает стрелять и швырять бомбы, не витийствуют. Они сразу стреляют и швыряют

бомбы.

Дэмонра непроизвольно коснулась левой щеки. Калладская медицина и дэм-вельдские мази сделали невозможное: шрама у нее не осталось. Но одна сторона лица все равно двигалась чуть хуже другой, так что улыбка выходила кривоватой. Окружающие были склонны списывать это на скверный характер нордэны, а Дэмонра не была склонна опровергать такого рода домыслы.

Наклз поспешил сменить тему:

- Эта барышня утверждала, что я прихожусь ей отцом, между прочим, - пожаловался он.

- Серьезное обвинение, - кивнула Дэмонра. - Ты отбрехался, надеюсь?

- Да. Я показал ей свою рэдскую метрику, прошедшую огонь двух войн.

- Она же поддельная.

- Вещь, за которую столько уплачено, может быть только подлинником.

- Боюсь, у тебя все-таки склонность к коллекционированию реликтов.

- Дата рождения убедила бы ее лучше, чем долгий рассказ.

Дэмонра тихо обошла кровать, поглядев на спящую со всех ракурсов, затем придирчиво осмотрела профиль Наклза и сообщила:

- Хм, знаешь, а в чем-то она права. Носик у нее, конечно, подгулял. Крупноват. Но форма - фамильная. В прошлом веке такое еще называли "породой".

Наклз тонко улыбнулся:

- Моя "порода" - остаточный продукт двух переломов, если говорить о форме носа. У белокрылых весьма далекие от педагогики методы вбивания информации в пустые головы.

- Их методы выбивания искомой информации, надо думать, от педагогики еще дальше.

- Не проверял.

- Впрочем, я не про твой, как выясняется, многострадальный нос. С этой проблемой можно найти понимание у Маэрлингов. Обоих. Я имела в виду, что барышня и впрямь на тебя несколько похожа. Во-первых, она тоже рыжая, хотя и менее радующего глаз оттенка. Во-вторых, пока она спит и молчит, в ней можно заподозрить некую внутреннюю красоту. Некую, Рыжик, и внутреннюю, не улыбайся. И для истинной рэдки она неприлично тоща - в-третьих.

- Валькирия, как грубо, - все-таки расплылся в улыбке

Наклз. - Зеленая зависть тебе не к лицу.

Дэмонра недовольно фыркнула и гордо покинула спальню. Даже самые современные калладки в некоторых вопросах отличались весьма консервативными взглядами.

Пять веков назад беженцам из Аэрдис, ставшим первыми калладцами, выбирать не приходилось. Они спокойно приняли тот факт, что нордэны, приютившие их на своей земле, не хотят слышать аэрди и видеть крестов. Как результат, появился морхэнн - несколько вульгаризированный пришельцами аналог языка нордэнов - а также привычка не обсуждать свои и соседские верования на улицах. Столкновение патриархата беженцев и матриархата коренного населения тоже обошлось без кровавых драм и постепенно вылилось в равенство полов. А вот столкновение монархических убеждений бывших аэрдисовцев и теократических - нордэнов создало гремучую смесь. В итоге родился непогрешимый кесарь, который был прав даже тогда, когда его неправота была интуитивно очевидна пятилетнему ребенку. Текло время, два народа ассимилировались. Все прошло так хорошо и так мило, что Наклз подозревал у терпимости нордэнов какую-нибудь очень некрасивую подоплеку. Подоплека терпимости бывших аэрдисовцев была проста - они хотели жить. А для этого с нордэнами следовало дружить. Одна была беда: выходцы из Аэрдис приняли чужой язык, чужой социальный строй, чужие традиции и обычаи, даже чужую кулинарию, но принять чужие идеалы красоты было выше их сил. Беженцы считали, женщина должна выглядеть как женщина. Даже если она ходила на медведя, состояла в армии или в одиночку воспитывала пятерых детей. И формы ей полагалось иметь женственные. Северянок же природа приятными округлостями в массе своей обделила. Комплекция Магды Карвэн считалась чем-то вроде дара небес за особые заслуги. Умные северянки, конечно, очень быстро придумали особый крой корсетов, а также корсажи, турнюры и прочие женские хитрости, которыми успешно пользовались последние несколько веков. Взгляды на красоту давным-давно стали куда более широкими. Но чистокровные нордэны на пышнотелых, румяных рэдок все равно косились недобро. По старой памяти и унаследованной от прабабок горькой обиде.

- Я тебе, Рыжик, это припомню, - ласково посулила Дэмонра, устраиваясь на кухне. Последняя хранила следы пребывания Магрит, то есть была перевернута практически вверх дном. По счастью, большая часть шкафов пустовала, так что навести окончательный бардак юному дарованию не удалось. - Пусть твое чудо отсыпается. Так и быть, пару шелковых чулок,

кулек леденцов и билет до Гвардэ я ей организую. В обмен на ее револьвер, конечно. Да, Рыжик, ветеран заслуживает почетного погребения в родной земле.

Наклз нахмурился:

- В родной? Значит, ты все-таки решила ехать.

Серые глаза нордэны зло сузились:

- Именно так я и решила. Может быть, ты даже сумеешь придумать какую-нибудь новую причину, по которой мое решение следует считать неправильным? Рейнгольд вот полчаса изощрялся.

- Рейнгольд ведь сам из Зигмариненов. Почему бы тебе не попросить его поговорить с кесарем? Родственника по материнской линии он послушает...

- Втягивать любовника в политику? - вскинула брови Дэмнора. - В этом, определенно, есть что-то безвкусное. К тому же, Рейнгольд - мальчик из хорошей семьи.

В понимании Наклза "мальчиком из хорошей семьи" обычно называлось начисто лишенное каких-либо мозгов и талантов существо, которое терпели разве что из уважения к заслугам родителей.

- В каком смысле?

- В таком, что весь союз промышленников и прочую примазавшуюся к ним сволочь он не перекричит. И вообще, не стоит давать повод испортить ему послужной список.

Вероятно, в другой раз Наклз и попытался бы возразить, но тут ему необыкновенно ясно вспомнился висок Кейси Ингегерд с аккуратной дырочкой.

- Похвальная щепетильность. А зачем ты в политику девочку втянула?

- Какую девочку? - не поняла Дэмонра.

- Кейси. Разве она не замешана в этих ваших вампирски-гражданских благодеяниях? Да она кандидатскую пишет по социальной адаптации кровососов, и вообще носится с ними, как с пушистыми котятами, - несколько злее, чем сам от себя ожидал, высказался маг.

- Если бы ты иногда отвлекался от своего идеального мира, Наклз, то заметил бы, что кровососы не пьют кровь. И что упомянутой девочке уже двадцать пять лет, десять из которых она благополучно по тебе сохнет в худших традициях прошлого века, - весьма холодно отозвалась нордэна. - Но это все не имеет значения. Потому что Кейси не участвует в наших "вампирски-гражданских благодеянияхх". Она даже не знает ни о ком, кроме Эрвина и Крейга. Все списки хранятся у совершенно другого человека, который и в Звезде-то не состоит. Я ответила на твой

вопрос?

- Ты, я надеюсь, пошутила?

- Насчет Кейси?

Наклз дернул щекой. Нежные чувства Кейси его сейчас беспокоили куда меньше потенциальной дырки в ее голове.

- Да нет. Про человека со стороны.

- Нет.

- О бесы. Может, он вас еще и финансирует?

- Не без этого.

Наклз сообразил, что еще пара слов, и он все-таки выложит Дэмонре свой взгляд на нордэнскую манеру вести дела, который ей явно не понравится, а заодно и свое политическое кредо, которое понравится ей еще меньше.

- Мне остается только понадеяться, что, если вас поймают, ты сделаешь все возможное, чтобы тебя судили по праву стали. По серебру это вышка, Дэмонра. Спроси у Рейнгольда, если мне не веришь.

- Я тебе верю. Я, собственно, заходила, чтобы тебе сказать: поезд у меня послезавтра в девять вечера. Через четыре дня будем в Рэде. Придешь проводить?

- Разумеется.

- Ах да, желтобилетная инсургентка...

- Девочку я устрою сам. А ты забирай револьвер, раз уж он тебе так приглянулся.

7.

Домой Эрвин вернулся около часа дня. Впрочем, "домой" - это было излишне сильно сказано. Лейтенантское жалование позволяло ему снимать две комнаты у госпожи Агнесс Тирье, проживающей в не самом худшем районе столицы. "Рабочие кварталы" начинались несколько дальше, так что фабричным дымом каморка Эрвина благоухала только в особенно неудачные дни. Хозяйка представляла собой апофеоз всего, что лейтенанту не нравилось в людях, но при этом была опрятна и не болтлива. Выбирая между скандальным нравом Тирье и серыми простынями у добряка Тэссэ, Эрвин выбрал чистоту. И периодически горько об этом жалел.

- Притащился, на ночь глядя, - пробурчала ему вслед эта славная дама более чем средних лет, с явной надеждой услышать ответную грубость. К сожалению, форма и погоны Эрвина не

пугали ее сами по себе, а скандалить с женщинами он был не приучен. Возможно, догадайся он прийти снимать комнаты при полном параде, Тирье была бы вежливей, но ему хватило ума надеть гражданское пальто. Впрочем, позже мундир позволил ему выбраться из категории "явился, потаскун", но до "здравствуйте" по-прежнему было далековато.

- Доброго вам дня, мадам, - чрезвычайно любезно отозвался Эрвин, взлетая по лестнице. Его комнаты находились в мезонине. К несчастью, прямо под ними располагалась "гостиная", обставленная с чисто мещанским шиком. В частности, там имелся шкаф с коллекцией литературы весьма сомнительного качества, конный портрет предыдущего кесаря Эвальда в полстены и пианино. Последнее было причиной многих бессонных ночей и нравственных терзаний Эрвина. Пианино, впрочем, страдало гораздо сильнее. Судя по облупившейся надписи и старомодной виньетке, оно было ветераном, а, учитывая таланты хозяйской дочки, ветераном боевым, прошедшим жестокие испытания и многое повидавшим. Все, что Эрвин знал об Анне - худеньком как воробушек создании с мышиного цвета волосами - сводилось к тому, что у девочки имеется достойное удивления отсутствие таланта к музыке, во-первых, и, похоже, нечто неприятно напоминающее астму - во-вторых. Впрочем, бдительная мамаша ни разу не позволила ему и словом перемолвиться с дочуркой, периодически громко намекая, что некоторые неотягощенные моралью личности только того и ждут, как бы испортить малолетку да жениться на приданом. Эрвин при всем желании не смог бы сказать, сколько Анне лет - а ей могло с равным успехом быть и тринадцать, и семнадцать - и уж, конечно, не намеривался породниться с госпожой Тирье. А потому вежливо кланялся девушке, изредка встречаясь с ней в коридоре, и все. Ее брату, несколько забитому, но неглупому мальчишке двенадцати лет, он еще периодически приводил в порядок контурные карты, нужные для гимназии. Исключительно из любви к спокойной и кропотливой работе. Эрвину и в голову бы не пришло таким способом добиваться себе каких-то привилегий, но жизнь сыграла занятную шутку. Увидев, что с появлением подозрительного квартиранта оценки сына пошли в гору, Тирье скрепя сердце научилась приносить Эрвину чай до того момента, как он успевал окончательно остыть, и не сыпать туда соль вместо сахара. И даже не поднимала плату последние полгода.

- К вам гость заходил, - проорала Тирье снизу. Слышимость в деревянном доме была отличная, и Эрвин всегда об этом искренне сожалел. Спрашивать у старой жабы о личности посетителя было бесполезно. В лучшем случае Эрвин услышал бы

лекцию о том, что порядочная дама не обязана знать в лицо всех сутенеров и карманников района. В худшем та могла даже поделиться деталями своей биографии, рассказав о горьком пьянице-муже и его ужасных друзьях. Это была единственная тема, которую Тирье могла обсуждать бесконечно и даже с некоторым благодушием. Поэтому Эрвин никогда не задавал лишних вопросов.

Из третьей комнаты мезонина, самой светлой и уютной, вышел крепкий мужчина в форме жандарма. Он был ниже Эрвина почти на полголовы, но шириной плеч превосходил его раза в полтора, не меньше. Красное, несколько бычье лицо с коротким и заросшим жесткими волосами лбом напрочь отбивало подозрение, что у этого человека может быть хоть какой-то ум. Первое впечатление было до чрезвычайности обманчивым.

Эрвин очень хорошо знал это, потому что с Ярцеком судьба сводила его уже трижды. Два раза доэтого Эрвину чудом удавалось выкрутиться. Сейчас маленькие глазки жандарма поблескивали от удовольствия. Лейтенант приказал себе успокоиться и вежливо улыбнулся:

- Доброе утро, господин полицейский. Я могу вам чем-то помочь?

- Ну что вы. Я пришел поглядеть, все ли с вами в порядке, - благодушно заверил жандарм в ответ. - А то вчера, знаете ли, вышло такое досадное недоразумение во "Враньем Когте". Мол, вам в лицо плеснули вином, а вы - представьте себе, чего только эти пьяные шалопаи не сочинят! - задымились! Ха-ха-ха!

- Молодые люди действительно были безобразно пьяны, - мягко и спокойно известил Эрвин, судорожно соображая, был в его комнате обыск или еще нет. Если был, то дело определенно принимало очень скверный оборот. Полиция не занималась нелюдью. На это существовал специальный отдел внутри Третьего отделения. А уж он состоял исключительно из профессионалов, которых трюком с двойным дном ящика не обмануть. - Вино и кровь так похожи. Боюсь, кто-то из них просто огорчился, когда оказался на полу с хорошим ушибом. Знаете, эти юноши, они такие нервные и ранимые. Как гимназистки.

Ярцек, наконец, изволил прищуриться:

- Один из них - сын прокурора.

- Прокурор плохо воспитал сына. Это неприятно, но такое бывает.

- А что у вас с виском, любезнейший?

По счастью, этот вопрос майор Мондум предвидела. И решила проблему радикально, в лучших нордэнских традициях, с привлечением подруги юности. Сейчас от Эрвина на три шага

пахло помесью самогона и прогорклого масла.

- Да вот знакомой даме масло в лампаде менял. Стал выливать, и не заметил, что оно еще не остыло. Едва все на себя не опрокинул. Какое огорчение.

- Как даму-то зовут? - деловито уточнил жандарм.

- Магденхильда Карвен, - не без мстительного удовольствия сообщил Эрвин. С одной стороны, прикрываться именем честной женщины ему до крайности претило. С другой стороны, с майором Карвен люди в здравом уме не связывались. Она могла запросто спустить с лестницы даже жандарма, а потом свалить все на помутнение рассудка вследствие контузии. О том, была ли у нее на самом деле контузия, знала только она сама да Сольвейг Магденгерд. Но зубов через это дело лишились многие.

На туповатом лице Ярцека не отразилось ничего. Этот враг был опасен тем, что умел спокойно проигрывать и не сдавался в случае неудачи.

- В любом случае, я рад, что эпизод исчерпан. Берегите себя. Доброго дня.

- Доброго, - кивнул Эрвин спускающемуся жандарму и вставил ключ в замочную скважину. Дверь в его комнату, сказать по чести, можно было выбить ударом ноги, причем без особенных усилий. Но наличие замка на ней все-таки давало какую-то иллюзию если не безопасности, то хотя бы приватности.

Снизу донесся на редкость противный аккорд. Хозяйская доченька в очередной раз решила сыграть на пианино и нервах Эрвина. Второе, в отличие от первого, удавалось ей блестяще. Лейтенант Нордэнвейдэ до глубины души ненавидел диверсии против гражданского населения. Но тут он почти решился на военную подлость: ночью тихо спуститься в гостиную и поработать над крышкой инструмента. Она была добротная и тяжелая. При внезапном падении могла отбить горе-пианистке пальчики недели на две. И желание играть - на всю жизнь. Если очень повезет, конечно.

Ключ дважды повернулся в замке, Эрвин переступил порог первой комнатушки и замер. Внутри витал запах дыма. Марку сигары лейтенант, разумеется, сказать бы не смог, но это определенно было что-то недешевое. Ключ от комнаты был еще у Маэрлинга, на случай непредвиденных неприятностей, но Витольд курил нечто менее пахучее и уж, конечно, не стал бы делать этого в комнате приятеля. При всей своей сомнительной репутации, Маэрлинг-младший был на удивление неплохо воспитан. Особенно для единственного сына весьма небедного графа.

"Что за чушь?" - лихорадочно соображал лейтенант под

аккомпанемент мучимого пианино. Обыск был более чем вероятен. Но какой дурак стал бы курить во время секретного обыска? О молодцах из Третьего отделения Эрвин думал мало хорошего. Он считал большую часть из них теми еще тварями, садистами и подонками. Но вот идиотами - не считал уже довольно давно.

- Как мило, что вы пришли, - донесся смутно знакомый голос из дальней комнатки. - Я уже устал вас дожидаться.

Ленивые "хозяйские" нотки сделали свое дело - Эрвин вспомнил обладателя голоса. "Мразь. Вот же мразь".

- Вас о визитах предупреждать не учили, мессир Винтергольд? - крайне холодно полюбопытствовал лейтенант, нащупывая кобуру. На первый взгляд, было непохоже, чтобы в его вещах рылись. С другой стороны Герхард Винтергольд, всесильный шеф тайной полиции, мог бы научить своего единственного сынка каким-нибудь профессиональным премудростям и выкрутасам, так что радоваться Эрвин не торопился. Он прошел в дальнюю комнатку, служившую ему помесью кабинета и спальни, и неприязненно уставился на посетителя. Тот был разодет, как на парад. Или как дама полусвета, случайно попавшая в приличное общество. Солнце играло на двух крупных перстнях, каждый из которых стоил значительно больше, чем весь этот домик вместе с жильцами. В глубине души лейтенант понадеялся, что местные воришки данный факт тоже отметили.

- Мессир Винтергольд? Ну зачем так официально, Эрвин? Я по старой дружбе зашел.

Лейтенант решил не уточнять, когда это между ними была дружба.

- Сделайте одолжение, перестаньте курить. У девочки снизу - астма.

- Да я бы на вашем месте еще спасибо сказал. Это бесцветное чудовище насилует пианино уже третий раз за утро. И мои эстетические идеалы заодно, - благодушно просветил Эрвина Винтергольд-младший, но сигару действительно затушил.

В жизни лейтенанта Нордэнвейдэ было не так уж много вещей, которые он безоговорочно ненавидел. Но Эдельвейс Винтергольд был близок к тому, чтобы попасть в их число. Вопрос "А не пойти ли вам на хрен, мессир?" вертелся у Эрвина на языке, но людям с фальшивыми документами следовало сдерживать прекрасные порывы души.

- Вы музыку пришли послушать? Или у вас было ко мне какое-то дело, достаточно важное для того, чтобы вламываться в чужой дом?

- Эрвин, вы наивны. У хозяйки есть запасной ключ. И она давно подозревала, что для вашей нервной работы вы подозрительно тихо себя ведете. Ни драк, ни скандалов, ни попоек - ничего.

- Даже животные не гадят там, где едят, - сухо сообщил Эрвин. - Все мои драки и попойки проходят вне дома. Или мне стоит таскать девиц прямо сюда? Пусть Тирье только скажет.

- Оправдания хорошие. Так или иначе, она дала мне ключ и она хозяйка дома. Вторжения не было.

- Был визит без приглашения, что в хорошем обществе считается недопустимо дурным тоном. Излагайте, зачем пришли, или выметайтесь.

- Вампир показал зубы?

Верхний ящик стола не был выдвинут. Возможно, все еще было в порядке. Огромный мир быстро сжался до нескольких метров, заполненных сигарным дымом, плавающим в ярком солнечном луче. Эдельвейс развалился в кресле рядом с этим проклятым столом и мерил Эрвина проницательным взглядом.

- А вот это вам придется еще доказать, - тихо посулил лейтенант.

Эдельвейс благодушно расхохотался:

- Какая гадость. Доказывать это будет мой почтенный родитель. Я не занимаюсь охотой на ведьм. Я пришел попросить об одной услуге.

- Занятно, что вы с этим пришли ко мне. Дело в том, что я не оказываю услуг людям, которых...

- Которых считаете ублюдками? Выражайтесь яснее, Эрвин, я не обижусь. Я же, так сказать, породистый ублюдок. С родословной, полной таких же ублюдков. Чего замолчали?

- Которых плохо знаю.

- Древняя мудрость, между прочим, говорит, что вы в некоторой степени несете ответственность за мою жизнь, - расплылся Эдельвейс в улыбке. Улыбалась у него только нижняя половина лица. Ярко-голубые глаза, признак немалой толики аэрдисовской крови, были пусты и ровным счетом ничего не выражали.

"Да знай я тогда, чьему выродку не дал прыгнуть с моста, сам бы подтолкнул", - раздраженно подумал Эрвин. О том, что некоторые добрые дела наказываются еще в этой жизни, он узнал с солидным опозданием почти в пять лет.

- Еще древняя мудрость гласит, что незваный гость может случайно навернуться с лестницы. Давайте к делу, если оно есть. Если его нет, то я, простите, не спал всю ночь, маюсь похмельем и вообще валюсь с ног.

- Мой почтенный батюшка решил в очередной раз прошерстить неграждан.

"Менее радикальные средства от старческого бессилия ему уже, видимо, не помогают", - Эрвин тоскливо посмотрел в окно. От визита сыночка четвертого человека в государстве он закономерно не ждал ничего хорошего.

- Удачи ему в славном деле избавления Каллад от выродков, бесов, ведьм и прочих приспешников Вселенского Зла.

- Не желаете узнать, есть ли вы в списке подозреваемых?

- Разумеется, я там есть. Давайте уже переходить к услуге.

Эдельвейс резко выдвинул верхний ящик стола. Эрвин сделал все возможное, чтобы не дернуться и сохранить спокойствие. Ящик изнутри был обит зеленым, вытершимся от старости сукном. Именно там сейчас и сходился весь бескрайний мир. Конец перспективы.

- Не хотите ничего сказать?

Мысли лейтенанта потекли очень быстро, четко и размеренно. Сейчас Эдельвейс извлечет склянку с сывороткой. Ухмыльнется. Скажет какую-нибудь пошлость. А Эрвин как раз успеет взвести курок. С такого расстояния невозможно промахнуться. Пулю в голову ублюдку и... И в окно. Выстрел услышат во всем доме, так что да, в окно. Закоулками до дома Витольда, взять денег на дорогу в долг и рвануть в Рэду. В Рэде будет война. Там можно прятаться хоть до скончания века. Нет, к Витольду идти нельзя ни в коем случае. Незачем никого втягивать. Втягивать. Да вся Ломаная Звезда окажется втянута. Вместе с ним. По самые уши, - сердце отбило в груди какой-то бешеный ритм. - Значит, не так. Придется застрелить Эдельвейса, немедленно уничтожить сыворотку, по возможности создать иллюзию крупной пьянки и застрелиться самому. Ничего не остается. Но тогда в Эдельвейса придется стрелять через подушку. Хорошо.

Эрвин молча обошел стол и прошествовал к кровати. Белая пуховая подушка была как раз тем, что требовалось. Но ее потом тоже придется куда-то деть.

Эдельвейс, посмеиваясь, извлек из ящика бумаги и ложное дно. Эрвин за его спиной вынул из кобуры револьвер и потянулся к подушке.

- ...! - сынок всесильного Герхарда Винтергольда удивленно выругался, а потом расхохотался. Эрвин механически посмотрел в ящик. Он прекрасно знал, что там должно было лежать.

Сыворотки Асвейд - рубиново-красной жидкости, которую мало с чем можно было спутать - в зеленой склянке там не

лежало. Вместо нее на дне ящика, стыдливо поблескивая тусклым боком, покоилась бутылка дешевой калладской водки. И огурец. Отличный такой огурец, крупный, зеленый, весь в пупырышках. Как картинка из букваря. Бутылка была ополовинена, а огурец надкусан.

Эдельвейс смеялся как ребенок. Эрвин бездумно созерцал натюрморт и глазам своим не верил. Голова стала неожиданно звонкой и пустой.

- Восхитительно, - простонал сынок начальника тайной полиции. - Я считал, вы скрываете вампиризм. Но, бесы дери, лучше иметь порфирию, чем такой дурной вкус! Водка с огурчиком! Ха-ха! Очень народно. Поддерживаете калладского производителя? Бла-агородно, нечего сказать!

Чудовище с первого этажа на пару мгновений перестало терзать инструмент, но тут же продолжило с новой силой. Эрвин пару раз моргнул. Огурец не исчез, не выпорхнул в окно, он все так же лежал в ящике и вызывал у Эдельвейса приступы непонятного веселья.

- Да .... на... эту "агентуру"! "Подозрительный тип", "не пьет"... Не могу!

Эрвин молча опустился на кровать и убрал револьвер под подушку. И тоже расхохотался, правда несколько более дребезжащим смехом. Не сиди он на сыворотке Асвейд, наверное, получилась бы отличная истерика, но упомянутая сыворотка отчасти притормаживала эмоции. И все равно на одни сутки чудес и приключений выходило многовато.

- Итак, Эдельвейс, вы выпить пришли со мной за компанию, или уже изложите просьбу? - поинтересовался лейтенант, поборов приступ смеха.

- Нет, спасибо, я такой дряни не пью. На самом деле, я хочу, чтобы вы передали Дэмонре вот это, - молодой человек несколько театральным жестом извлек из петлицы кипенно-белую розу и протянул цветок Эрвину. Лейтенант не в первый раз за этот день подумал, что они с Зондэр жгли в доме Наклза какие-то очень странные свечи.

- Что?

- Роза, Эрвин. Цветок такой. Не отравлена, что вы так смотрите? Я ее руками без перчаток держу.

- Вижу, что роза, - роза и вправду была отличной. Свежая, только сегодня срезанная оранжерейная "зимняя роза", имеющая такую кипенно-белую окраску, что кажущаяся почти светящейся. - Есть более простые способы послать цветы даме сердца. Если вы не укажете в записке имени дарителя, полковник Дэмонра, пожалуй, даже может не вышвырнуть их сразу.

- Дамам я обычно отправляю красные. Знаете, белые символизируют чистоту, невинность помыслов и рыцарское преклонение, а это несколько скучно и крайне немодно. Отдайте ей цветок. Так скоро, как сумеете. Она все поймет.

- Сказать, что от вас?

- Сказать, что от моего почтенного родителя. От меня можете прикупить пару розовых - увидите презабавную сцену.

8.

Когда Эдельвейс, крайне довольный собой и все еще тихо посмеивавшийся, наконец, убрался, Эрвин заперся изнутри, припер дверь стулом и склонился над бутылкой водки, принюхиваясь. Судя по запаху, в ней и вправду была самая что ни на есть обычная дешевая водка. Сыворотка пропала безвозвратно. Анна в гостиной все измывалась над пианино, отчаянно колотя по клавишам.

Лейтенант задумался. Несколько часов назад кто-то спас его жизнь. Скорее всего, этот кто-то был в доме. Почти наверняка. В конце концов, спаситель имел доступ к его комнате и знал про ящик. Это никак не могла быть хозяйка, поскольку Тирье ни за что не стала бы покрывать "вампира". Даже если бы она хорошо относилась к Эрвину, а она к себе-то не всякий день относилась хорошо. Чего уж взять с квартиранта, периодически притаскивающегося домой под утро. Кай, ее сын, по причине светлой молодости и наличия идеалов куда больше походил на роль спасителя. Вот только мальчишка едва ли додумался бы до того, чтобы не просто найти и вытащить сыворотку, а еще и сунуть на ее место такой плебейский набор. Прислуги Тирье не держала. Из возможных вариантов оставалась только Анна, с упорством, достойным лучшего применения, убивавшая и без того немало повидавший инструмент.

Девица играла уже минут на тридцать дольше обычного, если то, что она вытворяла, вообще можно было назвать игрой. Всем домочадцам, кроме Эрвина, сказочно повезло: у них не было и намека на музыкальный слух. А вот у него слух был почти идеальный. Последний год Эрвин совершенно серьезно считал это своим большим недостатком.

Так или иначе, лейтенанта не погладили бы по головке, если бы он потерял неизвестно где полбутылки качественной сыворотки, поэтому беседа с музыкально одаренной барышней

была неизбежна. Эрвин спустился в гостиную. Бдительная мамаша - о чудо! - не вышивала у окна. Она, скорее всего, копошилась на кухне. Нордэнвейдэ это как нельзя более устраивало. Взгляд лейтенанта упал на тоненькую шейку под жиденьким узлом волос. С некоторым запозданием он сообразил, что девушке никак не могло быть ни двенадцати, ни четырнадцати: калладские девочки в таком возрасте еще заплетали косички. Этому бледному, забитому жизнью существу было не меньше шестнадцати.

Анна с силой ударила по клавишам. Рояль издал почти что стон.

- Анна, спасибо.

Худые плечи дернулись, но девушка не повернулась. Только шея пошла частыми красными пятнами.

- Не стоит благодарности, - тоненьким голоском ответила она, не переставая стучать по клавишам. Мать в кухне, скорее всего, слышала только адскую какофонию. Видимо, на то сметливая юница и рассчитывала.

- Я могу узнать...

- В серванте. Рядом с вишневой наливкой.

Эрвин оглянулся на сервант и обомлел: между вишневой наливкой и какой-то идиллически-розовой вазочкой действительно поблескивала знакомая зеленая бутыль. "Вот же молодежь пошла", - не без восхищения подумал он. Сыворотка Асвейд стояла едва ли не на самом заметном месте. Но розовая вазочка с барашками, видимо, полностью убивала ее своим гордым присутствием.

Эрвин извлек сокровище и спрятал под полу.

- На самом деле я хотел спросить, как вы догадались.

- Никак. Просто интуиция. Вы были не похожи на остальных жильцов.

- Прошу прощения?

- Те меня хоть иногда замечали. Делали фальшивые комплименты, просили устроить скидку, - Анна выбила из рояля еще какой-то потрясающий аккорд. - А вы как будто вообще нас за людей не считали.

Эрвин мог бы сказать, кто кого на самом деле за людей не считал, но после сегодняшнего поступка Анны у него возникли на сей счет некоторые сомнения.

- Вы ошибаетесь. Я как раз считал вас за людей.

- Не своего круга.

Эрвину даже стало любопытно, к какому такому кругу он, по мнению Анны, принадлежит. Сын органиста, сбежавший из родной страны на двадцатом году жизни.

- Я тоже не дворянин, если вы об этом. И у меня тоже гражданство второго класса. Как вы можете понимать, поддельное.

- Нет. Не ошибаюсь. Я уже год колочу по клавишам, хотя это мне смертельно надоело, а вы даже ни разу не изволили сделать мне замечание.

Мужской разум никак не выдерживал столкновения с женской логикой и был близок к капитуляции.

- Тогда я теряюсь в догадках, зачем вы меня спасли.

- А вот затем, чтоб вы это все поняли! - Анна вновь со злостью ударила по клавишам. Пианино тоже было близко к капитуляции, причем безоговорочной.

- Вы сейчас разнесете инструмент. И ничего не объясните толком.

- А я и не собираюсь ничего объяснять!

Чрезвычайно любопытный разговор готовился пойти по кругу. Эрвин невозмутимо скрестил руки на груди.

- Как вам угодно. В таком случае, позвольте сказать, что вы проявили изрядную изобретательность. Мало кто из моих сверстников додумался бы до такого.

Нервная игра стала чуть ровнее. Эрвину даже показалось, что он начинает узнавать мучимое девушкой произведение.

- Особенно меня потряс огурец.

Анна хихикнула:

- Я специально одолжила у дворника дешевую водку. А то, положи я туда мамину наливку, ваш отвратительный гость мог бы предложить вам выпить. Огурчик прилагался.

"Отвратительный гость" был отнюдь недурен собой и считался одним из самых завидных столичных женихов. Правда, Витольд Маэрлинг мог переплюнуть его по обоим параметрам, так что Эдельвейс, по слухам, лейтенанта не терпел. А широкий взгляд Анны на вещи заслуживал похвалы.

- В Третьем отделении вам бы цены не было. С такой-то выдумкой.

- Никогда я не стала бы на них работать.

- А на кого стали бы? - когда Эрвин понял, что задал ужасно бестактный вопрос, было уже поздно. Анна резко опустила крышку рояля и обернулась. В глазах у нее стояли слезы.

- Вы надо мной издеваетесь? Меня через год-другой на свете не будет, - тихо и прерывисто произнесла она.

"Астма", - сообразил Эрвин. А шедевр, который девушка пыталась играть, был прологом оперы Вирдэна "Кассиата". Великому композитору удалось положить на музыку в целом довольно банальный роман о любви юноши из хорошей семьи и

безнадежно больной дамы полусвета. В книге он и она на протяжении трех с лишним сотен страниц соревновались в самопожертвовании и занимались прочими глупостями подобного толку, а потом женщина умерла. Героиня запомнилась Эрвину только пристрастием к белым лилиям и сценам ревности. Вирдэн был гением, так что сумел превратить скучнейшую книгу в великолепную оперу. Анна сейчас от него не отставала, превращая великолепную оперу в дурную оперетту.

- Простите. Почему вы не уедете? Насколько я знаю, в таких случаях полезен морской климат.

- На какие деньги?

- Например на те, которые можно выручить с продажи этого дома.

- Мать не поедет. Она еще девочкой видела, как горцы прошли Виарэ, и как калладцы потом гнали их обратно по той же Виарэ. Она из Каллад никуда не уедет. Ей кажется, что это адово место - единственно безопасное на свете.

- А вы тоже так считаете, Анна?

Анна пожала плечами. Она куталась в большой шерстяной платок и смотрела мимо Эрвина. Щеки у нее горели.

- Это не имеет значения. Дом не мой.

Лейтенант задумался. В Виарэ у него не было ни друзей, ни знакомых. Зато оставались какие-никакие связи в Рэде. При больнице неподалеку от того местечка, где он родился, раньше жила очаровательная супружеская пара средних лет. Милейшие люди, к сожалению, бездетные. Кормили яблоками всю окрестную малышню, включая Эрвина. Если они еще были живы, то не отказались бы взять девушку на какую-нибудь несложную работу. В Рэде, конечно, не имелось моря и, как следствие, целительного морского воздуха, но там было гораздо менее холодно и сыро, чем в калладской столице.

- А в Рэду бы вы поехали? Потом.

- "Потом" не будет. Я бы куда угодно поехала. Невесело ни с того ни с сего начинать задыхаться.

- Я скоро буду в Рэде... по делам. Поспрашиваю и непременно что-нибудь найду. А теперь, будьте добры, уступите мне место. Пусть эти стены хоть раз услышат правдоподобную "Кассиату".

Анна улыбнулась, мигом похорошев, и приглашающе кивнула на стул.

9.

Дни летели удивительно быстро. Первое число прошло в каком-то мутном мареве, второго в воздухе уже запахло неясной угрозой, а третьего с утра пораньше либеральные газеты возопили "Захватническая война!" "Защита интересов кесарии!" - ответили консервативные издания, имевшие хоть чуточку совести. Другие с ходу брякнули "Спасение братского народа!". И понеслась.

Наклз давно подозревал, что история представляет собою скорее направленный необратимый процесс, нежели что-то иное, и время ее не имеет ни малейшего отношения к тому времени, которое гимназисты в тетрадках по физике обозначали буквой "t". Время как бы распадалось на два несовпадающих по скорости и направлению потока: его, Наклза, жизнь, которую можно было отмотать назад и поглядеть, что было за пять, десять, двадцать лет до нынешнего дня, и еще на один поток. Или, скорее, круто уходящую вверх спираль. Ее нельзя было даже мысленно перечесть назад. Терялись сцепки и причинно-следственные связи. Жернова истории мололи мир, ее маховик раскручивался все быстрее, безумная круговерть подхватила тысячи людей и бросила навстречу друг другу.

А Каллад спокойно спал и, наверное, видел хорошие сны.

Если бы кто-то спросил Наклза, что не так, он бы твердо ответил: "Лихорадит историю". Потому что ничего другого в Каллад гарантированно не лихорадило. Солдаты в новеньких шинелях с песнями грузились в эшелоны, как грузились туда их отцы тридцать лет назад. Мрачноватые офицеры хмурили брови и обещали вернуться к концу весны, привезя женам и детишкам корзину рэдских яблок, вызревавших необыкновенно рано. Художники, как и раньше, рисовали нечто такое символически-мистическое, совершенно непонятное, но, по слухам, талантливое. Поэты средней руки наперебой воспевали нежных Маришек, которых добрые калладцы освободят от имперского гнета. Хорошие поэты молчали или писали о том, о чем пишут обычно - о любви. Безо всякой псевдопатриотической чуши и "нежных Маришек". Государственные театры давали блестящие спектакли. Балетная группа Тэссина была выше всяких похвал. Газеты грызлись между собой с остервенением, до которого дойдет не каждая свора голодных собак. Матушки оплакивали падение нравственности, пустые музеи и переполненные публичные дома. Гимназисты украдкой бегали по борделям и сомнительным пьескам, гимназистки потихоньку вдыхали эфир и все они, иногда совместно со студентами, периодически стрелялись и травились из-за роковой любви или двойки по

химии. В основном, бестолково и неудачно.

Мир оставался прежним.

Магрит, ранним утром третьего числа по слогам прочитавшая газетный заголовок, к удивлению Наклза не схватилась за нож и не стала крыть его последними словами, как приспешника злобных сатрапов. Девушка просто закрыла лицо руками и горько зарыдала. Видимо, в русой головке уже поселилось какое-никакое чувство реальности, и оно подсказало, что кулаками махать поздно.

Наклз бегал по академическим делам, пытаясь попутно состряпать новоявленной "родственнице" хоть какие-нибудь документы. При слове "племянница" специалисты по щекотливым вопросам дружно цвели в двусмысленной улыбке и сообщали, что "как мужчина мужчину" они его, конечно, понимают, но пока метрических свидетельств в продаже нет.

Дэмонру и всех ее знакомцев он почти не встречал. Только утром третьего числа получил записку, в которой указывался номер поезда и час отправления. К назначенному времени Наклз взял извозчика и добрался до вокзала. Там было черно, людно и шумно. Сквозь ночь летело мелкое снежное крошево. Тоскливо стонали паровозные гудки. Толпа гудела, какая-то тоненькая поэтесса миленьким сопрано читала скверные патриотические стихи. Какой-то сынок крупного дельца даже догадался притащить корзину гвоздик. Головки цветов скорбно пожухли. Парень невнятно ругал пройдоху-продавца по матери. Стайка неведомо как попавших сюда гимназисток громко восхищалась благородным порывом и боевым духом воинов. Благородные воины из простых курили, покрякивая от мороза, и периодически посылали барышень на известный простому народу адрес. Хорошеньких, кроме поэтессы, на платформе не оказалось.

Все это Наклз фиксировал чисто механически, пока пробирался через шумно дышащую и гомонящую толпу. Сперва он увидел Магду. Женщина возвышалась в конце платформы, как корабельная мачта. Узнал ее Наклз по исключительно безвкусной шапке и внушительному развороту плеч. Командирский рык майора Карвен пробился сквозь метель несколько позже. Она поучала свою сестричку, Эйрани, известную красавицу известных нравов. Жизненные советы, которые Магда оставляла младшей сестре, в основном касались той сферы жизни, которую Наклз вообще предпочитал не обсуждать, тем более, на людях. Денщики с интересом слушали и порой кивали, уважительно поглядывая на такой светоч знаний. Дэмонра обнаружилась чуть дальше, у самых перил. Она говорила с Рейнгольдом. Законник в шумящей толпе, периодически выдающей очень непечатные выражения,

казался несколько потерянным. Он близоруко щурился и пытался прикрыть Дэмонру от ветра. Это было совершенно невозможно: хорошая калладская метель мела сразу во все стороны. Нордэна обернулась и встретилась с Наклзом взглядом, что-то проговорила Рейнгольду, а потом, активно работая локтями, сквозь толпу поспешила навстречу.

- Я рада, что ты пришел! - перекрикивая метель, сообщила Дэмонра. - Да кто ж тебе завязывал шарф? Руки бы оторвала!

- Я и завязывал, в моем возрасте, знаешь ли, уже пора научиться одеваться самостоятельно и еще рано - разучиться, - отшутился Наклз. Дэмонра тем временем оборачивала его шею концами шарфа еще раз.

- С платформы спрыгнуть сможешь?

Вопросы подобного толку от Дэмонры не ставили Наклза в тупик уже лет десять. К некоторым вещам следовало просто привыкнуть.

- Разумеется.

- Отлично. - Нордэна легко перелезла через перила и плюхнулась в сугроб. Наклз повторил ее подвиг, хотя и менее изящно. За платформой мело чуть слабее и было не в пример тише. Во всяком случае, ему так показалось.

Дэмонра крепко его обняла. Удивиться маг не успел: он почти сразу почувствовал, как в его кармане хрустнула бумага. Нордэна была не тем человеком, который стал бы играть в Третье отделение без веских на то причин, поэтому никаких вопросов Наклз не задал.

- Вечером прочтешь, не срочно, - прошептала Дэмонра. - И еще одно.

Нордэна сняла шапку и протянула ее Наклзу со словами: "Подержи!". Если под шапкой когда-то и была прическа, то метель расправилась с ней мгновенно. Свою вполне приличную косу Дэмонра остригла, так что теперь несколько напоминала пажа из прошлых столетий. Она вряд ли нуждалась в каком-то комментарии к новой прическе, поэтому Наклз разумно решил оставить свое мнение при себе. А считал он, что следовало сохранить косу и избавиться от Каллад, и никак не наоборот. Нордэна расстегнула верхние пуговицы шинели и теперь копошилась, пытаясь что-то сделать с воротом мундира не снимая перчаток.

- Что ты хочешь?

- Естественно, я готовлю тебе прощальный танец с раздеванием, я слыхала, это теперь модно, - огрызнулась Дэмонра. А потом извлекла из-под мундира и сняла через голову длинную ленточку. На ней висел колокольчик без язычка. Сквозь

мелкий снег Наклз удивленно смотрел на покачивающуюся черную ленту и маленький кусочек серебра на ней.

- Это все, конечно, чепуха, - нахмурившись, пробурчала Дэмонра. Наклз глазам своим не верил: он впервые за двенадцать лет видел ее смущенной. - Но ты все-таки носи его, ладно?

Дэмонра протягивала ему ключи от персонального нордэнского рая. Наклзу не слишком хотелось попасть туда, где каждый день воюют и каждую ночь пьют, но широту этого жеста он оценил. Нордэны считали, что колокольчик без язычка позовет их на битву, когда зазвонят его старшие братья, висящие в Дэм-Вельде, над холодным морем. И по этому звону каждый нордэн - живой или мертвый - найдет дорогу к своему войску, где уже будут ждать братья и сестры по оружию.

Потом состоится битва, нордэны проиграют, дружно полягут, но и победителей с собой захватят, и через это дело благополучно попадут в свой казарменный рай. А новый мир возродится под новым солнцем, но уже без них.

И Дэмонра только что пожертвовала свой входной билет в вечность в пользу страдающего неверием мага. Что, конечно, было даже глупее, чем просто выкинуть его в снег.

- Ты же понимаешь, что я это взять не могу.

- Не переживай. Нашим богам плевать, веришь ты в них или нет.

- Я не о том. Тебе он больше пригодиться. А я не вынесу компании боевых дам на неопределенный срок. Я, знаешь ли, очень консервативный и занудный человек.

- Босая, беременная и на кухне?

- Около того, - приврал Наклз.

- Все равно, надевай. Мы потом под шумок переправим тебя на верхний круг аэрдисовского ада. Будешь там скучать с древними мыслителями. Зануду к занудам - хороший же вариант.

Перспектива была заманчива, но Наклз предпочел бы остаток вечности проскучать в компании жены и дочки. К сожалению, для этого надо было верить в вечность, как самый минимум. У него не было даже упомянутого минимума.

Дэмонра прищурилась и раздельно повторила:

- Чепуха все это, Рыжик. Но ты надень, будь так любезен. Может, у меня корыстная цель. Может, я так смогу тебя найти... Ну, если что.

"Если что" Наклзу определенно не понравилось, но никаких уточняющих вопросов он задавать не стал. Дэмонра вообще редко отягощала его просьбами. Маг вздохнул, развязал шарф, расстегнул плащ и тугой ворот мундира, надел ленточку и заправил колокольчик под рубашку. Безделушка была холодной,

как лед. Потом совершил некоторое количество обратных действий и снова уткнулся носом в шарф.

- Довольна?

- Вполне.

- Ну и глупо очень. Потому что я тебя всегда бы нашел, даже если бы ты не повесила мне на шею этого вашего инфернального чудо-компаса.

- Но ты его не будешь снимать? Даже в бане и у девок?

Наклз фыркнул:

- Обещаю и клянусь. Девицы будут в восторге от такой реликвии. Возвращайся скорее.

- Приглядишь за Рейнгольдом?

Наклз не был настолько бестактен, чтобы спросить, что же помешало Дэмонре повесить колокольчик на шею жениху или приглядеть за ним самостоятельно, никуда не уезжая. Хотя эта мысль его и посетила.

- Он взрослый мальчик, и я ему не нравлюсь. Но я постараюсь.

Паровоз издал пронзительный гудок. Дэмонра поджала губы:

- Счастливо, Рыжик, - и, не дожидаясь ответа, побежала к лестнице на платформу, проваливаясь в глубокий снег.

Когда Наклз по ее следам доковылял до той же лестницы, поезд уже отходил. Толпа отхлынула к перилам, паровоз выбрасывал в воздух клубы дыма, кто-то наспех осенял кого-то знамением - хваленый калладский атеизм в таких ситуациях нередко прижимал уши - кто-то плакал. Дэмонра висела на подножке поезда и жизнерадостно махала Рейнгольду шапкой. В освещенном окне вагона Наклз увидел лицо Кейси, почти под тем же ракурсом, что два дня назад во Мгле. Висок девушки был чист и прикрыт кокетливым пшеничным локоном. Она что-то сказала соседу по купе - его Наклз не рассмотрел - и повернулась лицом к стеклу. Встретившись с васильковым взглядом, маг подумал, что ему следует помахать Кейси рукой. Но делать это было совершенно бессмысленно: из освещенного купе она ни за что не увидела бы, что творится на темной платформе.

Наклз обернулся. Дэмонры на подножке уже не было: видимо, ее утащила внутрь Магда, крайне серьезно подходившая к технике безопасности и здоровью сослуживцев. Но нет, оранжевая, припорошенная снегом голова мелькнула еще раз, уже из открытого окна:

- Не забывай ухаживать за моими зимними розами на чердаке, - задорно улыбнулась нордэна. - Слышишь? Не забудь!

Такую просьбу было сложно забыть: Дэмонра не любила

розы и отродясь их не выращивала.

Поезд медленно набирал ход. Наклз, в свое время не самым удачным образом эвакуированный из Рэды, терпеть не мог смотреть вслед уходящим составам. Он поднял глаза к небу: через ярящуюся метель пробивалось мертвенно-белое пламя луны.

А замерзшая поэтесса несколько дребезжащим сопрано все рассказывала людям о необходимости братской помощи и неизбежном вознаграждении за благие дела, о любви и памяти, смерти и бессмертии.

- Хватит выть, не за яблоками едут, - бросил ей какой-то молодой человек в одежде рабочего. Девушка испуганно осеклась.

Поезд медленно таял в черно-белой круговерти.

Глава 3.

1.

Эйрани Карвэн была ослепительно хороша собой - на данном суждении сходились и ее друзья, и ее враги. Первые никогда не забывали при этом добавить, что ее красота равняется уму, а вторые заменяли "ум" на "распущенность". Наклз бы не поручился, какая из версий ближе к правде. Его никогда особенно и не занимало ни содержимое хорошенькой головки Эйрани, ни тем более чистота ее простыней. С тем фактом, что сестрица Магды - редкая красавица, стала бы спорить только другая красавица. А вот что Наклзу в ней не нравилось, так это некий налет вульгарности, почти неуловимый и ни в чем конкретно не выражающийся. Нет, на фоне Магды Эйрани, разумеется, выглядела образчиком блестящих манер и всего возможного светского лоска. Младшая Карвэн не употребляла грубых слов, возмущенно трепетала ноздрями тонкого носика, когда при ней их употреблял кто-то другой, виртуозно танцевала, первоклассно имитировала живейший интерес к словам собеседника и умела при случае блеснуть очаровательным невежеством по любому злободневному вопросу. Иными словами, Калладский Институт благонравных девиц смело мог бы гордиться своей выпускницей, если бы только она его действительно окончила. Наклз в жизни не видел Эйрани не то что пьяной, кричащей или ведущей себя развязно, а даже недостаточно любезной или неаккуратно причесанной, но для него она все равно осталась в категории "не барышня". И дело было вовсе не в тонких сигаретках, которые Эйрани при случае весьма мило покуривала. Наклз и сам бы не ответил, в чем же было дело. Но общепризнанная красавица, звезда балов и предмет десятка только известных дуэлей, магу чем-то не нравилась. Впрочем, даже нравься она ему, благосклонность дамы такого уровня стоила денег, которые приват-доцент никогда бы не заработал честным трудом. Нежелание общаться с компетентными органами также стояло на страже сердца и кошелька Наклза.

Когда маг боковым зрением заметил, что Эйрани его догоняет, он едва сдержал желание ускорить шаг. Впрочем, сделать это в вокзальной толкотне было бы непросто. У перил

лестницы они практически поравнялись. Дальнейшее игнорирование госпожи Карвен-младшей уже попахивало дурным тоном - как-никак они были представлены друг другу еще в те годы, когда Эйрани только начинала свои светские успехи. Наклз мрачно подумал, что при случае свалит свое нехорошее поведение на проблемы со зрением, но предприимчивая красавица не оставила ему выбора: с жалобным вскриком Эйрани почти упала на мага. В принципе, ступеньки были достаточно обледенелыми, чтобы поскользнуться на них совершенно естественным образом, особенно если учесть ныне популярные среди столичных модниц тоненькие каблучки, но Наклз знал цену таким вот чудесным совпадениям. Что, конечно, не помешало ему поймать даму, хотя и несколько менее нежно, чем требовал этикет.

- О, мессир Наклз, какая неожиданная встреча! - Эйрани взмахнула роскошными ресницами, на которых застыли снежинки.

- И весьма приятная, - холодно и неубедительно заверил ее маг. - Надеюсь, вы не ушиблись?

- О нет, но только благодаря вам, - Карвэн одарила спасителя благодарным взглядом глубоких медовых глаз. Наклз засунул руку в карман, проверяя наличие полученных от Дэмонры бумаг. Меньше всего на свете он готов был поверить, что и впрямь заинтересовал признанную столичную красавицу своими скромными достоинствами. Достаточного количества наивности у него не было даже по юности.

- Знаете, это все так неожиданно. Я совершенно выбита из колеи, я потрясена, я в растерянности..., - продолжала мурлыкать Эйрани, не забывая заглядывать ему в глаза. Если Наклз хоть что-то понимал в жизни, дальше ему следовало стать "милым Найджелом" и выслушать какую-нибудь просьбу. - Кто бы мог подумать, в наше время - и такое зверство, война, ужас... - В том, что война - это ужас, Наклз ни секунды не сомневался. Но он, в отличие от Эйрани, имел по этому вопросу знания самые практические, а потому предпочел ими не делиться.

- Как я волнуюсь за сестру! Она такая ... отважная. Болтают, что Магда - заговоренная, но ведь всякому везению есть предел!

"Еще бы не волновалась", - не без раздражения подумал маг: нуждающаяся в поддержке Эйрани вцепилась в его руку вполне профессионально. Держала как капкан, правда очень красивый и пахнущий дорогими духами. "Кто-то же должен оплачивать твои капризы, а молодые люди в наш век достаточно прагматичны, чтобы понять - бордель в экономическом плане

выгоднее, чем дама полусвета. Если верить Маэрлингу, сословие куртизанок почти растоптано сапогами мирового прогресса".

- Война ужасна и противоестественна, а госпожа Магда чрезвычайно отважна, - сухо подтвердил Наклз, нисколько не сбавляя шага. Увы, Эйрани перебирала каблучками с весьма приличной скоростью.

- Как умный человек, скажите мне, нам стоит опасаться?

- "Нам"? - "не понял" Наклз.

- Ну, я имею в виду жителей столицы.

Еще бы она имела в виду жителей провинции или других городов. С точки зрения госпожи Карвэн обитаемый мир, наверное, заканчивался сразу за кольцом загородных вилл и дач. А дальше так - ветер гуляет, пирожные сами по себе на кустах вызревают, да ученые медведи странствуют по трактирам в поисках ангажемента. И еще бабы в платках до бровей веселые песни поют, государственная опера в этом вопросе не может ошибаться.

- Опасаться? Разумеется, если не соблюдать известную осторожность. Весна на дворе. Туберкулез и тиф пока никто не отменял, - маг упорно "не понимал" и не желал понимать.

- Я говорю о возможности поражения.

Даже профессионал в области вероятностей скорее всего употребил бы здесь очень непрофессиональное словечко "невозможность".

- Об этом вам следовало спросить сестру. Госпожа Магда определенно смыслит в подобном значительно больше меня.

- Она ужасная молчунья, когда речь идет об армейских делах, - вздохнула Эйрани.

Наклз проникся к Магде Карвэн уважением задолго до этого дня, и пока не имел причин о том жалеть. В практических делах эта "приземленная" дама с троичным аттестатом и грамматическими ошибками даже в бранных словах давала многим признанным умникам сто очков вперед. Например, умела не трепать языком при родственниках - а на подобных вещах и "государственные умы" прогорали. Маг, правда, никогда не стал бы вербовать Эйрани в качестве шпиона - красавица все-таки имела альтернативные источники дохода, сопряженные с куда меньшим риском. За аморальное поведение ее разве что пожурили бы люди, которым внешность подобного поведения позволяла бы, а вот за работу на кого-то из соседей сразу бы повесили.

- А я в этих вопросах ужасный невежда, - отрезал Наклз. Он искренне полагал разговор оконченным. Но и прелестница сдаваться не торопилась:

- Мессир Наклз, у вас есть какие-то личные причины так меня не любить?

Вопрос был задан в лоб и уже гораздо менее капризным тоном. Маг даже несколько смутился:

- Нет, никаких, - быстро ответил он.

- И все-таки я вам не нравлюсь.

- Думаю, это с лихвой компенсирует толпа ваших поклонников, госпожа Карвэн, - не стал изощряться во лжи Наклз.

- Вы очень жестоки. Я только что проводила сестру на войну.

"Но это еще не повод провожать меня до дома", - раздраженно подумал маг. Вся эта комедия не нравилась ему с самого начала.

- Поглядите на перрон. Вы не так одиноки в своем несчастии, как вам кажется.

- Я забыла дома кошелек, - фронтальная атака не удалась, Эйрани перешла к фланговой.

"И любовника, видимо, тоже. Не только у меня сегодня паршивый день".

- Разумеется, я буду счастлив нанять для вас экипаж.

- Вы решительно отказываетесь меня проводить?

Силуэты извозчиков уже выступали из снежной круговерти. До них оставалось шагов десять. Наклз собирался ответить, что всего лишь решительно отказывается нести ответственность за возможное воспаление легких у Карвэн после пешей прогулки по такому морозу, но тут рядом с ним мелькнуло что-то темное. Движение было слишком быстрым, чтобы не быть опасным. Эйрани весьма целеустремленно висла на его правой руке, а левая у него была в кармане, так что при столкновении с неожиданным препятствием маг едва удержал равновесие. Что-то сильно пихнуло его в левый бок. Наклз рефлекторно высунул руку из кармана и мгновением позже понял свою ошибку. Раздался хруст бумаги. Маленькая черная тень спешила прочь, унося с собой так и не прочитанное послание.

- Мразь, - с несвойственной ему экспрессией прошипел Наклз. Преследовать вора в черно-белой круговерти было бесполезно, маг вообще не то чтобы отлично бегал, да еще в зимней одежде, по льду и с красавицей на буксире. Но документы Дэмонры ни в коем случае не должны были попасть к третьим лицам, пока он хотя бы не знал их содержания. Магу не оставалось ничего, кроме спонтанного выхода во Мглу. Увы, после этого уже не он волок бы Карвэн домой, а она - его.

Не успел Наклз додумать свою мысль, как Эйрани вытащила из муфты револьвер и резко взвела курок.

Народу вокруг особенно много не было. Но еще чуть-чуть, и вор мог бы смешаться с толпой, схлынувшей с перрона.

Наклз, впрочем, сильно сомневался в способности Эйрани попасть в цель. А вот зацепить кого-то из прохожих и втянуть его в совершенно ненужное разбирательство она сумела бы легко.

- Уберите, вы не попадете, - механически пробормотал маг, думая о своем. Мир начал стремительно тускнеть и выцветать, умирали привычные звуки и запахи. Наклзу показалось, что на него обрушился поток ледяной воды, а потом в ушах возник привычный гул, как от быстро надвигающейся бури.

Он уже вполне четко видел свою цель. И даже успел представить, как беглец поскальзывается на льду и падает. Но больше ничего сделать так и не успел.

Горхот выстрела над ухом спровоцировал то, что в учебниках называли "выбросом". Наклз имел несчастье пару раз проходить это на практике и вовсе не рвался обогатить свой опыт. В пособиях аккуратно писали, что маг, спустившийся во Мглу без страховки, в процессе спонтанного возвращения оттуда, спровоцированного событиями в реальном мире, испытывает "неприятные ощущения". Но люди, это утверждавшие, явно имели склонность преуменьшать масштаб проблемы. "Неприятные ощущения" были чем-то из породы красивых эвфемизмов, как "партизаны" Нордэнвейдэ. В первый момент Наклз просто решил, что Карвэн выстрелила в него. Наверное, даже если бы сестрица Магды всадила пулю в череп ему, а не удирающему вору, сильнее голова у мага все равно не затрещала бы.

- Твою мать! - прохрипел Наклз, оседая на снег. Это было вовсе не все, что маг хотел сказать, но дыхания на большее не хватило.

- Но я попала, - возмутилась Эйрани.

"В кого ты попала, курва мать твоя?" - думал Наклз, морщась от нестерпимой головной боли. Произнести такую длинную фразу вслух он бы сейчас ни за что не сумел. Удержаться в сознании - и то было бы хорошо.

Пока Наклз мысленно крыл Эйрани всякими словами, часть которых с учетом ее ремесла уж точно была по адресу, она крепко подхватила мага под локоть и совсем уж улечься лицом в снег не позволила. Сквозь метель и выступившие слезы Наклз видел темный силуэт на земле в десятке шагов от себя. Откуда-то раздался пронзительный свисток городового.

Эта дура Эйрани уложила вора с одного выстрела. Прямо у вокзала, при десятке свидетелей, достала из муфты оружие, спустила курок и теперь стояла тут, как аллегория Победы в собольей шубке. Не будь Наклзу так плохо, он непременно сказал

бы ей, что именно думает о девицах с револьверами, на которых ему последние три дня подозрительно везет, вообще, и именно об этой - в частности. Ничего хорошего Эйрани гарантированно не услышала бы. Сейчас маг был как никогда против эмансипации.

- Бумаги, - пробормотал он, борясь с тошнотой. С паршивой овцы хоть шерсти клок, принесет, не переломится. В глазах медленно плавали красные круги. Бесы бы побрали эту Эйрани.

- А, да, - опомнилась женщина, отцепилась от Наклза - он немедленно опустился на снег окончательно - и быстро принесла листы. Зрение шутило с Наклзом дурные шутки, но на то, чтобы разглядеть отпечатанный список каких-то имен, его хватило. Два листка, по две колонки на каждом.

Не нужно было быть гением, чтобы догадаться о содержимом списка. И еще меньше ума требовалось на то, чтобы осознать: Дэмонра скорее бы умерла на месте, чем отдала Наклзу такую вещь там, где могли быть шпионы. Вернее всего, нордэна даже не стала бы его печатать. Этот список был сама жизнь и сама смерть - смотря в чьи руки он бы попал. А потому маг ни мгновения не сомневался - подделка и провокация. Бесы бы побрали и Дэмонру с ее чисто нордэнскими шутками заодно.

Наклз, не говоря ни слова, спрятал листы за пазуху. Цепкий взгляд Эйрани, брошенный на них из-под длинных ресниц, не остался незамеченным.

"Ах ты моя хорошая. В Третье отделение поиграть решила. Убегающему человеку в метель, не целясь, полчерепа снесла. Спасительница моя. Ну-ну".

Городовой топал, как медведь. Комплекцией от упомянутого зверя он тоже мало отличался. Хотя, возможно, дело просто было в огромном тулупе с медной начищенной бляхой поверх. Головная боль мешала Наклзу фиксировать детали. Он скинул шапку и вцепился в виски, пытаясь приглушить звон молоточков, отбивающих там нечто наподобие калладского гимна.

- Это было нападение! - очень правдоподобно возмутилась Эйрани. - На нас напали! Мой спутник ранен!

"Ранен, убит и срочно нуждается в отпущении грехов. Она все-таки не провокатор, слишком топорно..."

- Моя голова, - простонал маг, глядя на городового измученными глазами. Вот уж в том, что внутри черепа пульсировало нечто, готовое в любой момент взорваться ко всем бесам, Наклз не врал. - Этот тип пытался меня оглушить.

- Я испугалась, - продолжала Эйрани. Вот уж чего, а ни малейшего испуга на красивом лице написано не было.

"Испугалась, бедняжка, и с перепугу попала в голову удирающему человеку, не в спину, не в ногу, не мимо, а прямехонько в затылок. С первой же пули. Ни дня не проведшая в тире дама полусвета. Волшебной случайностью. Бесы дери, как же я ненавижу идиотов".

Городовой кивнул. Первым делом он попросил у Эйрани документы и разрешение на оружие. И то, и другое у нее, видимо, оказалось в полном порядке. Более того, раскрыв метрическое свидетельство красавицы, служитель закона несколько побледнел. Видимо, иметь дело с вооруженной нордэной, к тому же обладающей таким талантом к стрельбе, ему не слишком хотелось. Еще меньше мужчине понравилась метрика Наклза: среди горожан бытовало мнение, что, раз связавшись с магом, беды не оберешься. А тут на снегу развалился натуральный кесарский маг второго класса, о чем имелась соответствующая запись в графе "род занятий", и просто неприятный тип с расфокусированными зрачками в придачу. Городовой вернул документы владельцам, зычным голосом попросил любопытствующих отправиться расходиться - судя по тону, к бесам - и подошел к трупу. Провозившись там какое-то время, он неодобрительно крякнул:

- Клятые рэдцы. Негражданин.

Наклз тем временем кое-как добрался до тела - если быть точным, Эйрани его туда почти доволокла - и поглядел на несостоявшегося вора. При падении шапка скатилась с макушки, по белому снегу расплылось большое темное пятно, а окровавленные волосы успели заледенеть. Голова убитого была повернута в профиль к Наклзу. Но он все-таки его узнал. Этому щенку или кому-то чудовищно на него похожему маг два месяца назад дал некоторую сумму в ассигнациях и некий ценный совет. Как дело обстояло с деньгами, маг не знал, а вот совет не лезть не в свое дело парень, если это и впрямь был он, определенно проигнорировал. Что, конечно, было весьма неосмотрительно с его стороны.

Эйрани принялась что-то убедительно внушать городовому. Да, тот понимал, что все произошедшее суть досадные недоразумения и совпадения. Да, бесовы рэдцы совсем от рук отбились, то-то кесарь им устроит сладкую жизнь, ворам проклятым, сладу с ними нет. Нет, он совсем не считает, что имеет смысл поднимать шум из-за какого-то малолетнего ублюдка, который все равно мертв. Да, парень мог бы с тем же успехом поскользнуться на льду и сломать тощую шею самостоятельно. Да, он не дожил бы до совершеннолетия, при таком-то ремесле, чего уж тут и гадать, не здесь бы помер, так в

следующей подворотне. Да, он, разумеется, верит, что Эйрани вовсе не хотела стрелять - хрупкая женщина всего лишь испугалась. Давняя травма, шок. Нет, конечно, никому не нужен скандал, в котором к тому же будет замешана сестра действующего майора калладской армии и, страшно сказать, кесарский маг высшего разряда! Разумеется, все останется сугубо между ними. Нет-нет, не нужно никаких денег, ни в коем случае: кесарь не одобряет подобного решения проблем. Ах, проблемы-то и нет. Есть труп бродяжки, без метрики, очевидно, какого-то рэдского выродка, которому помереть дурной смертью было на роду написано. Прекрасной госпоже вовсе не стоило беспокоиться. Все будет улажено наилучшим образом. Да-да, какие свидетели, когда снегом все так и заметает? Не иначе, Создатель мир за грехи наказывает. Разумеется, он неудачно выразился, нет никакого Создателя, он вовсе не хотел задеть религиозные чувства госпожи нордэны. Нет-нет, никакой помощи не требуется, протокол он составит сам. А господам он желает всего наилучшего и просит прощения, что так долго мучил их вопросами.

- Все в порядке, это ваша работа, - промурлыкала Эйрани. Конечно, красавица была довольна как кошка. Разом продемонстрировала безмозглому колдуну и свое умения стрелять, и свое умение договариваться, а какие еще навыки она собиралась показать - об этом магу оставалось только догадываться. Но он бы поставил на что-то совсем уж пикантное.

А вот быстрый, неприязненный взгляд городового Эйрани, полная осознания собственного величия и успеха, проигнорировала. Медведеподобный увалень смотрел на нее так же, как и на мертвого рэдца, разве что соотношение испуга и брезгливости сильно сместилось в пользу первого. Простые калладцы недолюбливали нордэнов. Идеальный мир Ингрейны Дэмонры и Магды Карвэн при такой новости затрещал бы по швам, но для Наклза это не было новостью уже лет десять. Скорее его интересовало, доживет ли он до того дня, когда все эти городовые, лавочники и рабочие покажут зубы. Ему бы очень не хотелось дожить.

Социальное устройство Каллад на первый взгляд выглядело абсолютно монолитным. Чуть более трети жителей кесарии составляли граждане первого класса, равные в своих правах. Обслуживали всю эту камарилью граждане второго класса, равные в своем бесправии, как мрачно шутили интеллигентствующие умники за закрытыми дверьми. И здесь они здорово ошибались: у граждан второго класса тоже были кое-какие права. Например, всяческим роскошной красоты нордэнам

с детскими травмами и отменными револьверами нельзя было стрелять по ним на улицах, как по бездомным псам. А еще были неграждане. Наклз не был склонен давать окружающему миру какие-либо художественные определения, но этих не называл про себя никак иначе, чем "покойники на побывке". Они действительно в Каллад долго не задерживались. В лучшем случае неграждане покидали кесарию, в худшем - грешный мир. Худший наступал чаще: депортировать нелюдей из страны денег стоило, веревки же и пули в Каллад были относительно дешевы, а моральные нормы - относительно гибки. Вечное состояние войны имело некоторые своеобразные преимущества.

Примерно так, но, разумеется, с густой приправой из всяческих ужасов и антикалладской пропаганды, рассказывали о кесарии детишкам в Аэрдис, и именно с таким представлением об этой стране Наклз прибыл сюда двенадцать лет назад. В теории все было очень понятно и скучно, а в реальности оказалось намного хуже. Во-первых, все граждане первого класса, конечно, были между собой равны. Но некоторые - в частности северяне, хотя и не только они - были "равнее" прочих. Во-вторых, непересекающиеся множества иногда пересекались. За очень большие деньги. В-третьих, политическая и экономическая власть в кесарии окончательно размежевались еще лет двести назад. Род Зигмариненов и Зимнее безмолвие - практически независимая система нордэнских заводов, частично расположенных на Архипелаге и частично на материковой части страны - вот были два крыла, которые несли Каллад к будущему, где через клубы порохового дыма мелькало синее небо и всеобщее счастье. Во всяком случае, так было принято думать.

По счастью, до сих пор у кесаря и Иргенвегнанден хватало ума поддерживать друг друга, но Наклз не рискнул бы предположить, как долго продлится такая благодать. Одно он знал твердо: людям в здравом уме с нордэнами и их полунезависимой Дэм-Вельдой связываться не стоило. И даже не потому, что северяне полагали свою земную жизнь только прологом к Последней Битве и из-за этого смотрели на льющуюся ведрами кровь - как собственную, так и чужую - весьма философски. Причина, по которой нордэнов стоило любить, была куда более прозаичной: все калладское оружейное дело, вся химия и почти вся медицина были в руках выходцев с Серого берега. Зимнее Безмолвие, которое нордэны называли Иргендвегнанден, цепко хранило свои секреты и никого близко к ним не подпускало. На материковых заводах работали этнические калладцы, но на островных - никогда.

Правда, и нордэнам следовало приканчивать таких

представительниц своего народа, как Эйрани Карвэн, в глубоком детстве. Чтобы не провоцировать лишнюю ненависть. Магда Карвэн и еще сто с лишним тысяч ее сородичей состояли в армии, регулярно воевали и периодически умирали за кесарию. Но истории о ваннах игристого и пьяной пальбе на улицах почему-то всегда запоминались лучше.

Самой Дэм-Вельды, за исключением одного острова, Наклз не видел, однако простая логика, помноженная на минимальные знания географии, подсказывала ему, что кушать там особенно нечего. Нет, нордэны регулярно отправляли кесарю апельсины, персики и какие-то вовсе диковинные фрукты, выращенные в оснащенных по последнему слову техники теплицах, тем самым попутно демонстрируя, что Каллад они хоть и любят нежно, но и без поставок хлеба проживут. Однако в глубине души маг был абсолютно уверен: кесарь легко мог бы сделать так, чтобы на Архипелаге начался голод. А нордэны легко могли бы сделать так, чтобы от Аэрдис калладцы отбивались копьями и молитвами - от туберкулеза и тифа.

"Традиционная" и "новая" буржуазии в Каллад разнились как день и ночь, и общее имели только одно: нелюбовь к нордэнам, фактически узурпировавшим самые перспективные отрасли. Иргендвегнанден была нарождающемуся калладскому капиталу как кость в горле. И уж совсем остервенело северян ненавидели жители окраин кесарии, которые еще лет сто-двести назад были совершенно другими самостоятельными государствами. Рэдские и все прочие инсургенты за последние полтора века покушались на калладских кесарей и членов венценосного семейства только трижды, причем все три раза - неудачно. Зато в высокопоставленных нордэнов стреляли и метали бомбы чуть ли не каждый год, с разными степенями успеха. Славная традиция закончилась на смерти генерала Рагнгерд, министра просвещения Вальдрезе и еще полусотни гражданских, которым просто не повезло стоять с ними рядом. Кесарь Эвальд, не оценивший подрыва часовни во время молебна, ответил совершенно однозначно: в Восточную Рэду еще раз вошли войска. Оставшиеся фонари украсили крайне сомнительные гирлянды, ряд военных получили медали "За усмирение", а рэдцы в здравом уме решили, что никакое политическое убийство не стоит массового погрома, так что популярность инсургентов в народе резко упала. Кесаря, правда, тоже с тех пор сильнее уважать не стали. Эвальд разрешил проблему, как сумел, а прежний кесарь нестандартным мышлением не отличался. Расстрелять, повесить, согнать на рудники, запретить поступления в учебные заведения - это было по его части,

ликвидировать корень проблемы, которой три сотни лет - увольте. Впрочем, как подозревал Наклз, тут сплоховали бы даже Заступники, доведись им спорхнуть с икон.

А всякие Эйрани Карвэн создавали сыну Эвальда - стороннику мер если не менее жестоких, то хотя бы более разумных - дополнительные трудности на ровном месте. Убийство вряд ли попадет в газеты. Но в пересуды - точно попадет. И окажется, что чокнутая нордэна застрелила не вора, а невинное дитятко лет семи, по нелепой случайности оставленное на улице.

Наклз ощутил острое раздражение. Хотя, возможно, виной всему была раскалывающаяся голова. Предприимчивая красавица тем временем нашла извозчика, и они совместными усилиями погрузили мага в сани. Меховая полость, которой Наклза накрыли, была теплой, мягкой и просто сказочно приятной на ощупь. В нее хотелось зарыться носом и не просыпаться до весны. Маг мужественно боролся с накатывающими волнами сна, но был близок к капитуляции.

- Едем куда? - вырвал его из дремоты густой бас.

Карвэн назвала адрес, судя по всему, свой. Наклз бы сейчас предпочел нанести визит Сольвейг Магденгерд, которая славилась ну прямо-таки потрясающе действенными обезболивающими, но был не в том состоянии, чтобы диктовать условия. К тому же, комедию, разыгранную Эйрани, стоило досмотреть до конца. Сестричка Магды тоже влезла под полость и весьма мило промурлыкала ему в ухо:

- Все улажено, проблем не будет. Переночуете у меня.

Последнее прозвучало бесовски многообещающе. Не раскалывайся у Наклза голова, он бы непременно посмеялся. Его так и тянуло уточнить, как давно Эйрани обнаружила у себя склонность к некрофилии. Обещать ночь любви магу, только что не по своей воле вынырнувшему из Мглы, было, по крайней мере, самонадеянно.

Поездка длилась минут двадцать. В продолжение этих двадцати минут Наклз успел даже подремать на любезно подставленном плечике, благоухающем приморской весной. В голове не то чтобы совсем прояснилось - там по-прежнему было вязко и мутно - но какой-никакой план действий у мага за это время созрел. Поднимаясь по ступенькам, ведущим в дом роковой красавицы, в обнимку с упомянутой красавицей, он уже примерно представлял, чем собирается удивить ее нанимателей. На то, чтобы удивить саму Эйрани, особенной выдумки не требовалось. Достаточно было просто заснуть в ее постели, едва коснувшись головой подушки, а уж это Наклзу сейчас не стоило бы ровным

счетом никаких усилий.

2.

Дэмонра из-под прикрытых век созерцала бушевавшую за стеклом метель. Зима предпринимала последние попытки отвоевать себе лишние недели жизни и, конечно, была обречена на провал. После полудня, покидая дом, нордэна совершенно отчетливо ощутила висевший в воздухе запах дыма. Так пахла калладская весна. Сперва был пряный дым и только потом - звон капели, песни вернувшихся пташек и первые почки, набухающие на деревьях. Поэтов все это, конечно, ужасно возмущало. Они в один голос вопили, что весна должна пахнуть чем-то менее вульгарным, чем железнодорожный вокзал, и дружно чуяли в воздухе запах какого-то растения, о котором непременно нужно было справляться в ботанике, чтобы понять, о чем вообще идет речь. Дэмонру это волновало мало. Калладская весна пахла дымом задолго до того, как люди узнали о существовании железных дорог, паровозов и фабрик. И нордэна с детских лет любила эту шутку природы.

Ее бессменный денщик Гребер приволок в купе солидный кулек печенья и скрылся с подозрительной скоростью, стараясь не дышать. Зондэр проводила его суровым синим взглядом:

- Дэм, тебе не кажется, что он собирается напиться? - с ледяной любезностью поинтересовалась она.

Дэмонра полулежала на сиденье и все смотрела сквозь стекло на вихрящийся снег. Приход Гребера нисколько не отвлек ее от этого приятного занятия.

- Нет. Десять вечера. Он уже сделал все, что собирался, и, думаю, пошел по второму кругу, а, может, и по третьему, - лениво сообщила нордэна. Гребер никогда не откладывал на завтра распитие напитка, который представлялось возможным распить сегодня. Иногда Дэмонру даже посещала кощунственная мысль, что ее денщик в этом плане может составить достойную конкуренцию ее покойной матери. К слову, раньше он служил ей. Можно сказать, по наследству перешел.

- И ты не собираешься его уволить? - нахмурилась Зондэр.

- Нет.

- Тут вопрос даже не в дисциплине - я понимаю, она тебя не волнует. Но для твоей же безопасности...

Как будущий некромедик, Дэмонра в юности пыталась

получить медицинское образование. Биология входила в курс прослушанных ею дисциплин, поэтому нордэна имела кое-какое представление о рефлексах. И на слова "твоя безопасность" у нее уже лет десять как имелся условный рефлекс: Дэмонре мигом представлялся Наклз, серьезный и укоряющий.

- Ох, Зондэр, я всегда давалась диву, и чего ты не вышла за Наклза? Ты б только свистнула. Накачали бы его чем-нибудь покрепче и - в магистрат, а утром - "ох ты ж, бесы, колечко лишнее на руке, где я вчера был-то?" Вы были бы потрясающей парой.

- Предпочитаю живых людей, - процедила Мондум.

- А он живой, - постояла за честь друга Дэмонра. - Просто хорошо мимикрирует под книжный шкаф. Тоже, знаешь, полезно бывает. Хотя любовнику, конечно, такое полезнее, чем мужу, но он вообще человек серьезный, от рогоносцев бегать не будет...

- Это ты Кейси скажи. Он ей даже рукой не помахал.

- Он наверняка подумал, что из освещенного вагона темной платформы не видно. Кстати его бы и не было видно, если бы некоторые так старательно не пытались проделать в нем дыру взглядом.

- Тогда ему скажи, чтоб думал поменьше, - Зондэр все хмурилась. - И не жалко ему бедную девочку?

- Ты чего? - поразилась этому смелому предположению Дэмонра. - Это мой любимый, идеальный Наклз. Ему никого не жалко. Он просто не понимает, что это такое. Как мы с тобой не понимаем, что такое производная от тангенса икса в кубе. Мы знаем о том, что такая вражеская штука существует. Мы регулярно получали за нее "крайне дурно", так что верим в ее материальную природу. Но мы совершенно не можем ее себе представить, верно? Рыжик же понимает, что такое эта бесова производная и еще кучу вещей, от которых у меня голова кругом идет. А вот жалости - не понимает. За что также периодически получает по морде и по самолюбию, а потому тоже верит в ее материальную природу. Злиться на него за это так же бесполезно и глупо, как злиться на человека за отсутствие таланта к математике или к музыке.

- Другое это, - мрачно покачала головой Зондэр и замолчала.

Наблюдая за метелью в темном окне, Дэмонра вспоминала последний разговор с Ингегерд и все пыталась представить себе Архипелаг, где не была почти одиннадцать лет, с тех самых пор, как получила письмо Рэдум Эстер с глубокими соболезнованиями и аккуратным предложением написать дарственную на наследство Рагнгерд "ради вящего блага" на

"всякий непредвиденный случай". Тогда Дэмонра очень невежливо отказалась, заколотила двери и окна в доме матери и пообещала оставить все наследство жертвам войны и бездомным кошечкам, если с ней вдруг приключится "непредвиденный случай". Более Архипелага Дэмонра не видела. С Немексиддэ, сменившей на посту наместницы Эстер, отношения у нее были значительно лучше, но все же не до такой степени, чтобы возвращаться к родным пенатам без крайне веских на то причин. Теперь нордэна с некоторым удивлением поняла, что очень плохо помнит Дэм-Вельду. Храм-над-морем, Эльдингхель, лаборатории имени Тильды Асвейд и даже оранжереи с апельсинами, символизирующие абсолютное торжество прогресса над природой и здравым смыслом, она могла в подробностях представить. Точно так же, как могла бы представить их, если бы видела все это на фотографиях, а не своими глазами. Картинка осталась, но все, что эту картинку наполняло, исчезло. В Моэрэнхелл Каллад, или Каллад на Моэрэн, Дэмонра жила с семи лет и искренне считала кесарию своей Родиной, ради которой можно и следует пойти если не на все, то очень на многое. Но при слове "родная земля" раньше ей все равно представлялась не гранитная набережная столицы, а белый лед, черный вулканический песок и серое море до горизонта. Сейчас не представлялось ничего. Лед, песок и море сделались иллюстрацией из учебника по географии.

Никакой трагедии здесь, конечно, не было, но при этой мысли Дэмонре все равно стало несколько неуютно.

Вагон слегка покачивался, а мерный перестук колес нагонял сон. Сквозь ночь и последние потуги зимы поезд мчал на запад, в весну и на войну.

- Помнишь, мы в детстве хотели посмотреть мир? - снова разбила уютную тишину Зондэр. Прежде чем начать разговор "за жизнь" майор Мондум молча страдала над остывшим чаем и картой Рэды не меньше получаса, поэтому грубить ни в коем случае не стоило. К тому же, Дэмонра искренне считала Зондэр изумительным человеком.

Они дружили чуть больше, чем полжизни, то есть с того самого дня, как расквасили друг другу носы еще на первом году гимназического обучения, а потом, стараясь не хлюпать этими самыми разбитыми носами, выслушали длиннейшую лекцию на предмет хороших манер и возможного отчисления. В процессе нравоучения девочки поняли, что между небом и землей других врагов, кроме как классной дамы и "Уложения о наказаниях" у них нет, и с тех пор стали не разлей вода. В ранней юности Дэмонра и Зондэр совместно объявили марш к совершенству. Лет в двадцать пять они совместно же декларировали полный провал

этого мероприятия, хорошенько запив похороненные идеалы. К тридцати решили, что жизнь, конечно, не удалась, ну а в целом все в порядке.

А еще существование в бескрайнем мире Зондэр Мондум, с ее вечно нахмуренными бровями, строго поджатыми губами и толстенной темно-русой косой, давало Дэмонре веру в свое маленькое персональное бессмертие. Пуля, конечно, была дурой, но Зондэр, определенно, была умницей, пусть не очень храброй, но очень ответственной. Так что у Дэмонры имелся человек, на которого она не побоялась бы оставить Ломаную Звезду, то, что Наклз столь презрительно именовал "гражданскими благодеяниями" и, страшно сказать, самого Наклза. В глубине души нордэна была убеждена, что в одиночку непогрешимый и умнейший маг проживет ровно столько, на сколько в его доме хватит запаса печенья. А потом мирно умрет с голоду, столкнувшись с неразрешимой практической проблемой. Гении - народ такой, о земной грязи не думают. Дэмонра бы без колебаний поставила свое месячное жалование на то, что Наклз считает, будто хлеб растет на деревьях. В виде булочек различных размеров и форм.

- Так ты это помнишь? - повторила Зондэр.

- Помню, - сонно согласилась Дэмонра. В детстве она определенно хотела посмотреть мир. Не могло же ей тогда прийти в голову, что в нем окажется не так уж много хорошего.

- Ты ведь себе это не так представляла?

Нет, Дэмонра в детстве представляла процесс осмотра достопримечательностей мира совершенно иначе. В ее детских мечтах обязательно присутствовал муж, чем-то похожий на помолодевшего папу, коляска с четверкой рысаков и яркий солнечный свет. И, разумеется, дивные дива, которые они осматривали, до этого не обстреливала артиллерия.

- Не так. Я, как и ты, не думала, что буду делать это с шашкой и пистолетом. И еще я не думала, что за спиной у меня будет полк единомышленников. То есть я, конечно, думала, что единомышленников у меня будет целый полк, не меньше. Но им, бесы дери, тоже полагалось быть без шашек, - пожаловалась Дэмонра. Еще она могла добавить, что в детстве ей бы в голову не пришла возможность выколачивать из "экскурсоводов" информацию по маршруту посредством мордобития, но почла за лучшее не развивать эту тему.

Зондэр вздохнула.

- Как ты думаешь, почему так вышло?

Дэмонра и сама не отказалась бы узнать, почему все вышло именно так. Наклз, с высот своих познаний, сказал бы, что

по совокупности многих сотен причин внешнего и внутреннего характера у каждого человека имеется только одно максимально вероятное и объективно возможное будущее. Он мог бы расписать на формулах то, что старушки звали таким немодным словом "судьба". Религия нордэнов, в целом, подтверждала теорию Наклза, разве что внутренние причины там в расчет не брались. Но Дэмонре с самого детства не нравился постулат о существовании в мире безличной, чужой и холодной силы, которая расставляет все по местам.

- Потому что мы с тобой не выучились на балерин или классных дам? - предположила нордэна. Ей очень хотелось уснуть и проснуться ближе к последним числам весны. А лучше сразу к осени, когда страсти уже относительно улягутся. В гимназии ей хотелось так же проспать уроки танцев, и сессию - в Академии. Годы спустя Дэмонру бесконечно забавлял тот факт, что тройки когда-то казались серьезными проблемами. И ей совершенно не хотелось знать, что еще перестанет казаться серьезными проблемами лет через десять.

- Для карьеры балерин мы росточком не вышли, для классных дам - норовом, - со знанием дела пояснила Зондэр. - Карьеру куртизанок опустим. Для нее мы капитально не вышли рожами. А это бы что-то поменяло в целом?

Дэмонра подумала, что рожа для куртизанки - не самое главное. Для этой профессии тоже следовало выйти характером. Однако решила оставить свои наблюдения при себе.

- Ох, Зондэр. "В целом" ничего никогда не меняется. Но об этом лучше спросить Наклза. Он умеет это объяснять как-то так, что после его объяснений хочется напиться, а не повеситься. Я считаю, у него талант.

Зондэр нахмурилась. При всех своих неисчислимых достоинствах, Наклза она недолюбливала. Недолюбливала молча, исключительно вежливо и спокойно, но для Дэмонры ее чувства секретом не были. Сперва она грешила на свойственную Мондум недоверчивость и не самое благоприятное происхождение Наклза, но давно осознала свою ошибку. Зондэр не считала мага ни шпионом, ни ренегатом, ни даже трусом, продавшимся за потенциальные гражданство и пенсию, о чем Магда первые года полтора не стеснялась говорить вслух. Это, видимо, просто был тот редкий случай, когда всегда сдержанная Зондэр не сошлась с кем-то характером.

- Ладно, Зондэр. Я не знаю, - Дэмонра попыталась представить себе ситуацию, при которой они могли бы быть классными дамами. Ситуация представлялась довольно смутно: мешали остатки человеколюбия, которые ей удалось сохранить к

тридцати с небольшим годам. Нордэну дети, особенно в большом количестве, раздражали, но не до такой степени, чтобы учить их правильно жить. - Ну, были бы мы с тобой классными дамами. Сидели бы сейчас где-нибудь в кабинетах, по двадцатому кругу слушали творческий пересказ биографии Поля Вирдэна, из которого вырезали десяток куртизанок, зато оставили верную супругу. И уже они, а не мы, гадали бы, почему она столь часто меняет инициалы, читая посвящения. Мы же потом третировали бы девочек за недостаточно скромный вид и недостаточно возвышенные интересы. Вечерком почитывали бы бульварные романы сомнительного качества. В лучшем случае, у нас при этом были бы мужья и, может, даже дети, от чего, конечно, упаси нас боги. Я как-то не уверена, что способна воспитать хорошего человека и хорошего гражданина одновременно, а это, бесы дери, надо было бы как-то сделать. Так вот, к идеальной картине... Мужья наши после ритуального прочтения утренних газет морщились бы брезгливо и говорили о том, что кесария гниет изнутри, а поведение ее армии в Рэде, Карде, Тиссе и далее по списку в высшей степени аморально. Все офицеры - сумасшедшие кокаинисты и кокаинистки, жеманные как кокотки, и горазды только беззащитных бить. Мы бы поддакивали, попивая чай, который привозят в Каллад только благодаря этим безнравственным кокаинистам и кокаинисткам, устраивающим регулярные оргии и ванны из игристого. Мне продолжать?

- Не стоит. Я не очень люблю, когда ты так кривляешься. Уверена, все могло быть как-то еще.

- Конечно могло быть. Если бы пять сотен лет назад наши предки применили головы по прямому назначению, все могло бы быть как-то еще. Теперь не может. Я говорила с Ингегерд.

- И что? - мигом полюбопытствовала Мондум.

Дэмонра поморщилась, как от зубной боли:

- И все.

"И все" пояснять не требовалось. Зондэр, как и каждая нордэна, прекрасно понимала смысл этих слов. В языке северян для них имелась уйма синонимов, в массе своей емких и непечатных. Пожалуй, самым литературным аналогом был "Сумерки Богов". Которые, правда, по общепринятой версии состоялись пятьсот лет назад, то есть несколько раньше запланированного срока, и как-то не спровоцировали обещанного перерождения и очищения мира.

- Можно сделать хоть что-то? - без особенной надежды поинтересовалась Зондэр, помолчав немного. Дэмонра хлебнула остывший чай.

- Можешь помолиться своему Создателю, как вариант.

Дэм-Вельдских демонопоклонниц он, как ты понимаешь, слушать не станет, а у наших родных богов затянувшийся отпуск.

- Бесы дери, Дэмонра, тогда почему они выращивают апельсины для кесаря, а не хлеб?!

- А такого, что этих теплиц там - раз, два и обчелся. Этого хватит, чтобы по праздникам поднять настроение знати и ее деткам, но не хватит, чтобы прокормить сто пятьдесят тысяч ртов. Не важно, что через пару десятилетий данная цифра сократится хорошо, если не вдвое. Жрать они хотят сейчас! Ах бесы, совсем забыла: они хотят жрать вкусно. Мы же богоизбранный, мать его, народ, вершина эволюции...

Зондэр глубоко вздохнула:

- Разговор беспредметен. Мы только поссоримся.

- Даже не думай. Не собираюсь я с тобой ссориться из-за каких-то фундаментальных проблем мироздания. И вообще, ты обещала быть у меня подружкой невесты, - подмигнула Дэмонра. Обсуждение перспектив Дэм-Вельды, трезвая голова и хорошее настроение были совершенно несовместимыми вещами.

- А ты обещала назвать дочку Мирабеллой, если выйдешь замуж раньше меня.

- Бесы, Зондэр, мы тогда были очень пьяные? - Дэмонра сдвинула брови, вспоминая подробности столь опрометчиво данного обещания. Пол-ящика даггермара, причитающиеся с Магды, мало улучшали общую картину.

- Мы, Дэмонра, тогда были очень молодые, и ненавидели только "синявок" и уроки нравственного закона, - грустно улыбнулась Зондэр.

- Никогда не подумала бы, что и от этого похмелье бывает. Да еще такое запоздавшее, - пробурчала Дэмонра. И соврала. Эта мысль приходила ей в голову неоднократно и чем дальше, тем чаще. Каллад, каким бы он ни был, дал ей безоблачную юность. На безоблачную старость ее родителям уже не хватило, конечно. Но этот факт не отменял первого. И за все в мире следовало платить.

- Кстати, Зондэр, еще одно. Со мной тут связывался всесильный Винтергольд, великий и ужасный. Через своего старшего ублюдка.

- Он законный, между прочим, - Зондэр не любила двусмысленностей. - И не старший, а единственный. Вернее единственный, кого Винтергольд признает своим.

- Да, в наш прогрессивный век можно быть ублюдком, даже являясь законным ребенком, мы значительно продвинулись со времен рыцарства, тебе не кажется? Так вот, кто-то пытается собрать информацию по "Зимней розе". Что самое занятное, этот

"кто-то", по-видимому, не имеет никакого отношения к имперской разведке.

- Что сказал по этому поводу Винтергольд?

- Ну, он три часа намеками да экивоками пытался выведать у меня, с каких пор я занялась садоводством и что за бесовы розы мы выращиваем. Я, естественно, грязно материлась и все отрицала первые часа два с половиной, а потом рассказала сказочку про дэм-вельдские зимние розы. Из которых года через три можно будет добывать сильнейший опиат и с помощью означенного опиата еще лет через пять мирно травить аэрдисовцев в колыбели. Разумеется, он мне не поверил, да что поделать? Сказал быть предельно осторожной и, наконец, попробовать приобрести хоть какие-то манеры. Но денег на бонну, как ты понимаешь, не дал!

Зондэр вздохнула и потерла виски.

- Тебе это не показалось странным? В темницу можно угодить и из-за меньших подозрений. А уж там допрашивают не под граммофон и бокал красного вина.

- Не показалось. Смотри на вещи трезво, Зондэр. Нас не арестуют, пока мы не выкинем какой-нибудь воистину великолепной глупости. Не потому, что нас любят и уж, конечно, не потому, что мир исполнен справедливости и за добрые дела не наказывают. Все столь же просто, сколь и мерзко. У каждого, знаешь ли, есть - такое современное словечко - социальная роль. Ну, там любимая ... министра финансов - поставщик информации для банкиров. Или школьный учитель нравственного закона - поставщик идеалистов для будущей войны. Ну, вот и мы с тобой тоже исполняем полезную социальную роль.

- Любимые кесарские шавки?

- Гончие. Но это уже детали. Угадала. К счастью, мы не левретки, так что лизать руки хозяина нам совершенно не обязательно. А вот лаять придется в строго заданном направлении.

Зондэр мрачно молчала, созерцая стекло и мутно проступающий по ту сторону лес. Метель стихла и в небе плыла белая огромная луна. Колеса поезда мерно стучали, нагоняя сон. Нордэна отвела взгляд и сообщила не Дэмонре, а белой скатерти на столе:

- Я уволюсь после этой кампании. Жизнь, конечно, заново уже не начнешь, но это не повод оставаться.

- Это непрактично. Еще пара лет, и ты - полковник.

- Еще пара лет - я и покойник, Дэм. Живой такой покойник. Без семьи, без детей, без перспектив, зато с солидным пенсионом. Как твой любимый Наклз. Меня тошнит при мысли о

такой старости.

Дэмонра поморщилась:

- Я бы на твоем месте молилась, чтобы поджидающая нас старость была именно такой. Мне кажется, она будет значительно более веселой, вот только нам от этого совсем не будет весело.

- А мне уже не особенно весело.

- Разговор беспредметен. Хорошо, когда все будет подходить к логическому завершению, сымитируем тебе какое-нибудь серьезное ранение, выдадим медальку и можешь отправляться на все четыре стороны.

Зондэр тяжело вздохнула:

- Мы вернулись к тому, с чего начали. "На все четыре стороны" - это куда? Учитывая, каким именно способом мы "смотрели мир" последние десять с лишним лет, про четыре стороны ты, Дэм, лучше забудь. Нам остается только север. Вечно закатывающая истерики Нейратез, подбирающиеся Гремящие моря и апельсины в тепличках. В классических трагедиях такое, кажется, называется "заслуженным финалом", нет?

- Нет, Зондэр, и не мечтай. Если я что-то помню с гимназии, в классических трагедиях герои совершали преступления ужасные, но в какой-то мере все же красивые. Они проливали моря крови, мстя за честь семьи, или сжигали дотла города во имя любви. Заметь, никаких денег там и близко не упоминалось. И врагов там, кажется мне, убивали за то, что они враги, а не за то, что они попали в "отбраковку" по методологии Кальберта или не угодили эстетическим идеалам императора Гильдерберта. То, что останется после нас - декрет о проститутках, исправительные лагеря, "тест на лояльность", система усовершенствования канализации - не предмет трагедии, Зондэр. Так что существует вариативность концовки. И давай уже спать. Утром будем в Тальде.

3.

Эйрани рассыпалась в извинениях удивительно мило. Она, о ужас, сегодня как назло отпустила горничную! Кто бы мог подумать, она не рассчитывала принимать гостя... Но очень надеется, что Наклз не станет возражать, если она поухаживает за ним самостоятельно. У нее найдется отличное вино, а также бездна внимания и понимания.

Маг пропустил большую часть ее монолога мимо ушей. У

Эйрани было на редкость приятное контральто, которое отчасти окупало всю произнесенную чушь. Хотя было бы значительно лучше, если бы она проговорила вслух таблицу умножения или какой-нибудь кулинарный рецепт.

Наклза все так же мило поставили перед фактом, что он предпочитает красное вино. Маг, наученный долгим знакомством с нордэнами, предпочитал чай, но вежливо не стал спорить. Он был уверен, что еще через полчаса его поставят перед фактом, что он предпочитает брюнеток.

- Вас пытались ограбить! - продолжала щебетать Эйрани, позвякивая бокалами. - В столице! В самом центре. Ужас какой...

"Нет, ну что вы, это определенно выглядело как покушение на мою добродетель", - лениво подумал Наклз, оглядывая комнату. Освещение было предельно тусклым, но канделябры Карвэн расставила стратегически правильным образом. В уютном полумраке пышно тонула широкая кушетка с обилием шелковых подушек медного и терракотового цвета. Чуть поодаль призывно поблескивал роскошный хрустальный сервиз, над которым Эйрани в настоящий момент колдовала, разливая темное вино в тонкие бокалы с золотой гравировкой. А разгоравшиеся в камине дрова бросали теплые отблески на шкуру какого-то предельно пушистого и экзотического зверя, крайне эффектно брошенную на пол. Наклза столь совершенная и функциональная подборка декораций заставляла вспомнить то ли о театре, то ли о дорогом борделе. Маг шарил взглядом по стенам и темным углам. Его интересовало исключительно наличие зеркал. По счастью, для разговора младшая Карвэн в собеседнике нисколько не нуждалась, а потому продолжала изливать на Наклза бездны внимания и понимания.

- Ах, я, признаться, так испугалась за вас. Какие страшные времена пришли. Раньше было иначе. Вот я помню...

Судя по тому, что помнила Эйрани, они с ней выросли в разных мирах. Либо лет ей было значительно больше, чем Наклз просто мог себе представить, и она все-таки застала легендарный золотой век, когда трава была зеленее, люди - добрее, а преступность существовала только для того, чтобы почтенным отцам семейств утром было интересно читать газетные сводки.

- Это, наверное, были какие-то очень важные бумаги? - такт Эйрани и ее умение идти обходными путями поражали воображение. Наклз окончательно перестал подозревать происки аэрдисовской разведки. Императорская служба вербовала шпионов очень избирательно и просто так денег не платила.

- Да, важные, - подтвердил Наклз, принимая условия игры. - Я чрезвычайно благодарен вам, госпожа Карвэн...

- Эйрани. И позвольте называть вас Найджелом.

Наклза можно было называть хоть Найджелом, хоть Грегором, хоть кесарем калладским - правды там было бы одинаково.

- Эйрани, - легко согласился маг. - Ваше мужество спасло много жизней.

Красавица улыбнулась, поглядывая на Наклза из-под ресниц.

- И вы потрясающе хорошо стреляете, - не удержавшись, навесил он. - Наверное, это семейное?

Эйрани с большим энтузиазмом стала рассказывать об их с Магдой фамильных талантах. Наклз слушал в пол-уха. Он вытащил из-под одежды бумаги и, не разворачивая их, направился к наконец-то обнаруженному на стене зеркалу в тяжелой раме. Маг ни минуты не сомневался, что оно должно найтись. Эйрани определенно относилась к тому типу людей, которые чаще смотрят в зеркало, чем в окно. Не требовалось выдающегося умения читать в душах, чтобы это понять.

- Что вы делаете, Найджел?

Наклз делал то, от чего сообщник Карвэн во Мгле сошел бы с ума от злости.

- Эйрани, у меня плохое зрение, - в меру своих скромных умений промурлыкал маг, поднося к гладкому стеклу предусмотрительно подхваченный со столика подсвечник. Мурлыканье вышло несколько металлическим. - А так света в два раза больше.

Наклз стоял к зеркалу почти вплотную. Он развернул документы и начал читать. Как и следовало ожидать, Дэмонра продемонстрировала нордэнское чувство юмора, на взгляд Наклза излишне специфичное. Маг держал в руках "Список калладских подонков и ублюдков, расширенный и дополненный, 8-ое издание под редакцией полковника Ингрейны Дэмонры". Сомнительной чести быть занесенными в данный перечень удостоились люди самых разных общественных слоев, но лидирующую позицию, вне всякого сомнения, занимали члены совета промышленников. Эйвон Сайрус гордо возглавлял первую колонку. Вторая, по-видимому, представляла собою оценочную характеристику. Во всяком случае, Наклз так подумал, потому что двух слов из трех он не знал. Третье было "демагог".

Умелец, благодаря поддержке которого Карвэн снесла полчерепа воришке, постарался совершенно зря. Но он едва ли узнал бы об этом, поскольку прочитать письмо из Мглы становилось возможным, только оказавшись у Наклза за плечом. А это была зона прямого отражения зеркала, да еще и точка,

совсем близкая к поверхности стекла. Маги, конечно, в массе своей имели солидные проблемы с рассудком, но даже того, что от него оставалось, хватило бы, чтобы напрочь отмести саму мысль о подобном эксперименте.

Довольный своей в общем-то примитивной, но действенной выдумкой, Наклз снова аккуратно сложил листы, а затем с самым серьезным выражением лица отправился к камину и стал их жечь. Эйрани, не знающая о таких тонкостях работы во Мгле, как неприятности с зеркалами, довольно улыбнулась. Дама определенно полагала, что справилась с возложенными на нее обязанностями как нельзя лучше, у мага же и в мыслях не было ее разочаровывать.

Наклз для верности поворошил кочергой оставшийся от двух листков невесомый пепел и развалился на кушетке. Можно было со спокойной совестью засыпать. Карвэн меньше всего на свете была похожа на потенциальную убийцу. К тому же, наличие трупа мужского полу в доме красавицы могло очень дурно сказаться на ее дальнейших светских успехах.

- Это было очень секретно? - прошептала Эйрани, присаживаясь рядом. Значительно ближе, чем того требовали светские приличия. В воздухе запахло приморской весной.

- И очень опасно, - не открывая глаз, заверил ее маг.

- Какая отвага, - героически продолжала мурлыкать Эйрани. Не раскалывайся у Наклза голова, он, наверное, даже оценил бы ее старания - все-таки более красивую женщину нужно было еще поискать. Пока маг думал, что ему делать и делать ли хоть что-нибудь, предприимчивая красавица перешла к активным действиям. Далеко выходящим за границы скромного и разумного поведения, рекомендуемого всем калладским незамужним дамам. Сообразив, что объяснять про головную боль в данной ситуации будет совершенно неуместно, Наклз вывернулся, перехватил ручки прелестницы, притянул ее к себе - что не встретило у нее ни малейшего сопротивления - и тихо уточнил:

- А за это вам тоже заплатили? Или хотя бы скажите мне расценки, нужной суммы у меня с собой гарантированно нет, но я расписку напишу.

Медовые глаза Эйрани, в свете свечей - почти золотые, расширились, но тут же сузились в щелки. В золотистой глубине отражался огонь. Она не стала хлопать ресницами, деланно удивляться или пытаться оправдываться. Наклз с удивлением сообразил, что эта дама хорошеет до просто невозможной степени, когда перестает изображать из себя глупую куклу.

- Нет, - Эйрани невозмутимо продолжила разбираться с крючками на мундире Наклза, с вызовом глядя ему в лицо. - Вот

за такие вещи мне никто и никогда не платит. И те, кто заплатил за остальное представление, в том числе. С вас я тоже ничего не возьму, кроме одного обещания.

- Это какого же? - прищурился маг. - Как порядочный человек, я обязан предупредить, что жениться не намерен.

Эйрани засмеялась низким, чарующим смехом:

- Да не бойтесь так, жениться не придется. Мужа я себе найду богатого, глупого и влюбленного. Размеры вашего состояния мне неизвестны, но по оставшимся двум пунктам вы мне гарантированно не подходите. Все значительно проще, - она закончила с крючками Наклза и принялась за собственное платье. - Я делаю вам подарок. Ценность этого подарка вы осознаете несколько позже. И, если найдете его достаточно ценным, отплатите мне тем же, когда придет срок.

- Если я найду, что это был очень плохой подарок, вы меня не переживете, Эйрани, вы знаете? - мягко полюбопытствовал маг. Наклз редко опускался до угроз. Но в определенных ситуациях он предпочитал дать исчерпывающие пояснения.

- Знаю, разумеется. А теперь перестаньте делать такое умное лицо. Оно меня бесовски смущает и лишает веры в себя.

Наклз усмехнулся:

- Какое есть.

- Ладно, я поняла, доминирование интеллекта над здравым смыслом. Случай тяжелый и запущенный, - Эйрани весьма пикантным образом выбралась из корсета. Нижнее платье из белого шелка больше демонстрировало, чем скрывало. Собственно, вопрос, зачем она при таких формах вообще носила корсет, для Наклза остался открытым. Но для понимания в мире существовала математика, у женщин же явно было какое-то другое предназначение. - Свечи оставить?

- Как угодно. И зеркало занавесить, - добавил маг. Никакого резона в этом действии не было, но, как подозревал Наклз, в происходящем на данный момент вообще было скорбно мало толку.

Эйрани выполнила просьбу, использовав для этой цели плащ гостя, а потом стала по одной задувать свечи.

- "И вашим, и нашим - все вместе попляшем", - как говорил мой дед. Вы не любите зеркала. А я не люблю, когда на меня смотрят, как на пособие по занимательной психологии. Стало быть, вам про меня очень много плохого рассказывали, не так ли? - промурлыкала Эйрани. - С удовольствием подтверждаю, что все это - чистая правда. Желаете проверить лично?

- В некоторых вопросах эмпирический путь бывает

наилучшим из возможных, - кивнул Наклз.

Эйрани снова тихо рассмеялась:

- Я поняла. Сделайте милость, помолчите. Мне, не скрою, хотелось сегодня прикоснуться к чему-то умному и полному тайн, но еще пара таких ремарок, и этим умным и полным тайн будет толковый словарь. Я как-то рассчитывала на менее высокодуховное времяпрепровождение. Убийца и блудница вместе читают душеспасительные книги только в романах...

- Эйрани, повесить на меня обвинение в убийстве не легче, чем привлечь вас за проституцию.

- Вот именно. Все дело, как говорится, в масштабе.

4.

Последние три дня перед отъездом прошли как в каком-то мутном сне.

Лет до двадцати Эрвин имел обыкновение вести дневник, записывая там события и впечатления, но потом у него появились чрезвычайно веские причины расстаться с этой привычкой. По дневнику "кровососа" можно было бросить в тюрьму любого упоминающегося там человека, если не как прямого пособника злобной бестии, то хотя бы как сочувствующего и, следовательно, недостаточно морально стойкого, чтобы быть калладцем. Но коренные жители кесарии в этом плане еще могли сойти за образчик гуманизма. В религиозной Рэде за "вампиризм" и пособничество "вампирам" добрые люди до сих пор могли нашпиговать осиновыми колами или забить камнями. Эрвин очень хорошо понимал, что делал, когда удирал из родной страны, оставляя там престарелых родителей и невесту.

С толстой тетрадкой в переплете пришлось распрощаться примерно тогда же, а вот привычка по вечерам перебирать в памяти события прошедшего дня сохранилась.

Три дня назад он первым делом бросился искать Дэмонру и передавать ей розу и привет от Винтергольдов, понятия не имея, что это может значить, однако ничего хорошего справедливо не ожидая. Получив привет и цветок, нордэна как-то невесело хмыкнула, но сообщила Эрвину, что никуда без ужина его не отпустит. Мотивировала она свой поступок тем, что офицерам ее полка не пристало бегать на посылках у какой-то шпионствующей камарильи. Пока лейтенант без особенного аппетита разбирался с шедевром кулинарного искусства Гребера -

Эрвин подозревал, что до момента, пока его не тушили три часа, "это" было кроликом - в дом ввалилась Магда Карвэн. Она со свойственными ей учтивостью и предупредительностью настояла на том, чтобы лейтенанту положили добавку. "А то будет тощий, что твой Наклз" - резюмировала Магда свой приступ человеколюбия. Дэмонра, видимо, хотела, чтобы Наклз остался уникальным, а потому перед Эрвином возникла еще одна тарелка и крайне сомнительные перспективы ухода домой. Дамы тем временем расположились в креслах неподалеку, Гребер притащил печатную машинку, видевшую, наверное, еще закат прошлого столетия, прозрачный графин, который вряд ли содержал в себе воду, и пошла потеха.

- Эрвин, а как будет "курва" по-рэдски? - невинно полюбопытствовала Магда. Дэмонра замерла над печатной машинкой в позе пианиста-виртуоза.

Лейтенант чуть не поперхнулся.

- Так и будет, - любезно заверил он.

- Говорила я тебе, Магда, курва - слово интернациональное. Объединяет нас с Рэдой, Виарэ, Тальдой и, страшно сказать, самим Аэрдис, - довольно сообщила Дэмонра, стуча по клавишам. - Итого, Маделина Виссариа - шпионка, курва и...

- И б...! - радостно подсказала Магда.

- Не пойдет, смысл тот же, - покачала головой Дэмонра. - Пусть будет шпионка, курва и просто дура. Для женщины, работающей в министерстве просвещения, я считаю, набор неплохой. Едем дальше. Альберт Вильденсберг.

- Ну, во-первых, он рогоносец, но этим-то он Каллад не вредит, - задумчиво протянула Магда. - Ну, раз рогатый, стало быть, козел. Или баран.

- Так и зафиксируем. Весьма созвучно с титулом, которого он домогается. Итого, баран, казнокрад и лизоблюд.

Магда предложила еще несколько авторских вариантов. Эрвин к своему удивлению понял, что три слова оказались ему принципиально незнакомы. И это после шести лет калладской армии. Мир, воистину, был непостижим.

Весь вечер Дэмонра старательно печатала какой-то список. Клавиши старой машинки громко жаловались на жизнь, сопровождая это отчаянным клацаньем. Периодически нордэна лениво советовалась с развалившейся в кресле неподалеку Магдой. Та, не морщась, уничтожала запасы Греберова "лекарства от сердца" и не менее лениво давала советы. Консультативная помощь выражалась в словцах такой степени грубости, что Эрвину периодически хотелось провалиться сквозь пол. До этого

дня он наивно полагал, что в морхэнн для него тайн нет. Магда в клочья порвала эту иллюзию.

По завершении работы весьма довольные нордэны вручили Эрвину два листка и посоветовали тыкнуть в них носом Винтергольда-младшего, если последний еще хоть раз попытается помотать ему нервы. Себе они оставили еще два. Лейтенант с большим трудом представлял, как список, состоящий из грубейшей площадной брани чуть менее чем полностью, поможет ему избавиться от представителя "золотой молодежи", но решил поверить начальству на слово. Между всякими емкими и непечатными выражениями все же проскальзывали "шпионы" с "пособниками террористов".

Домой он вернулся далеко за полночь и сразу завалился спасть. Весь следующий день паковал вещи, делал необходимые покупки и вспоминал, что же такое важное он забыл. К ночи вспомнил, что задолжал теплый платок даме по имени Марита. А иметь долги Эрвин терпеть не мог, поэтому следующим утром, едва пробило восемь, он взял остатки своего жалования и пошел улаживать это досадное недоразумение. На соседней улице находился небольшой магазинчик, где торговали предметами дамской одежды. Эрвин в данной одежде, а также в моде и вопросах "к лицу - не к лицу" не понимал ничего. Поэтому он честно изложил продавщице все, что мог вспомнить, умолчав только о профессии Мариты. Дальше ему был нанесен второй сокрушительный удар за два дня. Оказывается, салатовый, хвойный, изумрудный, бутылочный и травяной были разными цветами. Лейтенант в унынии созерцал пять минимально отличавшихся друг от друга кусков шерсти, которые в его понимании были просто "зелеными", и изумлялся глубине своего невежества. Добросердечная продавщица тем временем попыталась рассказать и без того озадаченному клиенту о последней моде и какой-то особой горной козе с шерстью мягкой будто волосы младенца. Тут Эрвин окончательно понял, как плохи его дела, кивнул на платок, который показался ему наименее марким, расплатился и дезертировал из страшного места, унося с собой добычу.

Найти "Зеленую Лампу" было не так уж сложно. Лейтенант Маэрлинг услугами борделей вряд ли пользовался, но почему-то всегда был в курсе, где они располагались. Даже в городах, в которых бывал впервые в жизни. Видимо, у него имелось что-то вроде чутья. Знаниями своими Маэрлинг всегда охотно делился с друзьями, так что приблизительным адресом дома терпимости Эрвин разжился легко, в качестве бонуса получив совет все-таки пойти в "Дыхание розы". Попытка попасть

в "Зеленую Лампу" днем определенно не была самым умным из всех возможных поступков, но времени в запасе уже не оставалось. Сначала Эрвин очень долго и занудно объяснял вышибале, что он не шпик и не налоговый инспектор. Потом примерно столько же объяснял заспанной "маман", что он не извращенец, опять-таки не налоговый инспектор, и что любая другая пышная девушка ему не подойдет. Стоявшая рядом брюнетка с цветком в волосах - изумрудного, как Эрвин теперь знал, цвета - пообещала, что ради него ее будут звать как угодно, но лейтенанта такой расклад не устраивал. Наконец, маман, скрестив руки на груди, заявила, что ее "девочки", во-первых, все как одна здоровы, и не воруют - во-вторых, так что гость может смело идти к бесам и жаловаться им, ежели его что не устроило. К счастью, на шум выползло несколько "девочек", среди которых была и Марита. Окончательно издерганный Эрвин пообещал заплатить двойную ставку за неурочное время, лишь бы их оставили в покое. Марита пробормотала что-то очень диалектное, чего лейтенант совсем не понял, и потащила его куда-то вглубь помещения. За увешанной оберегами дверью оказался узкий обшарпанный коридор. Марита деловито миновала большую часть, свернула, распахнула створки и пропустила Эрвина в помещение, которое даже он бы иначе, чем конурой, не назвал. В комнатушке была кровать, помятая, но, вроде бы чистая, большое зеркало с отбитым уголком в простой раме, и еще ровно столько свободного места между стеной и постелью, чтобы там поместилось два человека.

Марита закрыла дверцу и довольно улыбнулась:

- Пришел-таки, красавец. Не думала вот, что придешь. Такие как ты к нам не захаживают. Приглянулась тебе Марита?

Эрвин потрясенно шарил взглядом по комнате. Не то чтобы жизнь обошлась с ним очень мягко, но он все равно смутно представлял себе, как человеческое существо может жить в таких условиях. Тем более - женщина.

- В первый раз в дешевом борделе что ли? Успокойся, вшей тут нету. Нас инспекция каждые две недели трясет. Знаешь ли, не охота пойти в тюрьму за "дисперсию против боеспособного населения", оно теперь так называется.

- Диверсия, - отстраненно поправил Эрвин. - Дисперсия - это когда белый свет, проходя через призму, разлагается на все цвета радуги. Или еще, - лейтенант осекся. Он нес явную чушь и сам это прекрасно понимал. Для Мариты не имело никакого значения, чем диверсия отличалась от дисперсии, и почему в небе можно увидеть радугу. - Я... я вообще-то пришел вам кое-что вернуть, Марита. Вот, возьмите, пожалуйста, - Эрвин протянул

женщине сверток, перевязанный лентой.

Марита удивилась, но сверток приняла, развернула и ахнула.

- Красивый какой!

- Спасибо вам, - поблагодарил обрадованную женщину лейтенант и с некоторой опаской устроился на краешке кровати. Марита, накинув платок на плечи, довольно вертелась перед зеркалом. Не самый дорогой кусок зеленой шерсти отчего-то представлялся ей диковинкой.

"Я сплю, и мне снится страшный сон. Это какой-то другой город. Это не может быть сердцем кесарии. Это... это ад".

Отражение кривлялось Эрвину из мутноватого зеркала с паутиной трещин в нижнем углу.

- Извините, Марита, я пойду.

- Как? Уже?

- Я заплачу. Извините меня.

Марита уперла руки в бока.

- Ничего не понимаю. Странный ты какой-то. Ты что, думаешь, я не знаю, как оно передается? Не боись. Все можно устроить без лишних проблем.

- Вы не поняли. Я... тороплюсь. Понимаете, я должен ехать вечером. Я просто заходил отдать платок.

Женщина глубоко вздохнула, уселась на кровать рядом с Эрвином и уточнила:

- Так правда, что говорят? Что в Рэду снова едут? За... яблоками.

На "яблоках" Эрвина ощутимо передернуло. А еще он сообразил, что выражение "поехать в Рэду за яблоками" употребляют только коренные рэдцы. Калладцы о своих боевых подвигах говорили иначе и в гораздо более героическом ключе. Но даже самый ярый местный диссидент сказал бы "поехать в Рэду фонари проверять". Яблоки были чем-то уж очень рэдским и национальным.

- Вы откуда, Марита? Я из Мильвы.

- Я из Вели. Почти соседи.

- Я там шесть лет не был.

- А я - все десять. Как уехала в пятнадцать на годик-другой деньжат заработать, так и с концами.

- Да, Марита. За яблоками едем, - Эрвин не был уверен, что хочет услышать историю этой женщины. История, вероятно, мало отличалась от тысяч таких же историй. На сотню рэдок в замужние дамы или хотя бы в более-менее обеспеченные куртизанки выбивалась в лучшем случае одна. Все это знали и никого это знание не останавливало.

Марита не стала спрашивать, почему он едет, не стала укоризненно качать головой или милосердно уверять, что все понимает.

- Ясно. Ну, тогда ты уж под пули-то не лезь.

Эрвин запустил пальцы в волосы. Он совершенно не представлял, что тут можно ответить.

- Ты чего? Я зря спросила. Ты это, позабудь. Наверное, не поверишь, но к нам иногда приходят просто поговорить. Хочешь, расскажи мне что-нибудь? Нам, бабам, от этого всегда легчает. Или ... слушай, по тебе видать, ты хороший парень. Хочешь, я тебе песню спою? На тебе ж лица нет.

На том, что отражало зеркало, лица действительно не было. Но от того, что Марита, выглядящая на все сорок в свои двадцать пять, спела бы песню, которую ему в детстве пела мать, лучше бы никому не стало.

- Марита, давайте мы с вами договоримся. Я вернусь и зайду к вам. Дорогу я уже знаю. Будет все хорошо - споете мне песню.

Назад из борделя Эрвин шел, как в тумане. Дома его ждало почти чудо: мадам Тирье, убедившаяся, что ее жилец - не поганая нелюдь и даже не беспринципный охотник за приданым, а заодно едет воевать в составе святого кесарского воинства, расщедрилась на прощальный ужин за свой счет. На собственный манер эта дама была ревностной патриоткой. Эрвина встретил стол, накрытый кипенно-белой скатертью, непривычно большая порция мяса, игриво поблескивающая бутыль драгоценной наливки и сама мадам в розовом чепце. В ее тени скромно держалась Анна.

- В эти тяжелые дни, когда каждый мужчина должен встать грудью на защиту нашей Родины, - механически, как по заученному изрекла девушка, - долг каждой доброй калладки, - Анна зашлась в приступе кашля, не договорив. Эрвин же понял, что на сегодня с него определенно достаточно. Пока он соображал, как сказать нечто не очень грубое, но дающее исчерпывающее представление о его отношении к тяжелым дням и защите огромной кесарии от крохотной Рэды, Анна исчезла в своей комнате.

- Долг каждой калладки - привечать героя, - закончила за нее Тирье, кажется, нисколько не смущенная. - Изволите поужинать с нами?

Отказаться - значило завести себе врага на всю жизнь. На саму Тирье Эрвину было глубоко наплевать, но вот Анну было жалко.

- Благодарю вас, вы необыкновенно добры. И очень патриотичны.

- Я верная слуга кесаря, - заверила его Тирье, не уловившая иронии.

"А я - поганый рэдский кровосос, нелюдь, негражданин и по совместительству почетный представитель святого кесарского воинства. Скверно же идут дела у означенного воинства", - зло подумал Эрвин и сам удивился своей злости.

Мясо было вкусным - уж что-что, а готовить Тирье умела даже лучше, чем цепляться к людям. Отвертеться от наливки лейтенанту удалось только после того, как он пересказал сотрапезнице половину уложения о наказаниях калладской армии, кое-что присочинив от себя. Тирье сдалась и выпила за грядущую победу кесари в гордом одиночестве, а Эрвину отлила во флягу, взяв с него слово, что и он выпьет за то же, как только обстоятельства позволят. Лейтенант рассыпался в благодарностях, предложил еще три велеречивых тоста в духе великой кесарии и окончательно споил правоверную калладку с чисто виарским носом и разрезом глаз. Тирье мирно дремала на столе и выглядела почти идиллически. До поезда лейтенанту оставалось два часа времени. И одно неулаженное дело.

Анна сидела в самой большой комнате мезонина, кутаясь в шаль, и смотрела на Эрвина совершенно измученными глазами.

- Я не хотела этого говорить...

- Я понял, - прервал ее Эрвин. Он вовсе не жаждал выслушать извинения за то, в чем Анна определенно не была виновата. - Вам совершенно не стоило имитировать приступ. Такое иногда плохо кончается.

- Вы ее не убили?

- Конечно, нет. Но я напоил вашу мать. Не могу сказать, чтобы мне было стыдно за этот поступок.

- Она хорошая. Просто... она боится. Вы этого не поймете. Она про Виарэ такие ужасы рассказывала. Впрочем, вам до этого вряд ли есть дело.

Эрвин вздохнул:

- Вы правы, мне нет никакого дела до Виарэ. Это было почти тридцать лет назад. Меня тогда еще на свете не было.

- Правда? - удивилась Анна и тут же пошла пятнами от смущения.

Тот факт, что он выглядит старше своих лет, давно не был для Эрвина секретом. И уж тем более никогда не был поводом для огорчения.

- Правда. Нельзя изменить то, что было тридцать лет назад. А то, что будет завтра, наверное, можно и нужно. Я,

собственно, пришел к вам по делу.

- Делу? - Анна явно не понимала, какое у них может быть дело. Эрвин же все для себя решил, еще когда выходил из "Зеленой Лампы". До беседы с Марит он подумывал, не купить ли больной астмой девушке хороший букет белых лилий, раз уж она их так любила. Просто потому, что у нее не так много в жизни было поводов для радости. По дороге назад он уже точно знал, что станет делать.

- Да, делу. Вы, Анна, барышня очень разумная, а потому послушайте меня, не перебивая. Праведное возмущение изольете в конце. Я не оскорблять вас пришел, постарайтесь это понять.

Анна подозрительно прищурилась и медленно кивнула:

- Я вас выслушаю молча. Говорите, - фраза явно была взята из какого-то романа, но Эрвину было не до деталей.

- Я кое-что накопил за это время. Родных у меня нет. Вероятность, что со мной что-то случится, предельно мала, но Создатель любит хорошо пошутить. Я не доверяю банкам, - в банках слишком тщательно проверяли документы, поэтому дорога туда Эрвину была заказана, - и хотел бы оставить часть своего, гм, назовем это "капиталом", вам.

В сентиментальных романах, которыми была уставлена гостиная Тирье, дамы лепили кавалерам пощечины и за меньшее. Правда, злодеи там предлагали деньги в обмен на услуги, но это уже были тонкости.

- Продолжайте, - пробормотала Анна, побелев как полотно.

- Это, собственно, все. Там немного, но... на билет до Тальде и полгода скромной жизни этого хватит. Оттуда совсем недалеко до Мильве, это что-то вроде крупного села, но жить там вполне можно. В нем есть больница святого Стефана - я не знаю, как калладцы ее переименовали, но раньше она называлась так - при ней работала чета Триссэ...

- Эрвин, что вы такое говорите?

- То, что смерть от астмы может быть красивой только в книжке. В жизни все несколько иначе. Я прекрасно понимаю, что букет лилий выглядел бы значительно лучше, но толку больше будет от билета до Тальде. Дождитесь, пока завершится вся эта котовасия, и поезжайте.

- Вы, Эрвин, вообще знаете, каким словом называют женщину, берущую деньги у мужчины, который ей не отец, не брат и не муж? - подозрительно звонким голосом поинтересовалась Анна. Романы из матушкиного шкафа, увы, даром не прошли.

- Для этого есть масса вполне определенных слов, -

поморщился лейтенант. -И меня удивляет, что их знаете вы. Я еду на вокзал. Вот, - Эрвин положил на столик перед девушкой небольшой мешочек, тихо звякнувший при соприкосновении с поверхностью. - Поступайте, как считаете нужным, Анна. Будьте счастливы.

Не дожидаясь ответа, Эрвин пошел к двери. Слова Анны, полузадушенные из-за всхлипов, догнали его уже на лестнице:

- Чтоб ты сдох там, нелюдь поганая!

Последним, что он слышал, закрывая за собою входную дверь, был звон монет, катившихся по ступенькам, и шелест ассигнаций.

Три часа спустя Маэрлинг и Гребер, пьяные вдрызг, на спор полезли на паровоз на полном ходу. Кейси Ингегерд, поймавшая их на обратном пути с измазанными сажей лицами, отругала на чем свет стоит всех участников, включая и дежурившего Эрвина - его за то, что не доложил начальству о такой опасной глупости. Витольд получил очередную гневную отповедь от проходившей мимо Мондум, явно пребывавшей в дурном расположении духа. Гребер, завидев ее, очень профессионально слился со стеной. Кейси отважно соврала, что приказ залезть на паровоз отдала она, мол, что-то подозрительно грохотало. Мондум пробурчала что-то грубое на языке нордэнов и скрылась в купе. Эрвин тоже почел за лучшее убраться с глаз начальства. Он залез на верхнюю полку, отвернулся к стене и стал слушать стук колес. На душе у него было паршиво как никогда.

"Я узнал, что существует как минимум пять оттенков зеленого, люди могут жить хуже собак и не считать это трагедией, а правоверные калладки носят розовые чепчики. Еще в этот день я умудрился смертельно оскорбить умирающую от астмы девочку, и сам не понял чем. Точка. Третье марта", - мысленно завершил оценку прошедших суток Эрвин и провалился в сон.

5.

Наклза разбудило солнце. Метель, бушевавшая ночью, стихла, и теперь в окна лился ярчайший солнечный свет. Маг какое-то время созерцал пляшущую в луче пыль, соображая, где он есть и что здесь делает. Размышление прервало сонное посапывание у плеча. Наклз скосил глаза и уперся взглядом в бурю растрепанных локонов, обрамляющих более чем

миловидное личико.

- Не вздумай вставать, - пробормотала Эйрани Карвэн, не открывая глаз. - Я еще сплю.

- А я - уже нет.

- Виктор...

- Да, Мартина?

Эйрани аж подбросило. Какое-то время она осоловело разглядывала Наклза, а потом рассмеялась:

- Да ты потрясающая язва. Очко в твою пользу.

- Как скажете, Эйрани.

Красавица поморщилась и потянулась за нижним платьем.

- Мои надменные боги, даже постель теперь не считается поводом для перехода на "ты"? О времена, о нравы. Занятно, а у тебя на шее и впрямь висит колокольчик. Я полночи гадала, с чего бы мне явилась такая странная галлюцинация. Скажи честно, Наклз, что ты намерен делать в нашем раю?

- Проповедовать любовь и терпимость. А также трезвость и добродетель.

- А, так ты собрался в рай Создателя через мученическую смерть, - понимающе кивнула Эйрани. - Признавайся, что ты там такого оставил?

Наклза сейчас куда больше волновало, где он с вечера оставил штаны и некоторые другие предметы одежды, но для подобного вопроса он был слишком хорошо воспитан. Маг пошарил взглядом по полу и вскоре обнаружил почти все искомое.

Эйрани весьма завлекательно потянулась:

- Уже уходишь? Какая жалость. Вообще я, знаешь ли, с вечера подумала, что совершаю гражданский подвиг. Но нет, темперамент у тебя...

Меньше всего на свете Наклза волновало, что почти профессиональная шлюха думает о нем и его темпераменте. Ясным утром, когда он успел выспаться и согреться, а запах приморской весны перестал казаться волшебством, превратившись просто в очень дорогие духи, все выглядело несколько иначе, чем вчера. Налет тайны исчез, осталась душная комната, полуодетая красивая женщина с весьма прозаическими целями и осознание, что гордый уход вечером смотрелся бы куда более уместно, чем утром. Маг совершенно не представлял, что он мог бы сказать и что младшая Карвэн хотела бы услышать. Вот уж точно за кошельком лезть не следовало.

- Доброго дня, Эйрани, - сухо кивнул Наклз, снимая свой плащ с рамы. Зеркало брызнуло осколками с такой готовностью,

словно кто-то изо всей силы ударил по нему изнутри. Маг сам не понял, как увернулся. Мелкие куски стекла переливались в солнечном свете, несколько осколков покрупнее каким-то образом удержались в раме по краям. Эйрани пронзительно вскрикнула и прижала ладонь ко рту.

- Я... я не знаю, что это было, - несколько очень долгих секунд спустя выдохнула она.

- Зато я знаю, - маг стряхнул с плаща осколки, надел его и стал быстро застегивать пуговицы. Руки у него дрожали, так что процесс отнял больше времени, чем требовало самоуважение. Карвэн тем временем с опаской приблизилась к зеркалу, помялась, а потом сняла его и поставила на пол, остатками стекла к стене. На задней поверхности, как раз над фирменным знаком, была криво накарябана нордэнская руна. Как ученый, Наклз, разумеется, считал рунический алфавит Дэм-Вельды не более чем занятным памятником ушедшей эпохи, вызывающим приступы энтузиазма у декаденствующих гимназисток, но кое-какие представления по этому вопросу у него все же имелись.

- И что это такое вы, конечно, тоже не знаете?

Эйрани поежилась:

- Знаю, конечно. Это перевернутая "свобода". То есть тюрьма. Но я не рисовала.

- Это не имеет значения. Руническая магия - столь же осмысленное занятие, как вращение доски на спиритическом сеансе. То есть пустая трата времени в сочетании с самоубеждением, наркотиками и прочими радостями гимназистов.

- Тогда почему оно вылетело?

У Наклза дернулась щека:

- А это чудо. Весьма хорошо оплаченное чудо. Если у ваших друзей хватило денег, чтобы нанять очень дорогую проститутку, что мешало им нанять заодно и очень дорого фокусника?

Младшая Карвэн молчала, глядя на осколки, потом покачала головой.

- Магда правду говорит: ты на редкость жестокий человек.

- Уверен "на редкость" она не говорила. Доброго дня, Эйрани.

Домой Наклз добрался к полудню. Первым, что он увидел, была Магрит, свернувшаяся на стуле в прихожей. Девушка спала в такой позе, что ей люто позавидовала бы любая кошка. В принципе, от рэдской революционерки можно было ожидать и более экстравагантных выходок, так что Наклз тихо

прошел мимо нее и направился на кухню за успокоительным. Экстравагантные выходки Магрит встретили его прямо за дверью. Кухня была перевернута кверху дном. Мухоловка Немексиддэ сиротливо валялась на полу, в груде черепков и комьев земли, и не подавала ни малейших признаков жизни. В дверном косяке торчал нож, вогнанный в дерево сантиметра на полтора. В довершение всего, стены были исчерканы аэрдисовскими крестами. Вернувшись в полутемную прихожую и приглядевшись, Наклз обнаружил там сходное по тематике творчество. Дальше кухни полы были старательно залиты водой. К чужим религиозным убеждениям, а также суевериям всех мастей маг всегда относился спокойно, но, увидев, что осталось от гостиной, он понял, что у них с Магрит назрел очень серьезный разговор на предмет пользования чужой жилой площадью и правил хорошего тона.

Однако прежде Наклз занялся спасением мухоловки. Как-никак, он считал ее своим домашним животным на протяжении последних пяти лет. И она, определенно, была гораздо более удобным соседом, чем подарок от любвеобильного братца.

- Доброе утро, Магрит, - как мог спокойно произнес Наклз. Сеанс практической некромантии почти настроил его на философский и мирный лад. В конце пациентка даже начала шипеть, тихо и жалобно, и тянуть к хозяину жгущиеся усики. Маг счел это хорошим знаком.

Магрит подскочила на стуле и с грохотом приземлилась на пол. Способность новообретенной племянницы производить максимум шума и разрушений при минимуме усилий не удивляла Наклза уже вторые сутки. Все резервы его удивления вышли еще в первый день знакомства.

- Не изволишь объяснить, почему квартира выглядит как помесь часовни и бассейна? Надеюсь, до моей спальни ты не добралась?

Ответ поставил Наклза в тупик. Магрит испуганно покачала головой и пробормотала:

- В спальне она сидит.

- Кто - она? - не понял маг.

- Девочка.

- Какая еще девочка? - начал терять терпение Наклз. Он не выносил, когда ему врали, честно хлопая при этом испуганными глазами. Студентов на экзаменах в этом отношении магу хватало с избытком.

- С бантиками.

- Ты что, надо мной издеваешься? - тихо и раздельно поинтересовался Наклз, прикидывая, куда можно пристроить это

сокровище, пока Дэмонра и компания не отваляют свои бессмертные подвиги. И назад, в Рэду, пусть она его братцу там сказки рассказывает.

- Девочка с бантиками, вылезла из зеркала наверху и стала шуровать по дому! - завизжала Магрит. - Я что, такие ужасы сочинять буду?! - девушка отчетливо всхлипнула. Наклзу картина сделалась более-менее ясна. Он понял, что сам дурак, а шкафы надо запирать.

- Магрит, ты чай из какой банки наводила? - полюбопытствовал он.

- Ни из какой! Я тебе говорю, по дому шлялась какая-то девка из зеркала!

- Магрит, никогда больше не бери в руки зеленую жестянку. В ней лежит гадость, которую тебе пить совершенно не стоит, если ты, конечно, планируешь иметь детей и не планируешь закончить свои дни в доме скорби.

- Да видала я твои дурманы! Посмотри, она все стены обляпала. Ну, посмотри. Ты что... ты не видишь? - Магрит испуганно осеклась и вжала голову в плечи. - Ты... правда не видишь?

- На стенах ничего нет, кроме того, что ты нарисовала.

- Ты мне не веришь? - жалобно протянула девушка.

- Я тебе верю. Просто, пожалуйста, никогда больше не трогай мои склянки, хорошо?

Магрит глубоко вздохнула и уже спокойнее предложила:

- А ты поднимись в спальню. Только аккуратно. Она, кажется, там сидит.

"Она" определенно сидела только у Магрит в голове, но Наклз слабо представлял, как успокоить девушку на грани истерики. Дэмонрины методы с затрещинами всегда казались ему сомнительными с чисто медицинской точки зрения, не говоря уже о морально-этической стороне вопроса.

- Хорошо. Посиди здесь. Я ее прогоню и вернусь, договорились? - Магрит отрицательно дернула головой. - Хорошо, идем со мной. Только не бойся. Привидений не бывает.

Лестницу тоже щедро окатили водой. Ведро валялось рядом. Рэдцы верили, что всяческая нечисть не может переступить через чистую проточную воду, но Магрит проявила широту взглядов и использовала для борьбы с галлюцинацией то, что поступало из калладской системы водоснабжения. На месте привидения, Наклз бы тоже оскорбился и забаррикадировался в спальне.

Никаких опасений маг не испытывал. Всяких загадочных тварей, ходящих через зеркала, следовало бояться во Мгле. В

реальном мире эти потусторонние ужасы были не опаснее сквозняка. Разве что иногда провоцировали инфаркты у наркоманов и профессиональных алкоголиков, увидевших что-то "эдакое". Но 'эдакое', по глубокому убеждению Наклза, могло быть вовсе и не Мглой, а больным воображением, тут уж не проверить. Вероятность 'протащить' с собою что-то по возвращении из оттуда составляла меньше тысячной доли процента, а сами по себе твари в реальный мир пролезть не могли. И, кстати, не факт, что хотели. Серая изнанка мира не страдала перенаселением. В общем, Наклзу было легче поверить в расшатанные нервы бедной рэдской девочки, чем в то, что некоторые фундаментальные закономерности мироздания дали сбой исключительно с целью довести мага, которого не сумела довести содержанка.

Комната, как и следовало ожидать, была абсолютно безлюдна и - о радость! - не хранила на стенах следов художественных талантов Магрит. Наклз переступил порог, повертел головой и обернулся к девушке, намериваясь поделиться своими наблюдениями. Та застывшим взглядом смотрела в дальний угол. С точки зрения Наклза, абсолютно пустой. Вернее, там стояло мягкое глубокое кресло с несколько потертой бархатной обивкой, местами облитое чаем. Но уж кресло-то точно пустовало.

Взгляд Магрит Наклзу настолько не понравился, что он выдвинул ящик стола и извлек оттуда миниатюрный пистолет, единственно с благородной целью прогнать "призрака" у девушки на глазах. Модель системы Тильды Асгерд считалась типично дамским оружием, но маг ценил сочетание компактности и точности, а всяческие рыжеволосые любительницы тяжеленных автоматических пистолетов могли зубоскалить сколько им угодно.

- Магрит, здесь пусто, - несколько менее уверенно, чем собирался, сообщил Наклз, выходя на середину помещения. Боковым зрением он уловил какое-то движение. Не в углу с креслом, а в противоположной стороне комнаты, где стоял высокий книжный шкаф. Маг уперся взглядом в стеклянную створку и почувствовал, как пол уходит из-под ног.

Блестящее на солнце стекло отражало кресло и сидящую в нем фигуру. Девочка, подобрав под себя ноги и оперевшись локтями о подлокотник, смотрела в окно. На голове у нее, похоже, и в самом деле были бантики. Наклз видел картинку очень смутно, как через толщу воды, но не узнать не мог.

Тонкие ручки, золотистые косички, белые банты. Волосы как солнышко

В кресле сидело что-то такое, чего и в мире этом быть не

могло. Математически. Технически. Просто никак.

А потом девочка стала поворачиваться. Бесы его знали, был это доппельгангер, Попутчик, одна из пяти десятков изученных аномалий Мглы или аномалия неизученная, но одно Наклз знал точно: не стоило дожидаться, пока оно вылезет из отражения, потому что потом пули ему ничего полезного не сделают. И, скорее всего, он даже не успеет понять, что именно его убьет. Или утащит за зеркало. Или наденет как пальто и выйдет в его теле вместо него. Тут была вариативность: те, кому довелось проверить, по понятным причинам не болтали.

Маг выстрелил в стекло почти в упор. После попадания второй пули оно вывалилось наружу и разлетелось на осколки. Наклз механически разрядил всю обойму в пол и зачем-то в кресло, а потом тихо опустился на колени. Его трясло как в лихорадке.

- Магрит... все?

- Все, - кивнула та. - Все-все. Нет ее.

- Там на кухне шкаф...

- Какая склянка?

- Желтая. Три ложки. Нет! Ч-четыре, - бросил он ей вдогонку и с чувством выполненного долга свернулся калачиком на полу, стараясь не глядеть на осколки. Его трясло. Хотя в такой ситуации трясло бы и куда более храброго человека. Не предупреди его Магрит, он, конечно, спокойно бы сел в это кресло. А дальше? Детский смех, белые ручки на горле и вообще ничего?

- Давай три? Я знаю, это вредно, - Наклзу казалась, что Магрит возилась с настойкой не меньше получаса, хотя он прекрасно слышал, как та быстро бежала по лестнице, разбрызгивая воду. Маг молча опрокинул чашку нестерпимо горькой дряни. Мир стал более тусклым, но менее отвратительным.

- Из какого зеркала она вышла?

- Там, в коридоре..., - начала сбивчиво рассказывать Магрит.

- Сними его к бесовой матери.

- Уже. Все зеркала сняла. На крыльце сложила. Кому надо, пусть эту дрянь забирают.

Наклз начал потихоньку соображать, на каком он свете:

- Брось на них сверху какую-нибудь тряпку. Я потом замажу краской и сожгу. Нельзя оставлять такие вещи на улицах как попало. Там особая процедура, потому что я из Седьмого. И меня арестуют, если...

- Хорошо, хорошо, я спрячу. Ты только ляг и укройся,

давай, тебя всего трясет.

Совет был дельный, но заставить себя лечь в спальне Наклз буквально не мог. Он распахнул окно, выпуская запах пороха, спустился в гостиную, прохлюпав по лужам, и рухнул на диван. Магрит возилась, наверное, минут пять, потом вернулась. Уселась на краешек кровати и тихо-тихо спросила:

- А кто она?

Наклза пробрала дрожь. Кто она - здесь была вариативность. Какая-то тварь из Мглы. Вот спроси Магрит, на кого она похожа - здесь вариантов было бы куда как меньше.

- Так кто это девочка?

- Это что угодно, только не девочка.

- И все же?

- Уже никто.

- А где живет?

- Да нигде она уже не живет!

- Неправда, - Магрит со знанием дела покачала головой. - Она маленькая, раз маленькая, значит, в раю живет. Маленьких Создатель всех принимает.

- Нет никакого рая, - скривился Наклз. - Гниль и плесень. Гниль и плесень, - механически повторил он и рассмеялся. Магрит недовольно поджала губы с видом умудренного жизнью человека, но спорить не стала.

6.

Второй раз за этот день Наклза разбудило шипение. Он снова обнаружил себя не в самой привычной обстановке, но уже хотя бы в собственном доме. На сей раз он спал в гостиной, на диване, а на столике неподалеку мирно шипела чудом выжившая мухоловка. Сама юная революционерка примостилась рядом и всем своим видом давала понять, что несет неусыпную стражу. Аэрдисовских крестов на стенах определенно прибавилось. Часы показывали без четверти восемь.

- Гнида. Шипит, - добродушно пояснила Магрит, заметив, что он проснулся и смотрит на растение. - Давай назовем ее Аделью? Я подумала, что раз уж это твое домашнее животное...

- Это растение. Но все равно спасибо за заботу, - поблагодарил Наклз. В голове у него уже относительно прояснилось. Во всяком случае, блестящее на солнце стекло книжного шкафа больше не стояло перед глазами. А еще маг

окончательно осознал, что без деятельной помощи специалиста из Мглы вылезти невозможно. И что Магрит была редким случаем - человеком, который мог видеть некоторую часть Мглы безо всяких вспомогательных средств. Подобное случалось нечасто и обычно заканчивалось печально. За свою жизнь Наклз таких людей встречал всего троих - окружающие неизменно считали их сумасшедшими - и все они покончили с собой в сравнительно раннем возрасте. Доля иронии в его отношении к рэдской инсургентке резко поубавилась. - Ты случайно не видела, она сама пришла? Она одна была?

Магрит заулыбалась.

- Вот, ты, наконец-то мне веришь. А то мне обычно никто не верит. Нет. Там еще мужчина какой-то был. Труп трупом. Но этот из зеркала не вылезал. Так, зыркал.

"Труп трупом" сидел в кресле. А вот ублюдок, протащивший это в реальный мир - или, во всяком случае, подкинувший до самого его порога - был живее всех живых.

- Внешность запомнила?

- А то. Страшенный. Тощий, как жердь, то есть еще тощее тебя... Ой, извини.

- Да, я понял. Если покажу фотографию, узнаешь?

Магрит уверенно кивнула.

Наклз, вздохнув, поплелся за "семейным альбомом".

Отношение к магам в Каллад было более чем терпимым. Во всяком случае, им не делали татуировки с идентификационным номером на тыльной стороне ладони, как в Аэрдис, и не отправляли в подземные казематы по истечению "срока полезного пользования", как это частенько приключалось южнее Виарэ. Но строгий учет все равно вели. Во избежание непредвиденных трудностей. Раз в три года Наклза самым вежливым образом приглашали на своеобразный банкет, где настойчиво просили сфотографироваться с коллегами по ремеслу. Единственным плюсом было то, что фотографии после съемки получали и сами приглашенные. Так что у Наклза имелось нечто наподобие картотеки столичных магов. Магрит с восторгом листала тяжелый альбом из черной кожи с эмалевым калладским гербом на обложке. Своих фотографий у мага не было уже лет пятнадцать, кроме пары общих планов с Ломаной Звездой, но вот пейзажи и особенно немногие карточки с церемоний вызвали у Магрит приступы неподдельной радости.

- И часто такая красота бывает? - восхищенно прошептала она. Рэдская инсургентка, похоже, впервые в жизни видела парадные платья. Каскады воздушного кружева явно потрясли воображение девочки, не надевавшей ничего, кроме сукна и

шерсти.

- Часто. И, чем хуже дела, тем чаще, - поморщился Наклз. - Раскрой на середине. Видишь общую фотографию? Полсотни людей в одинаковой форме.

- Ага, - Магрит старательно водила пальцем по черно-белой фотокарточке большого размера. - Вижу тебя. Второй ряд, пятый слева. Ты уксусу перед этим нахлебался? Э... в плане, у тебя такой задумчивый вид.

- "Трупа" ищи. Скорее всего, он здесь есть.

Маг-нелегал в столице был чем-то из категории дурного анекдота. Во всяком случае, ни о чем подобном за последнюю дюжину лет Наклз не слышал.

Девушка вдумчиво изучала фотографию не менее пяти минут, а потом безапелляционно заявила:

- Нет его тут. Но, наверное, вот это его сын, - и ткнула пальцем в молодого человека, стоящего в самом дальнем от камеры ряду. Наклз едва не фыркнул. Георг Виссэ. Вот уж чего, а этого можно было ожидать.

- Уверена?

- Ну да. Только этот лет на двадцать моложе.

"Это он просто еще не на последней стадии туберкулеза".

- Замечательно, Магрит, спасибо, - несколько рассеянно поблагодарил маг. Он уже мысленно перебирал в голове известные ему адреса хосписов.

- А что это? - девушка восторженно смотрела на несколько потускневшую фотографию набережной-променада и спокойного моря.

- Виарэ. Южное побережье. Думаю, летом ты могла бы туда съездить.

На бледном после зимы, но все-таки покрытом остатками веснушек личике Магрит отразилась напряженная мыслительная работа:

- А почему у тебя совсем нет карточек Рэды?

За отсутствие патриотизма ему выговаривала еще Дэмонра, благо давно перестала. Наклзу вовсе не хотелось по-новому объяснять, что он плохо понимает смысл словосочетания "родное пепелище".

- Потому что это неинформативно. Карточки Виарэ похожи на то, как Виарэ действительно выглядит. А, глядя на рэдские фотографии, всегда полезно справиться с географическим атласом и знающими людьми, чтобы понять: эти места уже обстреливала имперская артиллерия или еще нет?

- Или кесарская артиллерия, - сухо добавила Магрит.

- Или кесарская. На руинах обычно не написано. Во

скяком случае, если им меньше тысячи лет и люди, сделавшие их таковыми, не озаботились красивой легендой.

7.

Георга Виссэ Наклз хорошо помнил еще студентом. Маг предпочитал не расходовать свои симпатии и антипатии на людей, которым преподавал, но для Георга в свое время сделал исключение. Вероятно потому, что, как ни претило Наклзу это признавать, парень напоминал магу его самого в юности. Виссэ в свое время чудом эвакуировала из Рэды какая-то сердобольная санитарка, через год он с трудом сдал тест на знание морхэнн, получил гражданство второго класса и - к удивлению санитарки и большого количества скептиков, считающих рэдцев сугубо неспособными к обучению - прошел конкурс с высочайшими баллами по точным наукам. Но до последнего курса писал с просто ужасающими грамматическими ошибками.

Георг был феноменально прилежен, аккуратен и, как ни странно при таком сочетании, весьма одарен. Наклз был почти уверен, что молодой человек блестяще защитит диплом и останется аспирантом, однако тут вмешалось то, что нордэны называли "роком", а люди, с хорошими баллами по теории вероятностей - "неучтенным фактором".

Георг умудрился подхватить чахотку.

Заболей он лет на десять раньше, это было бы приговором, но семь лет назад все прогрессивное население уже знало, что безнадежная чахотка - это из оперы, а в жизни есть туберкулез, возбуждаемый некоей палочкой с непроизносимым названием, и его можно лечить дэм-вельдскими антибиотиками. Так что молодой и многообещающий маг не слишком испугался, во всяком случае для той скверной ситуации, в которую попал. Он обратился за советом к преподавателю, видимо как-то почуяв в бледном Наклзе родственную душу. Наклз поговорил с Дэмонрой, Дэмонра поговорила и выпила с кем-то еще, и драгоценное лекарство с Архипелага в столицу доставили меньше, чем за месяц, и по весьма умеренной цене.

Принявшего препарат Георга едва откачали. До этого Наклз был уверен, что такие совпадения случаются только в бульварных романах плохого качества, но факт оставался фактом: у молодого человека была абсолютная непереносимость данного антибиотика. А принципиально отличавшегося по составу

лекарства с аналогичными свойствами не существовало.

Остальное доделали скверный столичный климат, расшатанные нервы - о существовании "рэдского синдрома" медики поговаривали уже тогда - и галлюциногены с сигаретами, как неотъемлемая часть жизни рядового мага.

Тем не менее, Георг отучился последние курсы, блестяще защитил диплом по специальности "вероятностные манипуляции" - он изучал влияние временного промежутка между событиями на эффективность работы с вероятностями. Наклз очень хорошо это помнил, потому что буквально за пару недель до защиты Георг пришел к нему - с блестящими впервые за последние несколько лет глазами - и стал с математическими выкладками рассказывать, что в некоторых случаях аксиому Тильвара можно обойти, то есть изменить уже произошедшие события. Наклз слушал внимательно. Примерно к тому же выводу он сам пришел лет за десять до того, но, в отличие от счастливого своим открытием Георга, продвинулся в этом вопросе достаточно, чтобы растерять весь энтузиазм. Выслушав студента до конца, маг попытался объяснить, что "можно" не всегда значит "следует". На первый взгляд, внушение подействовало. Во всяком случае, последнюю главу дипломной работы Георг полностью переписал: прошлое там более не фигурировало. Но Наклз сильно сомневался, что двадцатитрехлетний парень, которому вовсе не хотелось умирать от туберкулеза, воспринял предупреждение серьезно. А дров он наломать мог, причем немалых. Наклз не был его нянькой, да и в общем просто не хотел дальше копаться в этом вопросе, попутно демонстрируя излишне умному стунденту столь же лишнюю осведомленность.

Интеллигентским чистоплюйством Наклз никогда не отличался. Знай он, что сын дворника готовит покушение на губернатора, он бы донес. А Георг, как и любой маг, был одновременно и человек, швыряющий бомбу, и сама бомба, да еще с ненадежным механизмом. Наклз поставил в известность кого следует.

Дорога в аспирантуру и, как следствие, доступ к более углубленным тренировкам и сильным галлюциногенам для Георга оказались закрыты. Тот о поступке Наклза, скорее всего, узнал, но прямо ни разу ничего не сказал. Он благополучно закончил обучение, получил лицензию и стал практиковать управление вероятностями на бытовом уровне, то есть, в основном, разыскивать пропавших собак и неверных мужей. В более высокие сферы граждане второго класса не допускались.

С тех пор прошло шесть лет. Две общие фотографии в альбоме. При последней встрече Наклз его не сразу узнал:

чудовищно худой мужчина, тяжело опирающийся на трость, выглядел старше него. Маг сообразил, что перед ним стоит Георг, только когда последний поздоровался. Как показалось Наклзу, несколько иронически. У мага впервые в жизни не повернулся язык спросить человека, как у того дела. Все было и так понятно. И еще было понятно, что на следующей общей фотографии Георга, скорее всего, уже не будет.

Сколько бы Наклз ни говорил себе, что тот сам выбрал свою участь, потому что мог сменить профессию или уехать к морю, в глубине души он прекрасно понимал, как мало альтернатив было у рэдца со слабым здоровьем, отлично считающего в уме и пишущего с чудовищными ошибками. История, конечно, знала случаи, когда будущие маги высшего класса годами работали мойщиками паровозов, но для таких жизненных кульбитов все-таки требовались некоторые внешние обстоятельства. Наклз прекрасно понимал: он сам безбедно живет в калладской столице вовсе не из-за каких-то своих выдающихся талантов или, тем более, заслуг. Отнюдь. Просто двенадцать лет назад мимо его жизни пролетала одна из последних валькирий, молодая, рыжая и глупая. Ему повезло, а Георгу нет.

Текущий адрес Виссэ Наклз получил на работе. Это стоило ему коробки хороших конфет и пяти минут любезного мурлыканья. Покидая здание, Наклз уже знал, куда ему следует направиться дальше, и это его нисколько не радовало.

Дом святого Ингмара, бывший лепрозорий, а ныне просто лечебница для безнадежных больных, смотрел на улицу узкими слепыми окнами. В таком месте действительно можно было только умирать. Впечатлительным Наклз не был от природы, а профессия только добавила ему безразличия. И все равно магу стало несколько не по себе, когда он проходил через короткой аллейку, обсаженную скрюченными деревьями. Сам дом представлял собою двухэтажное строение конца позапрошлого века, выкрашенное желтоватой краской, которая, впрочем, уже поблекла, а местами цвела пятнами лишайника. Перед домом располагалась открытая веранда, сейчас заметенная снегом. Заснеженное кресло-каталка на трех колесах, сиротливо стоящее в углу, произвело на Наклза самое отвратительное впечатление.

Маг был реалистом и подозревал, что, случись с Дэмонрой беда, сам он будет умирать примерно в таком же месте. Причем не сказать, чтобы это была отдаленная перспектива.

"Мир справедлив, и все, что сделано тобой, назад к тебе вернется полной мерой", - припомнил Наклз строчку из нордэнского катехизиса. При помощи этой мудрой мысли Дэмонра пыталась научить его правильно расставлять запятые. У

жизни имелось чувство юмора.

Первым человеком, кого маг встретил на территории больницы, оказалась кастелянша. Престарелая женщина в заляпанном переднике тащила груду серых простыней. На Наклза она уставилась так, словно увидела привидение. Видимо, посетители здесь бывали не так уж часто. Кастелянша проводила его к старшей сестре - такой же пожилой и худощавой женщине.

Как выяснилось, Георг Виссэ жил здесь уже полтора года, то есть несколько дольше, чем живут обычно, но из комнаты не выходил с лета. Наклз удивился было, что в подобном заведении кто-то выделил гражданину второго класса отдельную комнату, но подоплека вскрылась быстро: остальные обитатели мертвого дома его боялись. Старшая сестра тихим шепотом рассказала, что с Георгом "нечисто". И повторила обычную в таких случаях чушь про ходящую отдельно от мага тень, муть в зеркалах и участившиеся смерти среди пациентов. Наклз, конечно, мог бы спросить, а что делали здесь пациенты до прибытия Виссэ, но не посчитал нужным воевать с чужими предрассудками.

Комната Георга была последней по коридору на втором этаже. Коридор Наклз миновал очень быстро, стараясь не смотреть по сторонам: обитатели мертвого дома больше походили не на живых людей, а на персонажей средневековых гравюр, изображающих души грешников и нечестивцев. Это было глупо, но он пытался ничего здесь не касаться и дышать как можно меньше.

Маг постучал в дверь, хотя был совершенно уверен, что та не заперта.

- Заходите, Наклз, - донесся с другой стороны хриплый голос. Георг, конечно, его ждал.

То, что осталось от студента Академии, сидело в дальнем углу, у окна, спиной к свету. Света, впрочем, в комнатушке было не так много. А еще внутри было холодно, сыро и одуряющее пахло лекарствами, хотя Наклз понятия не имел, как можно лечить от туберкулеза человека с непереносимостью антибиотиков. Маг заставил себя посмотреть в кресло. Скорее всего, это была такая же трехколесная каталка, как та, что стояла на веранде, но точно сказать было нельзя: на ноги Виссэ был наброшен плед, тонкий и дырявый. На пледе обнаружились руки, состоящие, кажется, исключительно из костей, обтянутых пергаментной кожей. Выше рук - старый больничный халат, поверх которого был намотан грубой вязки шарф, когда-то, вероятно, белый, с традиционными калладскими ромбами. На этих проклятых ромбах следовало закончить осмотр, развернуться и уйти, но Наклз все-таки поднял глаза выше. Лица

сидящего человека он не узнавал. Он бы, собственно, и лицом это не рискнул назвать. От молодого Георга Виссэ остались только черные как смоль волосы, отчего-то не поседевшие и не выпавшие. В остальном же это был череп с тускло поблескивающими глазами.

- Как-то вы пошутили, что у вас склонность к реликтам, - усмехнулось приведение в кресле. - Вы что-то другое имели в виду?

- Абсолютно, - кивнул Наклз и прикрыл за собой дверь. - Здравствуйте, Георг.

Комната мага выглядела именно так, как должна была выглядеть обитель злого колдуна из сказки. Стены были измалеваны всяческими перевернутыми крестами, пентаграммами, искаженными нордэнскими рунами и прочей "бесовщиной" в обывательском понимании этого слова. У Георга было слишком хорошее образование, чтобы он надеялся извлечь из этой чуши какую-то практическую пользу. Если только Виссэ не пытался напугать персонал, что ему блестяще удалось.

- Хорошая шутка, - Наклз кивнул на измалеванные стены. - А вот то, что вы выкинули в моем доме - очень плохая шутка.

Виссэ растянул губы в улыбке:

- Знаю. Вот так выходит боком приглашение на чай шестилетней давности. Зато у вас было очень забавное лицо.

- Оно скрасит вам смертный час?

- Вряд ли. Смертный час мне скрасит мысль о том, что вы ошиблись куда страшнее, чем я.

- Да неужели? - улыбнулся Наклз. По позвоночнику у него прошел озноб. Математический аппарат, которым владел Георг, в принципе, мог позволить ему сделать некоторые открытия, делать которые совсем не следовало.

- Одна тысяча пятьсот девяносто семь человек, - спокойно сообщил Георг. - Хотите что-нибудь добавить?

Добавить здесь было нечего. Георг и вправду был талантливым магом. Мог бы получить, минимум, второй класс, если бы его учили.

Вот только учить его не могли. Он должен был умереть от туберкулеза. Так решила Аксиома Тильвара и вариативность концовки стремилась к нулю.

- Хочу. Вы больны. И вам никто не поверит.

- Разумеется, я болен. А вот про "поверит" - еще вопрос.

Наклз присел на подоконник. Сквозило безбожно, но задерживаться долго он не собирался.

- Неужели? Вы сидите один-одинешенек в доме, полном выживших из ума стариков, где даже начальство верит в черную

магию, и малюете на стенах пентаграммы. Ваши показания будут иметь огромный вес. Скорее всего, их напечатают в юмористической колонке какой-нибудь второсортной газетенки.

- Вы заблуждаетесь, - Георг был совершенно спокоен. Он сплел пальцы, больше похожие на птичьи когти, и даже отчасти добродушно пояснил. - Мгла - хорошее место. Понимаю, вы мне не верите. Но посудите сами. Здесь - я просто шмоток мяса с гнильцой, которое вот-вот начнет разлагаться. Знаете, легочный туберкулез - это очень неприятно, но костный - это еще и очень больно. Вам, наверное, это безразлично, а вот мне пришлось очень хорошо выучить, что такое "ноль целых пять десятых процента социально неблагополучных элементов болеют туберкулезом". Причем, двадцать процентов из этих нуля целых пяти десятых имеют туберкулез костей и хрящей. Морщитесь? Правильно, это омерзительно. Иногда костный и легочный протекают параллельно. Очаровательно, не так ли? Последний год я не могу даже ходить. Коленная чашечка и все такое прочее. А мог быть и позвоночник, так что не жалуюсь. Так вот, Койанисс, Мгла - это единственное место, где все это не имеет никакого значения. Она, как бы это объяснить, сугубо демократична. Ей наплевать, рэдец ты или калладец, есть у тебя гражданство или нет. Она прекрасна.

- Да. Мгла прекрасна. Заходишь в какой-нибудь дом, где пару лет назад делали подпольные аборты, стоишь и умиляешься красоте, - процедил Наклз. Лично его знакомство с Мглой началось именно в такой обстановке.

- Вы узко мыслите, Койанисс. При всем вашем уме, который я не отрицаю. Вы даже не будете возмущаться, что я зову вас настоящим именем?

- Ну вы же не на "ты" меня зовете, там я бы мог возмутиться, поскольку на брудершафт мы не пили. Называйте меня как хотите, это безразлично. Касаемо вашей оценки моих способностей - премного польщен. Итак, допустим, Мгла прекрасна. А еще вы перетряхнули много грязного белья, знаете, как меня зовут, кого я любил, кого я убил и еще кучу бесполезной вам информации. Денег вы у меня не просите. Галлюциногенов тоже не просите. Тогда к чему этот ваш чисто рэдский "индивидуальный террор" с зеркалами и призраками?

- А вы на меня все-таки обиделись?

- Вообще-то я пришел вас убить и убью. Но нет, я не обиделся.

- Мне хотелось проверить мою теорию. Что вас на самом деле зовут Койанисс Крэссэ, что вы - бывший маг из Аэрдис, погибший при загадочных обстоятельствах, что...

- Георг, заткнитесь. Давайте ограничимся тем, что вы угадали.

- Я не угадал - я просчитал. Это, как вы изволили заметить, другое.

- Можете предъявить ваши замечательные расчеты жандармам. Они будут ржать, как кони.

- А Седьмое отделение тоже будет ржать?

- Перед тем, как оттуда уволиться, я тоже перерыл много грязного белья. Так что папка с вашим открытием окажется где-нибудь очень далеко в архивах. А, может, сразу пойдет на растопку камина.

- Ну а эта ваша героическая нордэна с картинки? Она обрадуется?

- Она не читает доносы и вряд ли сделает исключение, даже если вы изложите мою биографию в стихах. Итак. Моя омерзительная двуличная сущность, ваша распрекрасная Мгла. К чему вы ведете?

- Я веду к тому, что человек, который однажды не испугался и сумел в одиночку переломить ход вещей, сумеет сделать это снова. Я технически понимаю, как это можно сделать, но я слишком слаб. Нервы ни к бесу, физическое состояние - сами видите. Я не выйду из транса. Думаю, в вашем доме я совершил свою последнюю прогулку по Мгле. Но важно не это. Тут вопрос не в том, чего не могу я, а в том, что вы можете.

- Я вас не понимаю, - совершенно честно сказал Наклз. Нет, печаль и страдания Георга он, в принципе, вообразить мог, но вот чего этот человек от него хотел - ни в малейшей степени. Наклз мог быть полезен ему шесть лет назад, а теперь Георгу вообще ничего не помогло бы, разве что свечку пойти поставить, если он окончательно умом тронулся.

- Вы все понимаете. Наклз, я в вас верю, как в аэрдисовского Создателя не верил. Вы меня сдали, но я не сержусь. Наверное, у вас были причины. Все эти рэдские инсургенты - такая мелочь и чушь. По молодости я почитывал все их дурацкие листовки про равенство и братство, но равенство и братство возможно только во Мгле. Рэдцы, калладцы, имперцы, живые, мертвые...

Если до этого у Наклза были какие-то сомнения в том, что он говорит с сумасшедшим, то при этих словах они развеялись окончательно.

- Выпускаем Мглу в мир? Отлично. Дайте мне гарантию, что они не взаимоуничтожатся при соприкосновении. А то есть и такая теория.

Георг дернул щекой.

- Ладно. Неверие - это неизлечимо. Попробуем по-другому. Меня наняли нелегально, чтобы я слегка помог прочесть список. Все прочее - на совести Карвен. Ахаха, совести Карвэн, как я загнул-то...

- Кто нанял?

- Не знаю. Эйрани тоже не знает, уверяю. Платило подставное лицо, это точно. Но кому-то очень нужны некие загадочные цветочки.

- Не понимаю, о каких цветах речь. Я не ботаник.

- Не валяйте дурака. Вы же все видите, Наклз, не можете не видеть.

- Что я, бесы дери, должен видеть?!

- Будет буря. Я тоже от души посмеялся над списком калладских подонков, но это не так смешно. В Каллад и впрямь хватает подонков. Что такое "Зимняя роза"?

- Не имею понятия.

- Лжете. Ладно, лгите. Только я вам кое-что скажу. С вероятностью в девяносто процентов. Вы же любите цифры. Так вот, по моим оценкам, проект "Зимняя роза" обойдется Каллад очень дорого.

Вся эта возня с порфириками, несомненно, дорого бы обошлась кошельку Дэмонры, а в крайнем случае - и ей самой, не никак не Каллад. Это были величины разного порядка.

- Вы бредите, Георг.

- Да нет, я умираю. Но мыслю пока ясно. И, кстати, ваши прошлые подвиги я оценил довольно точно, не находите? Мгла дает кое-какие возможности для оценки последствий, а уж в сочетании с нашей любимой и незыблемой Аксиомой... За цветочки и ту, что их сажает, придется заплатить. От восьми до тринадцати. Я сам считал.

- Что?

- От восьми до тринадцати миллионов. Это называется "вилка прогнозирования".

- Марок? Если верить отчетам, у нас столько в казне нет.

Виссэ неприятно засмеялся:

- Смотрите на вещи шире.

Глава 4.

1.

День лейтенанта Нордэнвейдэ начался даже более скверно, чем обычно. Сперва Маэрлинг, уставший после карточных подвигов и заявившийся в купе ближе к утру, изводил соседа молодецким храпом человека, совесть которого находится в состоянии первозданной чистоты. Потом, как только слух Эрвина несколько привык к руладам и лейтенант задремал, к ним стал ломиться Гребер. Денщик Дэмонры слезно просил спрятать самовар. Судя по тому, с какими умоляющими глазами он прижимал к груди эту посудину, внутри плескался отнюдь не кипяток. А Зондэр Мондум вышла на охоту. Скорее всего, Гребер расчитывал застать Маэрлинга, который, как сын графа, мог позволить себе "либеральничать". Эрвин тоже не видел проблемы в том, чтобы за закрытыми дверьми говорить с людьми, которые не окончили школы, по-человечески, но они все-таки не на даче сидели, и субординация требовала немедленно донести до Гребера его место в этом мире не самым интеллигентным способом. Если вообще существовал интеллигентный способ объяснить, что деление на людей и вещи происходит не по принципу наличия души, а по графе "происхождение" в метрике.

Пожалуй, если бы наглости для подобного поступка хватило у обычного солдата, Эрвин на первый раз просто закрыл бы дверь перед носом просителя, но Гребер обычным не был. Насколько лейтенанат понимал, этот хитрый мужик лет пятидесяти являлся переходящей ценностью двух поколений семьи Вальдрезе-Рагнгерд. Ценностью, на взгляд Эрвина, очень сомнительной, но Ингрейна Дэмонра пьющего денщика до сих пор не выставила вон и не пристрелила, а это о чем-то да говорило. Разумеется, он не верил грязным сплетням на предмет рода услуг, которые упомянутый Гребер оказывал сперва матери, а потом и дочери. Но какие-то услуги он им, определенно, оказывал, раз Дэмонра терпела его поведение.

- Создателем прошу... - печалился Гребер, воровато оглядываясь по сторонам. Видимо, охотники висели на хвосте и времени на препирательство у него не оставалось, вот в ход и пошла тяжелая артиллерия.

Хотя в том, чтобы божьим именем умолять спрятать водку, было что-то бесконечно народное. Эрвин разозлился.

- В следующий раз при упоминании Создателя заставлю молитву прочесть, - проскрипел зубами он, принимая самовар. - Не сумеешь - пеняй на себя.

Гребер торопливо кивнул и ушел окрыленным. Эрвин, впрочем, был намерен подрезать крылья его радости самым практическим образом. Лейтенант с трудом приподнял раму и стал избавляться от содержимого самовара, вначале выливая его в свой стакан, и потом - за окно. Учитывая, что вагон покачивался, руки тряслись, а жидкость, пролейся она куда не надо, могла нанести ему серьезные ожоги, процесс был пренеприятный.

Когда явилась карающая справедливость в лице майора Мондум, ничего неуставного, кроме подозрительно сладко посапывающего Маэрлинга, в купе не находилось. Зондэр сверкнула синими глазами, поводила носом, нахмурилась, реквизировала пустой самовар и процедила:

- Вот от вас, Нордэнвейдэ, я такого не ожидала.

- Поверьте, госпожа майор, для меня появление данного... предмета также стало полной неожиданностью.

- Появление? Еще скажите, что он к вам сам прилетел! Насколько мне известно, самовары сами обычно не летают. Во всяком случае, я не слышала об их сезонной миграции.

- Данный предмет я обнаружил под дверью. Мне сложно что-то сказать о его жизненном пути, предшествующем этому моменту. - Эрвин никогда бы не рискнул шутить в разговоре с Зондэр - эта дама своим обществом меньше всего на свете располагала к веселью - но на "сезонной миграции" та уже улыбалась и морозила глазами не так сильно, как обычно.

- Самовар с пропавшим спиртом - это все-таки не дама в беде, хотя одно из другого может последовать. Поэтому я от души рекомендую вам в другой раз двери сомнительным гостям не открывать, - сообщила Зондэр и покинула купе, аккуратно прикрыв за собою дверь. Витольд даже не заворочался.

Тускло зазолотился восток. Маэрлинг вывел очередную руладу. Эрвин обреченно стащил с головы подушку, которая совсем не помогала приглушить храп соседа. Вот придуши он этой подушкой Маэрлинга пару часов назад, были бы шансы выспаться, но хорошие мысли, увы, обычно опаздывают. Лейтенант привел себя в порядок, проведал свой взвод, убедившись, что все в порядке, вернулся. Еще не было восьми, когда в купе снова постучали. Свежий голосок сообщил, что это Кейси Ингегерд. Эрвин, уже одетый по форме, умытый и

причесанный, сделал все возможное, чтобы придать помятому лицу пристойный вид. Счастье, надо думать, на нем расцвело и так, и его срочно требовалось стереть. Он, может, и был достаточно глуп, чтобы влюбиться в Кейси, но все-таки не до такой степени, чтобы свою влюбленность демонстрировать. Они, мягко говоря, принадлежали к разным кругам. Без порфирии это было бы просто неприятно и смешно, как средненький водевиль, а с ней скверная комедия грозила превратиться в трагедию или, упаси небо, модную драму. Увы, Нордэнвейдэ, в отличие от современных литературных героев, вовсе не ощущал в себе гордой готовности немедленно идти и всеми способами выколачивать у жизни счастье, которого он достоин просто по факту рождения на свет. А потому не торопился швырять Кейси в лицо свою любовь.

Пригладив волсы, Эрвин вздохнул и вышел в коридор, плотно прикрыв за собой дверь.

Кейси, свежая как весна, поправила выбившийся из косы золотистый завиток и улыбнулась:

- Доброе утро, Эрвин.

До этого момента утро было каким угодно, только не добрым, однако теперь лейтенант был склонен с Кейси согласиться.

Капитан Ингегерд была невысокая, изящная как фарфоровая кукла, с огромными глазами цвета полевых васильков и невесомыми кудрями. Сложно было найти человека, на котором форма смотрелась бы как маскарадный костюм сильнее, чем на ней. Наверное, даже если бы Гребера каким-то чудом запихнули в офицерский мундир, и тот выглядел бы убедительнее. А Кейси всегда напоминала Эрвину сказочную нимфу, случайно спорхнувшую в грешный мир и навек оставшуюся там из какого-то веселого любопытства.

А еще из всех его знакомых Кейси чуть ли не единственная умела улыбаться просто так и от всей души. То есть не только вздергивала вверх уголки рта, а именно улыбалась: глазами, губами, даже смешно наморщенным курносым носиком. И она, несомненно, относилась к той категории людей, в присутствии которых просыпается желание жить. Разумеется, нордэнская аристократка с золотыми локонами и блестящими перспективами была далека, как небесная звезда, но светила эта звезда исправно. Даже по утрам.

- Доброе утро, капитан Ингегерд, - неловко улыбнулся Эрвин. Его не оставляло страшное подозрение, что в присутствии Кейси он начинает краснеть, как гимназист. А ведь последние лет пять он не краснел даже тогда, когда Магда Карвэн описывала

жизненные кульбиты, а Дэмонра выражала ей свое сочувствие.

Кейси заулыбалась еще лучезарнее.

- Сколько раз я просила звать меня по имени, когда мы не на плацу и никто не видит? Так вот, Эрвин, там от вас Дэмонра и Зондэр чего-то хотят. Ждут в купе номер шесть.

Нордэнвейдэ вздохнул. Он примерно догадывался, о чем с ним собираются побеседовать упомянутые дамы. Видимо, мрачные домыслы хорошо читались у него на лице. Кейси покачала головой:

- Нет, Гребера Зондэр не поймала. Кажется, старый греховодник нашел приют у санитарок. Санитарки отрицают, конечно, но уж больно громко.

Когда Эрвин по покачивающемуся коридору подходил к шестому купе, ушей лейтенанта достигли очень странные слова.

- Ваты пихай больше! И плотнее! - провалиться Эрвину на этом самом месте, если Дэмонра не была зла как бес. И без того невеликое желание навестить начальство умерло окончательно.

- Как-то оно ненатурально выглядит...

- Магда, может, ты мне свои под проценты ссудишь?! - истово возмутилась из-за двери Дэмонра. - И ты семнадцать лет молчала, что так можно было?!

- Отставить пораженческие настроения. Как говорится, некрасивых нордэн не бывает, бывают неверные идеалы красоты, - Магда, как всегда, была спокойна и деловита. - Вот так вроде бы и ничего.

- Нет, "ничего" там было до ваты, - едко заверила Дэмонра в ответ.

Эрвин, поколебавшись, постучал. Раздалось какое-то шуршание, а потом дверь открыла бодрая, словно не она полночи гонялась за Гребером, Зондэр.

- Доброе утро, лейтенант, - Эрвина впервые в жизни посетила мысль, что госпожа Мондум способна иронизировать. Уж больно "добрым" было его утро.

- Доброе утро, госпожа майор. Капитан Ингегерд сказа...

- Да-да, проходите. Нам требуется консультативная помощь.

Магда очень громко и столь же фальшиво закашлялась.

Как только дверь в купе с тихим клацаньем закрылась, из-за угла показалась Дэмонра. Эрвин пару раз моргнул, гадая, что же было такого в парах спирта, которые он, по всей видимости, вдыхал. Картинка перед глазами меняться решительно не желала. Во-первых, на нордэне была расшитая рэдская косоворотка, выпущенная поверх форменных галифе. Во-вторых, полковник

определенно округлилась в стратегических местах. До сего дня Дэмонра, как и подавляющее большинство северянок, была высокой и подтянутой, но, чего уж греха таить, любой нормальный рэдец назвал бы ее тощей. Нордэнвейдэ, увы, разделял "неверные идеалы красоты", которые не разделяла Магда.

- Эрвин, дышите спокойно. Нет, мы тут не нюхали эфир, - улыбнулась Дэмонра. - Ну как, сойду я за правильную рэдку?

Лейтенант задумался: вежливость вошла в конфронтацию со здравым смыслом. Вообще, женщину, меньше походящую на рэдку, чем Дэмонра нужно было еще поискать.

- А с какого расстояния? - осторожно уточнил он. Магда издала сдавленный стон.

- С расстояния, которое определяется словом "посмотреть", - фыркнула Дэмонра, метнув грозный взгляд на веселящуюся подругу. - Я прекрасно понимаю, что на "пощупать" маскарад с треском провалится.

- Шагов с десяти - сойдете. Но... у вас... черты лица несколько не рэдские.

Магда всхлипнула. Дэмонра поморщилась:

- А я подрумянюсь! Зондэр, дай Магде водички, а то она сейчас задохнется. Эрвин, пожалейте мою подругу, не надо про черты лица, я прекрасно понимаю, что это не единственная "не рэдская" деталь моей внешности. Тем не менее, раздобыть курносый нос и ямочки на щеках мне ну вот совсем негде. Зато мы достали косоворотку, полушубок и накладную косу. Вас, собственно, вот зачем позвали: я давно заметила, что рэдские крестьяне очень своеобразно шнуруют косоворотки. Вы мне не объясните, каким именно образом они это делают?

Лейтенант даже несколько растерялся от такого вопроса. Он все-таки ожидал разноса, а не беседы о быте и нравах своей исторической родины.

- Если это облегчит вам воспоминания, могу дать слово, что не собираюсь использовать полученные знания для диверсий против мирного населения, - Дэмонра улыбнулась. В отличие от Кейси, у нее улыбались только губы. Серые, как осеннее небо, глаза оставались непроницаемыми. Эрвин бы не стал употреблять к ним всякие определения в духе "ледяные". Просто цвет был такой, а выражения в них и вовсе никакого не было. - Итак, лейтенант, как это шнуруется?

Нордэнвейдэ был чрезвычайно далек от мысли, что он понимает поступки нордэны или тем более подоплеку этих поступков: зачем-то же она шесть лет назад вытащила его с порога того света, хотя могла легко найти на его место сотню

здоровых людей. Но вот в том, что Дэмонра никогда не делает ничего просто так, он не сомневался. И обычно все заканчивалось хорошо.

Биография полковника большим секретом не была: нордэна оказалась в армии чуть более десяти лет назад, и за это время успела построить впечатляющую для относительно мирного времени карьеру, тем более удивительную, что она никого не обхаживала и не вешала. Несколько раз Дэмонра довольно изящно проходилась по самой грани скандального увольнения, но всегда умудрялась удержаться сама и не сбросить тех, кто был с ней. О двух ее дуэлях было известно совершенно точно, еще о трех болтали - сложно сказать, правду или нет - она планомерно довела до сердечного приступа высокопоставленного снабженца, а однажды на глазах всего честного народа влепила первоклассную пощечину сотруднику эфэлской дипмиссии, перед этим заверив того, что бьет его по роже как частное лицо. Впрочем, намек, который перед тем обронил эфэлец, и вправду был довольно рискованный и касался не Дэмонры, а социального устройства кесарии. Стреляться с женщиной, которая даже пьяной в стельку дырявила монеты и гасила свечи с двадцати шагов, тот благоразумно не стал, сославшись как раз на то, что она женщина. И по законам Эфэла такая дуэль была бы бесчестной. Дэмонра во всеуслышанье объявила, что готова пристрелить его хоть в юбке, хоть в портках, и по такому случаю согласна даже усы нарисовать, но поединка так и не состоялось, а щепетильный кавалер отбыл на историческую родину. Нордэну громко отчихвостили, тихо похвалили и все пошло по-старому.

В полку ее любили в той мере, в которой вообще можно любить справедливого человека, а Дэмонра, при всем своем крутом нраве, была кристально справедлива. Она не обладала обаянием Магды, утонченностью Зондэр или хотя бы красотой Кейси, но Эрвин точно знал: начни рушиться мир, он помчался бы к этой женщине, и не за утешением, а за разумным приказом. Ее было ни камнями с неба, ни гневом начальства не напугать.

- Эрвин. Я все еще жду ваш ответ.

- Я не могу дать каких-либо гарантий: я не был здесь почти шесть лет, - попытался увильнуть Нордэнвейдэ. Не тут-то было. Дэмонре случалось общаться с Маэрлингом, пытавшимся отвертеться от встречи с папенькой. У нее явно имелся абсолютный иммунитет к оправданиям.

- Суеверия так быстро не меняются, лейтенант.

- Хорошо. Шнуруют они обычно крест-накрест, как все, только правый шнурок всегда кладут поверх левого. Оставляют длинные концы. На правом завязывают три узелка. Зачем - не

знаю. Видимо, это что-то с языческих времен. Я жил в доме органиста при церкви, мне таких тонкостей не объясняли.

- Ясно, - кивнула Дэмонра. - Что-то еще?

Эрвин опустил глаза:

- Определенные ... детали одежды крестьянки не носят.

Нордэна фыркнула:

- Боюсь, при отсутствии упомянутой детали чужачку во мне заподозрят значительно раньше. Полушубок будет застегнут стратегически правильным образом, не беспокойтесь. К тому же, думается мне, такой слой ваты удержит винтовочную пулю, - усмехнулась она.

- Я б сходила, да я на рэдди могу только на ... послать, - пояснила Магда. - И то с жутким калладским акцентом.

Эрвин невольно улыбнулся. Калладский акцент - очень жесткий выговор, характерный для морхэнн - и вправду был страшной вещью. Особенно незабываемо он звучал, когда калладцы, в фонетическом алфавите которых почти не было мягких звуков, пытались изъясняться на нежном и певучем рэдди. "Полушко-полэ", распеваемое пьяным вдрызг Витольдом Маэрлингом, в свое время казалось Эрвину сущим кошмаром. До знакомства с Анной, надо признать. После этого лейтенант серьезно пересмотрел критерии ужасного.

- Вам бы еще на шею ладанку повесить. Если это не очень противоречит вашим убеждениям, - добавил Эрвин. Ему, конечно, было интересно, во что же такое ввязывается полковник. Не каждый день высший офицерский состав устраивал костюмированные представления на территории вероятного противника. Но, если жизнь Эрвина чему-то и научила, так это лишний раз промолчать.

- Ладанку... А молнии в Рэде по грешникам бьют прицельно? И до земли долетают? - уточнила Дэмонра. - Или как везде?

Молнии были штукой загадочной. Эрвин, случалось, видел их в небесах - всего раза четыре за жизнь - но вот чтобы те долетели до земли - никогда. И вообще считал, что ударивший с небес белый огонь - просто байка с Архипелага. У них там вроде как и молнии до земли долетали, и Гремящие моря пели, и тролли днем превращались в камни, а ночью устраивали обвалы в горах. Это цветущей Рэде можно было не размениваться на сочинение красивых легенд, а жителям Дэм-Вельды, наверное, требовалось обосновать свое сидение на холодных каменных островках на самом краю обитаемого мира какими-нибудь волшебными чудесами.

- Как везде.

- Тогда и впрямь сейчас позаимствуем у кого-нибудь подходящую цацку. Спасибо, Эрвин. Можете быть свободны. Только по пути распихайте Маэрлинга и скажите, чтобы пулей летел сюда. И, лейтенант, вы, разумеется, меня не видели. Майор Мондум отчитывала вас за пропавший самовар водки.

- Который я вам, кстати, Эрвин, еще долго буду помнить, - вздохнула Мондум.

- А уж Гребер и подавно не забудет, - широко ухмыльнулась Магда. - В окно, небось, вылил? Ты уж, Эрвин, обижайся не обижайся, но на такой поступок способен только упырь. Или Наклз.

- Наклз бы водку не вылил. Он считает, она отлично оттирает полы.

- Вот я и говорю, что души у него нет!

- Да вот уж этим заявлением ты его вряд ли обидишь. Он согласится с выводом, но не с причиной.

* * *

Дэмонра кивнула на расстеленную по столу карту. Витольд Маэрлинг, с третьей попытки сумевший сфокусировать взгляд, воззрился на переплетение сплошных и пунктирных линий. Он искренне пытался понять, какое отношение карта имеет к предмету, за который он, судя по виду майора Мондум, сейчас будет получать разнос.

- Витольд, как у тебя с памятью?

- Я не помню, кому и сколько проиграл, госпожа полковник, - с ходу предвосхитил все дальнейшие вопросы Витольд. Маэрлинг упрямо смотрел в карту и карты не видел. Он в принципе терялся в догадках, как сумел без приключений добраться до шестого купе. - Я вообще не помню, с кем я играл.

- Похвальная забывчивость, - оценила Зондэр, поблескивая синими льдинками глаз. - Особенно учитывая, что игра запрещена.

Витольд вздохнул. Обсуждать устав с обладательницей таких восхитительно синих глаз было даже большим дурным тоном, чем этому самому уставу всегда следовать. Увы, майор Мондум относилась к правилам и порядкам с почти религиозным пылом. Такая страсть такой женщины, несомненно, заслуживала иной точки приложения, но что было поделать. Витольд бы не удивился, узнав, что Зондэр, за достойную жизнь загремев в рай, очень огорчится и отпросится у Создателя парой этажей пониже, строить бесов и прививать им основы дисциплины. Несчастные твари доживали последние спокойные дни.

- Какая жалость. Я, наверное, играл с зеркалом. Это тоже запрещено?

Дэмонра поморщилась:

- Я спросила про память. Проблемы, лейтенант, решаются по мере поступления.

Вот уж в том, что от полковника может поступить масса проблем, Витольд нисколько не сомневался. Он уже не первый год сажал морковку и считал себя морально готовым вернуться в университет, чтобы там все-таки дописать кандидатскую на тему "Широкий взгляд на вещи как национальная черта нордэнов".

- Тогда не жалуюсь.

Дэмонра улыбнулась:

- Вот сейчас мы это проверим. Если ты соврал, Витольд, я буду считать это попыткой диверсии. И уж тогда не поленюсь выяснить, сколько ты проиграл зеркалу по имени Крессильда Виро, и попрошу графа погасить долг.

Реакцию папаши представить было несложно. Почтенный граф рассказывал, что в юности не касался карт, вина и женщин. Правда бабка Витольда после наливки, хихикая, рассказывала совершенно другое, но это уже были детали. Эвальд Маэрлинг весьма нервно относился к карточным долгам сына. То есть сперва он их оплачивал, а потом неизменно состоялся "серьезный разговор" за жизнь, в результате которого Витольд обычно бывал больно бит, не всегда по морде, но всегда - по самолюбию. Виконт вздохнул:

- Капитулирую на ваших условиях, госпожа полковник.

Витольд был готов поспорить, что при этих его словах Зондэр как-то очень странно усмехнулась.

* * *

Дэмонра влезла на подножку поезда. Ветер бил в лицо и грозил лишить нордэну честно вплетенной в кое-как отросшие волосы фальшивой косы. Тяжеленный полушубок, надетый наизнанку, тоже не добавлял особенного комфорта. В довершение всего, снаружи трясло значительно сильнее, чем в вагоне. Нордэна мертвой хваткой вцепилась в поручень. Свою героическую гибель она в юности представляла как-то иначе.

Да и вообще последние пять лет серьезно намеривалась спиться, без лишних изысков.

- Минута до моста, - отрапортовала Зондэр из тамбура.

Мост Дэмонра уже видела. Ее цель была как раз за мостом, в трех километрах севернее по проселочной дороге. Правда, для начала нужно было выйти на эту самую дорогу.

Мост стремительно приближался. Внизу заблестела темная лента реки, почти освободившейся ото льда. Поезд, как всегда перед мостами, несколько сбавлял ход.

- Три часа, помнишь?

- Помню, Зондэр.

- Не нравится мне все это...

Дэмонру так и тянуло спросить, а кому бы такое понравилось, но препираться с Зондэр было бессмысленно. У той, как и у Наклза, имелось одно отвратительное качество: всегда выходило, что они правы.

- Жалость-то какая. Встретимся в Мильве, - пресекла все дальнейшие рассуждения Дэмонра. Это крупное село было идеальным вариантом. Во-первых, перед тем, как оказаться в Мильве, поезд делал приличный крюк. Во-вторых, Дэмонра в свое время здесь бывала, а потому представляла себе прямой путь через поля. То есть, при хорошем стечении обстоятельств, могла отыграть около трех часов, при условии наличия лошади. Условие пока не соблюдалось, но Дэмонра достаточно хорошо знала местный быт и нравы, чтобы рэдскому присловью "конокрад - не вор" на часок и поверить. И, наконец, у Мильве поезд никак не стоял бы меньше четверти часа: уж больно хороши были тамошние платки в цветах, пряники и яблочный сидр. Особенно сидр. В Каллад эту радость, благоухающую яблоневым садом, вывозили бочками. Конечно, люди в здравом уме не стали бы пытаться сделать это по пути "туда", но договориться на "обратную дорожку" - за милую душу. А о храбрых дегустаторах позаботилась бы Магда Карвэн, в боевых ситуациях терявшая всю свою хваленую широту натуры.

По самым скромным подсчетам, на подвиги у Дэмонры было часа три, при оговорке, что она не заплутается и угонит лошадь. И то, и другое было выполнимо. А ее отсутствие в поезде героически прикрыли бы Зондэр и Маэрлинг. Дэмонра даже подумать боялась, что бы Наклз сказал об этом плане, но тот, по счастью, мучил студентов очень далеко отсюда.

- Три часа. Не перепутай!

Внизу промелькнула вспененная река, остался позади мост, а насыпь сделалась ниже. Невдалеке чернела опушка леса, над которым сияло светло-голубое, как нарисованное небо. Дэмонра глубоко вздохнула, простилась со своей дурною головой и прыгнула под откос, по направлению к паровозу, чтобы хоть как-то компенсировать горизонтальную скорость.

Ветер ударил в лицо, как живое существо, и швырнул ее назад.

Приземление в подтаявший снег, в целом, прошло

терпимо. Нордэна несколько раз перекувыркнулась, но сохранила позвоночник в предписанном природой состоянии. Посчитала боками колдобины, мысленно возблагодарив Магду за ватный шедевр технической мысли на своей груди, дающий хоть какую-то защиту от ушибов. Ну и, в качестве достойного завершения, плюхнулась точнехонько в лужу под насыпью.

"Весна-красна, твою мать, пришла", - решила нордэна, отфыркиваясь. Впрочем, лучше было наглотаться талой воды весной, чем травы и грязи летом. Она поднялась, кое-как отряхнулась, проводила взглядом тающий вдали поезд. Черные клубы дыма пятнали голубое небо.

Времени у Дэмонры было чуть меньше, чем ничего. Перспектив, если поразмыслить, примерно столько же. Но от грустных дум не прибавлялось ни первого, ни второго, поэтому нордэна быстро вывернула полушубок чистой стороной, кое-как пригладила волосы, отерла лицо снегом, показавшимся ей наименее грязным, и поспешила к лесу.

В Восточной Рэде Дэмонра бывала неоднократно и обычно - с самыми миролюбивыми целями. В начале лета в рэдских лесах наблюдалось просто поразительное количество земляники, а осенью - грибов. К тому же, как ни крути, климат там тоже был значительно лучше, чем на большей части исконно калладских территорий. Так что состоятельные и не очень калладцы еще лет пятнадцать-двадцать назад с удовольствием снимали здесь дачи на длительный срок. Дэмонра хорошо говорила на рэдди исключительно потому, что в свое время немало гоняла мяч в компании местных ребятишек и обворовывала яблоневые сады соседей. Совокупность этих фактов дала ей практически неисчерпаемый запас ходовой лексики и знаний местного фольклора. Она даже умела без акцента петь "Полюшко-поле", чем в глубине души немало гордилась. Правда, отсутствие акцента не гарантировало попадания в ноты. Судя по лицу Эрвина, становящемуся нежно-зеленым после первой же пары строк, ей все-таки лучше было не петь. Как сын органиста он в этом плане служил неплохим индикатором.

Нужную дорогу Дэмонра нашла довольно быстро. В Каллад это дорогой, конечно, бы не назвали, но тут уже было не до тонкостей терминологии. Две глубокие колеи были практически до краев заполнены талой водой. Все остальное пространство представляло собою сплошную глину. По краям сиротливо чернели голые кусты. И над всем этим безобразием в голубой лазури сияло солнце. Мало того, оно грело. В Каллад такая благодать пришла бы не раньше, чем через пару недель. Дэмонра с удовольствием подставила лицо теплым лучам и

быстро похлюпала по обочине, прекрасно понимая, что ее сапоги не спасет уже ничто в этом мире. Впрочем, помимо сапог следовало спасти Дэм-Вельду с ее апельсинами, престиж кесарии с ее инсургентами и, для полного комплекта, остатки собственного патриотизма, попутно посрамив Аэрдис. Наклз, прознай он о ее целях, наверное, сказал бы мало хорошего.

Родители Дэмонры, надо отдать им должное, к жизни ее подготовили, хотела она того или нет. "Герои всегда заканчивают по уши в дерьме", - поучала ее в юности мама, и нордэна уже тогда интуитивно ощущала глубокую правду этой мысли. Но никто и никогда не предупреждал ее, что и начинают герои по колено в той же субстанции. Но Дэмонра браво хлюпала вперед, стараясь смотреть не на глиняную квашню под ногами, а на быстрые птичьи росчерки в небе.

Таверна, конечно, никуда не делась. Ее хозяин был слишком основательным человеком, чтобы бегать от всяких грошовых войн и революций. Он полагал, что клиентура, независимо от национальной и политической принадлежности, стабильно хотела есть, пить, спать и пощипывать служанок за крепкие бока. Судя по тому, что "Рудый яр" процветал уже не первое десятилетие, какое-то здравое зерно в этом было.

Здание выглядело несколько менее нарядно, чем в прошлом году, но все-таки вполне прилично. Застекленные окна были целы, на них даже висели идиллически-белые занавесочки в цветочек, а крыльцо могло похвастаться свежим слоем краски, правда, испятнанным все той же неизбежной глиной. В какой-то мере Дэмонру это порадовало, потому что сама она заляпалась грязью выше колен и вовсе не хотела привлекать к себе лишнее внимание, оставляя на вылизанном крыльце жирные красно-коричневые следы. Впрочем, правильной рэдской крестьянке не пристало волноваться из-за таких мелочей, поэтому нордэна без долгих раздумий толкнула дверь и оказалась внутри.

Беглый осмотр зала давал все основания для черной меланхолии: нужного человека внутри не наблюдалось. Похоже, Зондэр оказалась права - что, в общем, уже давно никого не удивляло - и Дэмонра совершенно напрасно занималась изучением рэдских традиций, воздушной эквилибристикой, сопряженной с риском сломать шею, и забегом по пересеченной местности, убившим ее запасные сапоги. И да, Витольда Маэрлинга со списком своих особых примет она тоже ознакомила зря. И еще, чтобы успеть к моменту, когда поезд будет подъезжать к предместьям Мильве, ей все-таки пришлось бы украсть лошадь.

"Вот же дрянь", - оценила ситуацию Дэмонра, но делать было особенно нечего. Никто ее на подвиги не подбивал, так что

и винить в неудаче было некого. Она решила, что сделка в силе, а ее партнер счел боевые действия на сопряженной территории форс-мажором, и, с точки зрения коммерческих традиций, был абсолютно прав. Нордэна плюхнулась на ближайшую скамью, припоминая расположение конюшни, и пробурчала на рэдди, что хочет суп с клецками. В ответ у нее, в полном соответствии со сложным рэдским этикетом, поинтересовались, не хочет ли она пойти подальше? В такое время - суп ей с клецками подавай! И это как раз Дэмонру обрадовало: ее приняли за местную, несмотря на чисто нордэнский острый нос и формы, ставшие интересными только благодаря талантам Магды. С приезжими здесь общались куда как более учтиво. Пять минут препирательств и взаимных оскорблений до полного удовлетворения друг другом завершились тем, что кружку пива хозяин речистой гостье пообещал за счет заведения.

Дэмонра созерцала янтарный напиток, который в силу какой-то игры природы с ее точки зрения пах почти так же, как разлагающееся мясо, и злилась. На себя, на кесаря, на весь белый свет и даже на кошку, которая так и не изволила отреагировать на многочисленные "кис-кис". Видать, чуяла иностранного интервента, дрянь полосатая.

- Грех предаваться унынию, когда есть другие грехи, - негромко порадовал ее половой, убирая уже пустую тарелку супа со стола. Дэмонра ушам своим не поверила: уж слишком знакомым был голос. Она во все глаза уставилась на его источник. Процесс опознания протекал долго и трудно, буксуя из-за плохого освещения и осознания полнейшей вздорности предположения, что профессиональный революционер с двадцатилетним боевым стажем может замаскироваться под лохматого полового, который сам едва второй десяток разменял. Наверное, нордэна так и решила бы, что ей привиделось, но тут чудной парень подмигнул.

"Кассиан Крэссэ, твою мать, ненавижу тебя и всю твою бесову семейку", - почти с нежностью подумала Дэмонра, поднимаясь и следуя за "половым". Хозяин за стойкой демонстративно смотрел в потолок. Не видеть и не слышать ничего необычного также было одним из его основополагающих жизненных и профессиональных принципов.

2.

Дни в Моэрэнхэлл Каллад стояли солнечные, ветреные и какие-то суматошные. Эхо доносило с границ глухое ворчание, ходили слухи о каких-то погромах против "нелюдей" на задворках кесарии, столичные либеральные газеты плевались грязью даже активнее обычного, а консервативные, как и положено в "роковые минуты испытаний", обсуждали дамские прически и собачьи выставки. Рейнгольда такое положение дел нисколько не удивляло. Периодически приходящие ему анонимные угрозы удивляли и того меньше. Как и всякий порядочный калладец, Зиглинд искренне презирал письма без подписи и их авторов, так что большую часть отправлял на растопку камина, даже не затрудняя себя прочтением.

После отъезда Дэмонры Рейнгольд с удивлением обнаружил, что привык просыпаться под звон бьющейся посуды и трехэтажные конструкции на той части морхэнн, которую в университетах не преподавали. Теперь тарелки лежали в серванте целые и нетронутые, а в квартире стояла тишина. Элемент хаоса, привнесенный темпераментной нордэной, крайне плохо ладившей с кухонной утварью, исчез.

Рейнгольд с некоторым опозданием осознал, что ему даже нравилось, когда Дэмонра в чулках и отобранной у него рубашке лихо скакала по кухне, пытаясь одновременно прибрать осколки и не дать сгореть тому, что она по каким-то непонятным причинам полагала блинчиками. Блинчики эти были в числе самых чудовищных вещей, которые Зиглинд встречал в жизни, и стояли примерно наравне с Циркуляром о кухаркиных детях или тестом Кальдберга. Рейнгольд всегда старался заболтать Дэмонру, чтобы ее кулинарные шедевры сгорели окончательно. Тогда появлялась надежда пойти в ресторацию неподалеку и там все-таки поесть. Теперь тарелки не бились, ничего не горело, не чадило, не взрывалось и вообще лежало там, где Рейнгольд это оставил. Ему даже не требовалось практиковаться в казуистике и изобретать новые и новые предлоги, чтобы отвертеться от ночного кошмара повара, который нордэна отчего-то полагала завтраком. С ее отъездом все вроде бы вернулось на круги своя, но Рейнгольд почему-то не мог отделаться от скверного ощущения, что это не мир пришел в равновесие, а карусель остановилась.

Дэмонра, как ни крути, ему не подходила. Он подходил ей в еще меньшей степени, если такое только было возможно. Брак не понравился бы кесарю. Нордэна бы ни за что не оставила полк. Северянки довольно часто не могли иметь детей. Как юрист, Рейнгольд мог бы назвать еще с дюжину причин, почему эту женщину ему следовало обойти по самой широкой дуге,

чтобы всем, кроме него, было хорошо и спокойно. Увы, единственная ситуация, при которой хорошо и спокойно было бы ему, требовала хоть за шкирку, но доволочь Дэмонру до алтаря. Кто кому жизнь погубил или, наоборот, осветил, они успели бы обсудить в старости, но старость он хотел встретить именно в ее компании.

С Дэмонрой все вечно шло кувырком, с первого дня знакомства и до момента, когда нордэна, жизнерадостно махая ему шапкой на прощание, пропала в окне отъезжающего поезда. Еще при встрече можно было догадаться, что так оно и будет. Жизнь свела их в обстоятельствах, предельно далеких от того, как Рейнгольд представлял себе это в ранней юности. Все началось до отвращения обыденно: его, как родственника кесаря, пригласили посмотреть на учения, проходящие неподалеку от летней резиденции Зигмариненов. Сначала его в столице задержали дела, и он не прибыл за сутки, как все прочие родственники, а потом он и вовсе пропустил поезд. Следующий был только вечером, так что Рейнгольд ни за что бы не успел, если бы не решил добираться верхом, благо, путь был близкий.

От станции он отъехал с приличным запасом времени и твердо решил держаться железнодорожного полотна, поскольку плохо представлял себе дорогу, да и вообще не чувствовал желания скакать по пересеченной местности. Для этого следовало родиться лихим кавалеристом или самоубийцей, а он был обычный адвокат. Минут через сорок неспешной езды Рейнгольд увидел небольшую речку. Железная дорога проходила по мосту над ней, и ему ничего не оставалось, как проехаться вдоль русла и найти переправу, которой там просто не могло не быть. Переправу он действительно нашел, а потом выехал на узкую лесную дорожку, ведущую, предположительно, в правильном направлении. Минут через десять его нагнала рыжеволосая женщина на взмыленном коне. И конь, и всадница выглядели так, как будто реку они форсировали вплавь. Рейнгольд был воспитан в лучших калладских традициях, и потому никак не мог допустить, чтобы дама разъезжала по лесу одна. Дама на его вежливое предложение сопроводить ее до Красных горок сперва округлила глаза, а потом залилась смехом. Он к тому моменту уже успел сообразить, что на ней надета мокрая насквозь черная форма, так что его любезность явно была лишней. Отсмеявшись, незнакомка сообщила, что ей больше нужен не храбрый рыцарь, а путеводная звезда, которая доведет ее до государя раньше, чем начальство подкинет ее к самому Создателю. Рейнгольд, скрепя сердце, согласился побыть путеводной звездой.

Из леса они выехали на широкое поле, и вот там-то их

застал сильнейший ливень, убивший всякое представление о расстоянии, направлении и времени. Небо, трава и земля превратились в совершенно однородную мокрую и вязкую массу, к тому же ледяную. Одежда Рейнгольда теперь была не суше, чем форма его случайной попутчицы. Струи дождя, за которыми не было видно ни зги, перестали бить минут через пять-семь, но существенно это ситуацию не улучшило. Дождь все еще капал, а небо не светлело: сделалось сумеречно, тоскливо и холодно. На поле легла мгла. Кони понуро брели, поскальзываясь и проваливаясь в грязь по бабки. Последние мысли о том, что дорога "где-то там" покинули Рейнгольда довольно быстро. В роли путеводной звезды юрист, мало знакомый с местностью, с треском провалился, в чем сознался. Поле они кое-как пересекли и увидели в сырой дымке тусклый огонек. К сожалению, это была не дорога на летнюю резиденцию, а постоялый двор, но Рейнгольд к тому моменту был бы рад любой крыше над головой, включая конюшню. Разумеется, о том, чтобы в таком виде продолжать поиски и речи идти не могло. Даже успей они в последнюю минуту, лучше было не явиться вообще, чем шокировать родичей костюмом утопленника. Рейнгольд бы не удивился, свисай с его шляпы натуральная тина.

Видимо, нордэна разделяла его взгляды на приличия, потому что без лишних слов отвела лошадь под навес и направилась в здание. Рейнгольду ничего не оставалось, как последовать ее примеру.

Десять минут спустя мокрый насквозь родич кесаря сидел в дешевой - а других не было - комнатенке под самой крышей и, слушая барабанящий по ней дождь, предавался мыслям о том, что он - хронический неудачник и пятно на репутации семьи. Мало того, что Рейнгольд из-за плохого зрения не попал в армию, что вообще для члена правящей фамилии было немыслимо, так он даже добраться до места проведения учений самостоятельно не сумел. Унылые размышления прервал стук в дверь. На пороге, улыбаясь, стояла его попутчица с флягой в руках. Из одежды на ней, собственно, была простыня и традиционный колокольчик без язычка, который нордэны носили на шее. На случай Последней Битвы, видимо.

- От воспаления легких. Но от печали тоже, - сообщила она, протягивая флягу. Ситуация явно не располагала к тому, чтобы Рейнгольд начал рассказывать попутчице о вреде алкоголя, который, как известно, в Каллад губит людей больше, чем оспа и чахотка вместе. Сам он не пил, впрочем, лишь из тех соображений, что после окончания института пить стало не с кем: практикующий юрист и родич кесаря не могли бы позволить себе

напиваться в компании даже по отдельности, а у Рейнгольда эти два несчастия группировались. Впрочем, залетную нордэну едва ли интересовали бы его профессиональные секреты или тем более детали биографии. Довольно безрадостной, если вздуматься. Во всяком случае, дожив до двадцати шести лет, он ни разу не попал ни в одну историю, о которой было бы стыдно рассказать и приятно вспомнить. Прошлое Рейнгольда было безупречно и уныло, как пособие по этикету. А веселая нордэна в простыне, протягивающая ему плоскую фляжку, очень криво вписывалась в настоящее. Более откровенные зрелища Рейнгольду видеть доводилось, но более интригующие - никогда.

- Спасибо, - растерянно поблагодарил он, прикидывая, как вежливо отвертеться от знакомства с содержимым фляги. О вкусовых пристрастиях северян ходили страшноватые легенды. Женщина засмеялась:

- Это всего лишь чай. Я только что вниз бегала, к хозяйке. И не доверяю чистоте местных чашек, а во фляге, уж поверьте, недавно была отличная дезинфекция. Вы тверды в своем стремлении умереть от воспаления легких?

- Что?

- Советую снять мокрое и развесить его на кухне, у хозяйки, там быстрее высохнет. Это милейшая старая карга лет шестидесяти. Она на вас не набросится, не опасайтесь. Нет, если вы очень настаиваете, я могу сходить с вами и покараулить вашу добродетель.

Рейнгольд заверил неунывающую спутницу, что справится с этой непростой миссией сам и дезертировал, чтобы не сказать какой-нибудь глупости.

Вернувшись в комнату, он обнаружил там нордэну, с самым беззаботным видом попивающую чай. Пропущенные маневры, дождь за окном, скучнейший попутчик и маячащие в перспективе неприятности, определенно, нисколько ее не волновали. Женщина сидела на подоконнике и периодически прикладывалась к фляге, откидывая голову назад, словно емкость содержала в себе что-то менее безобидное, чем чай. У нее было классическое для северянки несколько треугольное лицо, очень белая кожа, светлые брови и промокшая косица, закрепленная на затылке посредством карандаша. Картину довершали разводы под глазами, оставшиеся от макияжа, и широкая ухмылка человека, который искренне любит эту жизнь и пользуется взаимностью.

- Так значительно лучше, - несколько двусмысленно сообщила она закутанному в простыню Рейнгольду. - Льет как из ведра. Мои предки сказали бы, что на маневры нам сегодня попасть не судьба.

- А мои бы сказали, что стоило выезжать с большим запасом времени, - вздохнул Рейнгольд.

Нордэна весело хмыкнула:

- Так вот что такое "кросс-культурный контакт"! Я-то всегда считала, что этим словом называют мордобитие, а нет, есть вариативность.

Рейнгольд не выдержал - улыбнулся. Не столько замечанию незнакомки, сколько ситуации в целом. Отличное было место и время для философской беседы.

- На самом деле, можете не огорчаться. Все маневры отчасти похожи. Светит солнце, вьются стяги, трезвый и вежливый генералитет всем своим видом демонстрирует потрясающую боеспособность кесарской армии. Условия, максимально отдаленные от жизни. К счастью, армия и впрямь боеспособна, - безмятежно пояснила незнакомка. - А вы - журналист?

- Вообще-то я юрист. А вы, конечно, генерал?

- Комплимент хороший и плохой одновременно: мне не столько лет и я, увы, только полковник. Боюсь, пожизненный. Вы все еще не хотите чаю?

Рейнгольд с удовольствием сделал пару больших глотков. Женщина и впрямь раздобыла чай, правда, пахло от него чем-то травяным и горьким. Но о происхождении "дезинфекции" Рейнгольд предпочел ничего не знать. Пока он разбирался с не успевшим остыть напитком, нордэна заперла дверь, сняла колокольчик, положила его на прикроватную тумбочку и уселась на постель. Истолковать ее поведение двояко было просто невозможно.

- Простите, а у вас не будет неприятностей? Из-за всего этого.

Та только ухмыльнулась:

- Да, руководство меня оборет, но это будет потом. Или это вы так изящно выясняете, замужем ли я? Нет, не замужем. И мне, честно говоря, не особенно интересно ваше семейное положение. Весьма вероятно, что мы больше никогда не увидимся. В крайнем случае, друг друга всегда можно "не узнать", как это принято в лучших домах. Надеюсь, медицинской справки вы не потребуете? Если нет, то сейчас я предлагаю заняться профилактикой простудных заболеваний.

Биография Рейнгольда была даже слишком чистой для того беспорядочного времени, в котором он жил. Но окружающие не перестали бы сетовать на падение нравов, изобрази он гордый уход, а вот слушать их после было бы гораздо занимательнее. Причастности к осуждающей стороне Рейнгольд никогда не

чувствовал, оставалось присоединиться к осуждаемой. Все было интереснее, чем позиция отстраненного наблюдателя, которую он занимал всю жизнь.

Рейнгольд направился к постели, но с непривычки запутался в простыне и споткнулся о табурет. Сам он удержал равновесие, а вот предмет мебели грохнулся на пол, словно только того и ждал.

- Ох как громко нравы-то падают, - протянула нордэна, как будто мысли его прочитала.

- А пусть не торчат, где не просят, - вывернулся Рейнгольд.

- Ответ, достойный юриста. Я спокойна за нашу юстицию, - рассмеялась женщина и сбросила простынь. Дальше, конечно, разговаривать не стал бы и самый речистый адвокат.

"Профилактика простудных заболеваний" удалась более чем хорошо. Рейнгольд проснулся ранним утром, отдохнувший и довольный жизнью. Его высохшая одежда была принесена с кухни и теперь аккуратно висела на стуле, а сама нордэна, уже причесанная, умытая и одетая, красила глаза, смешно щурясь. В довершение приятной картины, в окно светило яркое солнышко. Почему-то эта веселая рыжеволосая женщина с богатой фантазией и большим набором красивых эвфемизмов ассоциировалась у Рейнгольда именно с таким ясным утром.

Солнце поднялось высоко, разговаривать, если подумать, было не о чем и Рейнгольд с полным освнованием опасался, что нордэна просто улыбнется и уйдет. И ушла бы раньше, но его окно выходило на солнечную сторону, а ее комната была через коридор, вот она и поправляла макияж здесь. Выходи оно на другую - скорее всего, нордэны он бы больше не увидел. Это, определенно, была не та дама, которой следовало рассказывать, что приличный человек на его месте обязан жениться. Увы, как раз жениться ему действительно было пора, пока любящие родственники не подсунули очередную кринолинную куклу с хорошей родословной и минимумом мозгов. Рейнгольду было очень неудобно каждый раз врать родным, что он - завзятый карьерист, заодно обижая очередную Амалию или Агнессу.

При виде этой женщины его родственников хватил бы инфаркт. Он тоже как-то не намеривался встретить свою будущую супругу на постоялом дворе и тем более обстоятельно изучить ее экстерьер раньше, чем хотя бы узнать имя. Стадию красивых ухаживаний они явно проскочили. Рейнгольд не знал, ни как называть подобные отношения, ни что дальше делать, поэтому решил до последнего изображать, что все происходящее в порядке вещей:

- Извините, а вы настаиваете на том, чтобы я вас при случае "не узнал"? Или мне все-таки можно позвать вас в театр? - аккуратно уточнил он.

При слове "театр" нордэна отчетливо прыснула.

- Театр - это уже серьезный шаг, - оценила она. - Ближайшие две недели меня будут чихвостить, но потом, если надумаете, можете позвать. Только, имейте в виду, на классическую комедию не пойду. Мне в жизни этого добра хватает. Хотя можем уронить еще какие-нибудь нравы и без лицедеев.

Ронять нравы, действительно, можно было и без лицедеев, однако Рейнгольд, буквально чуявший, что не так все просто, решил пойти длинным путем, предусматривающим театры, рестораны и букеты. Он доподлинно не знал, что из этого сработало - едва ли букеты - но Дэмонра тоже предприняла какие-то попытки встроиться в его жизнь и за пределами спальни. Ее друзья и блинчики, конечно, были чудовищны, но Рейнгольд ценил их как символ. Через шесть месяцев, когда прознавшие о связи родственники уже перестали имитировать инфаркты и лить потоки слез, он подумал, решил, что подумал плохо, но передумывать не будет, да и сделал Дэмонре предложение по всем правилам. К тому моменту он даже успел привыкнуть, что чулки действительно могут висеть на люстре, не провоцируя немедленный конец света, и вообще женщина в доме - к беспорядку, но порядок не всегда благо. Предложение руки и сердца Дэмонра встретила совершенно круглыми глазами и почти испуганным вопросом: "Рэй, а случилось-то что?" Рейнгольд как мог четко объяснил, что случилось. Доводы в пользу семейной жизни Дэмонру, увы, не впечатлили. Она считала, что военным в Каллад семьи создавать не стоит по той простой причине, что не следует множить потенциальных вдов и вдовцов, поскольку это бьет по государственному бюджету и престижу. Вышел принципиальный конфликт интересов, в результате которого по комнате летала посуда, а поздние прохожие были поставлены в известность семейных, политических и некоторых других взглядов нордэны.

Консенсус был достигнут только следующим утром. Рейнгольд приложил все мыслимые усилия, чтобы съесть приготовленный ему завтрак, и отважно ковырял блинчик, надеясь, что кто-нибудь срочно позвонит в дверь. Дэмонра, опаздывающая на какую-то встречу, носилась по его дому в поисках второго чулка, посылая выразительные проклятья всему сущему. Отчаявшись, она тоже решила позавтракать, молча позаимствовала у Рейнгольда из тарелки половину порции и

откусила кусок. Он был готов поклясться, что такого непередаваемого выражения лица не видел ни раньше, ни позже. Дэмонра судорожно проглотила кусок, потом все так же молча отправила свою, а затем и его порцию в мусорную корзину, выпила два стакана воды, вздохнула и выдала:

- Ты самый мужественный человек, которого я встречала в жизни. Когда, говоришь, венчаться пойдем?

К сожалению, буквально через несколько дней после этого судьбоносного решения в армии поползли слухи о возможных неприятностях в Рэде, и Рейнгольд разумно решил не добавлять Дэмонре проблем. А вот теперь она уехала, и никто не шумел, не отвлекал от работы, не подбивал на алкогольные подвиги и не таскал у него глаженые рубашки в последний момент. Стало очень скучно.

Рейнгольд позавтракал вполне сносной яичницей, собрался в контору, вышел на крыльцо и едва успел отскочить назад: в шаге от него на ступеньки упала огромная сосулька. Он перевел дыхание и поглядел наверх. Ему показалось, что там мелькнуло что-то темное, но Рейнгольд не слишком полагался на свое зрение. А вот о том, что крыши в столице обычно чистят хорошо, он знал. В почтовом ящике, как и ожидалось, нашлось очередное анонимное письмо. "Калладский патриот" и "добрый друг" деликатно информировал Рейнгольда, что в следующий раз сосулька упадет не рядом, а точно ему на голову, если он не одумается и не исполнит свой прямой гражданский долг. "Гражданский долг", разумеется, заключался в том, чтобы пренебречь пятнающей его репутацию связью и рассказать "доброму другу" о "Зимней Розе", тем самым оказав державе неоценимую услугу. Рейнгольд не был склонен нервничать по пустякам, но сосулька ему не понравилась. И еще меньше ему понравилось то, что сосульки могли падать не только в Каллад, но и в Рэде. А еще там летали шальные пули. Рейнгольд вернулся домой и быстро написал две записки. Первую он отослал с сыном дворника в контору, предупреждая, что заболел. Вторая была для Наклза.

Сказать, что маг был ему симпатичен, было бы сильным преувеличением. Даже если пренебречь тем фактом, что друг невесты противоположного ей пола нравился бы только жениху святому или глупому, Наклз вообще мало походил на человека, способного вызвать симпатию. Он казался поразительно бесстрастным даже для профессионального мага, а такое не располагало к личному общению. Насколько Рейнгольд знал, маги третьего класса и выше прекращали работать по специальности или через пять лет после начала карьеры, получая

права на пожизненную пенсию, или сразу, как только зарабатывали гражданство, если приехали в кесарию откуда-то еще. Во всяком случае, это было их официальное законное право: профессия, мягко говоря, не способствовала физическому и душевному здоровью. Выходы во Мглу в принципе можно было рассматривать как затянувшуюся попытку самоубийства, так что поведение Наклза, бывшего гражданином первого класса уже лет десять, казалось в высшей мере непонятным. Но о таком, конечно, спрашивать смысла не имело.

В записке он запоздало поблагодарил мага за оказанное в Красную ночку гостеприимство и просил Наклза зайти к нему, как только позволит время, но по возможности скорее.

3.

Магрит проснулась значительно позже обычного. Видимо, сказались приключения последних дней. В результате упомянутых приключений в доме не осталось ни единого зеркала, кроме подаренной ей пудреницы, и вообще ничего такого, что могло бы дать отражение. Накануне Наклз вернулся домой поздно - Магрит еще удивилась тому, что от его плаща шел тяжелый больничный запах - и методично замазал краской все, что блестело, включая дверные ручки и металлические краны. Компанию ему составили двое молчаливых мужчин в заляпанных передниках, которые занялись дверью в кабинет мага. Собственно, они сняли ее с петель, пробили проем на два метра левее, а предыдущий заложили кирпичом. Возились всю ночь - Магрит различала звук скребка сквозь сон - ушли под утро, заляпав коридор и дорогой ковер на лестнице. Рэдка смотрела на результат с непониманием, но вопросов задать не решилась. В конце концов, Наклз был человеком умным, поэтому, наверное, преследовал какую-то еще цель, кроме как сделать воздух непригодным для дыхания и испортить стену. Сам маг ушел спать в гостевую спальню, так ни слова и не сказав, и Магрит еще долго слышала через стенку, как он расхаживал туда-сюда. Еще с вечера она распахнула все окна на втором этаже, чтобы запах краски выветрился, так что утром у нее зуб на зуб не попадал от холода - до того все выстыло.

Спустившийся к завтраку Наклз был даже бледнее обычного, кутался в шарф и кашлял. Магрит была готова получить вполне справедливый разнос, но маг ничего не сказал,

только поблагодарил за приготовленный завтрак в своем духе, то есть чрезвычайно отстраненно. В первый раз Магрит решила, что ее кулинарные таланты не достойны его светлости Наклза, но потом поняла, что у мага просто манера говорить такая.

- Где ты вчера был? - Магрит мужественно решила разрядить обстановку. - Адель, ну, то есть Гнида, она меня к себе не подпускает. Поливай ее, когда уходишь, а то она сдохнет.

- Мухоловка Немексиддэ живет лет десять-пятнадцать, - рассеянно отозвался Наклз, ковыряя вилкой кулинарный шедевр Магрит. В Рэде это называлось омлетом. Как Магрит смутно догадывалась по слишком уж непроницаемому для такого невинного занятия лицу Наклза, в Каллад это называлось несколько иначе. - Она меня переживет.

- Так мало? - поразилась девушка.

- Для растения это много.

- Ты собираешься жить так мало?

Магрит встретилась взглядом с холодными серыми глазами, зрачки которых были совершенно неподвижны, как у хищной птицы.

- Магрит, в Каллад такие вопросы считаются бестактными. В Рэде, если мне не изменяет память, тоже. Что касается мухоловки, то и ты можешь ее поливать.

- Она так не считает. Она на меня шипит! - возмутилась Магрит. Гнида или Адель, но тварь начинала страшно шипеть, едва девушка приближалась на пару шагов. А еще она несколько раз недвусмысленно пыталась схватить ее за палец.

- Она и на меня шипит. Это не кошка, она не умеет мурлыкать.

- А почему ты завел эту шипучую уродину? - Магрит казалось, что такую тварь мог завести только человек с очень своеобразным чувством юмора. У Наклза она пока не видела не то что "своеобразного" - вообще никакого.

- Потому что у меня аллергия на шерсть. А эта уродина, как ты могла заметить, шерсти лишена. Когда отправишься в пансион имени Дагмары Скульден, я раздобуду тебе котенка, - ровно продолжил маг, нисколько не отвлекаясь от изучения содержимого тарелки. - Устав там не запрещает иметь домашних животных.

Магрит уронила вилку.

- Куда-куда я отправлюсь?!

- В пансион Скульден. Заведение с безупречной репутацией. Не надо делать таких удивленных глаз. А ты что думала?

- Что я оста... я думала, ну, тебе ж должен кто-то готовить

там, не знаю, Гниду твою поливать, пыль вытирать. А я еще и духов вижу. Я полезная! - Магрит понимала, насколько глупо и жалко звучат ее слова. Но новость подействовала на нее, как ушат холодной воды на голову. Надо было хоть что-то противопоставить такой страшной будущности, как обучение в чужой стране за компанию со всякими калладскими "сливками общества". Да и вообще как-то слишком уж быстро этот человек вызвался распоряжаться ее жизнью. Впрочем, последнего она ему бы сказать не рискула.

Наклз вздохнул и устало сообщил:

- Да нет, Магрит, ты не думала. Ну хорошо, допустим, все будет так, как ты говоришь. А дальше что?

- В смысле - дальше?

Наклз поморщился:

- Вероятностники обычно живут лет до сорока пяти, если бросают практику в тридцать. Мне тридцать семь. Это называется "перспектива". Давай, Магрит, расскажи, какую ты тут видишь перспективу. Лично я вижу девушку без образования, которая плохо говорит на морхэнн. Проблема в том, что метрику я тебе купить могу, а вот знание языка - вряд ли. Как ты думаешь, что может случиться лет через пять?

- А может и не случиться, - упрямо боднула лбом воздух Магрит.

Маг потер виски, словно у него болела голова.

- Магрит, вчера умер мой коллега, который был младше меня почти на десять лет. Я не знаю, по какому принципу в Каллад будет вестись охота на ведьм даже в будущем году, не говоря уже о ближайшем десятилетии. Так что я ничего не хочу слышать: ты едешь учиться.

- Ты просто хочешь меня выставить, вот что!

- Если бы я хотел выставить тебя "просто", пансион бы не понадобился.

- Да, ты еще и поиздеваться хочешь на прощание!

Наклз спокойно отложил вилку и нож, поднялся из-за стола и направился к лестнице, не удостоив ее и взглядом, не говоря уже об ответе. Магрит была близка к тому, чтобы начать швыряться посудой со злости. Но посуда все-таки принадлежала не ей, поэтому она лишь гордо шмыгнула носом, мысленно дав себе слово сбежать в Рэду и построить там мировую революцию при первой возможности, и пошла поливать Адель.

Процесс полива гадины был в самом разгаре - то есть полито было полкухни, но никак не шипящая Адель - как вдруг раздался звон колокольчика. Видимо, к Наклзу кто-то пришел. Маг строго-настрого запретил Магрит подходить к дверям, пока

она хотя бы не получит метрики, поэтому девушка и Адель продолжали самозабвенно мотать друг другу нервы, не обращая внимания на звон. Но Наклз не торопился спускаться. А посетитель явно не хотел уходить. Магрит аккуратно подошла к окну и из-за штор поглядела на крыльцо. Там стоял и звонил в колокольчик подросток, меньше всего на свете походивший на агента охранки, пришедшего арестовать рэдскую беженку. И Магрит решила, что большой беды не случится, если разок сделать по-своему. В конце концов, Наклз отличался некоторой долей параноий: срочное замазывание зеркала и перенос дверей, портящий интерьер, как-то не выглядели разумными мерами предосторожностями.

Парнишка вручил ей письмо и был таков. Магрит, конечно, было любопытно, кто может написать такому нелюдимому типу, как Наклз, но честь революционера - и малая грамотность, чего уж там - не позволяла читать чужие письма, так что девушка заперла дверь и пошла относить добычу адресату.

Разговор она заслышала еще на лестнице. Это было странно, потому что наверху никого, кроме Наклза, быть не могло, строители уже ушли, она точно слышала. Говорил именно маг, и говорил как-то взвинчено, гораздо громче, чем обычно. Магрит удивилась: Наклз не изволил повысить голос даже после того, как она - разумеется, с самыми благими намерениями - изрисовала все стены традиционными рэдскими оберегами. Ей вообще не приходило в голову, что замкнутый маг может выходить из себя и почти кричать.

Заинтригованная девушка стала красться по лестнице, испятнанной следами грубых башмаков. На винного цвета ковре те выглядели как-то зловеще. Коридор второго этажа был не лучше. Свежую кирпичную кладку еще не успели заштукатурить или поклеить обоями, и она смотрелась как кусок одного дома, каким-то образом угодившего в другой. Магрит при всем желании не могла понять смысл этой перестановки: дверь переехала едва ли на пару метров, а грязи - море.

В конце концов, если уж серая девочка так потрясла Наклза - а Магрит она, что уж говорить, напугала до мурашек - тот мог просто переместиться в другую комнату, их только наверху было еще две, не считая той, которую занимала она. Зачем магу такой большой дом - это была отдельная загадка. Четыре просторных комнаты наверху, две внизу, да еще гостиная, кухня и библиотека. А также чердак и подвал. Подобный дом предполагал или большую семью, или хотя бы слуг, но у Наклза не было ни того, ни другого. Магрит как-то рискнула спросить его, кто здесь убирает - вообразить Наклза, гоняющего пыль, было

так же тяжело, как, например, представить его весело танцующим - и получила нейтральный ответ: "Человек приходит по четвергам". Просто "человек", даже без имени. Магрит не считала себя великом знатоком людской натуры, но этот ответ ей про Наклза много сказал. Кстати, она тоже вполне могла быть "человеком, который готовит".

Впрочем, судя по тому, что из кучи комнат Наклз пользовался буквально тремя: кухней, гостиной - довольно редко - и спальней, совмещенной с кабинетом, - особняк этот он приобрел с расчетом на кого-то еще. Магрит сложно было поверить, что такой человек планировал завести семью с кучей детишек, но еще меньше было похоже, будто он купил большой дом из желания покрасоваться. Так или иначе, это она у него никогда бы не решилась спросить.

Магрит пробралась к комнате мага, стараясь ступать как можно тише. Слов из-за закрытой двери разобрать не получалось, но Наклз явно был не рад кого-то видеть. Кажется, он говорил на рэдди. Подслушивать под дверью было бы некрасиво, неправильно и, главное, чревато испорченными отношениями, если бы маг все-таки ее заметил. Но в записке могло быть что-то важное, недаром же курьер так ломился в дом, а потому ее следовало передать как можно скорее. Воодушевленная этой нехитрой мыслью, Магрит толкнула дверь и вошла.

Шторы были задернуты, так что в комнату проникало очень мало света. Кресло Наклз выбросил следующим же утром после инцидента, заменив его старой качалкой, до этого дня мирно пылившейся на чердаке. Та стояла у противоположной от двери стены, в углу, повернутая почти спинкой к входу, чтобы сидящий в ней мог смотреть в окно.

Качалка неспешно двигалась туда-сюда, издавая тихое поскрипывание.

Магрит застыла на пороге, соображая, что ей с ходу не понравилось, кроме того, что мало радости, наверное, смотреть в задернутые шторы.

Через мгновение девушка поняла, что сам Наклз не находился в кресле. Маг сидел в паре шагов от него, на краю кровати, лицом к качалке, и, похоже, пристально что-то слушал, зло сощурив глаза.

Магрит осторожно сделала шаг в сторону, надеясь понять, кого же там такого видит Наклз, что он ему так не рад.

Качалка была пуста. Что не мешало ей раскачиваться, медленно, как в дурном сне.

Двигаясь, Магрит что-то задела. Кажется, упала книга. Испугаться по-настоящему девушка так и не успела: события

понеслись слишком быстро. Сперва Наклз резко выпрямился, точно подброшенный пружиной, и обернулся к ней. Потом он в какую-то секунду преодолел расстояние в три шага, которое их разделяло. Магрит очень близко увидела искаженное белое лицо. Затем в воздухе что-то пронзительно свистнуло. А еще через мгновение Магрит обнаружила себя в коридоре, сидящей на полу, спиной к стенке, о которую она, судя по общим ощущениям, хорошенько приложилась. Во рту стоял солоноватый привкус.

Магрит заставила себя оторвать взгляд от весело барабанящих по полу красных капелек и поднять его выше. В дверном проеме застыл Наклз. Маг не сводил с нее холодного, тяжелого взгляда.

- Пойди умойся и собирай вещи, - тихо и ровно сообщил он. - Ты возвращаешься.

Договорив, развернулся и исчез, затворив за собой дверь. У Магрит в ушах до сих пор стояло тихое поскрипывание.

"Бежать надо из этого бесового дома", - тоскливо подумала она, глядя в запертую дверь и заложенный кирпичом проем рядом.

4.

Обстановка комнатушки поражала своей функциональностью. Из предметов мебели в ней имелась широкая кровать и подоконник, на который при желании можно было сесть. И крохотная тумбочка с букетиком искусственных цветочков солнечно-желтого цвета. В общем, военное лихолетие или его предчувствие все же сказалось на интерьере: раньше меблировка напоминала бордель существенно в меньшей степени. Пока Дэмонра созерцала арену своих будущих подвигов, Кассиан Крэссэ задернул занавески, стянул с головы парик и с явным удовольствием отправил фартук в угол.

- У нас сегодня программа минимум или программа максимум? - оживленно осведомился он, плюхаясь на кровать. Кровать издала жалобный стон. Дэмонра скинула ненавистный полушубок и задумалась. Сесть на подоконник значило выбрать заведомо неверную диспозицию. Да и не стоило отдавать неприятелю львиную долю территории комнатки сразу. Остановившись на такой мысли, нордэна плюхнулась рядом с Кассианом и тут же наподдала излишне инициативному кавалеру локтем под ребра:

- У нас сегодня - не поверишь! - программа "по делу"! И вообще, чтоб ты знал, я теперь без пяти минут замужняя дама, -

безапелляционно заявила она.

- Какая сволочь меня опередила? - удивился Кассиан, мигом принимая позу оскорбленного достоинства. - А как же лебединая верность и все такое прочее?

Дэмонра едва не фыркнула. Кассиан Крэссэ был определенно слишком умен для всех тех глупостей, которыми он сыпал со скоростью приличного артобстрела. А еще он был слишком умен для своих очаровательных кудряшек, трогательно-невинного выражения лица и большущих детских глаз, опушенных длинными ресницами. Профессиональный революционер сорока лет каким-то чудом умудрялся выглядеть не больше, чем на тридцать, и при этом напоминать аэрдисовского Заступника с фрески, лишь слегка потрепанного жизнью. Разве что блондином не был. Боевой стаж и почетное звание шестого врага всея Аэрдис (в списке врагов Каллад Кассиан стоял несколько дальше) крайне плохо сочетались с честными серо-синими глазами и безобидным выражением лица. Магда называла такое выражение "усыновите меня, пожалуйста" и очень плевалась. Дэмонра смутно догадывалась, что большую часть женского населения оно наводит на гораздо менее невинные мысли. В общем и целом, профессиональный революционер скорее напоминал обаятельного учителя словесности из женской гимназии. Разумеется, до того момента, пока не открывал рот. Дэмонре вообще иногда приходило в голову, что природа здорово ошиблась, наградив Кассиана умением говорить: оно определенно приносило и ему, и окружающим больше проблем, чем пользы.

Так или иначе, занятное несоответствие внешней формы и внутреннего содержания в этом человеке интриговало нордэну уже не первый год. А конкретнее - пятнадцатый.

- А у нас тут, как ты мог заметить, сплошь сложные времена, - усмехнулась Дэмонра. - Войны, потрясения, падение нравов...

- Пустые музеи, переполненные бордели, - продолжил логический ряд Кассиан. - Бесы дери, как занятно звучит мораль в твоем исполнении.

- Можно подумать, я говорю с монашком.

- Ты не сказала, за кого выходишь, - напомнила Кассиан.

- Ты спросил, кто тебя опередил. Опередили тебя многие.

Кассиан, сволочь такая, недоверчиво хмыкнул.

- А замуж я выхожу за адвоката, - договорила Дэмонра прежде, чем он что-то сказал о сеновалах их юности.

- Практичный выбор, - одобрил Кассиан. - Ты внезапно разжилась житейской мудростью или просто ограбила кесаря?

- В каком-то плане. Этот адвокат еще и кесарев родич.

Кассиан весело хмыкнул:

- Врешь как дышишь. И сказки год от года все интереснее. Ты не думала на старости лет промышлять писательством?

Дэмонра как-то вообще не думала, что доживет до упомянутой старости лет. И ее всегда бесконечно удивляло, что Кассиан на полном серьезе собирался дожить.

- Ты знаешь, в конце моих сказок некоторым невоздержанным кудрявым красавчикам будут стабильно отрывать головы. Как думаешь, это что-нибудь значит?

- Твой жених, во-первых, не красив, и не кудряв - во-вторых, - Кассиан, как и братец, никогда не лез за словом в карман. Иногда Дэмонре казалось, что на этом их сходство и заканчивается. Так или иначе, все семейное здравомыслие досталось младшему, а старший получил неисчерпаемый заряд жизнелюбия. Наверное, поэтому один уже двадцать с лишним лет окунался в революционную романтику, а другой имел стабильный оклад и гарантированную государством пенсию, работая на злобных калладских эксплуататоров. Но тот факт, что оба еще были живы, гарантировал наличие у обоих немалого ума.

- Знаешь, мне через два часа надо быть в Мильве.

- Будешь, - белозубо улыбнулся Кассиан. - И там еще час будешь ждать поезда. У них предвидятся небольшие неполадки с рельсами.

Дэмонра подозрительно прищурилась.

- Никакого "индивидуального террора", - усмехнулся Крессэ. - Я еще не настолько сошел с ума, чтобы пускать под откос калладские эшелоны. Больше тебе скажу, все подполье радо вам, как родным. Это, пожалуй, единственное, что объединило все фракции за последние лет пятнадцать.

- Еще бы, - поморщилась Дэмонра. - Чем больше мы наваляем глупостей, тем проще вам будет поднять знамя борьбы за свободу.

- А то. Вас бы не затруднило ограбить пару ферм по дороге? Или угнать десяток коров? На крайний случай, может, разнесете часовню?

- Могу только последнему революционному романтику шею свернуть, раз уж ты так жаждешь бурной активности калладской стороны, - посулила Дэмонра. Больше всего в ситуации ее злило то, что Кассиан был кругом прав. Кесарь только что фактически собственными руками объединил рэдское подполье, лидеры которого остервенело грызлись между собою на протяжении последних полутора десятков лет. - Принес, что обещал?

- Что я всегда любил в нордэнах, так это привычку обходиться без прелюдий, - Кассиан шутил, но взгляд у него стал жестким. Он легко спрыгнул с кровати и прошелся по комнатушке туда-сюда. Несколько нервно. - Принес. Не передумала?

- Пошел к бесам. Давай сюда.

Кассиан молча извлек из-под рубахи листок и протянул нордэне. Дэмонра быстро пробежала его глазами.

- Мало, - пробурчала она.

- Хватит, чтобы нам обоим пойти на шибеницы, - возразил Крессэ. Возразил справедливо. Дэмонре за эту встречу грозила именно виселица. По калладскому закону никакое дворянство и заслуги предков сношений с врагами государства не окупали.

- Так значит, это все-таки не пандемия? - продолжала хмуриться нордэна, глядя на список.

- Не знаю. Они, как ты могла бы сообразить, по врачам не бегают. К тому же, я брал в расчет только самые надежные источники. Сейчас провокаторов - как дерьма. Куда ни ступи, попадешь или на кесарскую охранку, или на имперскую разведку. Ну да это ты и сама знаешь. К тому же, Триссэ умер. Его жена, конечно, женщина хорошая, но она, бесы дери, ветеринар. Ты бы пошла с порфирией - к ветеринару?

О том, как в Рэде принято обходиться с "вампирами", Дэмонра знала. Нет, обнаружив у себя признаки порфирии, она не пошла бы к ветеринару. С таким диагнозом повеситься сразу было куда рациональнее.

- Все равно мало. Здесь всего сорок человек. В прошлый раз было двести.

- Радуйся. Может, мир стал лучше, - безмятежно улыбнулся Крэссэ.

- Может ты, Кассиан, работать стал хуже?

- Может ты, Дэмонра, забыла, что я не работаю ни на тебя, ни на твою богоданную кесарию? Это был жест доброй воли.

- Конечно-конечно, а куртизанки, в отличие от проституток, работают исключительно по любви! Мне напомнить, что твоя добрая воля неплохо финансируется? - процедила Дэмонра.

- А вот это уже твоя воля. Не могу судить, насколько добрая. Но я склоняюсь к мысли о национальных фанабериях, не позволяющих некоторым людям просто говорить "спасибо", - не остался в долгу Кассиан.

Дэмонра глубоко вздохнула. Большого смысла в перепалке с Наклзовым братцем не было. Это бы не изменило ровным счетом ничего.

- Хорошо. Ты получаешь деньги и финансируешь

восстание против моей страны, я получаю живой материал и финансирую экспансию против твоей. Мир чудо как хорош, и мы оба не лучше. Давай не будем ссориться. Я просто увидела несколько меньше, чем ожидала.

Кассиан закатил глаза:

- Прости, я как-то не горю желанием быть повешенным. И, как ни грустно это признавать, я не настолько патриотичен, чтобы хотеть увидеть на виселице тебя. И я устал тебе повторять, что не финансирую никаких восстаний, я еще планирую тут жить. Хоть с вами, хоть без вас. Что касается дела. Вероятно, заразилось человек двести. Я знаю точно только о сорока, поскольку они обращались за помощью к доверенным лицам. В конце концов, тебе придется запоминать сорок имен, а не двести. Ты радуйся.

Дэмонра смерила Кассиана мрачным взглядом. Она видела в ситуации очень мало поводов для радости.

- Сыворотка будет. На известных условиях.

- Насчет известных условий..., - Кассиан замялся. Дэмонра нисколько не сомневалась, что заминка была строго рассчитана. При всем его легкомысленном виде, это был вовсе не тот человек, который мог делать что-то на эмоциях. Иногда Дэмонру даже преследовало неприятное подозрение, что по градусу внутреннего холода этот обаятельный и улыбчивый мужчина может составить Наклзу достойную конкуренцию. - Там трое детей-сирот. Восемь лет и двое шестилеток. Девочки.

"Приплыли. И берег все тот же", - раздраженно подумала нордэна, глядя в честные, чуть грустные сине-серые глаза. Чем чаще она в них глядела, тем больше ей хотелось их выцарапать. Уж слишком изворотливой сволочью был их счастливый обладатель.

- Я не занимаюсь благотворительностью, Кассиан! Я разве неясно выразилась, когда сказала, что люди младше четырнадцати меня не интересуют?

Кассиан непроницаемо улыбался. В такие минуты он как никогда напоминал братца.

- Бесы дери, ты это нарочно делаешь!

- Ну что ты, - улыбка стала еще отстраненнее, - я, как и ты, не интересуюсь благотворительностью. Просто так вышло. Хочешь, я зашью их в мешок и утоплю в Ларне перед отправкой остальной партии? - невинно полюбопытствовал он, усевшись на подоконник и изучая желтые цветочки так внимательно, словно ничего важнее не было во всем белом свете.

Дэмонра подхватила вазочку и с большим удовольствием запустила ей о стену. Полетели осколки, цветы рассыпались по не слишком чистому полу. Кассиан и бровью не повел.

- И почему калладцам всегда надо что-то разнести для ясности мышления, - только и пожал плечами он.

- Кассиан, какой же ты ублюдок...

- Породистый, - нисколько не смутился Крессэ. - Больше в комнате бить нечего, если только ты не надумаешь драться со мной. Но я с бабами не дерусь, даже с такими боевыми, как ты. Итак?

- Какой процент пригоден к службе? - скорее для формы поинтересовалась Дэмонра. Ее позиция всегда была сильнее. И почему-то она всегда проигрывала. Видимо, семейство Крессэ было ее личным роком.

- Зависит от твоих моральных принципов. Большая часть - подростки. Но здоровы.

- Будут стоять на заводах три смены, - зло огрызнулась Дэмонра, прекрасно понимая, что крыть ей нечем. Условия сделки Кассиан соблюл. Разве что ту троицу отказаться принимать. - Ты, надеюсь, объяснишь им, во сколько мне обошлась шкура каждого из них и что я с этой шкурой сделаю при первом намеке на диверсию или леность? - прошипела нордэна, чтобы хоть как-то стереть с лица собеседника непроницаемую улыбку. В исполнении Наклза такая улыбка раздражала ее несколько меньше.

- Как всегда, - кивнул Кассиан. - Мне кажется, до сих пор с этим проблем не было.

- А фактор войны?

- Не отменяет того, что они хотят жить. В Рэде им жизни не дадут. Так что будь спокойна. Никакой агитации на заводах твоей семьи.

Дэмонра достала листок бумаги, записала номер счета и ключ. По счастью, славное семейство Веберов, через которое она вела дела последние лет десять, не было склонно задавать лишних вопросов. Потом протянула бумагу Кассиану. Тот не сделал попытки ее принять. Напротив, скрестил руки на груди и сухо заметил:

- Поправь меня, если я ошибаюсь. Экономическая целесообразность "Зимней розы" исчерпала себя уже давно. Если она вообще существовала.

Нордэна скривилась:

- А ты умеешь считать? Как давно?

- Дэм, это не смешно, - Кассиан, наконец, изволил перейти на человеческий тон. - Объясни, что происходит, я тебя прошу.

- Бери бумагу и выдай мне лошадь. Я тороплюсь.

- Все, видимо, очень просто, но я тебя не понимаю.

- Раньше отсутсвие понимания тебе не мешало.

- А отсутствие инстинкта самосохранения и, уж прости, мозгов не мешало тебе. Но раньше было раньше. Считай, я дозрел до момента, когда меня заинтересовали причины.

Дэмонра швырнула листок на кровать и фыркнула:

- А я - меценат! Третье поколенье ублюдков обычно занимается меценатством, ты не знал?! А теперь выдай мне бесову лошадь, пока я не угнала первую попавшуюся клячу, Касс!

Кассиан Крессэ только головой покачал:

- Лошадь я тебе дам. Только, Дэм, помяни мое слово, кончится твой крестовый поход к совершенству паршиво. И вот на это случай знай: у меня всегда лежит для тебя рэдская и эфэлская метрики - на выбор. А деньги свои на этот раз себе оставь. Мне для полного счастья хватает калладских эшелонов. Твоя метрика ждет тебя у Гвинет.

Нордэна непременно оценила бы широту этого жеста, если бы не знала, что Кассиан никогда и ничего не делает просто так. К гадалке не ходи, к документам прилагалась просьба чуть-чуть повоевать на стороне Рэды против Аэрдис. Ну совсем малость. А потом еще чуть-чуть. И так до логического конца.

- Тебя твои же романтики за это вздернут, - кисло улыбнулась Дэмонра. Вся ее ярость вышла, осталось утомление и желание как можно скорее попасть в привычные условия: в покачивающийся вагон, к людям в черной форме. В Каллад все выглядело не так, как в Рэде.

- И все же, - пожал плечами Кассиан. - Шпиков стало подозрительно много даже для Рэды.

- Коней на переправе не меняют, Касс. Я все сказала. Партию отправишь обычным маршрутом. Ту троицу - передашь Гвинет, она разберется. А мне уже более чем пора.

- Я провожу через поле, если не возражаешь, - мягко проговорил Кассиан. Дэмонра иллюзий не питала: ее мнения не спрашивали. Как и братец, Кассиан редко опускался до споров, но делал всегда только так, как того хотел сам.

- Что, ты все-таки решил угнать пару коров и свалить это дело на нас?

- Да нет, все проще. Из тебя вышла отвратительная рэдка. Должен же рядом ехать видный парень и отвлекать внимание от твоей явно фальшивой... косы.

5.

- Магрит, а что у тебя с лицом?

Вопрос Наклза поставил девушку в тупик. Мгновение назад она собиралась популярно объяснить ему, что чуть зуба не лишились - и вообще на женщин поднимают руку только хамы! - но удивление, написанное на лице мага, выглядело очень натурально. Магрит в свою очередь не менее потрясенно воззрилась на обидчика. Нет, обладатель таких изумительно честных, широко расставленных серых глаз врать не мог никак.

- Магрит, ты меня слышишь?

Слышать-то Магрит все слышала. Но вот понимала происходящее уже крайне смутно. Не более четверти часа назад Наклз не допускающим возражений тоном послал ее паковать вещи, перед этим хорошенько съездив по физиономии. Теперь маг мирно заваривал чай и безобидно любопытствовал, с чего это у нее синяк на половину морды.

- Да ты ж мне в зубы и дал.

Брови Наклза поползли вверх.

- В самом деле? Магрит, ты хорошо спала?

Магрит вспомнила пустую качалку, движущуюся саму по себе, и засомневалась.

- Н-не знаю. Но мы завтракали вместе?

- Разумеется. И не стоит делать вид, что ты забыла про пансион Скульден. Пожалуйста, не пытайся наставить себе синяков: это ничего не поменяет. Я займусь твоим устройством, как только получу метрику.

- Я не сама! - возмутилась такому гнусному предположению Магрит. Маг невозмутимо помешивал чай. Нет, он определенно не походил на человека с перекошенным лицом, мелькнувшего в дверном проеме. Скорее всего, ей померещилось. Призраков девушка видела еще в Рэде. Другое дело, что у призраков обычно не бывало тяжелых кулаков.

Пытаясь понять, на каком моменте заканчивается реальность и начинается бред, Магрит быстро перебрала в голове утренние события. Подъем. Завтрак. Попытка поливки Гниды. Визит подростка с запиской. Разговор, услышанный с лестницы. Дверь, темная комната, качалка, движущаяся сама собой. Наклз, удар в лицо. Ванная комната, кровь в раковине. Осознание, что вещей, которые надо собирать, у нее нет. Спуск в гостиную. Наклз с чаем. Магрит запустила руку в карман и испытала некоторое облегчение: записка там была. Хотя бы эта часть дня ей не приснилась.

- На, вот, держи. Приносили, пока ты был наверху.

Наклз хмуро посмотрел на кусок бумаги в ее руках.

- Я еще раз настоятельно прошу тебя не подходить к дверям. И меня не было наверху.

После этого Магрит только и оставалось поинтересоваться, а кто же тогда наверху был, но такой вопрос был чреват скандалом и в конец испорченными отношениями. А ссоры она с детства не любила.

- Я не буду больше подходить к дверям, - пообещала Магрит.

Когда Наклз пробежал записку глазами, его сумрачное лицо стало совсем уж недовольным. Маг отложил бумагу, взялся за чайник и мгновение спустя уронил его на пол, зашипев от боли.

- Зараза!

Магрит, по счастью, успела отпрыгнуть, так что вылившийся кипяток на нее не попал. Маг раздраженно тряс в воздухе правой рукой.

- Сильно обварился? - испугалась девушка. Она примерно представляла, что такое хороший ожог. В свое время Магрит довелось развозить листовки, и одним из наборщиков типографии был бывший заводской рабочий, не сумевший вовремя отскочить от сруи пара. Половина его лица выглядела так, словно ее залили воском. Зрелище запомнилось ей на всю жизнь. - Очень больно?

- Не очень, - Наклз быстро открыл кран и подставил пострадавшую руку под струю воды. Маг стоял к Магрит почти спиной и их разделяла лужа, так что девушка не видела, насколько сильно он обжегся. Но, судя по голосу, Наклзу было больно. - Но это весьма некстати. Боюсь, Магрит, тебе придется немного попрактиковаться в чистописании.

- В чистописании? Мне? - испугалась она.

- Именно. Я абсолютно уверен, что у тебя способности к языкам, - Наклз выразился очень вежливо. Но Магрит примерно представляла, где лежат корни этого умозаключения. Ей было до сих пор стыдно за свою арифметическую ошибку, заставившую ее назвать отцом человека, у которого явно никогда в жизни не было не то что семьи - даже кошки. - И не пытайся мне рассказывать, что ты не пишешь на морхэнн. Его преподавали в каждой первой школе еще в моем счастливом детстве, а с тех пор политика калладизации продвинулась значительно дальше.

Магрит ничего не оставалось, как скривиться: маг был хорошо осведомлен о положении дел своей бывшей родины. И печально сознаться:

- У меня по языкам тоже "крайне дурно" было.

- Ничего, я продиктую медленно и с запятыми, - пообещал

маг. - Бери бумагу, да, прямо эту, сделаем приписку. Итак. Мессир Зиглинд. Запятая. Со следующей сточки...

6.

Рейнгольд подозревал чью-то дурную шутку, но подоплека жуткой безграмотности письма вскрылась быстро: хозяин дома встретил его с перевязанной рукой. Наклз, наверняка, только диктовал, а записывал дворник, вот и выходило по пять ошибок на строчку. Законник, даже с его профессиональным умением разбирать самые ужасные каракули, одолел записку только с третьего раза. И взял в толк, что его вежливо зовут в гости.

- На вас напали? - встревожено осведомился он, едва хозяин закрыл дверь. Наклз тонко улыбнулся:

- Да, меня атаковал чайник с кипятком. Вероломно. Впрочем, я чрезвычайно рад, что вы все-таки не поверили своим глазам и пришли. Боюсь, я подхватил легкую простуду, так что не обессудьте, мне не хотелось усугублять ситуацию. На улице сыро и холодно одновременно. Каллад можно любить уже только за его великолепную погоду, вы не находите?

Рейнгольд несколько неуверенно улыбнулся в ответ. Он очень хорошо помнил, что в Красную ночь Наклз не шутил и даже не пытался изображать веселье, хотя поводов хватало. Вежливая полуулыбка, застывшая тогда на его лице, скорее говорила о хорошем воспитании, чем о добром расположении духа. И было странно, что маг старательно улыбался сейчас, когда дела шли не самым блестящим образом. Да и вообще в роли радушного хозяина он смотрелся более чем странно. Приход весны отмечали в доме Наклза только потому, что свой Дэмонра бы разгребала до следующей весны, а у прочих участников веселья имелись нервные соседи.

- Прошу прощения за беспокойство. Я хотел бы поговорить с вами об одном деле, если можно.

- Ну разумеется, - левой рукой Наклз сделал приглашающий жест в сторону гостиной. - Только вино вам придется налить себе самому: я не держу слуг.

Рейнгольд снял плащ и бегло огляделся. Чудовище с крылатыми детками, разбитое Дэмонрой в новогоднюю ночь, выкинули, но другого зеркала так и не поставили. Законник неожиданно сообразил, что в пределах видимости вообще нет ни зеркал, ни предметов с зеркальными поверхностями. Окна были занавешены, хотя на улице еще стоял день. Все это, вкупе с нарочитой веселостью Наклза, Рейнгольду очень не понравилось.

Исходя из профессионального опыта, он решил, что маг или чего-то боится, или что-то скрывает.

Рейнгольд честно разлил предложенное вино по бокалам, хотя догадывался, что Наклз пить не станет, да ему и самому не слишком хотелось. Однако политес обязывал.

- Итак, - Наклз повертел бокал в левой руке и поставил обратно на стол. - Что вы хотели обсудить?

- Зимнюю розу, - Рейнгольду было не по себе, сложно сказать из-за утренних событий или из-за атмосферы дома. Ему хотелось покончить с неприятным разговором как можно скорее.

Наклз усмехнулся. Уже более по-человечески:

- Ее многие со мной в последнее время хотят обсудить. В таком случае, я сожалею, что вы потеряли время. Дело в том, что я почти ничего об этом не знаю, - ровно сообщил он, глядя на бокал.

- Почти?

- Почти, - любезно согласился маг. - Я знаю, что туда втянута Дэмонра, во-первых, что там вертятся большие деньги, во-вторых, и что это гарантированно ничем хорошим не кончится по совокупности первых двух пунктов - в-третьих.

- И все? - Рейнгольд был более чем разочарован. До слов мага он пребывал в полной уверенности, что уж тому-то Дэмонра все рассказала. Конечно, оставалась вероятность, что Наклз врет, но ему не было особенного смысла этого делать. Рассказав Рейнгольду, маг не рисковал бы ничем.

- Гадаете, вру я или нет? Вообще врать плохо. Но в некоторых ситуациях - необходимо и, стало быть, хорошо. У революционеров и прочей человеческой сволочи это называется "диалектика". Но нет, сейчас я говорю чистую правду. Я сам пытался узнать, во что же ввязалась Дэмонра, и потерпел полный провал. Она не говорит. Как вы понимаете, в случае с ней это точно не "интересничает".

Рейнгольд вздохнул:

- Понимаю. У вас нет больше никаких предположений?

Наклз потер висок и устало прикрыл глаза.

- Ну, если мы пойдем в область предположений... Я почти уверен, что к выращиванию цветочков эта "зимняя роза" никакого отношения не имеет. Я, видите ли, имею счастье знать Дэмонру довольно давно. Она, сколько ее помню, называла черных котов Снежками, белых псов - Чернышами, а мухоловки Немексиддэ - нежными женскими именами. Я всегда списывал это на чисто нордэнский национальный юмор, на мой взгляд, излишне специфичный. Так вот, будьте уверены - вещь, которую она красиво назвала "зимней розой", максимально далека от всякой

поэзии.

Рейнгольд не имел счастья знать Дэмонру так долго, но по общим пунктам был согласен. Начать следовало с того, что мягкая, добрая и милая кличка "Рыжик" подходила предельно холодному и замкнутому Наклзу как корове седло. Его можно было с тем же успехом звать "Цветочком". Да и рыжим Наклз был очень относительно: у него были скорее темные волосы с рыжеватым отливом. Во всяком случае, рядом с оранжевой копной Дэмонры похвастаться ярким окрасом маг не мог.

- То есть она вам совсем ничего не говорила? А как же тогда, на вокзале? Я точно слышал, она просила вас поухаживать за ее цветами.

- Я тоже это слышал и удивился куда больше вас. Вы ведь бывали в ее доме. Где вы там видели цветы, кроме как на обоях? Дэмонра не любит цветы и их не выращивает. Кажется, Гребер как-то приволок ей мухоловку Немексиддэ, но она почти сумела убить даже это воистину неубиваемое растение. Я получил мухоловку в самом скорбном виде. Да еще и с тяжелой формой алкоголизма. Вы когда-нибудь видели растение, глушащее спирт? Вот и я пятый год диву даюсь.

Беззаботный тон мага, с которым он обсуждал судьбу некоей мухолвки, с каждой минутой нравился Рейнгольду все меньше. К тому же, ему начало казаться, что по коридору сверху кто-то ходит. Быть этого не могло, потому что маг жил один и, по собственным словам, не держал прислуги. Рейнгольд напряг слух. Тихий звук шагов никуда не исчез.

- Это ветер. Окна наверху открыты, там сейчас сквозняк. Я сам пару раз пугался, - беспечно пояснил маг, поднимая голову. - Почему вы пришли сегодня? А не вчера или, скажем, послезавтра?

- Потому что меня уже давно грозят убить, а вот попытались - только сегодня. Я думал, тут просто обычные угрозы, но сосулька, едва не упавшая мне на голову с вычищенной крыши, разбила эту иллюзию.

- Понятно, - кивнул Наклз. - Мне кажется, ваш статус позволяет вам нанять телохранителей.

- А на Дэмонру сосульки падать не будут?

- В Рэде они уже растаяли, я думаю. Но могу с вероятностью, приближающейся к восьмидесяти процентам, пообещать, что в этот раз она из Рэды вернется невредимой. Я такие вещи обычно проверяю сам.

Вот уж в чем, а в профессионализме Наклза Рейнгольд ни мгновения не сомневался. По слухам, этому магу благоволил сам канцлер Рэссэ. У старого греховодника был профессиональный

нюх на нужных людей. Подвел он его только однажды, когда по настоянию канцлера проверять рэдские фонари отправили молодого и перспективного полковника Рагнгерд, набедокурившую в столице. После кампании дама стала генералом, но вряд ли исполнилась благодарностью. Наверное, выживи ее старший сын, Рэссэ уже столкнулся бы с серьезными проблемами, но брата Дэмонры застрелили на глупейшей юнкерской дуэли еще в училище. Сама нордэна соблюдала вооруженный нейтралитет. То есть при возможности крыла канцлера по матери, но ни в какие альянсы с его врагами не вступала.

- Вероятность - восемьдесят процентов. А еще двадцать процентов? - все-таки уточнил Рейнгольд, хотя примерный ответ он представлял.

Серые глаза мага с совершенно неподвижными зрачками остановились где-то над плечом Рейнгольда. Наклз говорил сухо и спокойно, как будто читал лекцию:

- Ошибки, неучтенные факторы и прочая сопряженная метафизика. Люди с более гуманитарным образованием, чем у меня, обычно говорят, что мир бесконечен и непостижим. Вот эти двадцать процентов суть его непостижимость и бесконечность. Что касается покушения на вас. Я, если пожелаете, проверю, что там произошло, а пока порекомендую нанять охрану. Думаю, для родственника кесаря это большой проблемы не составит.

Вот здесь маг несколько заблуждался. В списке потенциальных наследников Рейнгольд шел двадцать вторым. А после женитьбы он точно оказался бы вне этого списка, принимая во внимание репутацию невесты, сомнительную даже по либеральным калладским меркам. Так или иначе, никто с двадцать вторым представителем славного семейства Зигмариненов не носился как с писаной торбой. Но рассказывать про это, разумеется, было бесполезно. В глубине души Рейнгольд прекрасно понимал, что младшее поколение кесарского семейства уже успело наломать достаточно дров. Вряд ли о его представителях стали бы думать лучше, даже если бы выяснилось, что Рейнгольд живет на жалование, принципиально не берет взяток, не знакомит обладателей тяжелых кошельков с нужными министрами и даже действительно жертвует десятую часть заработка на благотворительность, а не просто фотографируется для газет.

- В таком случае, я прошу вас поставить меня в известность, если вы что-то узнаете. Извините за беспокойство. Доброго дня.

Маг бросил быстрый взгляд куда-то чуть выше плеча

Рейнгольда. Не первый за встречу. Юристу сделалось окончательно не по себе. Он с трудом поборол желание обернуться, хотя прекрасно знал, что никого, кроме их двоих, внутри нет.

- Не беспокойтесь, я сделаю все возможное. Доброго дня, мессир, - несколько механически ответил маг. Потом все-таки перевел взгляд на гостя и улыбнулся.

Выйдя из дома и подставив лицо студеному ветру, Рейнгольд испытал немалое облегчение, как будто он покинул панихиду.

7.

Рэду можно было любить уже только за ее бесконечные поля. Дэмонра полной грудью вдохнула запах влажной земли, потрепала коня по шее, да и пустила его галопом, не сильно беспокоясь, что обдаст спутника грязью. Кассиан зашипел, как рассерженный кот, и легко нагнал ее.

- Шею свернешь! Здесь рытвины и ямы.

Дэмонре было уже море по колено. Нордэна гнала по полю, нисколько не отвлекаясь на недовольного попутчика. Из-под копыт летели комья земли и грязи. Кассиан с сердитым лицом держался рядом. Дэмонру его настроения беспокоили мало. Он, в конце концов, сам хотел проводить ее. В следующий раз будет думать лучше, если в этот раз шею не свернет. В Каллад по Кассиану никто скучать бы не стал. Даже родной брат. А может - в особенности родной брат. Дэмонра всегда старалась оказаться как можно дальше от внутренних дел этой странной семейки.

И еще, летя через ветер, солнечные лучи и запах просыпающейся от зимнего сна земли, нордэна как никогда понимала, почему на рэдди "поле" и "воля" прекрасно рифмовались. Был в этом какой-то глубокий смысл.

Правда, свою "волю" рэдцы потеряли в чистом поле лет триста назад. Ирония истории. А Кассиан все отказывался понять, что найти "волю" в том же самом поле не получится.

Солнце заливало поле ярким светом. Все дышало весной. И если калладская весна пахла дымом, то рэдская, несомненно, землей и водой.

- Если загонишь коня, своего не дам, так и знай!

- Может, мне шагом пойти? Как раз успею к следующей весне.

- Помяни мое слово, следующую весну мы с тобой будем встречать гражданами разных государств, - лихо улыбнулся Крессэ. - И в разных государствах. Если пообещаешь не брать пистолета, приглашу на пирожки с яблоками.

- Уж не ты ли их напечешь?

- Ну, раз ты замуж выходишь, чего бы и мне не жениться? Эх, ряды холостяков редеют. Никого не пощадила жизнь...

- Продаться за яблочные пироги значительно менее глупо, чем за мировую революцию. Давно пора.

- У тебя наблюдается достойное сожаления отсутствие романтики.

- А у тебя - избыток. Прямо-таки прискорбный.

Кассиан весело хмыкнул. Нет, избыток романтики ему явно не мешал.

Рэдское полюшко, как и все хорошее в жизни, закончилось куда быстрее, чем хотелось бы. Впереди показался перелесок, еще серый и безжизненный. Впрочем, рэдцам первых листочков оставалось ждать существенно меньше, чем калладцам. За перелеском проходила железная дорога. Дэмонре предстояло залезть в поезд на ближайшей станции. У Мильвы, крупного села, состав стоял четверть часа. Следовало торопиться. Она поглядела в сторону дороги, ища глазами столп паровозного дыма. Дыма в синем небе не было.

- Я же тебе сказал, проблемы с рельсами, - довольно пояснил Кассиан, проследив за взглядом спутницы. - Ты еще успеешь дойти до села и выпить молока. Но я бы не советовал. Маскировка безобразная.

- Уж куда мне до тебя. Двадцать пять лет подполья, двадцать - боевого стажа...

- Три заочных смертных приговора, - услужливо подсказал Кассиан. - Каждый играет в свои игрушки. Когда поезд подойдет, у платформы будет толпа - торговцы, девицы не сильно тяжелого поведения, просто обыватели. Смешаешься с ней.

- Что ж. Тогда прощай. Будут новости - напишешь Милинде. Сам понимаешь, я в ближайшее время буду максимально далека от всяких человеколюбивых начинаний.

Дэмонра спрыгнула с коня и погладила животное. Гнедой красавец недовольно фыркнул и отвернул морду. Он, определенно, тоже не любил интервентов.

Кассиан уже поворотил коня, но вдруг обернулся и спешился.

- Да, еще одно, - Крэссэ снова замялся. Дэмонра приготовилась к очередной приятной новости, но тут Кассиан ее удивил. Кажется, тот на самом деле смутился. - Как он? -

глуховато поинтересовался Кассиан, глядя мимо.

Дэмонра не стала уточнять, о ком ее спрашивали. Скорее она удивилась факту вопроса. Наклз, если ей вдруг доводилось при нем упоминать Кассиана, несколько менялся в лице, но, в целом, делал вид, что знать о таком не знает.

- Жив, - холодно отозвалась нордэна. Она не представляла, что к этому можно прибавить.

- А можно чуть более развернуто? Я знаю, что он еще не умер. Он в Каллад, конечно, сделал недостаточно, чтобы день его похорон здесь стал государственным праздником, но я все равно вряд ли пропущу такое событие.

- Мне тебе сказать, что он жив, здоров и счастлив? Я не знаю, Касс, - Дэмонра поджала губы. - Последние два пункта он со мной не обсуждает.

- Но хоть что-то ты сказать наверняка можешь?

- Могу. Он утверждает, что у него ничего не болит. То есть врет. И вообще, как только у кого-то хватает ума спросить его о здоровье, он тут же вспоминает, какая погода стоит на улице или какие выставки проходят на этой неделе. Воспитание не пропьешь, как поговаривает мой денщик. Это все, что ты хотел знать?

Кассиан поморщился:

- Вот ты мне не поверишь, а он и в детстве таким был. Ни слова не вытянешь. То сутками молчит, то рассказывает, что давеча встретил соседа, который опочил в мире лет пять назад. Мать, бедная, с его россказней чуть умом не тронулась.

- И продала его на мясо имперцам, - подсказала Дэмонра. - Я заочно люблю эту женщину.

- Ей следовало дождаться, пока стог, в котором он спрячется, истыкают вилами? - вскинулся Кассиан. - Думаю, милые нравы белокрылых для тебя особенной тайны не представляют. Ее бы вздернули за укрывательство, хорошенько позабавившись напоследок.

- Ах, прости. Я уже прониклась глубоким уважением к этой разумной женщине.

Лицо Кассиана стало холодным и злым:

- Ты вряд ли помнишь время, предшествовавшее третьему разделу Рэды. Ты тогда еще лежала в кружевных пеленочках и радостно гукала при виде сахарной куколки. Кстати спроси как-нибудь шутки ради у Койанисса, когда он впервые узнал, что в мире есть конфеты. Ответ тебя удивит.

Ответ на этот вопрос Дэмонра знала. И он ее скорее огорчал, чем удивлял. Учитывая, в какое время и в каком месте маг имел несчастье появиться на свет, все было вполне ожидаемо.

- Пытаешь давить на жалость? Очень зря, Касс. Хочешь, шутки ради скажу тебе, когда я впервые узнала, что в мире есть бомбы?

Кассиан отрицательно мотнул головой и примирительно сообщил:

- Так или иначе, она в одиночку пыталась прокормить четверых детей, один из которых регулярно рассказывал ей страшилки. А аэрдисовцы в тренировочных лагерях потенциальных магов голодом не морят. Она решила правильно. Ему бы рэдцы все равно житья не дали.

- Давай уточним: голодом не морят тех, кто выживает. То есть процентов десять рекрутов, если разведка не врет.

- Стоило рискнуть.

- О да. Чужие жертвы примерно так всегда и воспринимаются. Той дуре с древним револьвером тоже стоило рискнуть?

Кассиан отчетливо скривился:

- Ее зовут Маргери. Рад, что девочка добралась.

- Не сомневаюсь.

- Как ты понимаешь...

- ... она не убивать его во имя революции поехала, - продолжила нордэна. Не требовалось выдающихся способностей, чтобы сообразить такую нехитрую вещь. - Я так и подумала, что это чудо отправил ты. Само бы оно не доехало.

- Зря ты так, - вступился за девушку Кассиан. - Маргери, конечно, звезд с неба не хватает, но прилежания ей не занимать.

- Ты говоришь, как учитель младших классов о бездарном ученике.

- Как все прошло?

- О, думаю, все было очень мило и невинно. Когда я пришла, это чудовище уже сопело в его подушку с самым блаженным видом. Наклз, знаешь ли, гуманен, особенно для профессионального мага. Бездомных животных в мороз на улицу не выгоняет.

- Она ему пригодится. Судя по тому, что она рассказывает, девчонка видит Мглу. По крайней мере, страшилки в ее исполнении здорово напомнили мне братца.

- Я рада, что ты додумался послать ему сиделку, а не проститутку. Только, боюсь, если он узнает, ей несдобровать.

- Он не узнает. Вернее, не подумает. Я не удивлюсь, если он не помнит, как меня зовут. С их галлюциногенами и не такое забудешь. К тому же, девочка искренне считала, что едет его убивать. Это было совершенно безопасно. И, кстати, Маргери понимает в медицине.

- Да неужели? - делано изумилась нордэна. - Она ветеринар?

- Она, Дэмонра, жертва ваших же цензовых законов. Рэдцам ведь нельзя учиться по продвинутому курсу! - Кассиан еще долго мог тянуть волынку о промашках калладской юстиции и несправедливости мироздания к рэдцам в целом, но это никак не входило в список любимых тем Дэмонры. Она скучным голосом заметила:

- Напомню, Касс, рэдцам, которые "звезд с неба не хватают", нельзя учиться по продвинутому курсу. Талантливым ценз не мешает.

- А калладцам?

- А на хрена нам к своим бездарным неучам ваших прибавлять? Кто-то должен и картошку чистить.

- Будь ты рэдкой, ты бы рассуждала так же? - невинно полюбопытствовал Кассиан.

- Будь я рэдкой, я бы прыгнула с бомбой на какого-нибудь несчастного еще лет пятнадцать назад, - огрызнулась Дэмонра. - По счастью, я калладка.

Кассиан вздернул нос и ничего не ответил. Когда упоминались бомбы, он вообще старался не вступать в дальнейшую полемику. Большая часть уважения Дэмонры к этому человеку строилась на том, что он не просто не участвовал в терактах на калладской территории, а еще и орлам своим молодым не давал. За что был неоднократно обруган "демагогом" и "мямлей" среди более радикально настроенных подпольщиков.

- Ладно, цензовые законы - это плохо. Как и многие другие законы. Но куча плохих законов лучше одной хорошей анархии. Извини, Касс, мне и впрямь пора. Спасибо тебе.

Крессэ ухмыльнулся и лихо вскочил на коня. Замер несколько картинно.

- Последний вопрос. Из чистого любопытства.

- Валяй.

- Адвоката своего любишь?

- Как сто тысяч сестер любить не смогли бы, - блеснула Дэмонра знаниями родной классики. Очень скромными и носящими остаточный характер.

- То есть все-таки меньше, чем одна любовница, - сделал свои выводы из сказанного Кассиан. - Я так и предполагал. Бедный парень.

"Значительно больше, чем тебя. Но все же несколько меньше, чем твоего брата", - не без иронии подумала нордэна, отворачиваясь. Судя по короткому, злому ржанию Крессэ дал коню шпоры.

Дэмонра, намурлыкивая "Полюшко-поле", направилась к перелеску. До места она почти добралась. Оставалось сесть на поезд. И уповать на умение Маэрлинга много и красноречиво врать, если вдруг придется. Хотя человек с пятком только официальных любовниц, по идее, должен был это уметь на профессиональном уровне.

8.

Распрощавшись с кесаревым родичем, у которого имелись все шансы в ближайшее время лишиться своего полезного статуса, Наклз стал собираться в академию. По четвергам он читал лекции во второй половине дня, начиная с четырех, но еще следовало поглядеть на скопившиеся за неделю работы. Основанием для пропуска занятия могла стать только справка, а вот уж ходить за справками среди вероятностников было ну очень, очень плохой профессиональной приметой. Как и жаловаться на нервы и выходящих из зеркал мертвецов. К тому же, в глубине души Наклз любил свою нынешнюю работу. Во всяком случае, лучше у него никогда не было: учить студентов быстро считать и думать было куда приятнее, чем бродить по серому миру, строя будущее, которое власть имущим отчего-то казалось оптимальным. Никаких финансовых рычагов воздействия на Наклза давно не существовало. Тем не менее, три раза в неделю он, независимо от погоды и самочувствия, отправлялся вбивать в пустые и не очень головы продвинутый курс теории вероятностей.

Без зеркала в прихожей было неудобно, но мага до сих пор передергивало при воспоминании об отражении в стеклах книжного шкафа. Выбирая между сохранением остатков душевного равновесия и комфортом, он решил поступиться последним. В конце концов, заскочить побриться можно было и к куаферу - заодно и о дрожащих руках можно было не волноваться. А уж шарф маг и без зеркала мог намотать. На этой умиротворяющей мысли Наклз кое-как привел в порядок волосы, влез в теплую одежду и занялся пуговицами плаща, не в первый раз мысленно проклиная калладскую моду. Обилие пуговиц, шнуровок, крючков и кучи других, на его взгляд совершенно лишних, приспособлений тут считалось нормой. В Рэде люди в основном довольствовались завязками и нисколько от этого не страдали. А вот в Каллад мундиры с кучей пуговиц не носили

разве что проститутки, и то, надо думать, потому, что снимать было неудобно. Наклза такая необъяснимая приверженность самых широких слоев общества к военному стилю всегда неприятно удивляла и ставила в тупик. Пора бы уже людям и наиграться в солдатики, за пять сотен лет-то.

- Ой, а что у тебя на шее? - Магрит подошла сзади неслышно, как кошка. Наклз едва не подскочил. Он все-таки привык жить один, и внезапные появления Магрит его нервировали. Умение девушки ходить почти бесшумно - до момента, когда она внезапно сшибала какой-нибудь предмет обстановки - уже стоило Наклзу двух разбитых кружек и, вероятно, пары лет жизни.

- Шарф, - механически сообщил он, подумывая, не уговорить ли инсургентку на звенящий при ходьбе браслет. В наличии у Магрит какого бы то ни было вкуса маг испытывал большие сомнения, так что стоило попробовать.

- Да нет, под ухом.

Наклз коснулся шеи и тут же понял, что так живо заинтересовало Магрит. Желание сказать Эйрани что-нибудь ласковое и задушевное вспыхнуло с новой силой.

- Тебя душили? Там синяк.

- Территорию метили, - сквозь зубы сообщил злой, как бес, Наклз. Магрит, судя по недоумевающему лицу, не расслышала или не поняла. Маг, разумеется, и не думал вдаваться в объяснения. Приключение с Карвэн вообще было темой, которую он предпочел бы не обсуждать. Вся эта история очень скверно выглядела. - Я за метрикой, потом на занятия. Вернусь к десяти вечера. Не открывай, кто бы ни стучал. У меня есть ключи, - бросил он, замотался в шарф по самые уши и вышел за дверь. Магрит пыталась рассказать какую-то чушь про качалку в спальне, но Наклз в сказки не верил, тем более, по утрам.

Дурное настроение мага несколько улучшилось, когда в его руках приятно хрустнула калладская метрика на имя гражданки первого класса Магрит Тальвер. Тоненькая книжечка со скверной фотографией стоила больше, чем рабочий завода получил бы за полгода, но она определенно окупала средства, в нее вложенные. Наклз придирчиво изучил документ и остался им совершенно доволен: эта вещица могла бы выдержать даже проверку в Третьем отделении, хотя и не слишком тщательную. Но никому бы не пришло в голову тщательно проверять Магрит. "Племянницами" состоятельных господ компетентные органы интересовались крайне редко.

Расплатившись и выдавив из себя двусмысленную улыбочку в ответ на еще более двусмысленные поздравления,

Наклз направился в Академию. Толпы у центрального входа уже давно никого не удивляли, но сегодня что-то было не так. Маг, не питавший ни малейшей любви к большим скоплениям народу, стал аккуратно обходить толчею. Толпа курила, покрякивала и выплевывала довольно грязные выражения политического толку. Лет двадцать назад за такое можно было получить тюремный срок, лет десять назад - просто в зубы от первого проходящего офицера. Теперь это называлось "либеральными идеями". Юные либералы и либералки, похрустывая засахаренным миндалем и дымя тонкими сигаретками, возмущались поведением мракобесов, пославших в братскую Рэду солдат, и еще более - безнравственными мракобесами, которые туда поехали.

Наклз, пробираясь к входу, ощутил некоторую брезгливость, не столько физическую, сколько какую-то еще. Эти люди, в массе своей не способные не то что на жизнь заработать, а даже диплом самостоятельно написать, говорили о "благе народов" с такой уверенностью, будто излагали азбучные истины. Собственную жизнь не могли устроить, а уже смело выводили формулу народного счастья. Огненными литерами. И громко ставили окружающих в известность о своих достижениях.

В прошлом веке таких еще разогнали бы нагайками. Но Эдельстерн, которого собравшиеся молодчики, к гадалке не ходи, считали "кровавым тираном", предпочитал не прибегать к крайним мерам. Дэмонра в сердцах не раз говорила, что зря. И, как Наклзу ни претил ее махровый монархический патриотизм - или патриотичный монархизм, там бы сами бесы не разобрали - в этом он был с ней согласен.

- Ставка проворовалась! Вот они грабить и едут! - взвизгнула какая-то девица из толпы, которая имела к Ставке еще меньшее отношение, чем Наклз, если такое только было возможно.

Маг слабо представлял, каким образом можно поправить финансы в Рэде. Разве что сидра набрать впрок. Но радостно голосящих либералов такие тонкости не волновали.

- Наказать захватчиков!

- Агрессорам - позор!

- А, может, занятия отменят? - робко вопросил басок. Басок, видимо, был одним из немногих, кто понимал реальные задачи митингующих.

- А, может, и каникулы дадут? Ну, пока будем вести ...

- ... диалог с властью!

"А, может, вам еще денег дадут за сегодняшнее представление, детки? Нацепили фиолетовые банты", - раздраженно подумал маг. В глазах рябило от тряпок

традиционного "мирного" цвета. Наклз аккуратно подвинул молодого человека, вещавшего точно посреди прохода, брезгливо смахнул с плаща неосязаемую грязь, оставшуюся после этого действия, и все же попал в вестибюль. Там царила та же толкотня и свобода мысли, но уже не курили и орешки не грызли.

Мысли и чаянья остались прежними. Диалог с властью, немедленный вывод войск из братской Рэды и отмена занятий. Желательно, на месяцок. Нет, стипендии все равно следовало выплатить. Группка девиц жизнерадостно обсуждала, куда можно поехать из столицы весной.

Принимая во внимание особенности характера ректора, орущие детки стояли в шаге от каникул, правда, бессрочных и неоплачиваемых.

Маг пробрался к гардеробу, старательно огибая фиолетовые кучки, сдал плащ и направился на кафедру. От шума у него уже начинала гудеть голова.

Агнесса, молоденькая лаборантка, выглядела испуганной. Русые кудельки печально поникли вокруг бледного лица, а здоровенная папка едва не плясала в дрожащих руках. Помимо лаборантки, на кафедре не было ни души.

- Агнесса, с вами все в порядке? - учтиво осведомился Наклз. Наличием глубокого ума барышня не отличалась, но работу свою выполняла толково. А еще она заваривала великолепный чай по первой просьбе и даже без нее. Чем купила его расположение еще пару лет назад.

Лаборантка дернула щекой:

- Все... все в порядке. Я просто... Создатель, да что же это такое творится? - не выдержав, быстро проговорила она. - Там... на входе. Чего они хотят?

- Каникул, - успокаивающе улыбнулся Наклз. - Каникул и отмены сессии. Выданных за красивые глаза дипломов. Стипендий троечникам, неучам и неудачникам. Ничего такого, чем мы с вами могли бы им помочь, даже если бы хотели, госпожа Агнесса.

Агнесса быстро оглядела кафедру, словно надеялась убедиться, что там точно больше никого нет, и тихо сообщила:

- Меня... грубо обозвали. И сказали, что я... ну... поддерживаю экспансию. Мол, будь у меня совесть, я бы тоже повязала этот бант.

- По счастью, у вас есть вкус и вы его не повязали. Давно тут такое творится?

- Второй день. Вчера срывали занятия. На нашей кафедре еще ничего, но на других, говорят, совсем плохо. Только математики да медики с некромедиками как учились, так и

учатся. Химики, вроде, тоже. Правовой факультет на ушах стоит.

- Странно, что правовой факультет еще не распущен. Что ректор говорит?

- Ничего, - Агнесса снова настороженно огляделась и почти беззвучно сообщила. - Инсульт. Но говорят... , - слово "отравили" так и не было сказано, но повисло в воздухе, как липкая паутина. Наклз дернул щекой:

- Не думаю. - Скорее всего, этот "инсульт" родился где-нибудь на закрытом заседании сената. Ректор был человек старой закалки, мог и жандармов вызвать. Наверное, его "попросили" временно поболеть, чтобы решить проблему более деликатными методами. - Так или иначе, это не первый всплеск сомнительного патриотизма. Через пару дней все уляжется.

- Я ... я очень боюсь, мессир Наклз. Я же вечером ухожу, уже темно, и...

"Ублюдки малолетние, - совершенно спокойно подумал маг, глядя на перепуганную лаборантку. - Запугать девочку, пожалуй, проще будет, чем кесаря. Бесовы спасители Рэды, защитники свободы, мать их. И калладцы хороши: носились со своими гуманистическими идеалами, вот и вырастили ... гуманистов".

- Где живете?

- В Литейном квартале.

- Агнесса, соберитесь и успокойтесь. Дождетесь меня после лекций, через пустырь я вас провожу, - в блекло-голубых испуганных глазах загорелась радость. Выслушивать благодарности у Наклза не было ни малейшего желания, так что он быстро извлек бумаги из своей полки и кивнул Агнессе:

- А теперь извините меня, мне пора.

- Осторожнее. Вчера эти, фиолетовые, они и по чужим лекциям шатались, - пробормотала она вслед.

Наклза прожекты орущих деток волновали мало. Во-первых, у него имелся план лекций, от которого не следовало отклонятся, чтобы не менять билеты перед зачетами и экзаменами. Во-вторых, в кармане мага лежал универсальный шестизарядный аргумент, понятный даже самым отъявленным неучам. В-третьих, либеральная молодежь, в лучшем случае, умела говорить, а лучший случай наступал не так уж часто. Всего остального борцы за гражданские права и свободы делать гарантированно не умели.

В коридорах царило вполне понятное возбуждение. Пройдясь до лекционного зала, Наклз, наконец, окончательно взял в толк мечты и чаянья людей с фиолетовыми бантами.

Либеральное студенчество, скверно понимающее в вопросах экономики - как, впрочем, и в любых других вопросах, не носящих сугубо отвлеченный характер - очень возмущалось отвратительному нападению на Рэду. Гуманитарные факультеты бурлили и фонтанировали идеями: от студенческой забастовки в знак солидарности с угнетенными рэдцами до марша к кесарскому дворцу с требованием немедленно прекратить военные действия во имя гражданских прав и свобод. Наклз примерно представлял, в какой форме означенные детишки получат "права и свободы" от отрядов жандармов, и нисколько им не сочувствовал. Маг вообще с большим презрением относился к народным сходкам и не любил массовой истерии. Всем разумным людям было понятно, что из-за визгов пары сотен экзальтированных недоучек никто эшелоны назад не повернет.

Правда количество "мирных" фиолетовых ленточек и бантиков, которые нацепили на себя студенты, Наклза неприятно поразило. В его понимании, политикой стоило заниматься лет после сорока, а выстраивать идеальную модель общества - и того позже. Перед этим стоило пожить, набраться опыта, заиметь хоть какой-то здравый смысл и просто выбросить из головы молодую дурь. Сам маг политикой интересовался мало. В юности ему было не до того, а общественное устройство Каллад было делом калладцев. Наклз был лояльно благодарен этому ледяному аду за внушительную пенсию, но никакой тяги к решению социальных задач не ощущал. Имейся хоть малейшая возможность уговорить Дэмонру бросить ее черно-белые идеалы, маг давным-давно бы собрал вещи и удрал куда-нибудь в Виарэ, спокойно стариться у моря.

От количества калладских либералов-идеалистов пестрило в глазах. По сути дела, это было первое поколение, выросшее в условиях, когда угроза вторжения Аэрдис стала всего лишь страшной сказочкой. И вот упомянутое поколение отчего-то решило с младых ногтей заняться политикой и спасением бездомных котят. Вероятно потому, что насущные задачи в духе "где бы раздобыть еду?" и "как бы не попасть на фронт?" перед этими болтунами никогда не стояли. Наклз, стараясь не обращать внимания на докучливые фиолетовые тряпки, пробирался к нужному залу. При приближении к лабораторным корпусам и вотчине специалистов по техническим дисциплинам картина существенно менялась в лучшую сторону. Ореол революционной романтики тускнел. На десять химиков фиолетовыми лентами на рукавах и шеях могли похвастаться разве что трое. Некромедики вообще делали вид, что ничего не происходит, и были одеты точно так же, как всегда. Кафедру некромедицины спонсировала

Дэм-Вельда. Там модные слова "демократия", "революция" и "республика" считались чем-то вроде ругательств. Так что будущим спасителям магов было не с руки рядиться в фиолетовое. На кафедре математических методов вообще учиться было сложно и долго, отчего двоечников и революционеров там не водилось. Лаборантка беспокоилась совершенно зря. Среди "фиолетовых бантиков" Наклз не видел ни одного знакомого лица.

В аудитории мага ждал большой сюрприз, а именно - полный аншлаг.

В глубине души Наклз сознавал, насколько скучно и сложно звучит расширенная теория вероятностей для людей, никогда в жизни не видевших Мглы и представлявших принцип работы с ней только по рассказам. Поэтому нисколько не протестовал, чтобы студенты, не собиравшиеся в дальнейшем специализироваться на вероятностных манипуляциях, лекции пропускали и приходили сразу на зачет. По глубокому убеждению Наклза, арифметику, азы тригонометрии и логарифмы должны были знать все. А дальше он уже готов был делать скидку на склад ума, пол, возраст и просто старание студента. Только потенциальных магов на зачетах допрашивал безо всякого снисхождения, прекрасно понимая, что Мгла скидок на склад ума, пол, возраст, старание, а также на влиятельных родственников, делать не станет.

Наклз обвел взглядом непривычно многолюдные ряды. Во-первых, свободных мест почти что не было. Во-вторых, его студенты сгрудились слева, в передних рядах. И выглядели мрачно. Центр занимало то, что люди старой закалки именовали "смешанным обществом". Смешанное общество зевало, пожевывало конфеты и невнятно гудело. Правый ряд и галерка раздражали обилием фиолетового цвета. Наклз глазам не поверил: своим милостивым вниманием его лекцию решили почтить студенты то ли юридического, то ли и вовсе философского факультета. Не меняясь в лице, маг спокойно прошествовал за кафедру, положил листки и улыбнулся в пространство над головами первых рядов:

- Добрый день, дамы и господа, - на лекциях Наклз всегда старался говорить негромко и проникновенно. Таким образом происходил процесс естественного отделения агнцев от козлищ: те, кому предмет был интересен, внимательно слушали, а все остальные тихо засыпали и не раздражали лектора пустыми коровьими глазами. - Мне чрезвычайно лестно, что вы заинтересовались общим курсом вероятностных манипуляций. Такие аншлаги большинству моих коллег доводилось наблюдать

только в конце мая. Премного польщен. Итак, мы сразу приступим к теме шесть "Специфика минимизации второй наиболее вероятной возможности" или у кого-то есть животрепещущие вопросы?

В принципе, посещение лекций в Академии было свободным. Выгнать лишних людей Наклз, конечно, мог, но для этого ему пришлось бы пойти к проректору по работе с учащимися и потерять если не свой престиж крайне независимого преподавателя, то уж точно некоторое количество времени. Проще было выяснить, чего щенки хотят, и вежливо отправить их за искомым.

Справа поднялся высокий субъект с огромным фиолетовым бантом на шее. В принципе, молодой человек и так отчасти напоминал пуделя, а потому, на взгляд Наклза, ему стоило консервативнее подходить к выбору украшений. Ассоциативное мышление у мага работало не слишком хорошо, но даже ему в голову пришла мысль о собачьих выставках.

- Мы знаем, магики могут предсказывать будущее, - на всю аудиторию гаркнул он. Скорее всего, юноша считал, что вид имеет бодрый и воинственный.

"Магики" и "предсказатели будущего", сидящие слева, заскрипели зубами.

- "Мы" - это Его Величество кесарь Эдельстерн Зигмаринен, - невозмутимо отозвался Наклз. - И то только в самых важных документах. Магиков, молодой человек, не существует, это такие фольклорные персонажи в колпаках со звездами и волшебными палочками. И предсказанием будущего занимаются особого рода специалисты, использующие кофейную гущу или куриные потроха. Их адреса вы можете посмотреть в любой газете на последней странице. Я по-прежнему не понимаю, чего вы хотите.

Скверное начало социально активного молодого человека, конечно, не смутило. Тот возвысил голос:

- Приспешники сатрапов... - молодой человек вещал почти минуту, однако четкость дикции была принесена в жертву эмоциональному накалу речи, поэтому сути Наклз не разобрал. Но он и не особенно старался: в конце концов, щенок не был виноват, что магу не нравится его слушать. Не стоило давать ему наговорить на три повешения только по этой причине.

- Юноша, институт сатрапии свойственен восточному типу деспотии, - поскольку первые два слова Наклз разобрал четко, то и прицепиться следовало к ним. Это было бы куда удобнее, чем обсуждать проворовавшихся чиновников или что там еще молодой человек с него спрашивал. - Вы находитесь на

географическом севере. Не путайте понятия, за такое можно и в тюрьму случайно попасть. Чего вы хотите? У меня техническое образование. Сделайте на это скидку и выражайтесь конкретнее.

- Мы хотим знать правду, - расстаться с "мы" юноша не мог никак. - Про нападение на братскую Рэду.

Как коренной рэдец, Наклз мог бы ответить, кто, по его мнению, является фиолетовому пуделько братом, но в зале все-таки присутствовало некоторое количество девушек. В глубине души маг пожелал оратору однажды встретить рэдских товарищей и всесторонне оценить тот аналог братской любви, который он от них получит.

- Тогда газеты читать не советую, - пожал плечами маг. А что еще он мог сказать?

- Как вы оцениваете рэдскую кампанию? - это уже поинтересовалась девица чрезвычайно томного вида. Наклз был готов поспорить, что она - кокаинистка, во-первых, и будущий светский обозреватель - во-вторых.

- Знаете, оценкой рэдской кампании будет заниматься военное ведомство. Или министерство финансов, если вы про денежную сторону вопроса говорите.

- Мы имеем в виду вероятность, - не отстал от девицы "пуделек".

- Вероятность чего?

- Того, что Рэда отобьется.

- О, она лежит где-то в интервале от нуля до единицы включительно, - левые ряды фыркнули. - Ближе к двойке, - не удержавшись, добавил Наклз. Пуделя и это не смутило.

- А конкретнее?

- А конкретнее, молодой человек, шансы Рэды успешно оказать сопротивление все-таки незначительно отклоняются от нуля. Чего не сказать о ваших личных шансах закончить данное учебное заведение.

- Это угроза? - вскинулся пуделек.

- Это пророчество, - улыбнулся Наклз. - Потом можете проверить у соответствующих специалистов. Еще вопросы?

Зал тихонько гудел и до этого, но теперь шум нарастал. Правое и левое крыло, вероятно, сцепились бы уже давно, но дело спасали центральные ряды. Товарищи пуделька крыли разными словами какую-то нордэну, которая, в свою очередь, громко обещала продырявить им головы на любом пустыре по их выбору и из любых пистолетов. Ее подружка добавляла, что с вероятностью, приближающейся к двойке, мозга они в ходе операции не обнаружат. Сидящие в центре барышни с факультета языкознания вежливо предлагали всем успокоиться и найти

конструктивное решение проблемы. Красивое и комплексное, учитывающее общие интересы. Барышням в ответ предлагали куда более разнообразные вещи.

В целом, к студентам Наклз относился хорошо. Но недостаточно хорошо, чтобы слушать гвалт. Маг вообще не любил шум: ему во Мгле звуковых эффектов хватало. Он нашел в кармане связку ключей и от души грохнул ей о кафедру. За громким металлическим звоном, как маг и ожидал, последовало несколько мгновений тишины.

- Значит так, молодые люди, - Наклз говорил спокойно, ровно и даже отчасти любезно. - Ваши мечты и чаянья благородны, что похвально. Ваши методы достойны... ума тех, кто вам их посоветовал. Срывая лекции, страдающим рэдским братьям вы ничем не поможете. На месте молодых людей, я бы также был очень аккуратен, вешая на шею банты. Нет, проблема не в том, что прислужники сатрапов, о которых я также рекомендовал бы почитать на досуге, вместо этих бантов наденут вам на шеи петли. Просто уж очень все это напоминает представление с цирковыми собачками. За лекции по этикету платят не мне, и отбирать хлеб у коллег я не намерен. Так что более ничем не могу помочь. Представление закончилось, собачки и зрители свободны. Покиньте аудиторию. Если вы это сделаете тихо и уложитесь в пять минут, я решу, что фотографическая память на лица мне отказала и вы, возможно, сумеете-таки доползти до дипломов. А теперь все лишние люди - вон отсюда, - холодно предложил Наклз, глядя прямо на пуделька.

Дуэль взглядов длилась недолго. Пуделек громко фыркнул и потрусил вон из помещения, всем своим видом демонстрируя гордое презрение к палачам и извергам, врагам свободы. И одной конкретной профессорствующей сволочи. За пуделько потянулась остальная фиолетовая свора. Центристы из филологов, несколько пристыженные, уходили тише и дверь за собою придерживали. Совсем уж пристыженные химики даже извинились. Исход либеральной интеллигенции благополучно завершился. Наклз поглядел на часы и остался недоволен: социально активные особи отняли у него почти треть лекции.

Когда последний лишний человек покинул аудиторию, Наклз, во избежание дальнейшего знакомства с юными романтиками, запер дверь изнутри и вернулся за кафедру. Маг ощущал спокойную, холодную ярость. Он даже не знал, что разозлило его сильнее: недоучки, узурпировавшие право судить всех и вся, или бесхребетные идиоты в ректорате, так и не догадавшиеся дать означенным недоучкам отпор. Как ни странно,

в итоге маг пришел к выводу, что сильнее всего его взбесили девочки-филологи, без малейшей задней мысли пришедшие послушать "умные речи". Скорее всего, часть этих дур даже жила в том же Литейном квартале, что и запуганная светочами либеральной интеллигенции лаборантка.

"Безмозглые. Ленивые. Невежественные. В конце концов, неопрятные. Громкие. Пустые. Не способные критически мыслить. Вот это - авангард будущей революции и республики? Кесарь может спать спокойно, держава в полной безопасности".

Оставшиеся в аудитории студенты выглядели весьма мрачно.

- Ну и давно к вам такие образованные соседи повадились ходить? - поинтересовался Наклз, медленно перекладывая бумаги. Маг никогда не читал лекции с листа, ему просто хотелось выгадать немного времени, чтобы успокоиться.

- Второй день, мессир.

- Еще раз придут, можете им передать мое предсказание, как магика. Не существует такой дисциплины, как, простите меня, дамы, "либеральный треп". А с зачетами по всем прочим возникнут серьезные проблемы.

- Простите, мессир, а правда... что-то будет? - спросили ряда с третьего. Так тихо, словно спрашивающий сам не знал, хочет ли быть услышанным. Наклз поглядел в зал.

- Не думаю. Уверен, многие разделяют идеи господ, нас только что покинувших, в отношении Рэды, конституций и тому подобных вещей. К сожалению, идеи хороши или плохи ровно в той степени, в которой хороши или плохи их носители. Носителей вы видели. Вывод сделайте сами. А вообще, постарайтесь взять в толк следующее: революция не является функцией перераспределения свобод в обществе. Она перераспределяет скорее капиталы. Горланящим господам стоило бы задуматься, в чью пользу произойдет перераспределение, если сейчас рабочие на заводах за тяжелый физический труд получают меньше, чем студенты-хорошисты в виде стипендий. А теперь предлагаю все же перейти к лекции. Итак. Кто помнит, как определяется вторая максимально возможная вероятность?

9.

Короткая дорога к Литейному кварталу действительно пролегала через пустырь, продуваемый всеми ветрами. Весна в

Каллад была достойна ненависти и без таких прогулок. Наклз хотел взять коляску, но Агнесса заупрямилась, насколько можно было применить это определение в адрес человека, который смотрел в землю, говорил почти неслышно и отчаянно краснел. Маг так и не взял в толк, какие силы ада сорвались бы с цепей, если бы они поехали, а не пошли пешком, но сдался довольно быстро. В конце концов, Агнесса была живой человек, у нее имелись свои представления о том, что такое репутация и как ее беречь. Если уехать с приват-доцентом на коляске было стыдом и позором, а пойти пешком с ним же - нормальной ситуацией, то Наклзу такие тонкости были не по уму. Пришлось провожать пешком, заодно демонстрируя совершенно лишние знания в географии данного района. Десять лет назад маг эту свалку людей и вещей ненавидел, потом почти забыл, а теперь вот пришлось вспомнить. Когда Наклз довел Агнессу до дома, было уже около половины девятого, так что ни о каком визите в особняк Дэмонры и речи идти не могло. Там бывало весьма неприятно даже яркими солнечными днями, что уж говорить о темных ночах. Поисками мифических роз уставший, замерзший и злой Наклз справедливо решил заняться с утра пораньше, на свежую голову.

На следующий день Магрит, получившая метрическое свидетельство, сперва долго хлопала глазами, а потом запрыгала по коридору с самым счастливым видом: в конце концов, это был ее билет на выход из дома и осмотр города. Она повисла на шее у Наклза, едва не сбив мага, неприученного к таким бурным проявлениям признательности, с ног, разнесла вазу, радостно рассмеялась и убежала. Он проводил ее взглядом, гадая, какого еще предмета интерьера недосчитается вечером и не спрятать ли мухоловку от греха подальше, а потом намотал шарф и направился к Дэмонре.

Сторож сообщил, что с момента отъезда хозяйки никто не заходил. Мага он знал давно, регулярно получал от него на чай и уж конечно не рассматривал в качестве потенциального вора. Наклз своим ключом отпер дверь и оказался в прихожей. Прихожая, разумеется, была перевернута вверх дном, но вывод об обыске из этого делать не стоило. У Дэмонры было чисто нордэнское представление о порядке, порядком же у северян считалось такое состояние помещения, когда хозяин может найти все, а остальные - ничего. Эстетическая сторона дела в расчет не принималась. Когда двенадцать лет назад Наклз впервые оказался у Дэмонры дома, он грешным делом подумал, что к нордэне вломились какие-то самоубийцы. Думал так раза три. Потом привык.

Маг прислушался. Как и следовало ожидать, в доме стояла мертвая тишина. Наклз немного подождал, пока глаза привыкнут к полумраку, и стал пробираться к лестнице, аккуратно переступая через опрокинутые вешалки. Спальня Дэмонры никаких тайн в себе не содержала. На канделябре висело два чулка, причем разных цветов, у окна по-прежнему стоял ряд бутылок скверного вина. Часть бутылок была пуста. Следовательно, последним дом покидал все-таки Гребер. Наклз всегда терялся в догадках, как нордэна его терпит. В понимании мага, Гребер воплощал собой верх несоответствия служебным обязанностям. Застать эту любопытную помесь дворецкого и денщика умеренно трезвым можно было только по утрам, и то не каждый день, а занятым делом - и вовсе невозможно. В лучшем случае он сидел на крыльце и стругал деревянные игрушки, в худшем - делился с прохожими философскими сентенциями о сущности бытия собственного производства, сводившимися к нехитрой мысли, что жизнь дерьмо. И при всем этом он неизменно звал Дэмонру "барышней", игнорируя зубовный скрежет тридцатидвухлетнего боевого полковника. В общем, в мире не существовало логики, которая объяснила бы, почему Гребера еще не рассчитали.

Не обнаружив в спальне никаких цветочков, Наклз, подумав, направился на чердак. Тот был вполне благоустроен - во всяком случае, в достаточной степени для Дэмонры, которая легко обходилась минимумом удобств, но обожала большие пространства и высокие окна - и служил ей чем-то вроде кабинета. Ведущая туда лестница была темной, так что поднимался маг скорее на ощупь. В воздухе висела пыль. Наклз толкнул дверь и оказался в самом просторном помещении дома. На деревянном полу в центре лежали ровные прямоугольники света, в углах свернулись тени. Окна были распахнуты настежь, и сквозняк носил по полу мелкий мусор, какие-то обрывки бумаг и комки пыли. Одна из створок издавала тихий скрип, покачиваясь от ветра. За окнами в бесконечность уходило серое северное небо, прошитое белыми стрелами лучей.

Наклз замер на пороге. У него возникло неприятное чувство, что кто-то смотрит ему в спину. Чужой взгляд ощущался точнехонько в основании черепа. Маг медленно нащупал в кармане плаща пистолет. С некоторых пор он решил, что расставиться с шедевром Тильды Асгерд неразумно. Ощущение взгляда в спину не исчезло. Наклз резко развернулся, вскидывая оружие для стрельбы. Темная лестница была пуста. Он шагнул за порог, на ступеньки. Взгляд пропал. Вернулся - появился.

"Нордэнские шутки - самые несмешные шутки в мире", -

раздраженно подумал Наклз уже на лестнице, не зная, то ли убирать пистолет и признавать, что нервы у него окончательно сдали, то ли вовсе убираться из этого дома. Наверное, он остановился бы на втором варианте, но в поле его зрения попал стул у окна. На стуле стояло нечто, подозрительно напоминающее цветочный горшок. Стул здесь находился всегда, а вот единственным растением, который Наклз видел у Дэмонры, была небезызвестная мухоловка. Несколько лет назад Гребер, более не способный смотреть, как его "барышня" измывается над живым существом, распивая с ним калладскую огненную, притащил несчастную тварь к Наклзу. Глухой зимней ночью денщик умолял сонного и не вполне соображающего, что происходит, мага принять "цветочек" на сохранение. О том, что "дружелюбный и преданный" цветочек, оказывается, без алкоголя становился еще более агрессивным чем обычно и кусается почем зря, маг узнал с некоторым опозданием. В принципе, тварь следовало выбросить, но ее шипение живо напоминало кошачье, а возможности завести кошку маг был от рождения лишен по причине сильнейшей аллергии на шерсть. По прошествии тридцати лет Наклз, родившийся в селе, вообще удивлялся, как с такой особенностью организма не отдал богу душу еще в детстве.

Снова оказавшись за порогом комнаты, маг догадался поднять глаза. С потолка на него настороженно глядел темно-рыжий мужчина, цветом лица очень походящий на привидение. Инстинкты человека, не первый год спускавшегося во Мглу, сработали четко. Наклз сначала выскочил из зоны отражения зеркала, и только потом неласково помянул Дэмонру с ее умными находками. Хотя, если вдуматься, идея была не такой уж и плохой. Зеркала на потолке с лестницы видно не было, а непрошенных гостей, решивших нанести нордэне визит через Мглу, ждал более чем неприятный сюрприз. Но это не отменяло того факта, что сердце у Наклза колотилось как бешеное.

Маг быстро пересек комнату, старательно переступая через хаотично разбросанные по полу пустые бутылки, карандаши и книги. На стуле действительно стоял цветочный горшок, судя по количеству сколов и царапин, видевший еще зарю калладской государственности. Воткнутая в сухую и потрескавшуюся землю табличка сообщала, что в горшке произрастает зимняя роза, также известная как "Клотильда". Наклза смутил даже не тот факт, что никакой розы в горшке не наблюдалось: учитывая садоводческие таланты Дэмонры, это было как раз ожидаемо. Но зимние розы, выращиваемые в Рэде, в народе совершенно точно звали не Клотильдами, а Милиндами. Наклз помнил эти розы еще с поры своего детства. Определенно, что-то здесь было не так.

Маг переставил горшок на пол, опустился на стул и задумался, отдыхая взглядом на темной ленте Моэрен, все еще скованной льдом. Нет, зимние розы "Клотильды" могли существовать только в воображении Дэмонры. Маг извлек из земли табличку и еще раз пристально осмотрел ее. Написанная там чушь никуда не исчезла. Зато теперь Наклз заметил рисунок, сделанный очень тонким карандашом. Под надписью кто-то в меру своих весьма скромных художественных способностей изобразил некий предмет. Наклз в силу своих еще более скромных способностей к творческому мышлению опознал в предмете колокольчик. Хотя человек с большей фантазией, наверное, сумел бы разглядеть в хаотичном переплетении линий и облако, и розу, и даже овцу.

Маг быстро перебрал в памяти сцену трогательного прощания с Дэмонрой. Фальшивый список в карман, колокольчик - на шею. Все это было так трогательно, что Наклз удивился, как он сразу не понял подоплеки. Для нордэны Дэмонра была ну просто на редкость атеистически настроенной дамой. И, следовательно, она повесила колокольчик ему на шею с какими-то более прозаическими целями, чем забронировать для друга место в казарменном раю северян. Маг вытащил колокольчик из-под одежды, благо, лента была длинная, и перевернул. Внутри обнаружился клочок бумаги, настолько маленький, что Наклз ощутил некоторое разочарование. Бумагу держал крепеж, на котором во всех нормальных колокольчиках висел язычок. Наклз принялся аккуратно выковыривать бумажку из ее ложа, воспользовавшись для этих целей ближайшим вечным пером, чернила в котором кончились, судя по всему, еще в прошлом году.

Покончив с этим трудоемким процессом, он решил не рисковать и разворачивать послание стал, лишь оказавшись точно под зеркалом.

На скомканном листке обнаружилось всего четыре слова.

"Миранда Тиссэ = Милинда Маэрлинг".

Наклз извлек из кармана зажигалку и поджег бумагу. Несколько секунд спустя от нее остался только темно-серый невесомый пепел. Маг с чувством выполненного долга растер его между пальцами и зачем-то снова поднял глаза к потолку.

Лучше бы ему этого было не делать.

Наклз ошарашено смотрел на свое отражение. Отражение кривило губы в улыбке. Маг крепко зажмурился и приказал себе немедленно успокоиться. Все законы физики гласили, что в зеркале не может отражаться ничего такого, чего бы перед ним не находилось. Зеркала имели самую обыкновенную

кристаллическую решетку и в реальном мире были совершенно стабильны, чего бы там ни вопили особенно нервные барышни, посвященные в некие "высшие материи". Наклз нервной барышней не был и цену "высшим материям" знал. Более того, многие спуски во Мглу научили его почти непрошибаемому материализму в обычной жизни. Все отражающие поверхности в собственном доме маг ликвидировал не столько из предосторожности, сколько из желания поберечь свои и Магрит нервы. Войти в его дом из Мглы было технически невозможно: единственный маг, знавший расположение комнат, благополучно скончался на днях, а если он кому-то и успел набросать план, то Наклз перенес дверной проем. Всего на пару метров, но этого вполне хватило бы, чтобы отправить незваного гостя в Дальнюю Мглу без обратного билета.

Маг досчитал до десяти и открыл глаза. Отражение больше не улыбалось, не скалилось и не хмурилось. Оно просто меряло его настороженным взглядом, как тому и следовало быть. Все вроде бы было в порядке. Наклз, не отрывая от отражения взгляда, убрал со лба взмокшие волосы. Зеркальный двойник сделал то же самое, только на пальцах у него осталось что-то темное. Маг несколько мгновений бездумно созерцал простреленный висок своего отражения. Все это время по бледному лицу неправдоподобно медленно и вопреки всем законам физики ползла темная струйка. Добравшись до середины щеки, она замерла на очень долгую секунду, а потом сорвалась и полетела вниз. Наклз ощущал не страх, а полнейшую апатию. Происходила объективно невозможная вещь. Где-то на грани сознания мага пронеслась успокаивающая мысль, что сейчас он проснется в своей постели или в любой другой постели, но непременно проснется.

Капелька упала Наклзу на щеку. Ледяное прикосновение вывело мага из ступора. Что бы ни происходило, сном это не было: во сне Наклз никогда бы не почувствовал холода.

Если с той стороны стекла могла упасть капля, следующим ходом оттуда могло вылезти все, что угодно. Первое правило поведения во Мгле настоятельно советовало не проверять, что именно оттуда полезет.

Наклз пулей вылетел из зоны отражения. Спуск по лестнице в таком стоянии был чреват переломом шеи - собственно, лестницы профессиональные вероятностники любили и не любили, в зависимости от специфики работы, именно за это - так что маг отскочил вглубь комнаты. Потрогал щеку. На пальцах осталась кровь. Быть этого не могло никак. Наклз во второй раз за сумасшедший день извлек пистолет, крайне смутно представляя,

чем тот ему поможет и от кого он собрался отстреливаться. По полу у порога сперва редко, а потом все чаще застучали капли. Маг глазам своим не верил. По доскам растекалась лужица. Она празднично багровела на присыпанном пылью полу.

С зеркала на потолке все барабанила красная капель. Створка за спиной скрипела как-то уж слишком тоскливо и близко, но Наклз не оборачивался. Он просто физически не мог отвести взгляда от разливающейся по полу лужи.

- Ну что, у тебя остались какие-то сомнения? - не без яда осведомился голос, сильно напомнивший Наклзу его собственный. Источника голоса маг определить не смог, но эта проблема отпала довольно быстро.

В лужу, взметнув тучу брызг, шмякнулось что-то светлое, мгновением позже опознанное, как кукла с белым фарфоровым личиком и пшеничными локонами.

Куклу эту Наклз помнил предельно хорошо. В свое время на нее ушла почти половина его зарплаты. Фарфоровая красотка с глуповатой улыбкой и небесно-голубыми глазами начала свою жизнь в дорогом магазине на одной из центральных улиц имперской столицы, а закончила, скорее всего, в Тихом лесу, в печи. Если, конечно, кто-то из лагерных охранников не утащил ее раньше.

Кукла моргнула и перевела на мага пустой лазурный взгляд.

Нервы у Наклза сдали окончательно. Маг машинально взвел курок, совершенно не представляя, какой от этого может быть толк. Скалящаяся в улыбке фарфоровая мерзость уже была с ним в одной реальности.

Он отступил назад, не отводя взгляда от лужи, и еще успел удивиться, почему пол и потолок быстро меняются местами. Грохнул выстрел и сделалось совершенно темно. Последним, что маг расслышал перед тем, как потерять сознание, был бодрый перестук капель и приближающийся лязг шарниров.

10.

Поезд почему-то остановился, не доезжая до Мильве. Из обрывочных разговоров Эрвин понял, что с рельсами приключилась какая-то незначительная неполадка. Десяток солдат погнали ее устранять. Нордэнвейдэ несколько потерянно обошел вагоны, где на сколоченных в два этажа нарах лежали или

сидели растерянные солдаты, нашел свой взвод и объяснил, что причин для беспокойства нет никаких. Заспанная, но весьма довольная Кressильда Виро отправила своих людей наблюдать за местностью и подмигнула Эрвину:

- Мильвские цветные платки. Через часок калладская армия будет беззащитна, как никогда.

Эрвин не стал возражать. В словах лейтенанта Виро была немалая доля правды. Более беззащитной калладская армия бывала только утром первого дня весны.

Пока солдаты приводили в порядок рельсы, Эрвин тоскливо созерцал пейзаж за окном. Было в чистом лазурном небе, проталинах, уже тронутых редкой зеленой дымкой, и белых домиках с резными наличниками что-то пасторальное и неправдоподобное. В раздираемом противоречиями мире Рэда выглядела как рисунок пастелью, который кто-то повесил на стену, чтобы закрыть дырку в старых обоях. К сожалению, правды в этом рисунке было мало. Идеальная Рэда была не такой уж идеальной.

Нордэнвейде задумался. Сейчас, по прошествии лет, он мог бы честно сказать, что ему никогда не нравилась рэдская власть, не нравилась местная церковь, беспардонно вмешивающаяся во все сферы жизни, его злила политика и злили "патриоты", швырявшие бомбы под пассажирские поезда. Совсем уж он ненавидел рэдскую привычку решать чисто медицинские проблемы при помощи святой воды и осиновых колов. Эрвину не нравились законы, запрещающие разводы и аборты, браки с иноверцами и даже некоторые медицинские операции, на взгляд лейтенанта не имеющие никакого отношения к морали и нравственности. И все это не имело никакого значения. Эрвина могли сколько угодно бесить власть, политика и церковь, но ночами ему все равно периодически снились залитые солнцем клеверные поля и песни, которые в детстве пела мать. Цветущая на школьном дворе верба. Зеленый забор у дома.

И темные сине-серые, как предгрозовое небо, глаза Марины. Где была сейчас эта Марина, знал, наверное, только ветер. Эрвин отвернулся от окна.

Почти десять лет назад ничем не примечательный рэдец по имени Эжен Нерейд окончил мужскую гимназию при монастыре святого Людвига в шести километрах отсюда. Детали биографии этого Эжена всплывали в памяти как нечто совершенно постороннее, вроде сюжета непрочитанной книги, пересказанного приятелем. Мальчишку в форменной гимназической фуражке по ту сторону окна и мужчину в черной калладской форме - по эту, не связывало ничего. У них даже

имена были разные.

"Купленное имя, купленное гражданство, купленная родина, купленная форма, купленная жизнь", - мысленно перебирал Эрвин список своих героических достижений за последние шесть лет, откинувшись на сиденье и прикрыв глаза. Еще вечером он мечтал выйти из поезда и пройтись. Теперь сама мысль покинуть вагон вызывала чувство, близкое к ужасу. Лейтенант почти погрузился в дрему, как уютную темноту разбил оклик:

- Лейтенант Нордэнвейдэ!

Эрвин вздрогнул и обернулся. В дверях стояла майор Мондум, непривычно веселая. В руке нордэна держала платок глубокого индигового цвета. Видимо, она была чрезвычайно довольна покупкой, сделанной на одной из прошлых станций. В другой момент Эрвин бы позабавился наличию у леденяще вежливой и сдержанной Зондэр Мондум некоторых женских слабостей, но сейчас ему было не до того. Лейтенант попытался встать, как-никак в купе вошел старший по званию, да еще дама. Зондэр махнула рукой, мол, сиди, и прикрыла за собой дверь. Несколько секунд изучала Эрвина, потом вздохнула:

- Лейтенант, а вы могли бы сделать менее убитое лицо? Будь я из Третьего отделения, тотчас бы поняла, что передо мной сидит снедаемый муками совести рэдец.

- Извините меня, - отвел глаза Эрвин. Фальшивые улыбки ему всегда давались тяжело.

Зондэр отложила платок и присела на сидение напротив.

- Эрвин, можно я на "ты" буду? На брудершафт потом выпьем.

- Разумеется, можно, госпожа майор, - пожал плечами Нордэнвейдэ. Вот как раз шансы выпить на брудершафт что-то, кроме чая или сиропа, равнялись нулю, и Зондэр после Красной ночки вроде как это знала. А, может, и до того знала.

- Вот и хорошо, - нордэна вздохнула. - Ты, Эрвин, очень славный и порядочный человек, - после некоторой паузы выдала она.

- Извините? - лейтенант был уверен, что ослышался. Заслужить похвалу от Зондэр Мондум считалось одной из принципиально невыполнимых задач в калладской армии.

- Не перебивай, - Мондум сверкнула пронзительными синими глазами. - У нас Дэмонра и Магда по части душеспасительных речей. Я и так стараюсь на пределе своих возможностей. Так вот, ты порядочный и славный человек, которому один раз крупно не повезло. Ух, как же это трудно, - нордэна дернула щекой. - Я сижу и говорю о совершенно

очевидных вещах, а ты мне, конечно, не веришь.

- Я не думаю, что вы лжете, - вежливо заверил ее лейтенант. Нордэна не лгала - она ошибалась.

Зондэр усмехнулась:

- Знаешь, когда все эта глупость закончится, я настою, чтобы Дэмонра рекомендовала тебя нашему дипломатическому корпусу. Про "Vox molae " слышал?

Вопрос, надо признать, поставил лейтенанта в тупик. Он покопался в памяти.

- Кажется, было такое музыкальное произведение. Или пролог к трагедии. К сожалению, не помню деталей.

Зондэр уважительно кивнула.

- Да, это увертюра из оперы Ингмара Марграда. О гибели богов. Я удивлена, что кто-то, кроме нордэнов, его вообще слушает. Он бесовски мрачен даже для нас. Пять часов неотвратимой поступи рока под заунывный вой хора, алое пламя пляшет в чертогах рая, сжигая богов и героев, и семь минут спасения через любовь в финале. На такую шутку способен только истинный калладец.

- Вы про спасение через любовь?

- Да. Очень... очень не северная традиция, - Зондэр улыбнулась, не слишком весело. - Если бы эту оперу писали нордэны, в финале на головы героям просто обрушились бы обгорелые балки, а потом зазвонили бы колокола. Но, собственно, и пяти часов плавно подступающего рока не было бы. Тем, кто верит в рок, не нужно пять часов, чтобы о нем рассказать. Впрочем, я не хотела бы обсуждать мертворожденную религию севера и мое к ней отношение. Мы говорили о Vox molae. На морхэнн это примерно переводится как "звук жерновов", или "лязг жерновов", если угодно. Суть проста. Мои предки считали, что миром правит холодная, безличная сила, в равной мере чуждая добру, злу и любому человеческому понятию о справедливости или морали. Для простоты обзову ее судьбой. Она приводит мир в наиболее сбалансированное состояние. Фактически, это эдакий ветер времени, вращающий жернова истории. А жернова мелют мир. Тебе еще не кажется, что я несу опасную ересь?

- Нет. Мне очень интересно. Честно сказать, мне всегда казалось, что нордэны - это последний народ, который может верить во всемогущество судьбы.

- Судьба всемогуща и необорима. Только это не имеет никакого значения, Эрвин. Ты не выбираешь ни дня, ни часа своего рождения, как не выбираешь ни дня, ни часа своей гибели. И, кстати, своей посмертной участи, как учат нордэнские жрицы, ты тоже не выбираешь. В ледяной ад можно попасть просто

потому, что у пряхи, которая спряла твою судьбу, было паршивое настроение.

- Очень... жизнеутверждающая религия, - растерялся лейтенант. Он догадывался, что у нордэнов все как-то грустно, но масштаб катастрофы оценил только сейчас.

- О да. Ей, как бы это помягче сказать, не присущи традиционные гуманные ценности. Но, на мой взгляд, ей присуща одна ценность, которая стоит многих других. Ты не выбираешь, когда и кем родишься, не выбираешь, когда и кем умрешь. На то, куда ты попадешь после смерти, ты тоже влияешь мало. Можешь сделать какой-нибудь вывод?

Ни одного хорошего вывода из услышанного Эрвин сделать не мог. Его голову с детства забивали совершенно противоположными догмами.

- Вы очень смелый народ.

- А менее лестный для нас?

- Не хотел бы я родиться на Архипелаге.

Зондэр усмехнулась и кивнула:

- Видит бог, я тоже. Но, как уже говорилось, рождения человек не выбирает. Вывод, на самом деле, очень простой. Ты не свободен выбирать обстоятельства, но свободен в своих личных поступках. То, что тебе перелили зараженную кровь, это обстоятельство. То, что ты шесть лет терпишь Маэрлинга, меня и Дэмонру - поступок. Близкий к подвигу.

Эрвин неловко улыбнулся:

- Ну что вы, миледи Мондум. В конце концов, мне оказали честь.

- "И купили метрику", вот что ты на самом деле думаешь. Так вот, перестань об этом думать. Купленных метрик, жизненных историй, должностей и даже мест за чьим-то столом вокруг значительно больше, чем ты себе можешь представить. Так что оставить пораженческие настроения. Сейчас ликвидируют неполадку с рельсами, и мы доберемся до Мильве. Я бы очень хотела увидеть тебя на платформе, бодро торгующегося за бутыль рэдской наливки. В качестве профилактической меры от шпионов.

- Мне кажется, торговаться лучше получится у лейтенанта Мэрлинга.

Зондэр неожиданно хихикнула как девчонка:

- Маэрлинг не может. Он защищает честь полка. В поте лица. Ладно, Нордэнвейде, я все сказала.

- Приказ понял. И... спасибо вам.

Майор Мондум подхватила с сиденья платок, улыбнулась напоследок и была такова. Только дверь тихо клацнула.

Через четверть часа неполадку на рельсах благополучно

устранили, и поезд плавно покатил к Мильве, выбрасывая в лазурные небеса густые клубы дыма.

* * *

Когда состав подошел к платформе, Дэмонра успела проскучать в ожидании не меньше получаса, перекинуться парой слов с торговцами, которым, как и ожидалось, было без разницы, кто там ездил в поездах - калладцы, имперцы или бесы рогатые, лишь бы платили. Нордэна оценила такую широту взглядов. Недаром в Каллад поговаривали "торгующий враг - полврага". Кесарь всегда охотно спонсировал закупки товаров, предлагаемых на окраинах государства. И чем менее устойчивы были отношения этнических калладцев с благоприобретенными, тем активнее первые покупали хлеб, алкоголь, ткани и суверниры. Умные люди уже давно понимали, что проще привязать окраины кесарии экономически, чем как-то еще. Да и вообще великоимперские настроения в Восточной Рэде просыпались, в основном, в неурожайные годы. Правда в последний раз, при матери Дэмонры, они проснулись так, что с тех пор Каллад ни дня не спал спокойно. То бомбы, то манифесты.

Рэду, храбрость князей которой существенно превосходила выучку их дружин, кесария и империя поделили почти три сотни лет назад, и, надо сказать, довольно неудачно. Либо поделили удачно, но неудачно воспользовались плодами дележки. Западная Рэда, отошедшая блоку Аэрдис, в отличие от нынешнего великого княжества Рэдского хотя бы не смотрело на кесарию волком. Возможно, дело было в том, что имперцы выжимали свои сырьевые придатки еще сильнее, чем калладцы, но здесь уж Дэмонра не могла ничего сказать наверняка. Так или иначе, война Белого года, отгремевшая почти век назад окончательно показала, что две половинки некогда целого государства объединиться категорически не способны, ни ради высших идей, ни ради собственного счастья. Князья метались и переметывались, сперва имперцы гнали калладцев на восток, потом калладцы, обозлившись, погнали имперцев на историческую родину, ну а Рэду в процессе сожгли даже не дважды, а раза эдак четыре за три года. В конце концов, в Восточной Рэде нашелся князь, который совсем уж убедительно принес кесарю оммаж, заодно казнив собственных братьев, который сделать этого не удосужились. Кассиана буквально дергало при имени Моргана Эскеле, а Дэмонра считала его самым умным человеком в рэдской истории после Создателя, который от своих добрых подданных, надо думать, утопал очень далеко.

По перрону вышагивали одетые в полушубки женщины со связками баранок, пряниками, какой-то расписной утварью и знаменитыми рэдскими платками в цветах. Еду из предосторожности не брали, но вот платки шли нарасхват. Женщины покупали себе, мужчины - женам и дочерям. Рядовые бегали за кипятком. Лейтенанты тоскливо косились на сидр и пытались выбирать платки. Торговки бодренько рассказывали им сказки.

Дэмонра, благоразумно закутавшаяся в платок, выискала глазами в толпе русую макушку Зондэр. Та обеспокоенно осматривалась по сторонам. Нордэна протолкалась поближе к подруге и, поняв, что та ее заметила, подмигнула. Лицо Зондэр посветлело.

- Ты меня в могилу сведешь, - пробурчала она, как только Дэмонра оказалась рядом. - Приведи себя в порядок в каком-нибудь сарае и лезь в поезд. Этот дурень там, наверное, уже умаялся.

- Этот дурень отрабатывает карточный долг, причем не худшим из возможных способов, - усмехнулась Дэмонра и, убедившись, что на нее никто не смотрит, сошла с платформы и гордо направилась к зданию общественной уборной, скорее всего, благополучно заброшенной. Рэда, как ни крути, была частью кесарии только по документам. Привить истинно калладский педантизм местному населению было решительно невозможно, хоть губернаторов меняй, хоть вандалов вешай.

Грязи внутри было по щиколотку, а местные крысы визиту нордэны не обрадовались. Проследив взглядом удаляющиеся тощие хвотсы, Дэмонра вздохнула и приступила к скоростному переодеванию. Через минуту вместо невразумительной рэдки, которую жестоко обидела матушка-природа, на грязной плитке стоял вполне типичный калладский офицер после трудового дня. Только без мундира. Купленный полчаса назад платок решал и эту проблему. Дэмонра вывернула его наизнанку, чтобы слегка поменять цветовую гамму, на тот случай, если кто-то видел странную рэдку до метаморфоз, накинула на плечи и с самым независимым видом направилась к поезду, предварительно запихнув весь свой маскарадный костюм поглубже в грязь, от греха подальше. Теперь о ее приключениях напоминали только безвинно убитые сапоги.

Больше всего Дэмонре хотелось попасть в вагон и там завалиться спать, но это было бы крайне подозрительно. Нордэна, постукивая зубами от холода, прошлась по платформе, по пути подмигнув Мондум. Та понятливо кивнула и исчезла в недрах поезда. Трудовая вахта Маэрлинга, изображавшего получение

грандиозного разноса от начальства - хотя Дэмонра бы голову свою поставила против дохлой кошки, что они с Магдой уже в карты режутся - подошла к концу.

Нордэна засмотрелась на сидр. Ведь хороший же был сидр. И Рейнгольд признавался, что никогда его не пил. Не привезти жениху гостинца было бы просто некрасиво. Правда, покупка алкоголя находилась под официальным запретом. Ну так и игра была запрещена, и мордобитие и, собственно говоря, употребление этого самого алкоголя в любых целях, кроме чисто медицинских. Иными словами, половину армии давным-давно следовало уволить по статье "несоответствие". На этой жизнеутверждающей мысли Дэмонра, приказав зубам громко не стучать, отправилась на поиски подарка.

Сама она, как истинная северянка, в слабоалкогольных напитках понимала мало. Душистым яблоневым садом пахло отовсюду, что процесс выбора никак не облегчало. По этой причине Дэмонра решила пойти от обратного и найти продавца, смахивающего на пройдоху меньше, чем другие. В качестве критерия отбора нордэна определила для себя чистые рубахи под полушубками и, по возможности, чистые руки. Собственно, она уже присмотрела полную бабенку лет пятидесяти, увешанную красными бусами даже поверх зимней тужурки, с румянцем во всю щеку и широкой улыбкой. Торговка громко нахваливала свой товар, шутила с соседкой и вообще производила впечатление человека, полностью довольного жизнью. Дэмонре она живо напомнила ее кормилицу - совершенно необъятных размеров даму, поэтическую любовь Гребера, жившую с ними лет семь - и проблема выбора была решена. Нордэна уже направилась к улыбающейся рэдке, как вдруг краем уха услышала что-то странное. Сперва ей просто не понравился тембр незнакомого голоса. Через несколько мгновений, когда Дэмонра уже сумела разобрать отдельные слова, они понравились ей еще меньше.

Какая-то молодая рэдка, шипя, как кошка, крыла какого-то Эжена по матери в выражениях, от которых краснеть начала даже Дэмонра. Ее чуть ли не впервые в жизни посетила мысль, что грязная брань, вырывающаяся из уст женщины, грязна вдвойне. Нордэна обернулась на голос и обомлела: "какой-то" Эжен оказался тем самым Эженом, которому вообще не стоило на платформу выходить. Лейтенант Нордэнвейдэ стоял, сцепив руки за спиной и чуть откинув голову назад, как приговоренный перед расстрелом, а вокруг него едва ли не металась, звеня многочисленными побрякушками, незнакомая девица. Для рэдки она была уж очень изящна и смугла. Судя по всему, еще минутка, и девица кинулась бы на лейтенанта с явным намерением

расцарапать ему лицо.

Самым странным в происходящем было то, что Эрвин не отвечал и не делал попыток уйти. Он молча слушал, бледнея на глазах.

Дэмонра удивилась. Вообще, если она кого-то и считала удачным приобретением "Зимней розы", так это Эрвина. Хладнокровный рэдец с отменными манерами и привычкой игнорировать идиотов казался ей созданием в высшей мере симпатичным. Эрвин был сдержан, учтив и неконфликтен, и, что самое волшебное, совмещал эти качества с чувством собственного достоинства. Нордэнвейде едва ли позволил бы оскорблять себя, тем более, средь белого дня и в толпе народу. Даже девице.

По счастью, на странную парочку еще не глазели. Все были заняты. Дэмонра не в первый раз в жизни подумала, что толпа - идеальное место для осуществления почти любых дел, и стала пробираться к месту стычки.

- ...! Женился небось уже, ... ты калалдская?! А куда мне выродка от тебя девать было, это ты подумал? - шипела незнакомка. Ее пальцы загибались, как птичьи когти, в опасной близости от застывшего лица Нордэнвейдэ. - Чего молчишь?!

Эрвин судорожно вздохнул и на рэдди, как и девица, ответил:

- Марина, но я не знал. Ты же мне не сказала...

- "Не сказала"! Ха, кобель бесов, все вы одинаковые! - Марина зло рассмеялась. Вряд ли она была рэдкой. Дэмонра механически зафиксировала, что у нее типичный для Виарэ несколько хищный нос и темные глаза. Если исключить общую потасканность, Марину, пожалуй, можно было назвать красавицей. Во всяком случае, она была на порядок красивее самой Дэмонры. Только уж очень не шли красавице слова, которые она продолжала выплевывать. - "Женюсь-женюсь", и что?! Женился, я тебя спрашиваю?

- Марина, я же тебе писал, почему уехал, - как-то устало отозвался Эрвин.

- Ты б сперва спросил, умею ли я читать! ... гимназисты, романтики ...! Стихи, звезды, твою мать. На те записульки твои мне ответы подружка писала. Чего глазами хлопаешь? Аль сказать нечего?

Судя по совершенно потерянному лицу Нордэнвейде, сказать ему и впрямь было нечего. А вот Дэмонре уже давно хотелось подойти и как следует приложить горланящую дуру о ближайшую твердую поверхность.

- Погоди, Марина. Ты сказала, у тебя ребенок, - сообразил лейтенант.

- Из ума выжил?! Стала б я от тебя ублюдка рожать!

Эрвин, наконец, вспыхнул:

- Все сказала? Тогда меня послушай. У меня сейчас нет времени тебе всего объяснять, но при первой возможности я вернусь, и мы все спокойно обсудим...

- Да на... ты мне сдался, свет ясный?! - сверкнула зубами Марина. - Иди своей дорогой, благодетель ты ...! Калладский наемный пес, - выплюнула она. - Я уж постараюсь, чтоб твои старики про это узнали. Могу себе представить их рожи. Пожалеют, что шесть лет назад меня с лестницы спустили.

- Не стоит этого делать, - угрожающего улыбнулась Дэмонра, подходя. - А то лестница, с которой тебя спустят в следующий раз, станет очень длинной и очень скользкой.

Нордэнвейде дернулся и повернулся к нордэне. Вид у него был пренесчастный. Скорее всего, он вовсе не жаждал, чтобы в дело вмешивалось начальство. Дэмонра и сама была бы рада не лезть, но ее офицер при всем четном народе беседовал на безукоризненном рэдди с какой-то потаскухой. Причем девица шипела такие вещи, за которые легко могла бы схлопотать по лицу даже в Каллад, не говоря уже о Рэде, где равенства полов и в помине не было.

- Твоя новая ...? Ну и рожа, - ухмыльнулась Марина. Потом сообразила, что на Дэмонре офицерские галифе, и, видимо, решила, что дальнейшее перечисление ее недостатков небезопасно.

- Пасть закрой, - лениво посоветовала нордэна на морхэнн. Желание сломать красивый, тонкий нос Марины росло с каждой минутой. - Нордэнвейде, в вагон - быстро, - пролаяла Дэмонра. - Быстро - это значит "немедленно", лейтенант. Личную жизнь будете в отпуске налаживать, ясно? Спутался со шлюхой прямо на станции. Даже Маэрлинг себе такого не позволяет!

У Эрвина заалели скулы, сложно сказать, от выговора или от злости. Тем не менее, он опустил глаза, быстро щелкнул каблуками и ушел в вагон. Ни разу не обернувшись. Марина проводила его горящим взглядом.

Дэмонра все убеждала себя, что избивать красотку будет некрасиво и вредно для интересов кесарии. Но кулаки чесались.

- А теперь я тебя предупреждаю один раз и повторять не стану. Ты обозналась. Если хочешь жить, запомни это накрепко, - на чистейшем рэдди и без акцента сообщила Дэмонра. Очень тихо и убедительно.

- Все вы тут передохнете, - не менее убедительно пообещала Марина.

- Безусловно. Но позже, чем ты. Так и знай. Попробуешь

открыть пасть - познакомишься с моими местными друзьями. Они, как и я, очень не любят курв. Особенно прирожденных.

* * *

- Дайте-ка угадаю, Нордэнвейдэ. Романтическая юношеская любовь?

Эрвин отвернулся от окна, за которым лениво уплывали прочь чистенькие белые домики, и встретился глазами с Дэмонрой. С поправкой на характер лейтенанта, нордэна даже решила, что глянул он на нее недобро.

- Прошу прощения, госпожа полковник. Этого не повторится, - тихо и вежливо сообщил он уже не Дэмонре, а своим вычищенным сапогам. Сапоги нордэны находились в значительно более скверном состоянии, но переобуться она не успела.

- Не сомневаюсь, - нордэна поджала губы. - Вы не похожи на человека, у которого на каждой станции по великой любви с довеском. Мне другое интересно. Вы вообще поняли, что натворили?

Судя по прямо-таки отрешенному лицу, Эрвин вот именно сейчас что-то понимал о своей жизни, но это были вещи другого порядка. С таким выражением думают о судьбе, а думать надо было об охранке.

Дэмонра плотно прикрыла за собой дверь, подошла к лейтенанту и почти беззвучно сообщила:

- Вы мещанин из Торвилье, понимаете? Вы не можете отлично говорить на рэдди как местный. У вас не может здесь быть подружек.

Колеса издавали мерный перестук. Стоящий на столике стакан тихо позвякивал о подстаканник. Эрвин молчал долго, словно что-то обдумывал, потом уточнил:

- Нас, конечно, видели?

- Кто? Кто-то вас определенно видел, вы, знаете, не прозрачные.

- Я имел в виду тех, кому... кому не следовало.

"Твою мать же, Эрвин, да никому не следовало!"

- Не знаю. Но это более чем возможно.

- Прошу меня простить. Я немедленно напишу увольнение по собственному...

- Эрвин, очнитесь! - зашипела Дэмонра. - Ваше "увольнение по собственному" равносильно надписи на лбу "да, я рэдский шпион в калладской армии, очень рад знакомству!"

Нордэнвейде вздохнул и устало уточнил:

- Тогда что вы хотите, чтобы я сделал?

Дэмонра едва не фыркнула. Эрвин был хороший парень и верил в Создателя. Он ей по-человечески нравился. Нет, поставь тот своим существованием под угрозу всю операцию, Дэмонра, конечно, сделала бы так, чтобы его нашли в петле или не нашли никогда. Но сама его о подобном точно бы просить не стала.

- Вы ее искали?

Эрвин поднял глаза. Из-под черноты опять начала выступать неестественного цвета радужка. Дэмонре оставалось только понадеяться, что на платформе все еще было нормально. Лейтенант покачал головой:

- Нет, никогда. Хотя, не скрою, мне хотелось ее увидеть.

Врать Нордэнвейдэ умел очень посредственно, поэтому обычно нордэна ему верила

У Дэмонры язык не повернулся спросить, рад ли Эрвин исполнению своего желания. Даже после ранения два года назад он выглядел лучше и держался бодрее. Это Нордэнвейдэ-то, которому вообще крови лишний раз лучше было не терять.

- Сделаем так. Вы, Эрвин, пытались снять проститутку, но не сошлись в цене и повздорили. За что получили от меня только что суровый выговор. Понятно?

- Так точно, госпожа полковник, - механически кивнул Нордэнвейде. Дэмонра поморщилась. Не подцепи парень порфирию, ему следовало бы налить плохой водки и дело с концом. Все проблемы на какое-то время отошли бы на задний план, а уж похмелье он как-нибудь да пережил бы. Чем в такой ситуации утешить человека, которому даже пить нельзя, нордэна представляла очень смутно.

Во всяком случае, кричать и ругаться смысла не имело. Можно было только попробовать изложить свой взгляд на проблему, что нордэна и сделала:

- Эрвин, простите, что я так на вас набросилась, - уже мягче сказала Дэмонра. - Но у меня двадцать семь человек с тем же диагнозом, что у вас, только в "Звезде", и вы это знаете. Я даже представлять не хочу, что начнется, если это всплывет.

- Я не... я не имею никакого права обижаться, госпожа полковник, я прекрасно понимаю, что вы правы. Это мне следует извиниться, я совсем не ожидал встретить... встретить старую знакомую и растерялся. Мне следовало сделать вид, что я ее не знаю и просто пройти мимо.

"Надо срочно притащить сюда Маэрлинга. В его устах чистое мужское утешение "все бабы дуры" будет звучать более убедительно, чем если бы это сказала я", - подумала Дэмонра, разглядывая осунувшееся лицо Эрвина. Нордэна твердо верила,

что у каждого человека достоинства компенсируются недостатками, а ошеломительные достоинства - крупными недостатками. Прекрасный характер лейтенанта, видимо, уравновешивался его отвратительным вкусом, когда дело касалось дам.

- Вот мимо этой - точно следовало, - безапелляционно заявила нордэна.

- Извините?

- Мимо этой точно следовало пройти и не оборачиваться. Я не думаю, что эта женщина сказала хоть слово правды. Если вам когда-нибудь понадобится типология, хм, прекрасных падших созданий, обратитесь к Магде Карвэн, у нее есть целая теория. Перевод непонятных слов потом спросите у меня. Но, в целом, получите исчерпывающую информацию по вопросу. И да, лейтенант, учитывая, какие наказания в Рэде применяются к людям, делающим аборты, цены на данные услуги просто заоблачны. Да и вообще мир более-менее справедлив, думаю, такие твари не размножаются.

Вообще Дэмонра знала, что справедливый мир отказал в возможности нормально продолжать род кое-каким другим тварям, жившим гораздо севернее и восточнее, и через это случилось очень много зла, следствием которого был, в том числе, тот самый Эрвин и его вывихнутая жизнь. Но такие ужасы она не стала бы рассказывать даже Наклзу.

11.

Приход Наклза в себя отчасти напоминал продолжение кошмара - то есть в непосредственной близости раздавался скрип, а на лицо ему капало что-то холодное - но, как оказалось, все было вполне невинно. Маг, с трудом сфокусировавший взгляд, выхватил из бело-серого марева крупную фигуру. Фигура охала и причитала, что господин хороший, ужас какой, расшибся и поранился. И все это через беспорядок. Поганая бутылка.

"Так, бутылка", - мысленно повторил Наклз причитание дворника, пытаясь сложить хоть какую-то картину происшедшего. Судя по тому, что дворник пытался растереть ему лицо снегом, а не просто с воплями бежал подальше из проклятого дома, никаких зеркал на потолке здесь кровью не истекало, кукол не ползало и двойников не ходило.

Дворник, скорее всего, прибежал на шум. Наклз

вспомнил, что дверь за собой не запирал. Все примерно объяснялось.

- Пауль, спасибо, - проговорил маг и сам не узнал своего голоса.

- Да что вы, милсударь, сейчас-сейчас. Может, беленькой хлебнете? - предложил дворник испытанный народный рецепт. Наклз не без раздражения подумал, что с ним галлюцинации случаются и без беленькой, но, конечно, ничего не казал. - Вы затылком приложились, - продолжал сочувственно бормотать дворник.

Вот уж что, а затылок свой маг чувствовал отлично. Судя по ощущениям, приложился он и впрямь качественно. Хорошо, если обошлось без сотрясения.

Наклз кое-как оторвал голову от пола и при помощи дворника сумел сесть. Мир перед глазами плыл и местами цвел совершенно немыслимыми огненными всполохами. Но, в целом, видимость была приемлемая. Никакой лужи крови на полу под зеркалом, конечно же, не было. Не было, собственно, и самого зеркала. Зато имелись осколки, поблескивающие в солнечном луче. Похоже, отступая, он запнулся о бутылку, не удержал равновесия и рухнул назад. С перепугу все-таки выстрелив и попав ровнехонько в зеркало на потолке.

Последняя загадка заключалось в том, почему из зеркала полезла всякая мерзость, но ответ Наклз знал с того самого момента, как увидел обеспокоенную физиономию Пауля и разбитое зеркало. А если быть до конца честным - то даже раньше.

Ответ назывался "синдром приобретенной дезинтеграции мыслительных процессов и эмоциональных реакций". В просторечии - сумасшествие. Это был как раз совершенно нормальный финал для сказочки про калладского мага. Других финалов пока не придумали.

Наклз с некоторым удивлением понял, что не ощущает ни страха, ни печали, ни обиды - вообще ничего. Происходящее было закономерно. Только уж очень не вовремя.

- У вас кровь, милсударь. Осколком, видать, зацепило. Я платком руку перевязал.

"Как удачно. Я же утром "ошпарился". Совсем из головы вылетело", - подумал маг, глядя на правую кисть, обмотанную белым платком.

- Спасибо, Пауль.

- Вы не слышали выстрелов? Я подумал, на вас напали.

"О да. На меня напала кукла мертвой девочки, которая, формально, никогда не рождалась на свет". Мысли о Маргери, как

ни странно, тоже не вызывали ровным счетом никаких эмоций. Была такая хорошая девочка. А потом не стало. А потом стало так, что ее вроде бы как никогда и не было.

Наклз подумал, что ему пора бы испугаться, но ничего не происходило. Маг поправил платок, осознал, что дворник ждет ответа, и сказал:

- Да, я стрелял. В крысу. Промазал. Знаете, боюсь крыс.

- А, - сочувствующе протянул дворник. - Может, крысолова позовете, пока госпожа полковник в отъезде?

- Позову, не волнуйтесь, - Наклз сделал отважную, но преждевременную попытку подняться. Пауль крепко подхватил его под руку и повел к лестнице:

- Ничего-ничего. Сейчас поймаю вам извозчика, милсударь.

Покидая дом, Наклз убедился, что Пауль запер дверь, потом засунул ключ в карман и на всякий случай заметил:

- О крысах не беспокойтесь. Не думаю, что госпоже Дэмонре понравится, если кто-то без спросу станет шастать по ее дому. И вообще, там... нечисто, - шепотом прибавил Наклз. Осознание того, что последнее - истинная правда, видимо, добавило словам мага убедительности. Сторож поежился:

- Ваша правда, мессир. Всякое говорят. Не буди лихо, пока спит тихо.

"Спит. Да как бы не так".

* * *

Дома Наклза ждал тяжелый бой. Магрит, заметив красные пятна на платке, громко поставила мага в известность, что сейчас его будут лечить. Наклз не то чтобы плохо относился к Магрит. Но не до такой степени, чтобы доверить недоучившемуся ветеринару лечение от сумасшествия, которое было неизлечимо в принципе. К тому же, даже у рэдской революционерки должно было хватить ума, чтобы понять: ожог не может полностью исчезнуть за сутки.

- Да, конечно, Магрит, - спокойно и любезно согласился Наклз. - Бинты на кухне, в буфете. Посмотри в ящиках.

Магрит помчалась на кухню, тихо поругиваясь на рэдди. Ругалась она без привлечения особенно грубых слов и как-то по-детски. Впрочем, маг был уверен, что через пару минут эмоциональный накал речи возрастет: никаких бинтов в кухне, конечно, не лежало. Лежали они в ванной. Где Наклз благополучно заперся и принялся, тихо шипя, обрабатывать порезы перекисью. По счастью, это были почти царапины, и

никакого стекла внутри не осталось.

Магрит что-то возмущенно кричала из-за двери. Наклз, глядя на окрашенную в розовый воду, думал и считал.

Все вероятностники, которые умудрялись не погибнуть "при исполнении", стабильно сходили с ума. Раньше или позже, но всегда. Безумие у них считалось чем-то вроде профессионального заболевания, как проблемы с легкими у шахтеров. За пределами их среды этот факт старались лишний раз не афишировать, но все, как водится, знали все и даже существенно больше.

На самом деле, это был вполне логичный финал. Постоянный контакт с Мглой по понятным причинам сказывался на состоянии рассудка не лучшим образом. Некоторые медики вообще утверждали, что она опасна сама по себе и имеет неприятное свойство задерживаться вокруг мага даже после возвращения в реальный мир. Мгла якобы формировала некое "поле", нестабильное и опасное, которое влияло на объективную реальность. Наклз допускал мысль, что какое-то здравое зерно в этой гипотезе есть, но не слишком ей верил. Убедительных доказательств ученые до сих пор не нашли. А тот факт, что медики, специализирующиеся на возвращении магов в реальный мир, тоже частенько умирали молодыми и не слишком вменяемыми, можно было объяснить нервной работой и постоянным контактом с галлюциногенами. Все-таки морфинистов в среде некромедиков хватало.

Если среди магов на галлюциногенах, сильных седативах и просто веществах, за употребление и распространение которых обычный человек мог легко получить серьезный срок в тюрьме, сидел каждый первый, то среди откачивающих их медиков - каждый третий.

Впрочем, Наклз действительно полагал работу некромедиков даже более собачьей, чем работу вероятностников. Последние хоть на что-то влияли, а первые только и могли, что держать полутруп за руку и обещать, что все будет хорошо. Прекрасно зная, что все будет еще как плохо, а, если плохо настанет прямо сейчас, то именно они превратят полутруп в труп. И еще потом будут писать скучные объяснительные.

Наклз вытер руки полотенцем, швырнул его в корзину для грязного белья, сел на краешек ванны и задумался. Откуда-то снаружи доносились возмущенные вопли Магрит, но шумовые эффекты ему уже давно не мешали.

В кесарии называть заслуженных вероятностников сумасшедшими запрещалось категорически. Это плохо сказывалось на притоке молодых специалистов в профессию и,

как следствие, на боеспособности Каллад. Так что умные люди никогда не говорили, что у тех есть "проблемы с рассудком". Проблемы с рассудком бывали у излишне словоохотливых чиновников и диссидентов, отправляемых на куда-нибудь на воды без обратного билета. У специалистов по вероятностям могли быть только "приобретенные особенности ментала". Но за этим длинным эвфемизмом скалилось обычное безумие. Фобии, мании, зачастую - раздвоение личности и много разной другой дряни. Ну и укол с лошадиной дозой морфия, в качестве достойного финала.

Наклз старался копаться в этом вопросе как можно меньше. Свое примерное будущее он представлял, а красочные подробности его не интересовали. Маг знал, что отклонения ментала делятся на шесть стадий. Еще он знал, что первые три более-менее безопасны, в том плане, что человек сохраняет способность отличить явь от бреда, и, как следствие, может обманывать докторов, а при должном старании - и себя самого. А до четвертой, когда такая способность пропадает, ему дожить все равно не позволили бы.

В Законе о социальной стабильности имелось некоторое количество параграфов, широкой общественности не известных. Сколько точно, Наклз не знал, но их явно было немало, потому что параграф, касающийся вероятностников, имел номер двадцать семь.

Специалистов по вероятностным манипуляциям, имеющих отклонения ментала выше третьей ступени, в Каллад "устраняли". Та же операция, проведенная, скажем, над собакой, называлась бы "усыплением". Любой маг, находящийся на государственной службе, в первый же день своей профессиональной деятельности подписывал документ, где говорилось, что он нисколько не возражает против такого финала. Наклз, разумеется, тоже это подписывал.

Можно было, конечно, сказать, что данная норма - неоправданная жестокость и просто варварство, демонстрирующее саму звериную суть калладского государства. Но Наклз, Каллад не любивший, с собой был честен: из всех стран, где человеку могло не повезти родиться со способностью видеть Мглу и контактировать с ней, кесария была лучшим вариантом. В Аэрдис к вероятностникам относились в лучшем случае как к говорящему мясу с полезными и опасными способностями. И убивали их там без всяких писулек.

В принципе, и те, и другие поступали верно. Неуправляемый и боящийся собственной тени специалист по вероятностям - это было нечто вроде бомбы с испорченным

часовым механизмом. Только значительно опаснее. От заданий по "ликвидации" этих замученных кошмарами существ Наклз всегда старался увильнуть, хотя поначалу его редко кто спрашивал о предпочтениях и моральных убеждениях.

Справедливости ради стоило отметить, что в Каллад для применения параграфа двадцать семь нужны были веские основания. К магам классом ниже четвертого он не применялся в принципе, поскольку бытовало мнение, что натворить больших бед они не могут. Во всех других случаях факт безумия должен был быть неопровержимо доказан. Шараханье от собственного отражения считалось чем-то вроде легкой девиации, приобретенной на профессиональной почве, и смертью, конечно, не каралось. Наклз даже знал нескольких умельцев, которым удавалось водить компетентные органы за нос годами и спокойно умереть в своей постели. Умельцы напоследок наставляли его, что главное - как можно чаще делать значительное лицо и ни в коем случае не разговаривать со своими призраками на людях. А в идеале стоило найти кого-то вроде напарника, подтверждавшего при надобности, что маг беседовал с ним, а не с голосом в своей голове.

Наклз никогда раньше не шарахался от зеркал, не слышал голосов, не боялся темноты и вообще считал, что уж в этом отношении ему крупно повезло. Как выяснилось, везение не было таким уж везением. Он, видимо, просто проскочил первые две или три стадии, не заметив этого. Если верить Абигайл, его бывшему некромедику, такое иногда случалось. Все бы ничего, но с четвертой стадии разрушение ментала становилось прогрессирующим и необратимым, так что поддерживать его на прежнем уровне при помощи легальных дэм-вельдских травок уже не удавалось. На шестой наступал полный распад личности. По словам той же Абигайл, ходили слухи, что можно выйти на седьмую, но что творилось в голове у человека, дожившего до такого, не сказал бы ни один специалист. Наклз считал это чем-то вроде страшной профессиональной байки и не слишком верил. Если теория "поля нестабильности", идущего от Мглы, имела хотя бы косвенные подтверждения, то представить себе совершенно невменяемого калладского мага, которого не успели усыпить, он не мог. Калладские компетентные органы не были до такой степени некомпетентными.

"Итого, четвертая", - поздравил себя Наклз. Он ощущал полнейшую апатию. Происходящее волновало его не больше, чем вошедшие в Рэду войска. Сильный жрет слабого. Маги слетают с катушек. Норма не обязана выглядеть хорошо, на то она и норма.

Следовало как можно скорее завершить дела, переписать

завещание на Дэмонру и Магрит, всеми правдами и неправдами оградить нордэну от неприятностей в будущем - а для этого требовалось срочно выдать ее за Рейнгольда, а последнего научить, как затолкать ее в сундук и сесть сверху с пистолетами - ну и, по возможности, попасться добрым врачам со шприцами как можно позже. Наклз бы не стал утверждать, что он любит свою жизнь, но, как и всякое существо с теплой кровью, смерти он боялся.

Четвертая стадия - это было плохо, но еще не критически плохо. Один его знакомый обманывал калладские тесты даже на начале пятой. Недолго, правда, но все же. К тому же, до обследования ему оставалось еще почти полгода. Можно было как-то привести в порядок нервы и подготовиться. Ну и достать те дэм-вельдские травки, которые легальными не были, это тоже могло помочь. Прелесть ситуации заключалась в том, что уж теперь вообще мало что навредило бы.

Маг еще раз перевязал руку, скорее чтобы скрыть отсутствие ожога, чем из-за царапин, пошевелил пальцами и прикинул программу мероприятий на ближайшее будущее.

"Я перехожу на сон-траву. Бес с тем, что это незаконно. Сольвейг и не такое достать может. Я перестаю в одиночку шляться по сомнительным местам и вообще избегаю стрессовых ситуаций. Я выдумываю легкую фобию и теперь периодически шарахаюсь, скажем, от крыс. Демонстративно. И да, от зеркал тоже. Вероятностнику такое простительно. Скорее даже подозрительно, если он так не делает. А еще я обязательно придумаю, как отличить реальность от бреда. У меня есть минимум полгода на решение этого вопроса, если я не натворю глупостей. А я не натворю".

- Ну ты и врун! - возмутилась Магрит, когда Наклз вышел из ванной. - Ты это нарочно сказал!

- Мои поздравления, Магрит, ты начала мыслить логически. Ни в коем случае не останавливайся на достигнутом.

- Ты и вчера так сделал?

- Что сделал?

- Я не сама себе морду разбила, Наклз!

В принципе, если Наклз видел ходящую куклу, он мог и Магрит ударить, хотя маг сильно сомневался, что стал бы это делать. Несмотря на аллергию на кошек, желания шпынять котят он никогда не учувствовал.

- Магрит, перестань кричать. Ты все равно поедешь учиться. С осени. И не пытайся рассказывать мне страшные сказки, - отмахнулся от всех возможных возражений Наклз.

"Моя жизнь - самая страшная сказка на свете, деточка, и

ты все равно ничего лучше не придумаешь: здесь фантазия нужна. И ненависть".

* * *

С Милиндой Маэрлинг Наклз был знаком очень шапочно. Они едва ли перекинулись в жизни парой фраз. Все знания мага об этой милейшей белокурой графине сводились к тому, что так очаровательно и убедительно изображать дуру может только очень умная женщина и тонкая актриса. У графини Маэрлинг имелся полный боекомплект "светской львицы", начиная с кипенно-белых локонов и тоненького смеха и заканчивая крохотным лысым чудовищем неопределенной породы, постоянно дрожащим и издающим визгливый лай. Такие жертвы эволюции среди продвинутых дам отчего-то считались собаками. Наклз крыс видел крупнее. И симпатичнее. В довершение всего, означенную "собаку" звали "Фифи". В общем, Милинда знала, что делала.

О том, что она действительно была дура, Наклз даже мысли не допускал по двум причинам. Во-первых, Эвальда Маэрлинга он считал умным человеком, а умный человек не женился бы на женщине, которая была ровесницей его сына только из-за ее прекрасных глаз. Проблем с состоянием у Маэрлингов не было, следовательно, Милинду граф выбрал за душевные качества. Во-вторых, Милинда не держала либерального салона и не прикармливала дурно воспитанную молодежь, распираемую прогрессивными идеями. От стареющих меценаток, ищущих ключ к сердцам и душам юного поколения, Наклза мутило. У этих дам, уверенных, что молодежь предана им беззаветно и фанатически, еще хватало глупости удивляться, когда из дома пропадали серебряные ложки.

Принимая во внимание светские условности, в идеале следовало получить приглашение, прежде чем наносить графине визит. Времени разыгрывать коленопреклоненного рыцаря у Наклза не было, так что маг решил пренебречь этикетом, насколько это было возможно. В итоге он послал Милинде корзину свежих, как весна, белых роз и прилагавшуюся к ним любезнейшую просьбу о беседе, меру приватности которой ей предлагалось определить самостоятельно. Записка вернулась вечером того же дня. Сделанная изящным почерком приписка лаконично сообщала, что друзья Эвальда - так же и друзья графини, а своих друзей она принимает после пяти, независимо от дня недели. Далее следовало галантное и невинное приглашение на чай.

В прихожей маг был практически атакован дворецким, уверенным, что благородный господин не способен выбраться из плаща самостоятельно. Пока Наклз пытался наиболее деликатным способом высвободиться из цепких рук седого как лунь старика в идеальной ливрее, из гостиной послышался женский голос:

- Мессир, прошу вас, не огорчайте Фредерика.

Фредерику, судя по всему, было лет сто, не меньше. Наклз мудро решил, что огорчать его и впрямь будет некрасиво. Маг передал дворецкому шарф с перчатками и прошествовал в гостиную.

В особняке Маэрлингов Наклзу бывать приходилось, большей частью по делам. Правда с тех пор, как граф вторично женился пять лет назад, он перестал принимать гостей в доме. Поговаривали о ревности, которая вообще присуща бракам между зрелыми мужчинами и юными красавицами, но Наклз был об Эвальде лучшего мнения. Скорее всего, у него имелись куда более веские причины оберегать свою супругу от посторонних глаз. После эпизода на чердаке маг даже догадывался, какие именно это были причины.

С появлением женщины, что ни говори, в особняке стало уютнее. Классическую для богатого дома обстановку - тяжеловесную мебель красного дерева, плотные гардины, витые канделябры старого золота и потускневшие портреты предков в духе великой кесарии - разбавили приятные мелочи, вроде фотографий и цветов в вазах, отличавшие театральную декорацию от обитаемого места.

У ног Наклза раздался визгливый лай. Только хорошее воспитание помешало магу от души пнуть скалящуюся Фифи. Пока он раздумывал, можно ли как-то отделаться от этого уродливого существа, по возможности, не пачкая об него даже сапог, с лестницы донесся тихий шелест платья. Милинда не торопясь спускалась в гостиную.

Графиня была хороша собой до степени, замужней даме с безупречной репутацией просто неприличной. Скорее полная, чем худая, с роскошной копной льняных волос и лазурно-голубыми глазами, она несколько напоминала красавиц позапрошлого столетия. В ней не было ровным счетом ничего жесткого и хищного. Эмансипация, прогресс и прочая новомодная дурь прошли мимо Милинды Маэрлинг, ее не коснувшись. Женщина улыбалась загадочной улыбкой, какую теперь можно было встретить разве что на старинных портретах, и двигалась медленно и плавно, как вода. От кремового шелка платья, гораздо менее декольтированного, чем можно было ожидать в такой час,

разливался легкий аромат жасмина.

Даже Наклз, довольно равнодушный к красоте, сообразил, что перед ним стоит изумительной прелести дама, нисколько не напоминающая куклу, которую ему доводилось встречать на балах.

Милинда, не переставая улыбаться, протянула магу руку для поцелуя. Прогрессивные и современные калладки за такое непременно бы заклеймили графиню ретроградкой. Наклз коснулся губами кончиков пальцев Милинды и снова ощутил запах жасмина.

- Рада, наконец, увидеть вас в нашем доме. Эвальд всегда отзывался о вас исключительно хорошо, - мягким контральто проговорила Милинда.

- Благодарю вас, графиня, что уделили время, - более-менее сносно мурлыкать Наклз при необходимости умел, но делать этого принципиально не стал. Маг отрешился от витающего в воздухе жасмина и перешел на свой обычный, отстраненно-вежливый тон. За таким тоном, в том числе, было удобно прятаться от роковых красавиц всех мастей, а Милинда, несмотря на демонстративно "уютный" и мирный вид, явно принадлежала к их породе.

Первое впечатление, которое производила Милинда Маэрлинг, было без малого сногсшибательным. Но где-то на задворках сознания у Наклза засела мысль, что в этой ослепительной красоте есть нечто неестественное.

Этикет не допускал пристального разглядывания лица дамы. Маг перевел взгляд на прыгающую у его ног жертву калладской моды.

- Фифи, брысь! - возмутилась графиня. - Ну что за несносная собака? Она вас не укусила? Безобразница! Вон отсюда, Фифи!

Фифи, пронзительно взвизгнув напоследок, потрусила прочь.

- Вы не любите собак, - констатировала Милинда, не переставая улыбаться.

- Это декоративная собака. Я просто ничего не понимаю в декоре, - отозвался Наклз. Он пришел сюда вовсе не собак обсуждать, но начинать разговор о "Зимней розе" прямо в гостиной было немыслимо.

- Думаю, вы считаете ее довольно уродливой. Не отрицаю. Тем не менее, она вполне справляется со своей чисто декоративной функцией.

"А вы со своей - нет", - подумал Наклз. Милое воркование графини уже начало его несколько нервировать. Он до сих пор

терялся, когда красивые женщины начинали с ним кокетничать без какой-то явно видимой цели.

- Не откажетесь выпить чаю?

- Благодарю вас. С огромным удовольствием.

- Пройдемте в кабинет. Сейчас все подадут.

В кабинете Милинды было что-то от кукольного домика. Вышитые подушечки, канарейка в клетке, ни единой книги. Наклз, впрочем, не торопился с выводами. Он опустился в предложенное мягкое кресло и выжидательно посмотрел на графиню. Маг не слишком представлял, как ему следует начать разговор.

"Не состоите ли вы в заговоре, за который нас всех перевешивают, любезнейшая?" - вряд ли было наилучшим вариантом, а других вариантов ему на ум пока не приходило.

К счастью, как только слуга принес поднос с чаем и закрыл за собою двери, графиня взялась за дело самостоятельно. Она оправила кремовое платье, зачем-то коснулась и без того идеально лежащих локонов и спокойным тоном произнесла:

- Итак. Раскрою карты. Я знала, что раньше или позже, вы придете, и знала, зачем. - Милинда улыбнулась и пригубила чай. - И вот вы здесь.

Наклз откинулся на спинку кресла и кивнул:

- В проницательности вам не откажешь.

- Как и вам. Дэмонра ведь ничего не сказала?

- Разумеется, нет.

- О да. Она не склонна посвящать кого-либо в свои личные дела.

Наклз был вынужден мысленно с Милиндой согласиться. Даже если в проблемы Дэмонры было втянуто полгорода, она все равно упорно продолжала считать данные проблемы своим сугубо личным делом. В принципе, это можно было списать на национальные особенности характера.

- Я надеюсь, меня в них посвятите вы. Вернее, я могу озвучить некую гипотезу.

"И мне остается только молиться, чтобы ты ее опровергла".

- Попробуйте.

- "Зимняя роза" - операция по вывозу зараженных так называемым "вампиризмом" людей из Рэды в Каллад. Я имею в виду, не разовая благотворительная акция, а полномасштабная операция.

- Вы очень мило называете их "людьми", - тонко улыбнулась графиня. - Обычно их называют кровососами,

вампирами и другими еще менее лестными словами. - В тусклом свете свечей ее глаза все равно оставались ярко-голубыми и очень блестящими. Эта странная шутка освещения Наклза настораживала. По идее, глаза у графини должны были быть черными.

- "Кровососы" - неточный термин. Питье человеческой крови им никак не помогает. Я прав?

- В том, что кровь не помогает? Отчасти.

- В том, что Дэмонра и вы покупаете зараженных рэдцев.

Графиня перестала улыбаться.

- Не покупаем. Покупают скот. Выкупаем. Допустим, вы правы.

- Список действительно существует?

- Нет. Вернее, не в бумажной форме.

Наклз был рад, что у них хватило ума хотя бы на это. Оставалось выяснить безрадостные детали:

- Как вы объяснили рост закупок сыворотки Асвейд? На Дэм-Вельде не могут не заметить, что...

- Никак, - отрезала Милинда.

- Значит, ее синтезируют нелегально.

Женщина мелодично рассмеялась:

- Можно подумать, нелегальный синтез сыворотки и промышленный шпионаж - наше самое большое преступление.

В этом Милинда, безусловно, была права. Учитывая все прочие их подвиги, нелегальное производство защищенной патентом сыворотки вправду никого бы не волновало.

Техническая сторона вопроса сделалась Наклзу примерно понятна. Разумеется, будь заводы действительно так убыточны, как следовало из отчетности, Дэмонра давно бы от них избавилась.

Принципиально непонятным оставалось только одно.

- Да зачем же? - без особенной надежды уточнил маг.

- А что, гипотезы у вас кончились? - уколола Милинда, поблескивая глазами.

- По поводу смысла данного... предприятия? Да у меня их и не было никогда.

- Вы считаете, то, что творится в Рэде - справедливо?

Если бы перед Наклзом повесили географическую карту и попросили ткнуть пальцем туда, где "справедливо", в юности он бы ее поджег. А сейчас просто стал бы смеяться.

- Я считаю, что обостренное чувство справедливости свойственно подросткам и людям, так и не вышедшим из подросткового возраста.

- Тогда мне очень жаль. У "Зимней розы" нет никакого

далеко идущего практического смысла. Мы занимаемся спасением бездомных котят. Прямо как девочки и мальчики в фиолетовых бантиках. Почему вы не смеетесь, Наклз? По-вашему, это должно быть бесовски смешно.

Ничего смешного Наклз не видел. Зато он очень отчетливо видел виселицы, которые за все эти дела светили.

- И давно вы... котят спасаете?

- Я - пять лет. Дэмонра, думаю, все десять.

"Двенадцать", - мысленно поправил Милинду Наклз. Считая его собственный долгий и полный приключений путь в Каллад, выходило все двенадцать.

- Дэм-Вельда, надо думать, очень огорчится, получив остатки "наследства Рагнгерд", - предположил маг.

- "Наследства Рагнгерд" уже года два как не существует. У Дэмонры остались только фабрики. И да, Дэм-Вельда огорчится. Можете считать это дополнительным стимулом к спасению котят.

- Эвальд, конечно, знает?

- Конечно. А вот Витольд - нет. Я посчитала неправильным втягивать в это его сына. В конце концов, он весьма достойный юноша. Сожалею, что не прихожусь ему родной матерью. Я, как вы понимаете, тоже попала сюда по "Зимней розе".

- Теперь понимаю. Хотя сам - в жизни бы не догадался.

- Я считаю, что мне невероятно повезло. И, в меру своих сил, возвращаю долги. Создатель, мессир Наклз, учил делать добро. А не выяснять, какому возрасту свойственно болезненное чувство справедливости и почему.

- Тогда мне остается только спросить, понимаете ли, что вас ждет, если... если что-то пойдет не так.

Милинда улыбнулась. На это раз, возможно, даже искренне.

- Я никогда не занималась вероятностными манипуляциями и, по счастью, понятия не имела, что меня ждет. Иначе бы повесилась лет в тринадцать и никогда не встретила бы Эвальда, к примеру. Я допускаю, что "Зимняя роза" сведет в могилу меня и, при плохом исходе, Эвальда также. Но все в мире имеет свою цену. В устах графини это, вероятно, звучит смешно, но я графиней была не всегда, мне и полы драить доводилось.

Милинда поднялась из кресла и прошлась по кабинету, шелестя шелковой юбкой. Замерла против Наклза и продолжила:

- Вы знаете, я недавно с компанией "дам из высшего общества" навещала один приют. "Благотворительность", раздача значков, сюсюканье, шелковые платочки к сухим глазам и все такое прочее. Думаю, вы представляете. Так вот, там было

четверо ребят из наших первых "бездомных котят". Теперь это две воспитательницы, повар и дворник. И они выхаживают еще пятерых. И, думайте что хотите, Наклз, но там цвела верба. Я посмотрела на вербу, этих детей и поняла одну простую вещь: даже если моя жизнь прошла, это - не пройдет.

Списка не существует. Тайна умрет со мной. А всех - не отловят. Сейчас в Каллад живет уже второе поколение, да и синтез сыворотки неплохо поставлен. И, кстати, своей родиной они считают Каллад, давший им шанс на жизнь. Вот вам и третья причина, по которой котят спасает Дэмонра. Подумайте об этом на досуге, Наклз.

- Что ж, графиня, я благодарен вам за разъяснения, - Наклз отодвинул чашку. У него голова шла кругом от свалившихся новостей. - Примите мое восхищение. Вы очень отважная женщина.

Милинда взмахнула красивыми полными руками:

- Да что вы. Я ужасная трусиха. Бывает ночью проснусь, так заснуть не могу. Но здесь нам с Эвальдом ничто не грозит. Мы всегда успеем уехать.

- Никуда эта дура уехать не успеет, - сообщил за спиной Наклза спокойный голос. Магу стоило большого труда не обернуться. Он прекрасно знал, что за креслом - стена, оклеенная цветочными обоями. Наклз, стараясь успокоиться и не обращать внимания на явную чушь, перевел взгляд на чашку. По тонкому белому фарфору причудливо вились золотистые прожилки.

Прожилки стали медленно распускаться в какие-то диковинные цветы и переползать на скатерть.

"Спокойно. Ничего не происходит".

- Мессир Наклз, с вами все в порядке? - голос Милинды долетел как из-за толстого слоя ваты.

- Да, - кивнул маг, не отрывая взгляда от вьющихся по скатерти цветов.

- Врать плохо. Тебе мама в детстве не говорила? - доппельгангер вышел откуда-то из-за кресла и присел на стол, так близко к Милинде, что она вполне могла коснуться его, если бы вытянула руку.

Женщина, конечно, ничего не видела.

- Скажи ей, что она - обчитавшаяся романтических сказок дура. Бывшая шлюха в придачу, кстати, ты же не поверил в сказку про поломойку? Кольцо с ядом на ее пальце. Такая чушь помогает только в романах про отравителей прошлого века.

"Спокойно. Я же прекрасно знаю, что нас здесь двое".

- Спроси, кого она отравить собралась? Пьяную солдатню?

- Мессир Наклз!

- Все в порядке, извините. Голова закружилась.

- Да неужели? - доппельгангер наклонился над Наклзом. Видеть собственное лицо без зеркала было жутковато. - Ты прямо как нервная девица. Но, вообще, нервничать стоит ей. Ты проживешь еще восемь лет, если не умрешь через полгода. А вот ее с муженьком разорвут в той самой комнате, где она тебя встречала. Кстати, в том самом платье.

- Сидите спокойно. Я сейчас принесу лекарство. Или кликнуть доктора?

- Не стоит. Я...

- Посоветуй ей все-таки повеситься. Это будет очень кстати. Трупу конечно все равно, но у пьяной черни бывают очень широкие понятия о прекрасном и...

- Прочь, - сквозь зубы процедил Наклз. Доппельгангер тихо фыркнул.

- Вот молодец. Осознание проблемы...

Дослушивать Наклз не стал. Он схватил чашку и швырнул ее в улыбающееся лицо. Чашка разбилась о стену. Осколки попали на платье Милинды. Женщина тихо вскрикнула, но потом быстро сжала губы, подошла к Наклзу и как следует встряхнула его за плечи.

- Вы меня слышите?

"Да. И, по счастью, теперь только тебя". Мысли текли как-то заторможено. Наклз с удивлением осознал, что ему очень холодно. Зуб на зуб не попадал.

- Мне точно не стоит принести вам чего-нибудь от головы?

- Нет, спасибо, не стоит, - Наклз, тяжело опираясь о стол, поднялся. Скатерть была так же бела и чиста, как и в начале беседы. - Прошу прощения за чашку. Я... извините меня, - маг быстро направился к выходу. В висках у него бешено стучала кровь.

Милинда с неожиданной для женщины силой схватила его за руку.

- Ну нет, никуда вы не пойдете, я вызову извозчика, - не терпящим возражения голосом заявила она.

Маг ловко вывернулся, почти бегом спустился по лестнице, подхватил плащ и выскочил на улицу. Фредерик с перчатками и шарфом в руках проводил его изумленным взглядом.

Как Наклз добрался домой, он не помнил. Дверь открыла Магрит, потому что сам он в замочную скважину ключом попасть не мог, как ни старался. Маг осел на пол прямо в коридоре. Коридор явственно раскачивался из стороны в сторону, и

удержать в нем равновесие никак бы не получилось. Где-то над ним промелькнули круглые от ужаса глаза Магрит.

- Врача! Кто-нибудь, ради Создателя, врача позовите! - испуганный голосок звучал как из густого тумана.

- Посоветуй ей лучше позвать тебе исповедника. Толку одинаково, так хоть посмеемся напоследок.

Глава 5.

1.

Дэмонра раньше всех лихо соскочила с подножки поезда и едва не поплатилось за свою дурость первоклассным падением: лед не был сбит. Платформу тускло освещали газовые фонари. Толпы встречающих с венками и флагами, по счастью, не наблюдалось. Собственно, для этого канцлер Рейнальд, старый лис, и позаботился о том, чтобы составы приходили в столицу ночью. Победоносного возвращения никто не ждал раньше начала мая. Да и сама Дэмонра искренне полагала, что день рождения Рейнгольда - а тот появился на свет точнехонько в первый день апреля - она будет встречать в чистом поле, с шашкой и пистолетом. Но они серьезно недооценили рэдцев. Или переоценили совесть их аристократии - это уже как посмотреть. Западную Рэду сдали со скоростью, которую даже Дэмонра с ее широкими взглядами на вещи сочла неприличной. Пять дней. Даже путь туда-обратно занял больше времени.

- Да тебя, гляжу, встречают, - хмыкнула Магда, приземлившись рядом. - Вон, стоит твой, гм, гражданский. За букетом спрятался. Но я его и с такого расстояния узнаю.

Дэмонра пригляделась. Метрах в тридцати, на кругу, где обычно крутились извозчики, действительно скучал Рейнгольд.

Магда не то чтобы не любила господина Зиглинда. Пожалуй, она даже очень хорошо к нему относилась. Но все никак не могла поверить, что подруга выходит не за генерала с большими усами и косой саженью в плечах, и даже не за Наклза, что, конечно, придурь сумасшедшая, но этого хоть можно было ожидать, а за тихого и вежливого юриста. То есть за человека сугубо мирного, без казарменного красноречия, командного голоса и твердого представления, что правильно - это "вон туда и быстро!" По мнению Магды, Дэмонра практически губила свою жизнь. Майор Карвэн имела совершенно определенное мнение о том, как, куда, когда и с кем ходить - хоть в нумера, хоть замуж. По ее мнению, настоящей нордэне пристало бегать на свиданки с дворянами, поскольку те умеют красиво ухаживать и, в случае чего, понимают слово "нет" без сопутствующего перелома чего-нибудь. А также, в отличие от экзальтированных представителей

иных сословий, не станут трясти пистолетом перед носом несостоявшейся дамы сердца, обещая застрелиться - все-таки поколения породистых папенек страховали от подобных глупостей, отбор, все дела. Коротать ночи было позволительно с творческими личностями, поскольку так можно было разом и время хорошо провести, и знания об искустве подтянуть, а при большой удаче еще и музой оказаться. Правда здесь следовало тщательно выбирать, потому что частые хождения в искусство могли закончиться больницей. Но вот замуж выходить можно было только за военных. При крайней необходимости - за умников вроде Наклза, но и то исключительно в целях улучшения породы. Причем только в том случае, когда потенциальное улучшение породы было возможно и планировалось. Поэтому конкретно для ситуации Дэмонры Магда Наклза решительно не одобряла.

- Зависть грех, - добродушно фыркнула нордэна в ответ. Высокого начальства не наблюдалось, и хвала богам. С тем, чтобы проследить за тем, как рядовой состав покидает поезд, справились бы и без нее. Победа была такая расперкрасная, что выпить за нее не решился даже Гребер, а уж он был тот еще барометр народной души. Так что должно было обойтись без эксцессов. Дэмонра поспешила к Рейнгольду, пока на платформу еще не набилась толпа. Тот, сконфужено улыбаясь, протянул ей замотанный в оберточную бумагу букет.

- По правде говоря, поздравлять меня не с чем, - пожала плечами Дэмонра, принимая цветы и попутно пытаясь нарисовать на своей хмурой морде хоть какую-то радость. Формально они привезли победу. Если победой можно было назвать такую ситуацию, когда победители даже не постреляли, а побежденные большей частью удрали, а меньшей - постреляли сами. Не то чтобы нордэну так уж тянуло в очередной раз радикально попортить рэдцам поля или города, но как-то все равно вышло мерзко. Хотя, если подумать, кесарь должен был быть доволен.

- Я просто рад видеть тебя живой и здоровой. Хотя, бесспорно, никто не ждал так рано.

- Какой ужас. Ни там нас не ждали, ни здесь нас не ждут, - посетовала нордэна. - Как ты здесь оказался?

- Воспользовался служебным положением.

- Адвоката? - усмехнулась Дэмонра.

- Ну ладно, родственными связями. Можешь считать, мне очень стыдно.

Судя по счастливым глазам, сделавшимся ярко-голубыми, Рейнгольду нисколько не было стыдно за свою информированность.

- За злоупотребление связями, сдается мне, бывают всякие неприятные последствия..., - задумчиво протянула Дэмонра, оглядываясь. Встречающих было мало. В основном здесь находились те, кого обязывала к тому служба. Из вагонов споро выходили люди, платформа потемнела от шинелей. Покрикивали. Хрустел снег, скрипел лед. Вокруг становилось шумно.

Дэмонра бы лично пристрелила каждого, кто сказал бы ей, что она стесняется связи с Рейнгольдом. Если уж кому и следовало стесняться, так ему: для него это был бы мезальянс, для нее - великолепная партия, с точки зрения светских условностей по крайней мере. Но стоять и болтать с ним при посторонних нордэна не любила. Пожалуй, лучше всего это можно было описать как чувство, будто она у кого-то что-то украла. И вроде бы доказать нельзя, но все знают, кроме самого обкраденного.

- Будь добр, подожди меня, мне надо... получить последние инструкции и нагоняи. И подержи извозчика, пожалуйста.

Зиглинд дернул плечами и кивнул, разом как-то потускнев.

Правда на то, чтобы не пихнуть букет обратно Рейнгольду и не сунуть его подбежавшему Греберу, Дэмонры все же хватило.

Она направилась назад к платформе. Ее сильно смущало, что нигде в поле зрения не было Наклза. Вот уж кому, а ему доступ к информации позволял знать, что она приехала, безо всяких родственников и прочих утечек. Не то чтобы маг был уж прямо обязан явиться ее встречать, но обычно Наклз поступал именно так. Он вообще не любил, когда Дэмонра находилась в толпе, а его при ней не было, и чем более мирным и невинным предполагалось событие, тем сильнее маг нервничал. А потому исправно таскался по театрам, пока Дэмонра не решила прекратить это измывательство и не свела выходы в свет к самому минимуму. Возможно, это у него остался такой профессиональный заскок со времен, когда они служили вместе. Или, что вернее, Наклз просто знал что-то такое, чего не говорил. Меньше всего Дэмонра собиралась пытать лучшего друга на предмет того, когда и как она умрет. Для этого существовали всяческие профессионалы и профессионалки, публикующие свои адреса на последних страницах газет. И судьбу бы предсказали, и на коне объехать ее бы помогли, а заодно сняли бы родовые проклятия, венец безбрачия и тягу к спиртному.

Вторый тревожный колокольчик прозвенел, когда у перил обнаружилась скучающая Сольвейг Магденгерд. Ее присутсиве и отсутствие Наклза вовсе не были обязаны иметь

между собою какую-то связь, но Дэмонре все равно сделалось не по себе. Решив не воевать без толку с дурными предчувствиями, нордэна направилась прямиком к Сольвейг. Та заметила ее издали и кивнула в знак приветствия:

- Ну здравствуй, орел ты наш боевой, - Сольвейг расцвела в иронической улыбке, больше похожей на оскал какого-то не очень крупного, но вполне хищного зверька. Обижаться на нее за это не стоило: работа накладывала известный отпечаток на личность. Дэмонра не помнила ни одного человека, по долгу службы регулярно откачивающего полумертвых магов, которому к тридцати годам удалось бы сохранить хоть сколько-нибудь доброжелательный настрой. Это было почти то же самое, что катить в гору тяжелый валун, который все равно бы сорвался назад за пару шагов до вершины. Только в этом случае валун еще мог жаловаться на набитые синяки, плакать и просить оставить его в покое.

- И тебе не болеть, защитник глубокого тыла, - в тон ответила Дэмонра.

- Мне, конечно, интересно, почему вас так рано принесло. Но это, видимо, военная тайна и завтра я все в газетах прочитаю, - Сольвейг все делала преувеличено быстро и четко - ходила, жестикулировала, разговаривала. Ее слова сыпались как бисер, стучащий по полу. - Поэтому удовлетвори мое любопытство по другому вопросу. Где ты достала это конопатое нечто по имени Магрит?

Вопрос, надо признать, поставил Дэмонру в тупик. Ее удивлял сам факт знакомства Сольвейг с Кассиановым подарочком на ножках. Наклз вообще не то чтобы вел активную социальную жизнь или принимал гостей без необходимости. И уж конечно он не пустил бы в дом и самого надежного человека, зная, что под одной крышей с ним находится инсургентка прямиком из Рэды. Не говоря уже о том, что некромедиков он недолюбливал на профессиональной почве, и на единственное исключение - оборотистую дамочку по имени Абигайл Фаресс - Сольвейг не походила ни внешне, ни внутренне.

- Магрит. Гм. Она не моя внебрачная дочь от Наклза. Как бы тебе ни хотелось это услышать.

- К сожалению, да. В твою защиту говорят ее румяные щечки и арифметика. А ты только представь, какая отменная вышла бы сплетня. Правда меня больше забавляла та, где утверждалось, что вы - родные брат и сестра, к тому же состоящие в кровосмесительной связи.

Дэмонра слышала много сплетен на предмет их с магом загадочных отношений. Пару раз даже наносила сплетникам

травмы разной степени тяжести.

- Надеюсь, здесь в мою защиту тоже что-нибудь да говорит?

- Та же арифметика. И еще то, что я хорошо помню Вигнанда.

Дэмонра скривилась, как от зубной боли. Своего старшего брата она тоже хорошо помнила. К сожалению, теперь старшей была она, потому что Вигнанду навечно осталось двадцать. То ли очень глупая братнина дуэль, то ли очень умные мамины враги. Вот этого она бы уже никогда не узнала.

- Ладно. Так где ты встретила конопатое нечто?

- В опере, - фыркнула Сольвейг. - Дэмонра, ну сама подумай, где бы...

Дэмонре показалось, словно ей за воротник бросили пригоршню льдинок.

- Что с Наклзом?!

- Он уже в порядке, да слушай же...

"Боги мои, не так..."

На улице как-то резко похолодало, а горящие над в небе крупные звезды стали еще дальше, чем всегда. Дэмонра поежилась, сунула руки в карманы шинели и внутренне собралась. Наклз мог сколь угодно долго и убедительно врать, будто все в порядке. Не могло быть все в порядке у сильно потрепанного жизнью и службой в двух армиях тридцатисемилетнего мага. Она была почти уверена, что у него больное сердце. Рано или поздно это должно было случиться. И, видимо, случилось.

- Удар? Когда? - безнадежно уточнила Дэмонра, чувствуя, что мир несет куда-то в сторону. Неизбежность пришла, чего было удивляться, но люди каждый раз такому удивляются.

Сольвейг скривилась:

- Дэмонра, ну ты прям как та крестьянка из сказки. Только с парнем поцеловались, а она уже думает, кого на свадьбу приглашать и где люльку вешать. Не было никакого удара. Выдохни и слушай. Маг твой в рубашке родился. Честное слово, Дэм, не будь я уверена, что мне потом придется срочно паковать вещички и удирать от тебя на Архипелаг, сама б его убила. Потому что такого придурка...

- Сольвейг.

- Хорошо, все поняла. Перехожу к делу. Твой маг...

- Он не мой маг! - взвилась Дэмонра. Ее колотило. - Что случилось?!

Сольвейг и бровью не повела.

- Ну допустим бегающий за тобой как привязанный маг

все-таки не твой. Итак, этот не твой маг поймал отличнейшую пневмонию. Качественную такую, левостороннюю, с жаром, бредом, галлюцинациями и прочими полезными надбавками за храбрость и глупость. Мало того, судя по рассказам Магрит, он благополучно провел на ногах не меньше трех-четырех дней, прежде чем окончательно свалиться в прямом смысле этих слов. Ты уже ощущаешь глубокую гордость за него? Не каждый день встретишь такую выдающуюся придурь на своем пути.

Дэмонра ощущала немыслимое облегчение и, где-то на задворках сознания - благодарность к Кассиану, догадавшемуся прислать из Рэды инсургентку с револьвером. Ей думать не хотелось, что могло бы случиться, если бы Наклз, как обычно, жил один. Прислуга приходила к нему раз или два в неделю. У мага имелись все шансы проститься с жизнью. Совершенно одному, в доме, где и огня было бы некому зажечь.

- Пневмония... Что с ним сейчас?

- Отлеживается, отварчики пьет, морально страдает, я думаю. Попробует встать - я разрешила Магрит его больно отлупить по мягким местам, если сумеет такие отыскать. Собственно, сама бы не отказалась его поколотить. Пятеро суток не отходила постели и делала ему уколы. Даже мой муж ревновать начал, а Грегор, знаешь ли, не из ревнивых. Вообще, сейчас Наклз, надеюсь, спит, так что лететь к нему на крыльях любви и верности прямо отсюда не обязательно...

- Спасибо, Сольвейг. Заткнись, пожалуйста.

- Хорошо. Я поняла: тебя переполняет благодарность. Захочешь ее как-то оформить, потолкуй с Немексиддэ. Они совсем там на Архипелаге ума лишились. Еще чуть-чуть, и я решу, что легче подпольно синтезировать виссару, чем покупать легальную. Даже если вбить сырье, взятки всем инстанциям, плюс родственникам и заинтересованным лицам, аренду цеха и зарплату рабочим, то как раз выйдем на половину ее нынешней "справедливой" цены.

- Поняла, Сольвейг. Еще раз спасибо тебе. Я достану тебе виссары сколько надо.

- Да чего там, свои люди - сочтемся, - нордэна улыбнулась. Ее глаза блеснули, как лед на солнце. - В конце концов, не каждый день видишь живое анатомическое пособие, которое еще и что-то там бормочет. Ты кормить его не пробовала? Говорят, иногда помогает. Магрит наловчилась делать уколы - как я поняла, эта милашка училась на ветеринара, судя по остаточным знаниям - так что можешь не беспокоиться. Выкарабкается твой маг. Если бы он собирался умереть, уже бы умер. И, да, когда очухается настолько, что перестанет путать

тебя с вурдалаками и бесами, уговори его перейти на хорошее успокоительное. Я рэдди почти не знаю, но бреда его наслушалась. Мне кажется, твоему магу мерещатся страшные вещи.

Дэмонра насторожилась, даже "своего" мага мимо ушей пропустила. Сольвейг-то может рэдди и не знала, а вот Магрит - знала. Наклз бы точно не обрадовался. Но очень глупо было бы сейчас начать заинтересованно выяснять, что же Наклз такого сказал.

- Я тебя вряд ли удивлю новостью, что маги действительно говорят о том, что видят, но вот то, что они видят, обычно не существует.

- Дэмонра, послушай, - Сольвейг подошла совсем близко и понизила голос до еле различимого шепота. - Я ничего не знаю и знать не хочу. Я не хочу знать, почему кесарский маг второго класса бредит на рэдди и вспоминает какой-то аэрдисовский лагерь. Меня нисколько не заинтересовал ожог на его руке, который по месту ну просто чудненько совпадает с тем, где имперцы обычно выбивают своим наймитам идентификационные номера. И уж совсем я не хочу знать, почему в кошмарах этот человек говорит об аксиоме Тильвара. Компетентным органам тоже лучше бы всего этого не знать. Потому что даже мне лезут в голову не самые приятные параллели.

Дэмонре осталось только молча возблагодарить своих богов за то, что Сольвейг и понятия не имела, как она права. Во всяком случае, насчет лагерей. Про аксиому Тильвара Дэмонра знала лишь то, что эта штука ей не по мозгам.

- Ты шпионский роман часом не сочиняешь, Сольвейг?

- Я не пишу ни романов, ни доносов, Дэмонра. Но, для твоего понимания, он не на губернатора, знаешь ли, покушение готовит, он болтает об имперских лагерях! Тут уж не до модной фрондеры и медицинской тайны. Не будь он твой друг, я сдала бы его, не сомневаясь ни секунды. А теперь, прости, мне пора. Без двадцати минут полночь. Муж не поймет.

Дэмонра проводила быстро удаляющуюся Сольвейг взглядом. Муж Герберт ту бы не понял. А вот Рейнгольд бы, конечно, понял, если бы она сейчас же помчалась проводить бессонные ночи у постели Наклза. Нордэне вспомнилось насмешливое лицо Кассиана и тон, которым было сказано: "Я так и думал. Бедный парень". Сделалось совсем тоскливо. В довершение всего, под полы шинели лез холод. Вернуться из Рэды в Каллад было странно, как из весны - в зиму. Рейнгольд, наверное, тоже мерз и злился.

"И принесли его бесы меня встречать", - недовольно

размышляла нордэна. Недовольна она была миром в целом и сама это прекрасно понимала, но вот злилась почему-то на Рейнгольда. С его блестящей мыслью притащиться сюда, с букетом и днем рождения, так аккуратно приходящимся именно на приближающийся день.

- Дэмонра, прости, - Кейси подошла неслышно, как кошка. Вид у нее был испуганный. - Мне показалось, или тут была моя кузина?

Можно подумать, Сольвейг, всегда разряженную так, словно она только что сошла с витрины модного салона дамского платья можно было с кем-то перепутать. Особенно в толпе людей, одетых куда как более однообразно.

- Тебе не показалось, - отрезала Дэмонра. У нее не было ни малейшего желания разговаривать.

Кейси нервно поправила волосы:

- С Наклзом ведь... ничего не случилось?

"Ну как ничего, он тридцать семь лет на этом свете живет!"

Дэмонра стиснула зубы, чтобы случайно ничего не ответить.

Чувства Кейси были личным делом Кейси, и нордэна в жизни бы не позволила себе что-то тут сказать, но вот именно этой придури подруги она решительно не понимала. Чисто практически обхаживать Наклза было так же бесполезно, как обхаживать фонарный столб. Если маг решил, что какой-то элемент не попадает в итнересующую его часть мира, можно было хоть стреляться, хоть в одних чулках танцевать, он бы и бровью не повел. Допустим, Наклз выглядел интересно бледным и трагически неприкаянным, с тайной за душой - все как любят молодые барышни с избытком эмоций и недостатком практических проблем. Ну вот и остановилась бы Кейси со своим желанием кого-то отогреть и облагодетельствовать на Эрвине. Тоже тот еще безвинно гонимый, только моложе, глупее и симпатичнее. Напоить обоих одинаково тяжело, но вот Эрвина под венец заволочь было бы гарантировано проще, главное побольше плакать и рассказывать, что любовь в жизни одна.

Собственно, примерно этот совет Дэмонра уже готова была дать, но одернула себя. По большому счету, Кейси ведь не была виновата, что все шло наперекосяк. Если что ей и можно было поставить в вину, так это не вполне красивое намерение осиять жизнь человека, который вовсе не просил о подобном счастье.

- У Наклза пневмония. Кризис прошел. Теперь выздоровление - дело времени. Ну, еще уколов и постельного

режима.

На лице Кейси отразилось облегчение.

- Это ... это очень хорошо. Ты не думай, я не подслушивала, просто... Ладно, я подслушивала, вернее, пыталась. Он же обычно встречает, а его не было, вот я и решила, что... Бесы! Понимаю, у меня ужасно глупый вид и ты ужасно не одобряешь мое поведение...

- ... и уже готовлюсь писать твоей матери, - голосом благотворительной дамы закончила Дэмонра, и Кейси с облегчением рассмеялась. Видимо, представла лицо Ингегерд, доведись той прочесть письмо о падении нравов ее дочери за авторством Дэмонры. Да стальная леди Архипелага повесилась бы на собственной косе, предварительно прокляв их в стихах.

- Ты ведь сейчас к Наклзу, да? Давай я передам рэдского варенья? Оно с чаем отлично пойдет, очень полезно, и он любит сладкое...

Дэмонра поглядела на часы. Без четверти полночь. Пятнадцать минут до апреля. Можно было лететь к Наклзу или стоять тут и обсуждать с Кейси, что маг любит и не любит: Рейнгольд бы, конечно, все понял, как обычно. Но как-то уж слишком много ему приходилось понимать.

- Нет, Кейси, я поеду домой. Передашь варенье сама. Наклз, наверное, спит, но Магрит утром тебя впустит.

- Маг-рит? - у дочери Ингегерд было такое лицо, точно ее ударили. - Это...

- Это племянница, - быстро пресекла ее раздумья Дэмонра. - То есть не племянница. Но она ему не племянница в хорошем смысле этих слов.

Кейси пыталась вникнуть в суть сказанного несколько секунд. Но, вникнув, снова расцвела в улыбке и защебетала:

- Так мне можно у него подежурить, как думаешь? Он не рассердится?

Зная Наклза, Дэмонра бы такими разрешениями разбрасываться не стала.

- Мне не кажется, что это хорошая мысль... Весна впереди длинная, и есть более приятные места для встречи.

- Есть, - тускло согласилась Кейси. - Только он туда, конечно, не пойдет.

Рейнгольд, как и обещал, ждал ее у круга. Рядом дежурила коляска. Конь пофыркивал, выбрасывая из ноздрей клубы пара. Все свои сумки Дэмонра оставила Греберу, так что ее не тяготило ничего, кроме букета и сомнений.

- Прости меня, Рэй, я заканчивала дела, - сообщила она,

приближаясь.

Зиглинд обернулся и кивнул:

- Разумеется. Я нанял извозчика. Можешь ехать сейчас же.

Дэмонра внимательно изучало лицо Рейнгольда, но этот процесс, как обычно, ничего не давал. Порой она от души завидовала его умению держать свои эмоции при себе. А иногда хотела сказать что-нибудь предельно резкое и злое, чтобы посмотреть, как вежливая маска пойдет трещинами, осыплется и все-таки покажет настоящее лицо. Рейнгольд как всегда невозмутимо выдержал взгляд и сделал приглашающий жест в сторону коляски.

- Твой багаж у Гребера?

- Да, - ответила Дэмонра, усаживаясь. Все шло не так. Нужно было срочно что-то решать. Рейнгольд устроился рядом и, ничего не спрашивая, назвал адрес Наклза. Рассказать ему было некому, видимо, отменно работала интуиция.

- Я зайду к тебе завтра во второй половине дня, если ты не возражаешь, - как бы между прочим заметил он. - Если ты не выспишься, просто сними колокольчик, я тогда не буду колотить в дверь.

Чем безупречнее вел себя Рейнгольд, тем большей свиньей ощущала себя Дэмонра. Она прислонилась к его плечу, думая о своем. Если верить часам, только что наступил апрель. Это, конечно, ничего не меняло. По-прежнему было черно, холодно, а в небе горели далекие ледяные звезды.

Наклз говорил, что в мире вообще никогда ничего не меняется. Но не мог же он быть прав.

"Годы идут. Может, мир и не меняется, а мне уже тридцать два. У меня нет семьи, и такими темпами скоро не будет родины. Я ничего не хочу. И нет, я не люблю Рейнгольда. Он прекрасный человек, но это ведь ничего не меняет. Или меняет?"

Дэмонра судорожно вздохнула. Она была уже давно не в том возрасте, когда можно было плакать из-за отвлеченных вещей. Щеку холодило сукно пальто Рейнгольда.

"Мир не меняется. Мир меняется. Миром правит судьба. Мы сами делаем свою судьбу. Мир начался метелью и закончится звоном колоколов. А, может, правы они, и тогда мир начался совсем не тем и закончится совсем не так. Боги мои, как холодно. И как все глупо. Такая ошеломительная, такая огромная ахинея, как здесь понять-то..."

- Мы едем к мосту святой Дагмары, - громко сказала - почти крикнула - нордэна. Рейнгольд даже вздрогнул.

- К мосту Дагмары? - переспросил извозчик. - Не на

Гончих Псов?

- К мосту Дагмары, - подтвердила Дэмонра, с удовольствием отметив, как расширились глаза Зиглинда. - Остановите у церкви.

Когда они достигли нужного места, было уже не меньше половины первого. Газовые фонари освещали пустынную улицу ровным мертвенно-желтым цветом. По сравнению с набережной во дворах было довольно сумрачно. Дэмонра соскочила с коляски и осмотрелась. Огня в окнах в такой час уже почти никто не зажигал. А вот церквушка, стоящая в глубине двора, была подсвечена ярко и ровно. Даже, пожалуй, празднично. Дэмонра впервые в жизни пожалела, что так и не догадалась расспросить ни Зондэр, ни Гребера о режиме работы "дома Создателя". Блестящий план, сложившийся в ее голове за последнюю четверть часа, перестал казаться таким уж блестящим. Но нордэна все равно браво вздернула нос.

- Метрика у тебя, конечно, с собой. Свидетелем возьмем вот его, - Дэмонра кивнула на извозчика. - За марку подышишь ладаном и поскучаешь пять минут?

Повисло молчание. А потом Зиглинд засмеялся. Негромко, но очень весело. Вылез из коляски.

- Трогай, - бросил он извозчику. - Трогай-трогай.

Мужик странно покосился на них, но действительно подстегнул лошадку и поехал. Колеса тихо поскрипывали. Нордэна проводила удаляющуюся коляску взглядом. Когда та скрылась за поворотом, обернулась к Зиглинду, в ожидании объяснений. Тот улыбался как именинник. Впрочем, до именин ему и вправду недолго оставалось. Ночь стояла холодная, и Дэмонра уже начинала жалеть, что не позаимствовала у Гребера "лекарства от сердца" на дорожку.

- Твой модный либерализм не заходит так далеко, чтобы взять в свидетели извозчика? Нас обвенчают так? - изогнула бровь нордэна. Рейнгольд покачал головой:

- Нас с тобой вообще не обвенчают. Ни с ним, ни без него.

- Из-за меня? Чушь. Нордэнам можно, если ты про это. Все равно на Архипелаге все континентальные религиозные обряды считаются недействительными...

- И все равно не обвенчают, - улыбнулся Рейнгольд.

- А за деньги?

- Дэмонра, я спросить боюсь, какой такой грех ты хочешь прикрыть настолько сильно, что готова сунуть взятку за венчание перед богом, в которого не веришь?

- Пф, Рэй, взятки в таких случаях суют магистрату! Создатель как-то не очень превращает незаконных отпрысков в

законные и все дела, тут печати нужны... А взятку я предлагала дать, чтоб не мерзнуть, раз приехали.

- Померзнуть придется, до конца апреля вообще никого не венчают. Нельзя. Там церковные праздники идут сплошной чередой.

- Твою мать, - пробормотала нордэна. Никогда она об аэрдисовской церкви ничего хорошего не думала. И да, на уроках нравственного закона, дающего, в том числе, кое-какие сведения о религии имперцев и их праздниках, она спала или рисовала карикатуры на преподавателя, похожего на здоровенную засушенную рыбину. Нордэнов освобождали от экзаменов по этому предмету. Да и калладцы проходили его по большей части для "общего развития". Специалистов по данному вопросу готовили в единственной на стомиллионную кесарию семинарии. Каллад был светским государством, и формально, и неформально. В отличие от империи, церковь здесь была полностью отделена от государства, и свобода совести, пожалуй, была одной из немногих свобод, которой и впрямь мог похвастать каждый калладец. Храмы, украшавшие столицу, по большей части построили лет триста-четыреста назад, их реставрировали по необходимости - и только. В основном церковь спонсировали выходцы из восточных провинций да богобоязненные меценаты. Желавшие провести службу - венчание или панихиду - оплачивали это удовольствие самостоятельно. Дэмонра по многим причинам относилась к дому Создателя почти как к лавке и сильно удивилась, застав ее закрытой. - Да... Однако. Мои предки сказали бы: "Не судьба" и пошли пить. А твои бы что сделали?

- А мои бы сказали: "Надо было заранее справиться с расписанием или хотя бы предупредить жениха, чтобы он заблаговременно раздал взятки", - Рейнгольд счастливо смотрел куда-то в ночь. - И, наверное, тоже бы пошли пить.

- Хоть в одном планы сходятся, - буркнула Дэмонра. Удачные комбинации в штабе ей еще периодически удавались, а вот мир она проигрывала с треском и завидной регулярностью. Вся в маму.

- Не хмурься.

Дэмонра от души пнула льдышку под ногами.

- Ты, помнится, сам мне велеречиво намекал, что сожительство не вписывается в твои традиционные ценности и представления о достойном поведении, - взвилась она. - Ну, я подумала, что можно пойти и повенчаться.

"Раз уж мне не пришлось торчать у постели Наклза и слушать ахи-охи Магрит. Надо же было провести ночь с пользой".

- Ты, как всегда, впадаешь в крайности, я всего лишь предлагал заглянуть в магистрат, это решает все вопросы семейного и имущественного характера. А касаемо вещей более... которые просто более. Мне интересно, а о том, что нам с тобой потом на Последнем суде вместе стоять, ты случайно не подумала? - серьезно уточнил Зиглинд.

Дэмонра могла бы порадовать законника новостью, что нордэнский конец мира никакого суда не предусматривает, поскольку в программу мероприятий входит только масштабное мордобитие под колокольный звон, но решила не делиться такими подробностями.

- Ты адвокат, Рэй. Я подумала, что ты там как-нибудь да отбрехаешься за нас обоих.

Рейнгольд усмехнулся, обнял Дэмонру и, глядя в глаза, сообщил:

- Я оценил широту жеста. Честное слово. Он был очень широкий.

- Адвокаты всегда брешут!

- Ох уж мне твой правовой нигилизм...

- Правовой кто? Звучит как название дурной болезни... Я тебе не изменяла, если что.

- Что мне надо сделать, чтобы уговорить тебя на нормальную церемонию, белое платье и фату? Звезда с неба? Мир во всем мире?

- Да далась тебе эта, - Дэмонра хотела сказать "собачья выставка", но сообразила, что с ее стороны родственников не будет, а со стороны жениха будут все, и выражения лучше подбирать. - Это... костюмированное представление.

- Это чисто семейные предрассудки.

Против такого аргумента, надо признать, было не попереть. Дэмонра вон в фактически прямую госизмену влезла из-за семейных предрассудков, а Рейнгольд всего-то и хотел, что замотать ее в белый шелк и предбявить родне.

- Если вдруг будет сын, называем его Бернгард.

- А если дочка?

- А если дочка, тебя вообще никто спрашивать не будет! И вообще, имя дочки я уже проспорила, поэтому для начала нам нужен сын.

- Я, кажется, начинаю понимать, почему в нордэнских словарях нет слова "компромисс"...

- Боюсь спросить, какую еще дрянь ты мог прочесть в наших словарях...

- Ну, именно дряни там не так уж и много. У вас нет брани или вы не посвящаете в нее иностранцев?

- Ну как сказать "нет брани". Скорее, она, в отличие от калладской, не грешит разнообразием. Но да, слов, обозначающих шлюху или ублюдка ты не найдешь: продажа того, что тебе принадлежит, законна, а все здоровые дети тем более законны, иначе они бы просто не родились. А проезжаться по умственным способностям собеседника пятьюдесятью разными способами у нас не принято. Как говорится, сколько ни ори, а врезать надежнее.

Рейнгольд покачал головой и улыбнулся:

- Ужас. А больше всего мне понравилось, что глагол "любить" у вас не имеет формы прошедшего времени.

Формы будущего времени у этого глагола тоже не существовало. О чем Дэмонра могла бы сказать, но не сказала. Ей вспомнился отец, серьезный, сдержанный, очень строгий, пристально глядящий на мир из-за блестящих стекол очков. В отличие от матери, он никогда не повышал голос и почти никогла не ошибался. Бернгард Вальдрезе был прекрасным человеком, к сожалению, слишком занятым делами министерства просвещения, чтобы просвещать собственных сына и дочь по всяческим приземленным вопросам. Он мог часами рассказывать, чем плох Циркуляр о кухаркиных детях и как важно поскорее разрешить вопрос всеобщего образования, преодолев исконное недоверие крестьянства ко всем этим "книжным премудростям", пока не стало поздно. Но едва ли мог бы объяснить, почему не расходится с женщиной, которая максимально не подходила ему даже тогда, когда еще не привезла медаль "За усмирение", не разбила этой медалью лицо канцлеру и не спилась. А Рагнгерд была не из тех, кто останавливался на достугнутом, и бесы знали, что она успела бы наворотить, если бы не одна подорванная часовня. Сестры отца и особенно его мать невестку ненавидели и души бы продали за то, чтобы Бернгард потребовал развода, но отец так и не потребовал. Они с Рагнгерд прожили вместе два десятка лет и даже умерли в один день, хоть и не так, как о том пишут сказки. Никаких полезных советов на этот счет родители Дэмонре не оставили, но, чем дольше она жила, тем ближе подходила к одной простенькой мысли. Влюбиться можно было за доброту, красоту, верность, остроумие, молодость и многие другие качества. А можно было и без всего этого. Иногда случалось, что человек любил другого только за то, что тот любил его: просто потому, что нечасто встречаешь любовь на своем пути и еще реже своевременно узнаешь.

Рейнгольд, во всяком случае, сделал все, чтобы сомнений в природе его чувств у Дэмонры не возникло. А это уже дорогого стоило.

- Будет и белая фата, и магистрат, что хочешь, то и будет, - махнула рукой она. Рейнгольд нахмурился:

- Если это настолько убивает в тебе всякую радость, можно и без них. Но тогда придется уехать...

Нордэна не отказалась бы узнать, что именно убивает в ней всякую радость, потому что кроме абстрактного слова "время" на ум ничего не приходило. Но вот уж точно Рейнгольд был не при чем.

- Я не для того тут полжизни шашкой бряцала, чтобы теперь уезжать! - отрезала Дэмонра и отвернулась. Потом сообразила, что говорит не то и не тому, кое-как привела голос в порядок и уже мягче добавила: - В том смысле, что, конечно, мы не будем шокировать твоих родственников больше, чем уже это сделали...

- Да нет, полагаю, ты сказала именно то, что думаешь. Про шашку и про жизнь.

- Тогда я не понимаю, почему ты не смеешься и не уходишь.

- Потому что я видел, кому руку и сердце предлагал. Меня больше пугает, что и ты больше не смеешься.

"Гораздо хуже, что я и не ухожу".

- Давай сойдемся на том, что мы поставим нужные штампы, сделаем мне нужные прививки, чтобы твои родственники в обморок не падали, и не будем лишний раз попадаться им на глаза. Я вернулась. Все закончилось.

2.

- Эрвин, ты так сильно торопишься? - Витольд Маэрлинг, как обычно, улыбался широко, обаятельно и несколько дурашливо. Весь путь от вокзала он шел рядом с самым независимым видом, даже насвистывая. Нордэнвейдэ еще глубже зарылся носом в воротник и неохотно ответил:

- Да.

И здесь соврал. Он даже не знал, чего ему хотелось меньше: оставаться на продуваемом всеми ветрами вокзале или идти на съемную квартиру, к незабвенной мадам Тирье.

Настырный Маэрлинг не отставал:

- Может, пойдем по стаканчику пропустим? Тьфу, в карты поиграем...

Только немалое уважение к Дэмонре мешало лейтенанту

вернуться и доступно объяснить полковнице, что ставить виконта Маэрлинга в известность о личных проблемах бывшего человека по имени Эжена Нерейд было в высшей степени некрасиво. А потом объяснить Маэрлингу, что помощь не нужна. Еще более доступно. Наверное, даже с кулаками.

Виконт изливал на Эрвина потоки дружелюбия уже вторую неделю. Нордэнвейдэ сперва вежливо улыбался и отказывался играть в покер. Потом отказывался, уже не затрудняя себя улыбками. А напоследок и вовсе заявил, что у него нет ни желания, ни денег. Маэрлинга, к сожалению, такие мелочи не смущали. Он продолжал подзадоривать Эрвина ко всяческим сомнительным подвигам и нисколько не огорчался, получая отказы, с каждым разом становившиеся все менее и менее любезными.

Останавливало готового сорваться Нордэнвейдэ только то, что виконт Маэрлинг других своих приятелей вызвал бы на дуэль и за половину услышанного им от Эрвина. Видимо, он искренне хотел помочь. А Эрвин уже искренне хотел кусаться. Или, на крайний случай, исправить Витольду благоприобретенную асимметрию носа посредством хорошего удара справа.

- Эрвин, а может в бардак?

- Спасибо, нет.

- Да ладно, а если в хороший? Это безопасно.

- Спасибо, нет.

Витольд пробурчал что-то нелестное, но Нордэнвейдэ вовсе не собирался вступать в перебранку. Он окончательно решил, что ночевать у Тирье не намерен, и теперь перебирал в памяти адреса гостиниц, где было можно было остановиться хотя бы до завтра. Здесь нужно было совместить требования приличий и имеющийся бюджет, и данный процесс требовал сосрелоточенности. А не Маэрлинга с его прожектами.

Они давно сошли с платформы, почему-то миновали извозчиков и теперь брели прочь от вокзала. Эрвин тащил легкий саквояж, злился и отчаянно мерз. Маэрлинг, оставивший сумки кому-то еще, шел налегке, распахнув шинель, и жужжал, как шмель.

- Эрвин, может тогда ко мне? - предпринял он очередную попытку растормошить сослуживца.

- Спасибо, нет, - проскрипел зубами Нордэнвейдэ.

- Эрвин, вы меня вообще слышите?

- Спасибо, не... Что?

- Все, - констатировал Маэрлинг, притормаживая. - Видит рэдский Создатель и особенно полковник Дэмонра, я этого не

хотел!

Что произошло дальше, Эрвин понял не сразу. Сперва Маэрлинг дернул его за плечо, останавливая. Возмущенный такой фамильярностью Нордэнвейдэ развернулся с намерением как следует объяснить невоспитанному графскому сыночку, что руки распускать тот будет с дамами. Но ничего объяснить он так и не успел: последовал превентивный удар в ухо.

У Эрвина искры из глаз посыпались, и отчаянно загудела голова.

Где-то в глубине души он подозревал, что без драки в итоге не обойдется, но такой наглой атаки никак не ожидал. И вообще, это он должен был начать.

Нордэнвейде пошатнулся, но равновесие удержал. Более того, даже попытался отмахнуться кулаком, метя в злосчастный нос оппонента с намерением возвратить ему первозданную симметрию. Куда там. Витольд ловко уклонился, а вот Эрвин поймал второй удар, прямехонько в скулу.

Дело было дрянь. Маэрлинг выигрывал и по массе, и по опыту. Как бы Эрвин ни был зол, а это он осознавал отлично. Нордэнвейдэ попытался увернуться, не сумел, получил в зубы и понял, что надо срочно что-то менять, пока его не отваляли, как школьника. Вернее даже не понял, а сообразил как-то в обход мыслительного процесса. И здорово разозлился.

Это было даже хорошо. Забыв о морально-этической стороне вопроса, которая говорила, что для взрослых людей вообще и офицеров в частности они ведут себя недопустимо, Эрвин протаранил обидчика головой в живот. Маэрлинг, такого коварства не ожидавший, ничего предпринять не успел. Оба полетели на припорошенные снегом камни мостовой.

Маэрлинг оказался снизу и приложился сильнее. У виконта, видимо, перехватило дыхание, и несколько секунд он не только не был способен кулаками махать, но и просто шевелиться не мог, чем Эрвин не преминул воспользоваться. Вдохновленный добытом в честном бою преимуществом, он от души врезал сослуживцу по носу. В конце концов, он мечтал об этом последние дней десять.

Пришедший в себя Витольд, разумеется, в долгу не остался.

Далее последовала совершенно безобразная сцена, в ходе которой они, ругаясь сквозь зубы, катались по снегу, пихались, пинались и вообще вели себя в лучших традициях гимназической потасовки.

Как долго сцена продолжалась, Эрвин не знал, но вот финал у нее был вполне предсказуемый. Чуда не случилось, и

Витольд, хлюпая разбитым носом, все-таки подмял его под себя.

Прижатый к тротуару Эрвин вяло отбрыкивался, а Маэрлинг отвешивал ему качественных калладских "лещей", одного за другим, приговаривая:

- Ну что, веселее, чем в бардаке-то? А?

- Да пошел ты! - огрызался Эрвин. Его мотало из стороны в сторону. Шапка куда-то исчезла еще в первые секунды драки, так что теперь он имел сомнительное удовольствием пересчитать затылком некоторое количество камней тротуара. А также все их неровности.

Изловчившись, Эрвин все-таки пнул обидчика. Маэрлинг откатился, но не растерялся и, прежде чем Нордэнвейдэ сумел предпринять еще какие-то активные действия, схватил его за шкирку и сунул головой в ближайший сугроб.

Эрвин поперхнулся снегом. Проблема нанесения Витольду максимума повреждений временно отпала: очень хотелось дышать. Увы, Маэрлинг держал крепко, да еще и что-то приговаривал. Нордэнвейдэ его не слышал и не слушал. В голове шумело, лица он от холода просто не чувствовал. Возможно, это было к лучшему.

- Охладился? - поинтересовался Витольд, переворачивая переставшего отбиваться Эрвинаэ. Тот вслепую отпихнул его и зашелся в приступе кашля. Откашлявшись, стал кое-как оттирать лицо, всякое мгновение ожидая, что его угостят очередной увесистой зуботычиной. Но нет, Маэрлинг стоял рядом, отряхивался, посмеивался и не демонстрировал ни малейшей агрессии. Разве что поругивался, впрочем, совершенно беззлобно.

- Да что вы себе позволяете... - зашипел Эрвин, поднимаясь. Потасовка потасовкой, а вообще-то пришлось бы стреляться. С сыном графа. Лучше не придумаешь.

Маэрлинг весело хмыкнул:

- Получить по морде из чистого человеколюбия. И вправду, это чересчур. Платок выдать?

Нордэнвейдэ, проигнорировав вопрос, стряхнул с лица остатки снега и отер выступившие слезы. Виконт цвел в самой жизнерадостной улыбке, потирая ссадину на щеке. При виде его расквашенного носа лейтенант ощутил некоторое удовлетворение. Хотя его собственный нос явно находился в куда более плачевном состоянии. Если даже у более сильного Маэрлинга вся нижняя часть лица была в крови, был разорван рукав, а под правым глазом наливался синяк, знать, как выглядит он сам, Эрвину нисколько не хотелось.

Все еще с опаской поглядывая на сослуживца, Нордэнейдэ извлек из кармана платок и стал вытирать лицо. Крови было не

так уж много, но голова гудела, как будто в затылке били колокола. Эрвин никогда не подозревал за неунывающим виконтом таких тяжелых кулаков.

А еще ему было стыдно за безобразную драку, более приличную гимназистам, чем офицерам.

И, конечно, он был страшно зол на Маэрлинга. Вызвать обидчика немедленно ему мешало только воспитание. В конце концов, швырять в разбитое лицо грязную перчатку было последним делом.

"Подойду через недельку и влеплю затрещину. И пусть Дэмонра потом хоть вышки требует", - зло подумал Эрвин.

Маэрлингу же явно ни за что стыдно не было. Он подобрал шапку Эрвина и протянул ему, примирительно улыбаясь.

- Бесы бы побрали твой "спокойный, нордический темперамент", - изумленно присвистнул он. - Ты мне чуть нос не сломал.

- Это драка, а не брудершафт, - поморщился Эрвин. Но шапку все-таки надел. В Каллад с погодой лишний раз шутить не стоило.

- Да чего уж там. Не злись. Полегчало?

Нордэнвейдэ мог бы сказать, что теперь, помимо всех прочих бед, у него течет кровь из носа, разбита губа, раскалывается голова, оторван погон на шинели и вообще он так со школьной скамьи не развлекался, но вдруг понял, что Маэрлинг прав.

Образ скалящейся Марины явственно потускнел.

Видимо, страдания нравственного и физического толку вместе все-таки не уживались.

Эрвин сплюнул кровь:

- Полегчало. Но от благодарностей воздержусь.

- Правильно! Поблагодаришь, когда я тебя с Люсиндой познакомлю, - расцвел Маэрлинг. - Огонь, а не женщина.

- Только с такой рожей к Люсинде и идти, - фыркнул Эрвин. В зеркало он себя не видел, но по общим болевым ощущениям масштаб проблемы представлял.

- Ты знаешь слово "рожа"! - искренне обрадовался Витольд. - Я смотрю, не все еще потеряно!

К Эрвину постепенно возвращалось обычное восприятие реальности и, как прямое следствие, воспитание. Оно не позволяло употреблять грубых слов, а препираться с избалованным дураком не позволяло самоуважение.

Нордэнвейде закончил вытирать лицо, поднял саквояж, проверил, целы ли застежки, и ровно проговорил:

- Я должен вас предупредить, Витольд, что в следующий раз при сходных обстоятельствах я буду вынужден вызвать вас на дуэль.

Виконт согнулся от смеха:

- Все-таки потеряно. В следующий раз, Эрвин, я не проявлю такого человеколюбия и не стану подставлять рожу, чтобы поднять тебе настроение. А теперь я все-таки предлагаю пойти в бардак.

- Спасибо, нет.

- И еще меня упрямым считают, - истово возмутился Маэрлинг. - Ну хорошо, тогда пошли сперва ко мне, а потом - в бардак.

- К тебе? - Эрвин решил, что драку в лучших школьных традициях все же можно счесть своеобразным брудершафтом, за неимением другого пути.

- Именно. У меня как-то нет желания рассказывать отцу, что там случилось в Рэде. Он не одобряет, когда дворяне сквернословят. Старая закалка и все такое. Так что, Эрвин, сказочку расскажешь ты. Заодно приплетешь наши с тобой синяки и ссадины. Я требую героических деяний и спасения златокудрых девственниц из затруднительного положения. А я за это познакомлю тебя с Люсиндой.

- Не хочу я знакомиться с Люсиндой. Но... я, пожалуй, буду благодарен за ванну и завтрак, - сдался Эрвин. Сказочка была не такой уж и высокой ценой за возможность не видеть патриотичную мадам Тирье лишние сутки. Все равно в таком виде ни в одну приличную гостиницу его бы не пустили.

3.

- У меня в детстве был знакомый ослик по имени Еше. Так вот, по сравнению с тобой он был очень сговорчивый, - пробурчала Магрит. Пробурчала негромко и предварительно убедившись, что Наклз ее не слушает. Он, впрочем, вообще редко опускался до того, чтобы ее слушать. Теперь вот маг спрятался от окружающего мира и Магрит с микстурой за разворотом газеты. Девушка видела только выпирающие из-под одеяла острые колени, кисти рук да взлохмаченную макушку. - Да, это был очень славный и сговорчивый ослик, - недовольно продолжала она. - Не то что некоторые люди, которые не хотят пить лекарство. Как тебя мама в детстве лечила такого?

Увы, у вредного Наклза слух был как у кошки.

- На мое счастье - никак. И что же стало с Еше? - хмуро поинтересовался маг, не опуская газеты. - Его залечили до смерти?

- Вообще-то его реквизировали твои черноштанные друзья! - Наклз не одобрял, когда люди выражались, так что Магрит пришлось искать эвфемизм, которым можно было в его присутствии называть калладцев.

- Хм, а почему твои златоштанные друзья им не помешали? Или они только революцию спонсировать горазды? - не остался в долгу маг.

- Знаешь, Наклз, что ты об Аэрдис ни думай, а они у рэдцев хлеб не отбирают..., - в который раз попыталась девушка изложить свои политические взгляды. Попытка снова провалилась. Наклз, нисколько не обеспокоенный угнетением своей исторической родины, явственно фыркнул.

- Отбирают, - маг опустил газету, и Магрит встретилась с пронзительным серым взглядом, холодным как зима. Под таким взглядом хотелось немедленно извиниться за свою глупость и провалиться сквозь землю, по возможности, более никого не беспокоя. Магрит очень не завидовала студентам Наклза. - Отбирают, ты уж мне поверь. Но у них хватает ума делать это более хитрым способом. Они промывают мозги мальчикам и девочкам, и те бросают плуги, престарелых родителей и нормальные человеческие мечты и идут метать бомбы. В других мальчиков и девочек, преимущественно калладских, а также в их родителей. В итоге даже те поля, которые ухитряются обработать оставшиеся без поддержки рэдские старики, потом вытаптывает

конница калладских карателей. Аэрдис бьет по Рэде дважды. И трижды - по Каллад. Они очень умные негодяи. Рэйнальду Рэссэ стоило бы у них поучиться.

- Канцлер Рэссэ - негодяй? - хоть в этом у Наклза и Магрит взгляды, кажется, совпадали.

- Двойной.

- Как так?

- Канцлер и должен быть негодяем - это нормальная профессиональная добродетель казначея, вот если на этот пост вдруг попадает альтруист-бессребренник - плохи дела у такого государства. Но вот быть идиотом канцлеру все-таки не обязательно, - недовольно пояснил Наклз. - Глупый канцлер - это преступление перед отечеством, а Рэссэ делает подозрительно много глупостей в последнее время. Взять хотя бы эту, - маг кивнул на передовицу. Магрит сосредоточилась и с третьей попытки одолела непривычные буквы. Броский заголовок сообщал, что Западная Рэда добровольно вошла в состав кесарии.

Магрит западных рэдцев не жаловала, но все равно была не в восторге от этой новости. Впрочем, ничего другого и ожидать не стоило.

- И чего вам, плохо что ли? Захапали еще кусок земли, - буркнула она.

- Проблем там больше, чем потенциального хлеба. И в определенных ситуациях хлеб вообще выгоднее покупать. Чтобы лишний раз не нервировать других, гм, поставщиков. А еще никогда нельзя брать то, что так спокойно отдают тебе враги.

- Отдают враги?! Западная Рэда была независима...

Наклз явственно поморщился, словно услышанная глупость причинила ему натуральную зубную боль, и мягко поинтересовался:

- Курс занимательной и очень альтернативной политологии тебе тоже Кассиан читал?

Магрит кивнула.

- У него с ней не лучше, чем с арифметикой. Ладно, давай не будем портить друг другу картину мира. Дай мне пузырек с микстурой, пожалуйста.

- Но...

- Мне не настолько плохо, чтобы кормить меня с ложечки. Просто дай мне эту склянку, Магрит.

- Сольвейг сказала...

- Я догадываюсь, что сказала леди Сольвейг. Медики вообще говорят много и, преимущественно, глупости.

- Неправда! - обиделась за Сольвейг Магрит. Женщина та была резкая и в общении малоприятная, но с того света Наклза не

добрые Заступники вытаскивали. И да - она говорила дело. Например, что одним печеньем даже такой тощий маг как этот сыт не будет. Наклзу вменялось есть каши, бульоны и прочие вещи, от которых он гордо воротил нос.

- Хорошо, неправда. Ты дашь мне склянку? Или мне все-таки придется нарушить предписанный леди Сольвейг постельный режим?

Магрит знала, что рекомендованное Сольвейг лекарство было горьким, как касторка. И была почти уверена, что Наклз мухлевал, словно мальчишка, отсчитывая количество капель самостоятельно. Маг ревностно оберегал этот секрет, но рэдка подозревала, что строгий и занудный чародей - сластена каких поискать. Во всяком случае, сахар из сахарницы исчезал быстро и загадочно.

- Вот, держи, - во избежание дальнейших препирательств девушка почла за лучшее лекарство отдать. - Двенадцать капель, она сказала.

- Вчера она "сказала" десять, - не попался на примитивную уловку Наклз. - Магрит, пожалуйста, умерь свой пыл. Я тридцать семь лет живу на свете и еще ни разу не умер.

Поспорить с этим заявлением было сложно. Хотя Магрит не удивилась бы, если бы маг солгал и здесь. Чем дольше она находилась с ним под одной крышей, тем более странным существом он ей казался. Свою нехитрую жизненную историю девушка рассказала едва ли не в первые дни знакомства. Ответной любезности за месяц так и не удостоилась. Конечно, все можно было списать на пневмонию, свалившую Наклза почти на две недели, но здравый смысл подсказывал Магрит, что маг и в трезвой памяти не стал бы делиться деталями своей биографии.

Скорее она до сих пор терялась в догадках, почему Наклз не выставил ее вон при первой возможности. Спросить об этом Магрит, конечно, могла, но нюхом чуяла, что Наклз либо опять очень вежливо и умно соврет, либо ответ ей сильно не понравится.

- Хорошо, хорошо, будь по-твоему. Но ты хотя бы поспишь?

- Да. Разбуди меня немедленно, как только появится Дэмонра. Ее фотографии ты видела.

- Разумеется, разбужу, - не моргнув глазом, соврала Магрит. Кое-чему у Наклза она успела научиться.

Маг отложил газету на стул, стоящий у кровати, честно отсчитал десять капель, выпил микстуру и откинулся на подушки. Магрит хотела было поправить одеяло, но вовремя вспомнила, как Наклзу не нравились подобные проявления заботы. Не

отбивался он первые дней пять-семь после приступа, и то, как подозревала Магрит, просто потому, что редко приходил в себя и был слаб, как котенок. Но, едва ему слегка полегчало, показал зубы. Разумеется, фигурально и очень вежливо. Не то чтобы Наклз капризничал, совсем уж отказывался принимать лекарства или нарушал предписанный Сольвейг режим. Но любые попытки поговорить с ним ласковым тоном, как это обычно делают с больными, взять за руку, растормошить и развеселить неизменно проваливались. "Если тебе так нужно охать надо мной, подожди пока я из полутрупа превращусь в полноценный труп, или выйди в другую комнату", - вот, собственно, была вся благодарность Наклза за заботу. Еще и к стене отвернулся, не дожидаясь ответа. Магрит обиделась было, но потом разумно решила, что не станет воевать с чужими придурями, и всю свою кипучую жажду общения теперь изливала на мухоловку. Адель за недели, проведенные без Наклза, видимо, осознала все трудности своего положения и позволила Магрит себя поливать. Теперь вечера скрашивал не только толстый альбом с фотографиями, но и дружелюбное шипение.

Магрит забрала с тумбочки склянку, подошла к окну и задернула шторы так, чтобы на постель не падало света. Чем больше Наклз бы спал, тем скорее бы поправился.

- Спасибо, - негромко поблагодарил маг, не открывая глаз.

Девушка, стараясь не шуметь, вышла в коридор, спустилась на первый этаж и уселась за стол гостиной, воевать с калладской грамматикой. К сентябрю ей предстояло постичь, зачем подданным кесаря потребовалось семь падежей там, где рэдцы прекрасно обходились четырьмя и нисколько не страдали.

"Есть кот. Нет кота. Дать коту... Как можно дать что-то коту, если кота нет? Вижу кота... Ну да, я тоже регулярно вижу вещи, которых нет. Ладно, вижу, значит, кота. Зову кота. Кот не идет..."

Магрит отстрадала над грамматикой не меньше часа, как вдруг услышала стук в дверь. Нежданный гость не звонил, хотя там висел колокольчик, а именно стучал, причем не очень громко. Безо всякого сожаления закрыв книгу, она отправилась открывать. Как-никак метрика у нее уже имелась, а Наклз не стал бы ругаться, если бы не узнал.

На крыльце стояла молодая барышня с огромной корзиной в руках. Из-под мохнатой шапки выбивались светлые волосы, в лучах заходящего солнца казавшиеся совершенно алыми. Барышня несколько смущенно улыбнулась и засыпала Магрит скороговоркой на отличнейшем морхэнн. Отдельных слов

та разобрать не могла, но, в целом, поняла, что незнакомку зовут Кейси Ингегерд, что она знакомая Наклза и пришла от полковника Дэмонры.

- Я могу войти? - уже медленнее поинтересовалась Кейси, видимо, сообразив, что Магрит ее плохо понимает.

Видя, что ее слова не слишком убедили хозяйку, Кейси примирительно улыбнулась и поставила свою ношу у ног Магрит. На солнце заблестела огромная банка варенья, обложенная какими-то плюшками, пирожками и диковинными фруктами ярко-оранжевого цвета. Рэдка впервые видела такие вживую, но знала, что они называются "апельсины".

- Привет с далекой Дэм-Вельды, - заметив удивленный взгляд Магрит, пояснила Кейси. - Я все понимаю, зайду потом. Но уж гостинцы возьмите, сделайте милость.

Магрит задумалась. С одной стороны, Наклз ждал Дэмонру, а не некую золотоволосую девушку с лучистым взглядом. С другой стороны, девушку эту она уже видела. На фотографиях, аккурат рядом с той самой загадочной Дэмонрой. И, в отличие от бледной женщины с умным треугольным лицом, Кейси Магрит с ходу понравилась, а рэдка привыкла доверять своей интуиции. Наконец, спускать с лестницы человека, не будучи хозяином дома, было бы по меньшей мере некрасиво. К тому же Кейси принесла апельсины, о стоимости которых Магрит предпочитала не знать ничего. Видимо, очень хотела золотоволосая девушка, на которой калладский мундир выглядел как карнавальный костюм, доставить Наклзу радость.

- Прошу, - улыбнулась Магрит, отступая с прохода. - Он спит. Но я делаю чай.

* * *

Загадочная "племянница" Наклза произвела на Кейси не самое плохое впечатление. Странная девушка скверно говорила на морхэнн, немного нервничала и была преувеличенно гостеприимна, но незабвенную Абигайл Фаресс ничем не напоминала. Ни глаз с поволокой, ни слишком тугого корсажа, ни юбки, которой вечно не хватало пять сантиметров в подоле, ни серег с фальшивыми камнями. Даже если бы ко лбу Кейси приставили пистолет, она все равно не смогла бы объяснить, как Наклз, не имевший проблем с хорошим вкусом, просто рядом мог стоять с такой откровенной дешевкой. А они с Фаресс, надо полагать, не просто рядом стояли.

Впрочем, каким образом судьба могла свести с замкнутым Наклзом это милое, нелепое и явно бесполезное существо тоже

было загадкой. Кейси задумчиво попивала чай. Магрит разумно воздержалась от ведения светской беседы и большей частью молчала, но не мрачно, а как-то выжидающе. Кейси вовсе не хотела нажить себе врага в лице домочадца Наклза, а потому тоже молчала, боясь говорить слишком быстро или слишком медленно, чтобы ненароком не обидеть рэдку. Национальность Магрит с головой выдавал акцент.

- Совсем чудовищно, да? - вдруг поинтересовалась та, глядя в чашку.

- Простите, что? - не поняла Кейси.

- Совсем паршиво говорю?

- Почему же. Вполне сносно, - несколько приукрасила действительность нордэна. - Я на рэдди вообще двух слов связать не могу...

- У тебя нет необходимости, - мгновенно ответила Магрит.

Кейси, по счастью, довольно быстро сообразила, что это не было оскорблением. В Рэде к сверстникам на "вы" не обращались. Вряд ли Наклз успел донести до Магрит все тонкости калладского этикета.

- Нет, - миролюбиво согласилась Кейси. - Морхэнн - очень сложный язык. Собственно, его за то и выбрали национальным языком, что он такой сложный.

На конопатом личике Магрит проступила помесь печали и злости.

- Семь падежей, - вздохнула она. И тихо добавила что-то на рэдди. Скорее всего, это было ругательство, впрочем, сказанное без особенной экспрессии.

- Семь. Но активно используют только шесть, - подхватила Кейси. Ей пришло в голову, каким образом она могла бы обзавестись союзником в этом холодном доме. Попутно никому не соврав и не сделав ничего предосудительного. Даже наоборот, совершив хороший и правильный поступок, который очень трудно истолковать превратно. - Если хочешь, я могла бы раздобыть тебе неплохую грамматику и вообще помочь.

Голубые глаза Магрит просияли. Да уж, это точно не была операция "ледяная крепость". И нет, она не приходилась магу ни племянницей, ни тем более "племянницей".

- Можно я взгляну на Наклза, прежде чем уйти? - аккуратно уточнила Кейси. - Грамматику принесу завтра после обеда, - быстро добавила она, пока Магрит не задумалась над странностью ее просьбы.

Рэдка, видимо, в мыслях уже обращала в позорное бегство все семь грозных падежей, а также спряжения глаголов и прочие

прелести морхэнн, и потому доброжелательно кивнула:

- Можно. Но тихо очень. Он рассердится. Я его будить обещала.

- Я тихо и очень быстро, - заверила Кейси. И подумала, что Наклз именно в ее случае вряд ли стал бы размениваться на какие-то эмоции. Впрочем, даже если бы он вдруг посмеялся в мыслях, то вслух сказал бы что-нибудь вполне невинное, любезное и холодное, как подаяние. Ей, по всей видимости, удалось то, чего достигли немногие: в свое время она сумела действительно разозлить Наклза. Да так качественно, что с тех пор он на нее больше не злился.

Если бы Кейси точно знала, что сегодня последний день на земле и завтра вообще не будет, она непременно подошла бы к магу и спросила, стоило ли оно того.

4.

Кейси очень хорошо запомнила тот день, когда впервые встретила Наклза, хотя, по большому счету, запоминать там было особенно нечего. Это произошло почти двенадцать лет назад. Стояла непривычно теплая и слякотная осень, и холодный город, разделенный пополам закованной в гранит рекой, казался молоденькой нордэне, оставившей приволье Дэм-Вельды, еще более отталкивающим, чем он был на самом деле. Время было не самое приятное. Рэдские подвиги генерала Рагнгерд тогда еще не успели стать страшноватой сказкой, а казенные цветы на ее и ее мужа могилах - увянуть. Кесарь Эвальд доживал свои последние дни, задыхался, запивал страх калладской огненной, жертвовал на сиротские дома и требовал новых арестов среди "отравившей" его нелюди. Его старший сын, Эдельстерн, тихим голосом обещал "смягчение режима" и всяческие блага тем, кому следовало это пообещать. Наместница Рэдум Эстер, чей престиж после истории со скоропостижной и внезапной гибелью Рагнеды Скульден сильно упал и более никогда не поднялся, оставила заботы об Архипелаге племяннице и тоже готовилась покинуть этот мир. Окраины кесарии лихорадили погромы против "нелюдей", либеральные газеты молчали, консервативные проводили обзоры дамских мод и собачьих выставок. В самом воздухе под низкими облаками висело что-то безнадежно-тоскливое. О том, что такое безвременье называется "реакция", Кейси узнала куда как позже.

В один из тех омерзительных вечеров она, гимназистка

предпоследнего года обучения, зашла к старшей подруге. Формально - за книгой, на самом деле - за советом. Кейси переживала очередную отчаянную любовь, имени которой теперь не могла даже вспомнить. И, разумеется, тогда на свете не существовало ничего, важнее той любви: ей было почти пятнадцать.

Бессменный денщик Дэмонры по фамилии Гребер, в мирное время выполнявший функции то ли повара, то ли дворецкого, а может все сразу, открыл дверь и пропустил изрядно промокшую Кейси внутрь. В гостиной обнаружилась хозяйка дома - тогда еще криво и коротко остриженная девушка с тонким шрамом через щеку - и некий незнакомец, которому та пыталась что-то втолковать. Незнакомец стоял у окна, скрестив руки на груди, и самым любезным образом ее не слушал. Дэмонра говорила на рэдди. Услышав шаги, она тут же перешла на морхэнн.

- Это не обсуждается, это не просьба, - прошипела она мужчине и уже совсем другим тоном продолжила, - Кейси, милая, как я рада тебя видеть!

"Милая Кейси" сильно сомневалась, что она пришла вовремя. У нее даже мелькнула мысль, что великая любовь до завтра не сдохнет. Девушку не оставляло ощущение, что она прервала какой-то чрезвычайно важный разговор и что ей не рады. По крайней мере, незнакомец точно рад ей не был.

- Кейси, милая, знакомься. Это Найджел Наклз, специалист по вероятностным манипуляциям, - Дэмонра, как и все нордэны, не одобряла, когда магию называли магией. Магия превращала троллей с великанами в горные хребты и обратно. А калладские маги - так, вероятностями баловались понемножку. - А это - Кейси Ингегерд, гимназистка, надежда калладской некромедицины в будущем и просто красавица, как ты можешь видеть уже сейчас, - преувеличенно весело отрекомендовала подругу нордэна.

- Чрезвычайно рад знакомству, - представленный Наклзом мужчина действительно смахивал на нечто типично калладское, но легкий акцент с головой выдавал какого-нибудь Грассэ. Поклонился он любезно и отстраненно. Светлые, широко расставленные глаза мага с совершенно неподвижными зрачками смотрели прямо сквозь Кейси. Признанная красавица гимназии и всего прилегающего мира впервые в жизни столкнулась с такой потрясающей бестактностью. Обычно мужчины в ее присутствии не забывали восхищенно - или на худой конец глуповато - улыбаться. К пятнадцати годам особенного ума или хотя бы выдержки взять было неоткуда, поэтому она тут же вздернула

носик и окатила "специалиста по вероятностям" уничтожающим взглядом. Маг - ну бывают же такие истуканы! - проигнорировал и это.

- Я тоже весьма рада, - ледяным тоном заверила подругу Кейси. - Я, пожалуй, пойду. На минутку заходила.

Дэмонра, видимо, почувствовала неловкость ситуации, а, может, подумала о дожде за окном. Так или иначе, она покачала головой:

- Пять минут никого не убьют. Я заварю чай, а Гребер найдет тебе извозчика. Не дело в такую погоду шататься по улице. Будь добра, развлеки господина Наклза беседой. Он в столице впервые и еще не успел ее посмотреть, я уверена, тебе будет, о чем ему рассказать. Я сейчас вернусь, - и исчезла в коридоре.

Кейси неприязненно оглядела на потенциального слушателя. Ничего примечательного он из себя не представлял и на первый взгляд мог сойти за измученного жизнью клерка из бедного района. Нордэна отметила старую мешковатую одежду, явно с чужого плеча, нездоровую худобу, прямо-таки мертвенную бледность лица и глубокие тени под глазами. Правда, для своего потрепанного жизнью вида маг держался чересчур прямо. Кейси он с ходу показался высокомерным и неприятным. Позже она поняла, что, скорее всего, перепутала высокомерие с замкнутостью. А вообще весь вид Наклза, от холодного прямого взгляда до вскинутого подбородка и скрещенных на груди рук говорил, что маг готов держать оборону и ничего хорошего не ждет.

Будь Кейси старше и умнее, она, конечно, не стала бы проверять, насколько эта оборона крепка, но ей было пятнадцать, а нахал с ледяными глазами ей даже не улыбнулся.

"Ну держись", - с веселой злостью подумала нордэна, предвкушая показательную порку.

- Итак, вы впервые в столице? - проворковала она.

- Да, впервые. Миледи Дэмонра очень добра, - глуховатым голосом сообщил маг. Без малейших эмоций. Он даже смотрел не на Кейси, а куда-то чуть мимо ее лица. - Я вовсе не претендую на ваше внимание. Все, что мне следует знать о Каллад на Моэрэн, можно найти в справочнике. Благодарю.

Будь Кейси хотя бы на пять лет старше, она бы поверила, что человека не интересуют столичные достопримечательности, а не строго обязательно она сама, кивнула бы и инцидент был бы исчерпан. Но пятнадцатилетняя звезда гимназии настолько явного пренебрежения своим обществом стерпеть не могла. Она задрала нос так высоко, как только сумела, и принялась ронять

общеизвестные факты о Каллад, нисколько не скрывая, что делает магу великое одолжение. Среди общеизвестных фактов она, в том числе, пару раз упомянула, что рэдских беженцев - рассадника заразы и преступности - здесь и без Наклза более чем достаточно. Разумеется, это было сказано очень вежливо и тонко, со всем очаровательным великосветским ехидством, доступным старшекласснице. Замкнутое лицо мага стало еще более замкнутым. Наклз поблагодарил Кейси за сведения сухо и ровно, только акцент сделался чуть заметнее.

Воодушевленная успехом и собственным красноречием, она продолжила самозабвенно отпускать шпильки. А также попутно демонстрировать свои знания из самых разных областей, от литературы и театра до химии. Обычно окружающие млели, когда миловидная блондинка так умно рассуждала о философских течениях, природе материализма и многих других вещах.

Дэмонра отсутствовала минут десять. Мага все это время изящно и ненавязчиво ставили в известность, что он невежда и хам, не имеющий ни малейшего понятия об окружающем мире, но, так и быть, здесь можно сделать скидку на его происхождение из варварской страны, и эта скидка любезно делается. Наклз слушал, не перебивая.

Кейси была свято уверена, что тот просто дар речи потерял, а она, умница, проучила нахала, указав ему его место. И вообще эту головомойку он долго не забудет.

Вот уж с тем, что Наклз не забыл, она не ошиблась.

Когда Дэмонра вернулась, в гостиной стояла напряженная тишина. Сыпать колкостями при подруге Кейси не позволял этикет, а маг и вовсе молчал, как истукан, глядя в пламя камина.

- Ну, Кейси, ознакомила нашего гостя с калладским гостеприимством? - поинтересовалась Дэмонра, все так же преувеличенно бодро. - Наклз, ты уже веришь, что здесь можно жить, несмотря на климат?

Маг отвернулся от огня и ни к кому не обращаясь сообщил:

- Я верю, что в Каллад превосходная система образования.

- В самом деле? - любезно улыбнулась Кейси. Она была почти готова простить нахала, наконец, оценившего ее заслуги по достоинству.

- Да. Меня чрезвычайно впечатлили ваши познания по самому широкому спектру ... отвлеченных дисциплин.

Вот тут Кейси начала постепенно понимать, что маг вовсе не делает ей комплиментов. Комплименты таким тусклым голосом не отвешивают, если только не хотят оскорбить. Пока

она соображала, что такое несет маг, Наклз все так же скучно закончил:

- С таким багажом знаний вы выйдете из учебного заведения великолепным специалистом. Всесторонне подготовленным... к поражению.

- Наклз, пожалуйста, - довольно резко начала Дэмонра.

Маг дернул щекой и что-то сказал на рэдди. Рэдди Кейси тогда понимала с пятого на десятое, но на то, чтобы разобрать слова "злая кукла" и "я ухожу", ее познаний было достаточно. Дэмонра так же резко заявила на рэдди, что Наклзу бы следовало уважать ее друзей. Тот, не отвечая, развернулся и направился к двери в коридор. Дэмонра схватила его за руку выше кисти. Рукав плаща задрался, и те несколько секунд, которые маг со злым лицом выворачивался из хватки, Кейси очень четко видела синие цифры идентификационного номера, выбитые на тыльной стороне его ладони.

Рэдский маг, служивший в Аэрдис, теперь в Каллад. Такого безумия Кейси даже от Дэмонры не ожидала. Она смотрела на номер с таким чувством, будто видит сон.

Война Каллад и Аэрдис шла уже пятую сотню лет с небольшими перерывами, переменным успехом и неизменной жестокостью. Большую часть этого времени враги выясняли отношения на чужих территориях, так что в средствах особенно не стеснялись. Потом появилась дальнобойная артиллерия и, значительно позже, хлор в баллонах. А дальше дружно взвыли Эфэл, Эсса, Рэда и вообще все, кому не повезло оказаться испытательным полигоном во время бойни за идеалы. Выть они могли бы долго и безрезультатно, но к вою прибавились диверсии. Когда в Каллад рванул третий завод, а в Аэрдис утечка хлора погубила несколько сотен человек, заинтересованные стороны решили пересмотреть границы дозволенного. Так родился знаменитый пакт Рэссэ-Мадиар. Многие до сих пор считали его верхом гуманизма.

Этот документ, принятый почти десять лет назад, запретил использование газового оружия, закрепил возможность обмена пленными и вообще снизил общий уровень варварства с обеих сторон. Он же категорически осудил применение вероятностных манипуляций в любом виде. Не то чтобы это сильно помогло - магов по-прежнему использовали во всю - но вот отношение к войне несколько поменялось. Пленных солдат и офицеров теперь не обязательно добивали, могли и отпустить за выкуп. Магам повезло меньше: если их удавалось схватить, никто не разбирался, чем они там занимались в армии - лечили камни в почках генералу или пытались устроить светопреставление в

рядах противника - и разговор был предельно коротким. Брать их в плен было официально запрещено. Любого имперского вероятностника ждал расстрел на месте, будь это хоть жуткий-прежуткий "Цет", хоть помщник медика с минимальным магическим классом.

И у Дэмонры, протащившей в Каллад татуированное диво, могли быть очень серьезные неприятности. Вплоть до повешения, если у дива, помимо номера, имелась героическая биография.

Наклз, перехватив взгляд Кейси, вспыхнул. Буквально пошел красными пятнами, словно ему надавали затрещин.

- По твоим же словам, пытки в Каллад запрещены лет двести как, довольно ломать мне руку, - уже на морхэнн попросил он Дэмонру. Если это было просьбой - на комнату как будто слой инея лег от его тона. Нордэна разжала пальцы. Маг резким движением одернул рукав и все же вышел прочь. Не забыв напоследок отвесить короткий поклон и сообщить Кейси, что он был чрезвычайно горд познакомиться со столь умной и светской барышней, которая, безусловно, помогла ему составить самое выгодное мнение о Каллад. Ошеломленная Кейси слушала быстрые удаляющиеся шаги и гадала, зачем Дэмонра притащила сюда такое опасное и, очевидно, ненормальное существо. А также чего такого она сказала, что существо настолько оскорбилось.

Дэмонра нервно пробарабанила пальцами по столу и нахмурилась:

- Кейси, что у вас здесь было?

- Да ничего, я рассказала про город, как ты просила...

- Видимо не так, как я просила. Он бы не набросился первым.

- А мне кажется их... этих.. этих существ как раз так и тренируют, чтобы они первыми бросались!

- Ты с каких-то пор стала специалистом и в данной области?

После слов мага подобный вопрос просто не мог Кейси не взбесить:

- Велика честь! И этот псих даже не калладец! - основное правило Дэм-Вельды гласило, что, когда аргументов нет, следует вспомнить национальность. Если Дэмонра не могла презирать мага как подданая кесаря, то уж как нордэна она просто обязана была это делать.

- Не калладец. И не гражданин, если ты об этом. Но он все-таки человек, - сощурилась Дэмонра. К удивлению Кейси, правило не сработало.

- Мне странно слышать это от тебя.

- А мне вдвойне странно говорить тебе такие очевидные вещи! В следующий раз я попрошу тебя оставлять великоимперские амбиции Архипелага за порогом этого дома и уважать моих друзей.

- Друзей?! Это цепной пес Гильдерберта! С соответствующей татуировкой, между прочим. Такие, как он, наших ребят сотнями убивают! - возмутилась Кейси. Возмутилась громко и горячо, уже понимая, что, скорее всего, не была права.

- "Ребят" на линии огня не бывает, - довольно зло одернула ее Дэмонра. - Не путай антивоенные романы и реальность. Ребятишки у нас не воют довольно давно. И, нет, Наклз занимался не этим. Впрочем, даже если бы он младенцев потрошил, он мой гость, а ты - в моем доме. Отношения выясняйте за его порогом! И тебе пора, если ты ничего не хотела.

На том и порешили. Впрочем, Дэмонра с тех пор пристально следила за тем, чтобы Наклз не пересекался с прочими ее гостями. Во всяком случае, в доме нордэны Кейси больше его ни разу не видела. А о той нелепой сцене быстро позабыла.

Вторая их с Наклзом встреча случилась почти через полтора года. Две холодных, ветреных и на редкость бесснежных зимы успели начаться и кончиться, стоял конец апреля, и Кейси вместе с толпой абитуриентов пыталась подать документы в Калладскую государственную Академию. Часам к пяти вечера ей это все же удалось. Девушка выходила из здания уставшей и, как ни странно, счастливой. Не успела она спуститься с крыльца, как зарядил крупный дождь. Солнце продолжало светить, и Кейси, сочтя это добрым предзнаменованием, глазами искала в небе радугу. Радуги не было. Зонта у нее с собой тоже не было, но ждать, пока дождь закончится, не хотелось: Кейси так и тянуло прогуляться под золотившимися на солнце нитями.

Темная лента Моэрэн тускло блестела. Свежий ветерок шевелил полы нового пальто. Кейси уже успела промочить ноги, но, бредя по набережной, чувствовала себя абсолютно счастливой. Она касалась рукой влажного гранита ограждений, сверкающего на солнце, шлепала по лужам, загребая воду носками щегольских ботиночек, улыбалась прохожим и любила весь мир разом, как бывает только в юности. В довершение всего, по дороге к ней прибился черно-белый котенок. Грязный и мокрый комочек истинно калладской расцветки жалко пищал и, наверное, хотел есть. Сострадание и нежелание испачкать дорогое пальто боролись в Кейси около минуты, но пищащий котенок, не отстающий от нордэны, победил. Она остановилась, присела, подхватила догнавшего ее зверька на руки, стараясь все-

таки держать его подальше от белого мехового воротника, а когда снова подняла глаза, то уже близко увидела на набережной высокого мужчину под большим зонтом, идущего ей навстречу. Что-то в его осанке и посадке головы показалось ей смутно знакомым. Сердце Кейси забилось сильнее. Никаких объективных причин для этого не было, просто уж слишком истекающий золотом вечер напоминал сцену романа. Из такого яркого солнечного марева навстречу нордэне непременно должна была выйти ее судьба в лице юнкера старшего курса, но можно сразу и офицера. Непременно в красивом мундире и с кучей медалей на груди. Увы, с офицером не задалось: прохожий был одет в гражданскую одежду. На нем было черное пальто с глухим воротом, любимого профессорами и интеллигентами фасона, слишком чистые для такой погоды ботинки и перчатки поистине снежной белизны. Солнце слепило глаза и мешало разглядеть лицо. Мужчина поравнялся с Кейси, замер, а мгновение спустя она сообразила, что дождь на нее больше не капает. Выпрямившись, нордэна обнаружила себя под услужливо подставленным зонтом.

- Спасибо, - улыбнулась она, запрокидывая голову, чтобы разглядеть незнакомца. Тот все-таки был очень высок.

- Пожалуйста, - ответил он с некоторым опозданием и как-то глуховато. На этот раз он говорил уже без малейшего акцента. Но голос Кейси узнала раньше, чем лицо.

Лица она, по чести сказать, и не узнала бы. Маг с их первой встречи сильно изменился в лучшую сторону. Если в гостиной Дэмонры стоял усталый, побитый жизнью и совершенно измученный рэдец, даже огрызавшийся вяло и невыразительно, то теперь взору нордэны предстал идеально причесанный и выбритый калладец, явно ни разу в жизни плохо не евший - не говоря уж о какой-то там войне, которую он мог видеть.

Наклз ее, скорее всего, тоже узнал с опозданием.

Столкнувшись с холодным как зима серым взглядом, Кейси решила, что маг сейчас в лучшем случае просто развернется и уйдет вместе со своим спасительным зонтом. А в худшем - еще и скажет ей что-нибудь на память. Полтора года спустя Кейси уже начала понемногу понимать, что ей не следовало накидываться на человека просто потому, что он вовремя ей не улыбнулся.

Скользнув взглядом по лицу Кейси, маг перевел взор на пищащего котенка, которого нордэна от удивления прижала к груди, и едва заметно усмехнулся:

- Неожиданно.

Сложно было сказать, относилось это замечание к их

встрече или к тому, что Кейси решилась испачкать пальто из-за безродной твари. Правда, на сей раз четвероногой.

- Д-добрый вечер. Вас сложно узнать.

- Сочту за комплимент, - без капли тепла сообщил маг.

- Нет-нет, я в хорошем смысле! - сбилась Кейси. Она прикусила язык за секунду до того, как ляпнула, что у мага и акцент совершенно пропал. Он говорил с прямо-таки эталонным столичным произношением. Увы, любая похвала, с учетом их прошлой встречи, могла быть истолкована как оскорбление. И выражение светло-серых глаз, от пылающего неба и воды сделавшихся опасно золотыми, ей подсказывало, что именно так оно и будет. - Я, наверное, вас задерживаю? - там, где не сработало бы очарование, следовало проявить манеры.

- Ничуть.

Другого человека Кейси непременно бы спросила, не гуляет ли он, и, если да, то как находит город, но с учетом всего, что произошло в гостиной Дэмонры, это было немыслимо. Нордэна думала только о том, как бы ненароком не поглядеть на белые перчатки, под одной из которой должен быть спрятан синий номер. А те почти светились, притягивая взгляд.

- Погода не располагает к прогулкам без зонта. И с животными. Я мог бы поймать вам пролетку или проводить, если желаете, - прохладно-вежливо сообщил Наклз. Кейси растерянно кивнула и оперлась на любезно подставленную руку. Остаток пути до дома нордэна помнила смутно. Котенок жалобно попискивал, маг молчал, дождь звонко барабанил по лужам, а она все думала, как бы так поаккуратнее извиниться, чтобы исправить отвратительное впечатление, которое она, к гадалке не ходи, произвела на Наклза. И с удивлением осознавала, что у нее краснеют не только щеки, но и уши.

Маг в гробовом молчании довел ее до подъезда. В голове Кейси к тому моменту уже созрел наивный замысел, включающий в себя чай, конфеты и припасенную тайком от тетушки бутылку розового игристого. Лучезарно улыбнувшись - от ее улыбки окружающие обычно таяли, и Кейси это знала - нордэна попросила Наклза зайти на чашку чая. Маг чрезвычайно вежливо отказался. Шоколад и игристое также не возымели никакого эффекта. Разве что бровь потенциального гостя поползла вверх.

- Вы, должно быть, очень на меня сердиты, - со ступенек сообщила Кейси, прижимая к груди пригревшегося и переставшего пищать котенка. Ей было стыдно за собственную глупость почти до слез. - Это справедливо.

Маг покачал головой:

- Нет, ничуть.

- Но вы же на меня обижены?

- Конечно, нет.

- В самом деле? Почему?

- Потому что оскорбления столь юной барышни стоят недорого, - любезно и отстраненно пояснил Наклз.

Кейси хлопнула глазами. Это еще могла быть ошибка. Не могла вся логика мира дать сбой разом. Ни улыбка не сработала, ни кофеты с игристым, а теперь еще и ее неловкая попытка извиниться терпела крах. она собрала в кулак всю свою волю и поинтересовалась:

- А извинения?

- Не дороже, - все тем же ровным тоном ответил маг. Он, очевидно, не имел желания ее оскорбить, так, давал исчерпывающие пояснения. Ответный удар, пришедший через полтора года, был болезненным. - Доброго дня, - добил Наклз, прежде чем Кейси успела ответить хоть что-то.

Глядя вслед удаляющемуся магу, нордэна дала себе слово, что будет вечно презирать и ненавидеть этого бессердечного гордеца, отучится на некромедика, возьмет его под крыло и когда-нибудь, непременно, спасет ему жизнь, в обход всех правил и с риском для себя. И уж тогда-то он горько пожалеет, что был так несправедлив, глух, слеп и вообще. Проще говоря, Кейси влюбилась по самые уши, но и об этом она догадалась с солидным опозданием.

За следующие десять лет она сделала большой прогресс. А именно, действительно отучилась на некромедика, хотя Наклз, как специалист второго класса, вчерашней студентке, конечно, не достался. Попасть в его жизнь с этого входа было невозможно, и Кейси стала искать другие. Она осталась в аспирантуре, потому что Наклз устроился в академию приват-доцентом. Одни бесы знали, считал ли профессиональный вероятностник "случайные" встречи на лестнице случайными, но Кейси к делу подошла ответственно. Защищала неграждан при каждом удобном случае. Хвалила мелодичность рэдди и народные песни, написанные на нем. Даже как-то съездила в Рэду на недельку, но досрочно вернулась из "райского уголка" вся искусанная комарами. Правда, с шикарными фотографиями, которые показала, как только привела руки и лицо в приличный вид. Впечатление они произвели на кого угодно, только не на Наклза, равнодушно похвалившего свет и композицию, а не вековые сосны и поля под солнцем. Кейси не сдавалась. Она теперь могла написать про Наклза целую энциклопедию: точно знала, какой маг пьет чай и какое предпочитает вино. Убедилась, что он чихает на кошек, не выносит благотворительных дам, вежливо прячет зевки, когда

речь заходит о политике, спасении мира и последних веяниях искусства, и может терпеть без ущерба для окружающих не более трех глупых вопросов к ряду. С тем, что Наклз не любил, все было понятно, предметы, которые ему не нравились подчинялись определенной системе. С тем, что любил - дело обстояло сложнее, там были сплошные исключения. Наклз, судя по всему, питал светлые чувства только к теории вероятностей, которую преподавал, к Дэмонре - по совершенно непонятным причинам, потому что двух столь различных людей найти было сложно - к тишине и крепкому чаю с каким-то невероятным количеством сахара.

И, да, той далекой весной он не соврал, никакой обиды или неприязни к Кейси он не испытывал. Равно как и никакой приязни. Кейси Ингегерд просто выпадала за границы интересующего его мира. Впрочем, за эти границы выпадало многое, и здесь оставалось только смириться. Кейси смирилась. Другой вопрос, стало ли ей легче.

О ее любви, наверное, знали все, кроме Наклза. Это "кроме Наклза" Кейси очень оберегала. Интуиция подсказывала ей: исчезни это единственное исключение, и маг сделает так, что они более не увидятся. Наклз не был тщеславен, безответно влюбленная дура в качестве аксессуара ему не требовалась, даже если дура была хороша собой и готова на все. Так что Кейси, истратив много сил, приучила себя не краснеть, не запинаться и не нести околесицу, стоило магу показаться в поле зрения. Первые года два Дэмонра не уставала ее подкалывать, мол, оценила скромное обаяние интеллигенции? Потом, видимо, сообразила, что придурь затянулась. Поговорила "серьезно", объяснив, что Наклз ей не пара, потому что он вообще никому не пара и такие умирают холостыми. Кейси понятливо кивнула, и ничего не изменилось. На пятый год Дэмонра, перехватив очередной влюбленный взгляд Кейси, брошенный вслед магу, звучно выругалась и пообещала его как следует напоить при случае. Магда предложила добавить кулаком, для лучшего, так сказать, взаимопонимания. Кейси так и не поняла, то ли они и вправду ходили ее "сватать", то ли что, но Наклз чудесным образом почти перестал с ней пересекаться. Кейси не помнила, что именно наговорила подругам, но точно помнила, что сумела испугать даже бесстрашную Магду.

Потом Кейси пару раз видела Наклза идущим по улице с Абигайл Фаресс, некромедиком на государственной службе. Фаресс была замужем, но ходили слухи, что услуги, которые она оказывает магу, не ограничивались профессиональными. Впрочем, какой мог быть профессионализм у рэдской выскочки,

как-то прорвавшейся через цензовые законы. Кейси очень хорошо запомнила, как они шли по залитой солнцем улице. Наклз с самым невозмутимым видом вел Абигайл под руку и, видимо, рассказывал что-то смешное, потому что Фаресс э, почти повиснув на нем, смеялась до слез. И, нет, их явно не волновало, кто на них смотрит и что думает. Затасканное слово "ревность" обрело смысл, и оно выглядело как черноглазая смеющаяся женщина в мягкой немодной шляпке. Кейси впервые в жизни желала человеку зла, искренне и от всей души. Иногда ей казалось, что, если бы Абигайл вдруг пропала, всем стало бы только лучше, особенно Наклзу, которому вовсе не следовало связываться с замужней охотницей за деньгами. Нордэнские боги услышали свою подопечную: через два года Фаресс э вроде как уехала в Рэду вместе с мужем. И ничего снова не изменилось. Кейси, забыв о нордэнской гордости, а заодно и о своем образовании, позволяющем ей понять, что чудес не бывает, пошла к "ведьме" и заплатила немалые деньги за приворот на крови. Привороженный и пожизненно приговоренный к бесконечной любви маг ничего не заметил и, конечно, страстью не воспылал. Кейси не огорчилась только потому, что ничего уже и не ждала.

Нордэна все на свете отдала бы, чтобы как-то переиграть тот далекий осенний вечер. Но, увы, роковые ошибки оставались роковыми ошибками, даже если они выглядели скорее смешно, чем страшно.

Все эти воспоминания промелькнули совсем быстро, ровно за то время, которое нордэне потребовалось, чтобы подняться по лестнице на второй этаж, пройти короткий коридор и осторожно приоткрыть последнюю дверь слева.

Кейси замешкалась на пороге, бросила быстрый взгляд на профиль мага, смутно белеющий в темноте, отчего-то испугалась, что он может проснуться, и поспешила прочь. С омерзительным ощущением, будто у кого-то что-то украла. Магрит удивленно посмотрела на нее, но ничего спрашивать не стала. Подхватив шинель, Кейси выскочила на холодную улицу и только там поняла: Наклз не идиот, он спросит, откуда в доме апельсины. И, конечно, узнает, что она приходила. А заодно и то, какую чушь наплела бедной рэдке.

"Я обязательно вернусь завтра. Расскажу Магрит про падежи. Сама наделала глупостей, отступать некуда. Довольно того, что он считает меня дурой. Пусть хотя бы не считает лгуньей", - подумала Кейси, покосившись на окно спальни. Шторы по-прежнему были задернуты и огня не горело. Нордэна подняла воротник, поежилась и направилась домой.

Там больше не было кошки, потому что на кошек Наклз

чихал, зато имелись апельсины, двадцать сортов чая, сладости и фотографии клеверовых полей. Там все было уже готово.

5.

Из постели Дэмонра вылезла около полудня. Она бы и дальше продолжила валяться на кипенно-белых, благоухающих лавандой простынях, но ванная с горячей водой тоже была тем еще искушением. Желание поспать и помыться боролись в нордэне около получаса, но последнее все же победило. Дэмонра, недолго думая, цапнула рубашку жениха, с вечера отправленную ею на спинку кровати, с удовольствием потянулась и, стараясь ступать как можно тише, стала пробираться к ванной комнате. Рейнгольд, с детски-умиротворенным видом обнимающий подушку, даже не думал просыпаться. Нордэна вообще не была склонна к сентиментальности, но это зрелище ее умиляло.

Она неоднократно подмечала, что спящие люди выглядят совсем не так, как бодрствующие. Сон стирал фальшивые улыбки, напускное равнодушие и вообще любые дневные маски. И, как казалось Дэмонре, высвечивал некоторые истинные черты характера человека. Не последнюю роль в ее решении все-таки выйти за Рейнгольда сыграло его умиротворенное, почти ласковое лицо.

Дэмонра прокралась по комнате, на ходу подобрав с пола один чулок. Куда делся второй, она даже отдаленно представить не могла. Судя по свету, пробивавшемуся из-под плотных штор, день выдался ясный. Отмокать в ванной она направилась в самом радужном настроении. Дэмонра даже подумывала, не приготовить ли Рейнгольду потом завтрак. Но передумала, рассудив, что и он имеет право на хорошее настроение.

- Я сперва решил, что мне просто приснился очень хороший сон, но потом понял, что у меня пропала рубашка, - констатировал Зиглинд, когда нордэна вернулась. Дэмонра развела руками:

- Мне она больше идет.

- Не поспорить. Можно я не буду отвешивать тебе казарменных комплиментов в духе "а ее отсутствие идет тебе еще больше"?

- Можно. В свете последних событий у меня теперь аллергия на любые комплименты. Представь себе только, у меня обнаружили "полководческий талант". Полководческий талант,

Рэй, у человека, который на маневрах шестью сотнями командует! Я прямо так и представила представила себя на коне во главе войска, в дыму и пламени, под грохот канонады... Князь Эскеле бы с зависти удавился.

- Князь Эскеле, полагаю, не удавился бы, а удавил. Вроде бы он так поступил с парочкой кузенов, а где родню не пожалел, там хвалителей не пожалел бы и подавно.

- И правильно все сделал их светлый князь, а решил бы заодно вопросы с женой и сыном, глядишь, в Рэде сейчас меньше свинства было бы, сидели бы смирно, со своей религией и финансово системой... Но это был еще не конец! Оказывается, обнаруженный у меня военный талант равен моей же "ослепительной красоте"! Моей. Красоте. И мне пришлось молча снести такой плевок в сторону кесарской армии, да еще и поблагодарить за добрые слова.

- Не верю, что молча, - улыбнулся Рейнгольд.

Дэмонра скривилась:

- Ну хорошо. В ответ я сравнила доблесть рэдской аристократии с ее же государственным умом. Дальше Рэссэ сделал мне страшные глаза, так что пришлось молчать и пить.

Рейнгольд все цвел в улыбке:

- Давай я сделаю омлет, а ты расскажешь мне, что там творилось, если хочешь. Газеты я читал, они... невыразительны.

Дэмонра опустилась на ближайший стул и стала вдумчиво натягивать чулок. Когда Рейнгольд уже перестал ждать ответа, она поинтересовалась:

- Ты разве любишь сказки?

- Пока их не путают с реальностью - да, люблю. Только с хорошим концом. И с моралью.

- Юрист - и с моралью?

- Что поделать, - он уже резал на ломтики принесенный из холодного погреба кусок ветчины. - Кому чего не хватает. А у твоей сказки будет хороший конец?

- Хороший конец в нордэнской сказке обычно исчерпывается "и все они умрут, но не сегодня".

- Но сказка-то рэдская.

- Не знаю, бесов в мешок мы тоже не зашивали и принцесс не умыкали. Это, Рэй, вообще странная сказочка на стыке с драмой. Десяток трупов в прологе, ни одного - в основном действии, а сколько и чего будет в эпилоге - еще видно будет. Началась, Рэй, сказочка с того, что мы переехали через Седую... Реки, знаешь ли, ленивы, они не склонны разливаться в тот самый момент, когда следует потопить к бесам захватчиков, а больше нам никто помешать и не пытался, так что мы спокойно

добрались. Выгрузились из эшелонов, взяли винтовки и... Ты в чудеса веришь?

- Нет.

- Хорошо. Тогда мы переехали через Седую, выгрузились из эшелонов, взяли винтовки и... Видимо, там или горели конопляные поля, и дальше была одна большая галлюцинация. Потому что я не знаю, как объяснить тебе весь бред, который случился после. Тебя еще ничего не смущает в моем рассказе?

- Меня смущает, что рэдцы не подорвали мост. Через Ларну ведь не так много удобных мест переправы?

- Седую, Рейнгольд, Седую. Я понимаю, что Ларну мы оттяпали не по закону, но все-таки мы ее оттяпали и назад не отдадим. О да, мост был целехонек. Нас это тоже смутило. Мы часов пять искали взрывчатку, подпиленные сваи, мага-диверсанта и все прочие простые радости войны. Не нашли. Но дальше на поезде ехать не рискнули. И потащились через поля. По пути, хм... Как бы это выразиться? По пути захватывая вражеские деревни и села, пару городов. Вражины поили нас молоком, хлеб-соль, твою мать... Ни единого выстрела, Рэй. Я не шучу. Старосты сразу выходили к нам на встречу с символическими караваями, мэры - с ключами. У последних лица были покислее, но, тем не менее, сопротивления как такового не было. Помнишь, как горцы прокатились по Виарэ? Вот мы прокатились почти до их "столицы" с той же скоростью, никого, правда, не убив. Оставляли в тылу отряды и шли себе дальше. Правда, пить после второго сдавшегося города решительно перестали. Как-то уж очень было подозрительно. Мечта наемника, а не война, если коротко. И, да, самое главное: ни одной аэрдисовской свиньи. Всю эту мразь как помелом вымели. Если бы не климат, я бы подумала, что мы топаем на маневры где-нибудь в провинции. Чувство вполне сказочное, потому что..., - Дэмонра замялась.

- Все ненастоящее, - подсказал Рейнгольд.

- Именно. А пуля откуда-нибудь из кустов - настоящая. Да вот пули нет. Есть только кусты, поля и люди, которые тебе улыбаются. А вот как раз улыбаться-то они и не должны.

- И что же было потом?

- А потом мы добрались до Грады, чтоб она сгорела, и все стало очень просто и очень мило. В газетах это, наверное, описано иначе, но дело было так. В дневном переходе от Грады нас встретили какие-то расфуфыренные субъекты в лисьих шапках. С предложением немедленно заключить мир на любых приемлемых для кесарии условиях. Я сама их только мельком видела, но, говорят, то еще было зрелище. Полагаю, переводчик

догадался творчески подойти к делу и то, что посоветовал этим ослам Вильгельм, перевел очень неточно. Выяснилось, что белокрылые приятели рэдцев улетели еще три дня назад, причем местный князек, не будь дураком, удрал вместе с ними, прихватив казну и бросив штаб.

Дэмонра могла бы добавить, что так Западная Рэда лишилась главного сторонника ее независимости, неоднократно и громко заявлявшего, что калладская власть за Седой установится только через его хладный труп. А Кассиан никогда не забывал ехидно добавить, что львиную долю населения Западной Рэды такой расклад более чем устроил бы.

- С казной все понятно. А как штаб?

Дэмонра скривилась и стала преувеличенно внимательно осматривать резинку чулка:

- Как-как... Да со штабом тоже все понятно. Одни застрелились, другие поступили умнее и сделали вид, что смены власти не заметили. Затрудняюсь сказать, на чьей стороне мои симпатии. Так или иначе, мы никого не убивали.

- Я догадываюсь, на чьей стороне твои симпатии, Дэмонра. Так вот, они были неправы.

- О да, форменные негодяи. Выпачкали своей кровью нашу блестящую, так скажем, победу. Какой моветон. Ладно, об этом не будем. Через три дня явился канцлер Рэссэ - то есть, как ты можешь понимать, то, что было сюрпризом для нас, для него не было таким уж сюрпризом, - с бумагами от кесаря. И Западная Рэда, наконец, воссоединилась с Восточной, правда, в составе Кесарии Калладской, ну да это детали.

Это счастливое историческое событие обмывали еще три дня, разными составами, а потом нас, наконец, отпустили домой...

- Дэмонра, а ты действительно предпочла бы там месяц или два стрелять, месить грязь, разносить чуже дома...

- ... устраивать танцульки в соборах, вешать студентов на фонарях, продолжай уж! - взвилась она.

- Я просто не понимаю, почему тогда ты плачешь.

Дэмонра зло утерла глаза:

- Это солнце. Светит ярко. И снег. Я отвыкла.

- Что там еще было?

- Ничего, Рэй, ничего там не было такого, о чем стоило бы рассказывать! Своего первого дезиртира я застрелила десять лет назад, а с тех пор в армии не происходило ничего такого, от чего можно было бы плакать. Это солнце.

- Это может быть солнце, ветер, гроза и что угодно другое, но я прошу тебя: выходи в отставку. Ты или лжешь, или плачешь

над отвлеченными вещами. Первое я переживу, а второе тебя убьет.

- Отвлеченные вещи этого не умеют. Меня убьют или пуля, или бутылка. Уверяю тебя, мать была единственным исключением в родословной, и то не по своей вине.

* * *

В часы, предшествующие приему, настроения среди большей части калладцев царили самые мрачные. Солдаты ничего не понимали, но это было простительно - готовности сложить голову по первой придури умных и понимавших было вполне достаточно. Гораздо более неприятным Дэмонре казалось то, что и офицеры понимали в происходящем не больше. Калладская народная мудрость гласила, что не стоит есть пирог, который сам не лепил. И вдвойне не стоит есть пирог, который слепили враги, как бы вкусно тот ни пах. Канцлера Рэссэ, довольного, как обожравшийся сметаны кот, это явно нисколько не беспокоило. Ему, видимо, светили очередной орден за заслуги перед отечеством и прибавка к жалованью, которое без того позволяло оплачивать придури трех безмозглых сыновей и одной дочери.

Случайно столкнувшись с ним, Дэмонра в меру вежливо поклонилась, но разговора поддерживать не стала, отделавшись каким-то поверхностным замечанием и отговорившись множеством дел. Дел у нее, разумеется, не было и быть не могло, но тот сделал вид, что верит.

Сослуживцев своих нордэна нашла на квартире, выделенной ей и Зондэр. Гребер дежурил у дверей и, судя по тому, как старательно он выговаривал слова и отводил глаза, времени денщик даром не терял.

- К вам заходили, бар-рышня, - сообщил он сапогам нордэны.

- Хоть на людях называй меня "ваше благородие", - поморщилась тридцатидвухлетняя "барышня" с шашкой у пояса.

- Дык люди - внутри сидят, а тут, того, свиньи бродят, бар-рышня, - не растерялся Гребер.

- Лисы, Гребер, лисы, а не свиньи. Свиньями они будут через час-другой, когда начнется кормежка, - пробормотала нордэна, заходя. Ее мать, наверное, за такой комментарий съездила бы Греберу по зубам, но Дэмонра никак не могла одернуть человека за то же самое, что сама думала, только потому, что она дворянская дочь, а он - крестьянский сын. И дело здесь было не в благородстве натуры и уж, конечно, не в либерализме - Дэмонра была бесконечно далека от политики и

скорее считала себя консерватором, если консерватор - это такой человек, который видит вокруг очень много грязи, но тяги ее убирать не имеет. Просто Гребер, чей бы сын он ни был и сколько рэдской самогонки он бы ни выпил, был прав, а воевать против правды было делом заведомо провальным.

В комнате было сумеречно, накурено и, как ни странно, уютно. Уют создали лампа под зеленым абажуром, большущий, пышущий жаром самовар и раскормленная хозяйская кошка, временно уступленная дорогим гостям вместе с помещением. Кошка проявила хороший вкус и вальяжно развалилась на коленях у Эрвина. Лейтенант рассеянно поглаживал полосатую красавицу, издававшую утробное урчание. Маэрлинг, разместившийся в кресле напротив, пытался сманить даму к себе, суля ей кусок ветчины, но дама так дешево не продавалась, о чем сообщала презрительным зеленым взглядом. Зондэр, Магда и Кейси устроились вокруг небольшого круглого столика, застеленного скатертью с кистями, и вели между собой неспешный разговор.

Магда совершенно серьезно выпытывала у окружающих, успеет ли она до вечера обратиться хоть в какую-нибудь религию и удрать на благодарственный молебен по случаю победы, причем так, чтобы вытаскивать ее оттуда было недипломатично, неполиткорректно и вообще затруднительно. Слов "политкорректно" и "дипломатично" в словаре Магды не было, поэтому она выражалась проще и доступнее "и чтоб ... меня оттуда достали". Мотивация ее была предельно проста: в церкви, конечно, пахнет какой-то приторной штукой, шумят и мешают спать всякие священники, но даже там будут пороть меньшую чушь. Кейси предлагала варианты. Зондэр молча рылась в добытом у санитарок медицинском справочнике, периодически аккуратно выписывая оттуда названия редких болезней и их характерные симптомы. Она, похоже, еще верила в возможность "заболеть". Маэрлинг пошел дальше и уговаривал Эрвина устроить ему какой-нибудь легкий перелом. Эрвин в ответ уныло сообщал, что в военное время каждый офицер находится в распоряжении Каллад, то есть является фактически государственным имуществом. А за порчу государственного имущества полагались такие штрафы, что он, будучи лейтенантом, за три года столько не заработал бы. Сердобольная Магда, услышав это, предложила Витольду свои услуги, мол, пусть хоть кому-то будет хорошо. Маэрлинг в кои-то веки применил голову по прямому назначению и чрезвычайно любезно отказался, выразив готовность страдать со всеми вместе. Возможно, это было вызвано порядочностью виконта, а может у

него все еще были свежи воспоминания о том, что такое "удар правой" в исполнении Магды.

Дэмонра молча реквизировала у Нордэнвейдэ кошку - дама возражала и царапалась, но нордэна была слишком зла, чтобы обратить на это внимание -уселась на стул в углу и, запустив пальцы в пушистую шерсть, стала размышлять, не напиться ли ей еще до мероприятия. Алкоголь у Гребера имелся всегда. В конце концов, существовали вещи, вынести которые на трезвую голову не представлялось возможным. И это не всегда были лекции Наклза, случались в мире вещи и пострашнее. Рыжика со всем его интеллектуальным превосходством, в конце концов, всегда можно было попросить заткнуться посредством битья посуды, а обычно он даже понимал слова. С рэдцами все обстояло сложнее.

Судя по мельком виденным глазенкам под лисьими шапками, "освобожденные" от гнета Аэрдис собирались говорить, говорить и снова говорить. С дрожью в голосе и слезами благодарности. Вот уж что, а использовать лук в тактических целях рэдцы умели, о чем Дэмонра хорошо знала. Впрочем, порыдать на публику большая часть могла и без лука и прочих вспомогательных средств. Калладцы все-таки были более сдержанным в этом отношении народом. В кесарии пустить слезу считалось позволительным только по какому-нибудь очень далекому от реальности поводу, вроде серебристой тучки в небе или полного краха идеального мироустройства. Более приземленные вещи следовало переживать молча.

Вообще, Дэмонре трудно было представить, что бы она сказала или сделала на месте рэдцев. Воображение отказывалось рисовать удирающего ночью кесаря, брошенную столицу, увезенную куда-то казну и оставленную без единого приказа армию, даже если в этой армии без аэрдисовских наймитов оставалось три с половиной интенданта. То есть свою роль она, пожалуй, представить могла. Она, конечно, пальнула бы с крыши в какую-нибудь шишку из захватчиков. А потом застрелилась бы. Или, если бы ума хватило, застрелилась бы сначала, ни в кого не стреляя. Но вот что было делать всем этим графьям, купечикам, горожанам?

Ответа на это вопрос нордэна не знала. Но она точно знала, чего бы калладцы делать не стали ни при каких обстоятельствах. А вот рэдцы сделали. Когда кесарские войска вошли в уже сугубо дружественную столицу, их встречала неведомо как сооруженная в рекордные сроки помпезная стела. Причем, насколько Дэмонра поняла, архитектор от избытка усердия увенчал ее фигурой кесаря Эдельстерна в окружении

исконно рэдских святых. Иными словами, излишне старательный дурак оскорбил и традиционно атеистически настроенных калладцев, и очень религиозных рэдцев. Хорошо было только то, что у него хотя бы хватило ума не приклепать крылья заодно и кесарю. Учитывая сложности родословной последнего, за такое украшение Эдельстерн мог бы и повесить.

Благодарность "освобожденных" рэдцев для Дэмонры была столь же непреложной истиной, как честность политиков. Тот факт, что простой народ ненавидел калладцев несколько меньше, чем имперцев, еще не следовало путать с любовью. Нордэне вообще слабо верилось, что тамошним крестьянам станет сильно легче от мысли, что их хлеба летом вывезут вроде как союзники. И накормят ими вроде как сюзерена.

Впрочем, Дэмонра была далека от того, чтобы сочувствовать рэдцам. У тех в свое время хватило ума встать на сторону Аэрдис и весело пускать красного петуха на границах слабого когда-то Каллад. Потом лаборатории Тильды Асгерд несколько уравняли шансы, а затем и круто поменяли расстановку сил. Дэмонра сильной Рэды уже не застала, как не застали ее мать и бабка. На ее памяти это уже была хорошая, солнечная земля, идеально пригодная для строительства летних дач и населенная народом, степень лояльности которого напрямую зависела от подушевого уровня дохода. В целом, восточные рэдцы калладцев по понятным причинам не любили, считали поработителями и безбожниками, но кормили исправно и исправно же получали за это калладские деньги, мало подверженные инфляции. Западные рэдцы, вероятно, рассматривали Каллад только как билет в свое относительно независимое от империи Аэрдис будущее. Вернее даже, как билет до первой железнодорожной развилки. А там рэдцы, к гадалке не ходи, собирались, как и их восточные братья, поехать своим путем, оплатив любезную услугу Каллад некоторым количеством бомб.

За что Дэмонра рэдцев не любила, так за некоторую национальную идею, что вечно разобиженной, но при этом каким-то чудом богоизбранной стране, все должны делать подарочки без отдарочков и процентов по кредитам. Богоизбранная Дэм-Вельда хотя бы ни от кого ничего не просила и не ждала - нордэны молча брали то, что им нужно, не размениваясь ни на торги, ни на благодарности, ни на угрозы.

В оправдание политики кесарей, Дэмонра к тому же могла бы добавить, что калладцы за все эти годы ни разу не устроили в Рэде зачисток по идеологическим соображениям. И даже не сносили их храмы. Позволить рэдцам сохранить

самоназвание, язык, религию, неприятно напоминающую об Аэрдис, и прочие вещи, которые имперцы у завоеванных народов пресекали на корню, конечно, было благородно и хорошо. А нордэнская мудрость гласила, что каждое второе доброе дело наказывается еще в этой жизни.

В дверь постучали. На пороге нарисовался смутно знакомый адъютант, белокурый, безусый и молоденький до неприличия.

- Господа, сбор через четверть часа, - отрапортовал он. Потом замялся и уже менее звонко добавил, - Генерал Вортигрен просил передать, что все понимает, но очень хотел бы вас там видеть.

- То есть массовую увольнительную он нам не подпишет? Какая жалость. А что он сам?

- Генерал Вортигрен упал со ступенек. Человек, не проследивший, что доски гнилые, уже наказан. К величайшему сожалению, генерал получил весьма неприятный ушиб, так что он выражает свои глубокие сожаления...

Магда, представив себе сожаления Вильгельма и их глубину, громко расхохоталась. А Дэмонре стало очень любопытно, сколько тому пришлось заплатить за нерадивость плотника. Впрочем, на ее взгляд, здесь цель определенно окупала средства.

- Спасибо. Что-то еще?

Молодой человек тяжело вздохнул. И с некоторой опаской выложил оставшуюся часть поручения. Как оказалось, канцлер Рэссэ тоже все-все понимает, но и он хотел бы видеть офицеров Звезды на приеме. Красивыми и трезвыми. Злые они и так.

В принципе, это было ожидаемо. Полк был показательный. В том смысле, что их смело можно было показывать, если требовалось убедить смотрящих, что сейчас будут есть младенцев. На по-нордэнски светлые глаза, тонкие носы и ледяные улыбки у местных просто не могло не быть аллергии. По старой, пробабкиных времен, памяти.

- Маэрлинг, вытащи флягу из-под мундира, - вздохнула Дэмонра, когда дверь за адъютантом закрылась.

Загорелая мордашка виконта выразила скорбь, сделавшую бы честь десятку помешанных на благотворительности старых дев, которые вдруг услышали, какими словами на самом деле выражаются приютские детишки.

- И переложи в сапог. Молодежь. Всему учить надо.

Званый вечер далеко превзошел самые худшие ожидания

Дэмонры. Проклятые рэдцы по каким-то непонятным ей причинам даже разворовать средства, выданные на проведение мероприятия, не удосужились, и игристое в фонтане било часа четыре. Со всеми вытекающими последствиями, то есть прочувствованными речами, раздачей наград и глубокомысленными намеками на содержание выеденного яйца.

Вильгельм Вортигрен любезно "упал с лестницы", сложно сказать, по просьбе кесаря или по своей личной инициативе. Так или иначе, привыкшего называть кошку кошкой Вильгельма заменил вездесущий Рэйнальд Рэссэ, чей лексикон был полон красивых эвфемизмов, а рэдское происхождение предков вроде как намекало на братские чувства к "освобожденным". Канцлер оправдал возложенные на него надежды, то есть с вежливым вниманием выслушал все, что ему сказали "дорогие друзья". Даже сделал вид, что верит.

К сожалению, на этом изъявления благодарности и братской любви не закончились. У рэдцев имелось еще некоторое количество цацек и наградного оружия, которые следовало впихнуть кому-нибудь, кто мог бы обеспечить им лояльность калладской власти. Даже Дэмонра получила дурно сбалансированную железку с длинной и славной историей. И подозрительно крупными рубинами на рукояти. А заодно узнала от чрезвычайно любезных учредителей столько о добродетелях Каллад и калладцев, что ей оставалось только спросить, когда их сбираются канонизировать.

Мрачные лица горожан, виденные нордэной по дороге к особняку губернатора, где проходил прием, намекали, что канонизация будет посмертной. Но простой люд, конечно, на костюмированное представление "Рэда благодарит Каллад за оказанную помощь" не пригласили. Зато цвет нации присутствовал в полном составе. Отличительной чертой местного высшего общества можно было назвать то, что даже Маэрлинг не нашел дамы, с которой ему захотелось бы полюбезничать. А лейтенант в этом вопросе отличался взглядами, потрясающе широкими даже по демократичным калладским меркам.

Тосты за грядущий радостный мир, вечный союз, великую кесарию и нерушимую дружбу народов нужно было терпеть хотя бы из соображений дипломатии. Они и терпели. Велеречивые ответы, по счастью, взял на себя канцлер, а всем прочим оставалось только пить и не морщиться. После сияющих перспектив мира устроители перешли в более серьезное наступление. За взаимопонимание и всепрощение Дэмонра еще выпила. Но потом прозвучал тост "За всех героев, обретших покой в этой земле". Вообще, покой в этой земле на протяжении

последних трехсот лет обрели многие. Нордэне захотелось уточнить, кого конкретно разглагольствующий усатый урод считал героями: белокрылых, пришедших вырезать Восточную Рэду, потому что им активно не нравился тамошний этнический состав, или калладцев, которые, двести лет назад прокатившись по Восточной Рэде, теперь заняли заодно и Западную? Этнический состав которой, в свою очередь, не очень нравился уже калладцам, но пшеница там вызревала неплохая. Ничего такого, конечно, уточнять было нельзя. Будучи в самом омерзительном расположении духа, Дэмонра опрокинула еще бокал, размышляя, когда же можно будет, наконец, изобразить подпитие и уйти. Судя по цветущей роже Рэссэ, этот счастливый момент был еще далек.

- Слава Калладской Кесарии!

- За то, чтобы эта война стала последней!

- И за наших славных калладских союзников, которые принесли мир и спокойствие нашей многострадальной земле!

Дэмонра намеренно уселась подальше от окон, проигнорировав приглашение вполне симпатичного рэдца со старомодными бакенбардами. Симпатию к нему у нордэны вызвало именно мрачноватое лицо мужчины. Нынешний сосед нордэны цвел в улыбке и время от времени пытался подлить даме вина, хотя у него самого руки уже явственно тряслись. Дэмонра все ждала, когда же кто-нибудь из западных рэдцев, не оценивший своего сияющего калладского счастья, швырнет в окно камень. В порядке демонстрации большой личной благодарности. Но, видимо, в саду стояла приличная охрана. Вечер плавно перетекал в ночь. У Дэмонры уже начинала понемногу кружиться голова.

- Как благородные люди, давайте выпьем и за наших врагов, честно павших за свое неправое дело! - протянул кто-то с другого конца стола.

Хрустальный бокал брызнул осколками. Зондэр Мондум, увы, не оказалась достаточно благородной и побелела, как полотно. У нее, видимо, имелись свои представления о том, кто здесь честно пал и за чье неправое дело.

- Простите мою неловкость, - проговорила она в повисшей тишине.

- Тогда уж лучше выпейте за ваших друзей, честно павших за неправое дело наших врагов! - рявкнула Магда. Дэмонра удивилась, что после такой солидной порции выпивки Карвэн еще сохраняла способность говорить длинными предложениями.

Канцлер сделал Дэмонре страшные глаза. Пшеница стоила дорого. На его взгляд, достаточно дорого, чтобы временно

приравнять убийц и убитых. "Позор для мертвых - не позор", - мысленно повторила нордэна рефрен старинной северной песни, отсчитывая удары крови в висках.

- Майор Мондум поранила руку, - сообщила Дэмонра своей тарелке, соображая, у кого в Ломаной Звезде самые крепкие нервы. Она бы поставила на Эрвина Нордэнвейде. В конце концов, жить в Каллад с гражданством второго класса, да еще и поддельным - это было смело. А уж водить знакомство с Витольдом Маэрлингом и ни разу тому ничего не сломать - это вообще было нечто уму не постижимое. - Лейтенант Нордэнвейдэ, проводите майора Мондум и проследите, чтобы ей оказали помощь.

- Разумеется, - коротко поклонился тот и с самым невозмутимым видом подал Зондэр руку. - Прошу вас.

Игристое в фонтанчике, наконец, закончилось, но, как выяснилось, радость оказалась преждевременной. В зал вплыл десяток ребятишек в белых костюмчиках. Хор. Дэмонра не знала, что они там символизировали: невинность, мир или надежду на светлое завтра, но это уж точно было лишнее. На Архипелаге с каждым рожденным ребенком носились как с великой ценностью, а здесь взяли свое будущее, пихнули в белые тряпки и отправили петь перед злыми дядями и тетями. В церкви, где подорвали ее родителей, детский хор тоже вознесся к создателю полным составом. Поразительно, что это так и не научило тупиц не втягивать в свои разборки детей. Нордэна поднялась, неразборчиво промычала слова восхищения, снесла бедром соседний стул, схватилась за скатерть, чем изрядно сократила количество целых бокалов, и дезертировала. Не забыв угостить подаренной железкой ближайшую вазу.

"В конце концов, канцлер извинится, не переломится. Внесет, так сказать, посильный вклад в дело беззастенчивого прикарманивания чужих хлебов", - мстительно подумала она, пытаясь определить, какая из трех дверей перед ней - настоящая. Все выглядели бесовски правдоподобно, но прошлый опыт подсказывал, что идти следует все-таки в центральную.

После пропитанного духами, цветами и еще какой-то приторной дрянью зала, улица показалась Дэмонре чем-то приближенным к рэдскому раю в лучших традициях. Главным ее достоинством, бесспорно, являлось то, что она была совершенно пуста. Спустившийся на острые шпили и черепичные крыши вечер пах влажной землей. Небеса постепенно приобретали густо-лиловый оттенок. Каллад своих жителей такими красотами не баловал, однако у нордэны было слишком омерзительное

настроение, чтобы любоваться небом, чужим, но очень манящим. Ей не хотелось возвращаться на квартиру, оставаться в Рэде, впрочем, хотелось не больше, поэтому она бесцельно пошла по дороге, прочь от арены своих дипломатических подвигов. Арена ее боевых подвигов, к счастью, была еще дальше, за медленной и широкой рекой, которую за пепельно-серый оттенок вод рэдцы звали Ларной, а калладцы - Седой.

Дэмонра храбро решила, что за время пешей прогулки до квартиры она как раз успеет протрезветь. Насущной задачей было не налететь на Гребера по возвращении. Иначе, принимая во внимание настроение нордэны и наивную веру денщика в "лекарство от всех скорбей", вульгарная попойка стала бы неизбежной.

- Грустная ты.

Дэмонра едва не подскочила и повернулась на голос. У обочины стояла девочка лет десяти. Белое платье, торчащее из-под пальтишка, белые ленточки, белые башмачки. Нордэне все стало ясно.

"Хористка, твою мать".

Дэмонра решила, что Создатель или кто-то еще определенно на нее сильно взъелся.

- Банкет - там, - махнула нордэна рукой по направлению к особняку. - Но я бы не советовала.

- А ты тогда почему тут? - полюбопытствовала девочка. Она говорила на морхэнн довольно чисто, что для жителей Рэды было вполне типично, пусть модно стало утверждать обратное, и, похоже, совсем не боялась. Скорее всего, хористка просто не поняла, с кем ее столкнула нелегкая. Хотя к десяти-двенадцати годам пора уже было приобрести стойкую аллергию на иностранную военную форму. Дэмонра отстраненно удивилась, что налетела на девчушку в белом платьице, а не на отряд вооруженных патриотов. С последними она хотя бы представляла, что делать.

- Чтобы меня не было там, - сказала нордэна правду, и сама не поняла зачем. Скорее всего, дело было в вине и настроении.

- Мой брат говорит, что лучше бы вас вообще здесь не было, - бесхитростно заявила девочка. И, подумав, добавила, - Ты не обижайся.

- Да я не обижаюсь. Прав твой брат. Только теперь все будет по-другому.

- Лучше или хуже?

Дэмонра вовсе не собиралась объяснять десятилетней девчушке с белыми ленточками и наивными голубыми глазами

вещи, которые плохо понимала сама. Нордэне, конечно, было бы приятно думать, что калладцы несут мировой прогресс и фактически меняют хлеб на качественное медицинское обслуживание и обустройство начальных школ. Правда, в школах этих учили только морхэнн.

Но вот Наклз, конечно, знал, что прогресс и гуманизм здесь не при чем. Все дело было в рудниках Карды, рядом с которыми желательно было иметь спокойную границу, да в хлебе.

"Боги мои, как я все это ненавижу", - подумала Дэмонра, тоскливо глядя в вечернее небо.

- Так теперь будет хуже?

- Просто по-другому.

"Очень сложно так по-другому".

Девочка нахмурилась.

- Ты врешь, точно так же, как и мой брат. Все взрослые врут.

- А что им еще остается? Вырастешь - и тоже врать будешь, - сказала Дэмонра и, к слову, соврала. Она сильно сомневалась, что хористке дадут вырасти.

Угораздило же ту родиться на спорной территории между двумя великими державами. "Рэдский казус" - звучит неплохо. Прекрасная тема для диссертации по политической географии: тут и пестрый национальный состав, и социальная дифференциация, и запутанная историческая перспектива, не говоря уже о регулярно приключающихся "апогеях противоречий", "коллапсах" и "катарсисах". Выглядел этот "казус" правда отвратительно. Воды Седой не всегда были мутно-серые. При всяческих "апогеях" и "катарсисах" они стабильно становились мутно-красными.

- Не буду я врать никогда.

- Ну попробуй. Глядишь, получится.

- У меня брат за Ларной остался.

"Может даже в том перелеске, под Винье. Бес вас разберет, все на одно лицо - румяные, голубоглазые, романтичные такие в идиотской вашей одержимости свободной Рэдой...", - вспомнила Дэмонра январскую пальбу в перелеске. Ей стало совсем тоскливо. Может, и был там брат этой девочки - она не подписывалась всех помнить и трагически скорбеть.

- А у меня брат - и того дальше. Что тебе от меня надо? - довольно резко поинтересовалась нордэна. Здравый смысл настоятельно советовал ей срочно проверить все окрестные кусты на предмет ребяток с ножами. Что-то странное было в этой встрече. Дэмонра даже стала подумывать о том, не могло ли в вине оказаться опия. Даже если и так, галлюцинация в беленьких

ботиночках исчезать не торопилась.

- Да ничего мне от тебя не надо. Вы ведь скоро уйдете?

- А это тебе кто сказал?

- Слышала, как взрослые болтали. Мол, хлеб взойдет, и вы с ним уйдете. И тогда вернется князь.

Дэмонру ощутимо передернуло. Девчушка даже не понимала, какую страшную вещь сейчас сказала. Князь без имперцев бы не вернулся. А уж у тех имелся весьма определенный взгляд на то, как следует поступать с населением, находившимся на временно оккупированной территории. Когда Наклз впервые упомянул милую привычку вешать все, что шевелится, дабы случайно не пропустить предателей, Дэмонра по молодости решила, будто у мага бесовски мрачная фантазия. Ей стало очень стыдно, когда выяснилось, что бесовски мрачная фантазия Наклза на самом деле была бесовски мрачными воспоминаниями.

- Не думаю, что мы уедем так скоро.

- А правда, что за Ларной совсем нечего есть?

- Неправда.

- Но брат писал...

- Брат твой писал то, что ему сказали писать. Это ложь. В Восточной Рэде сейчас спокойно.

- А священник сказал, что там кошек едят.

- Ваши священники вообще много ... много говорят. Не едят там кошек. А твой священник не говорил, что в нашей столице ваши молодчики бомбами швыряются? Гибнут в процессе, что характерно, обычно люди, никакого отношения к политике не имеющие.

- Говорил. И говорил, что это их долг и, ой, там слово сложное, я не запомнила.

- Гражданская сознательность и святая миссия, конечно. Повесить бы того священника вверх ногами.

- Вы и священников вешаете за Ларной?

- Нет. А стоило бы.

- Понятно, - вздохнула девочка. Дэмонра ей от души позавидовала: вот нордэне творящийся вокруг бред был сугубо непонятен. - Так брат ко мне не вернется? - грустно уточнила девочка.

- Извини, но, наверное, нет. Не знаю.

- А где твой, раз он еще дальше? Я слышала, за Каллад лежит Белая земля. Там живут мертвые.

- Да, Дэм-Вельда лежит еще севернее Каллад.

"И, да, там живут мертвые. Лучше не скажешь".

- И твой брат там?

- Еще дальше. Послушай, не дело тебе здесь ходить одной ночами. И вообще, куда смотрят твои родители?

- Мама уехала в Аэрдис с... с дядей Августом. Отчима вы же тут и застрелили.

- Ни в кого мы не стреляли! Тут и в этот раз, я имею в виду.

- Да? Мне тетя так сказала. Он в штабе был. Мама тоже не вернется, значит?

Дэмонре захотелось опуститься на землю и тихо завыть. Она не подписывалась отвечать на такие вопросы. Девочка смотрела прямо и строго. Маленький глупый человечек, попавший в жернова истории. Нордэна как наяву слышала далекий лязг. Vox molae, сказали бы на Дэм-Вельде. Грустно развели бы руками и наклепали бы новых пистолетов.

- Почему ты не поехала с матерью? Отчим не пустил?

- Его благородие Август не взяли.

"Его благородие Август". Дэмонра давно не ощущала такой огромной, раскаленной ненависти к Аэрдис. Она могла понять накачанных наркотиками и пропагандой рэдцев с бомбами, могла понять синий идентификационный номер, выбитый на ладони Наклза - в конце концов, это была политика и это была война. Но такая простая бытовая мерзость у нее в голове никогда не укладывалась.

- Сукин сын его благородие, - поморщилась Дэмонра. - С тетей живешь?

- Не знаю. Дом опечатали, там какие-то люди ходят, тетя меня забрала пока, но у нее своих трое.

Девочка не жаловалась, она просто объясняла странную ситуацию, которую, видимо, не до конца понимала сама. Дэмонра же поняла достаточно для того, чтобы ей захотелось пойти и кого-нибудь убить. Желательно, его благородие Августа, но можно и князя. А лучше императора Гильдерберта. А - если уж совсем смотреть правде в глаза - бесы бы с ним, с императором. Убивать надо было канцлера, Немексиддэ, Иргендвегнанден, может, даже и кесаря. В общем, надо было или как-то примириться, или пойти и повеситься самой, никого в свой конфликт с миром не втягивая.

Но вот хитрую мразь Эйвона Сайруса, заварившего всю эту поганую кашу с рудниками, точно стоило повесить прямо здесь на сосне. Только вот он, конечно, в Рэду носа не совал.

- Ясно, - кивнула нордэна и стала рыться в карманах в поисках денег. Как она сама понимала, вполне тщетных. Даже если бы она с собой что-то и взяла, вряд ли тетя девочки, увидев калладское серебро, пришла бы в восторг. Особенно учитывая уверенность рэдцев в том, что осенью захватчики уйдут. Впрочем,

денег Дэмонра и не нашла.

На трезвую голову нордэна бы такого, конечно, не сделала, но она все-таки была пьяна. И выбита из колеи, и событиями, и рассказом, и просто честными голубыми глазищами девочки, чьи шансы увидеть следующую весну были минимальны. Дэмонра молча стянула с безымянного пальца левой руки кольцо - узенький ободок белого золота, три маленьких бриллиантика. Подарок отца на успешное окончание гимназии. Успешное в том плане, что родитель серьезно сомневался в возможности Дэмонры получить хоть какой-то аттестат. Кольцо ей никогда не нравилось, и при жизни родителей она его не носила. Уже потом носила не снимая. Кольцо поддалось не сразу, но все-таки нордэне удалось его снять. Девочка заинтригованно смотрела на все это действо.

- Держи. Думаю, это может заставить твою тетю передумать. Камни маленькие, но настоящие.

Поколебавшись, девочка взяла кольцо и сунула куда-то под пальтишко, ничего не сказав. А потом стала быстро выплетать из косички ленту.

- Что ты делаешь?

- Есть такая традиция. Тот, кто получит от незнакомца подарок, и отдаст ему в ответ подарок, может загадать желание, и оно обязательно исполнится. Ты возьмешь мою ленту, правда? Она красивая, я ее сама бисером вышила... Возьми, пожалуйста! Я хочу, чтобы брат вернулся. Это ведь будет несправедливо, если он захочет домой, а его не будут пускать.

Брата у девочки, скорее всего, уже не было. И, да, справедливым это тоже не было. Но Дэмонра уже давно догадывалась, что справедливость не при чем, когда речь идет о дележке рудников и полей слабого соседа. Сильный при случае всегда может убедительно доказать, что сажа белого цвета.

- Как тебя зовут? И брата?

- Агнешка. А брата - Милош. Милош Тассэ, - сообщила девочка, протягивая нордэне белую ленточку. Ленточка, как оказалась, была не такой уж белой. На ней криво, на старательно, вышили серого то ли кота, то ли кролика, не разобрать. Во всяком случае, у чудо-зверя наличествовали и длинные уши, и длинный хвост. И еще глазки-бусинки из мелкого речного жемчуга.

Дэмонру как будто в грудь ударили - ей стало трудно дышать и под ребрами что-то заныло. Все слезы, душеспасительные речи, многословные изъявления благодарности и поющие хором детишки не произвели на нее такого впечатления, как мятая лента в руках девочки по имени Агнешка.

- Возьми. На счастье, - лицо девочки сделалось серьезным, почти скорбным. На взгляд нордэны, это было крайне неподходящее выражение для детского лица. - Он тебя охранять будет.

Смотреть на котокролика дольше Дэмонра не могла. Нордэна опустила глаза на белые башмачки.

- Спасибо, Агнешка.

- Я тебя помнить буду.

"Я тоже подыхать буду не забуду".

Белое платье и русые волосы уходящей девочки растаяли в накатывающих сумерках. Дэмонра стояла одна на дороге, вдыхая запах влажной земли, и сжимала в руках ленточку. А в голову ей лезли всякие глупые мысли о том, что жизненный срок еще можно было как-то оправдать. Как она сама понимала, совершенно глупые и ненужные мысли.

Нордэна прекрасно знала, зачем они в Рэду пришли. Примерно представляла, когда оттуда уйдут. И, разумеется, догадывалась, каким именно образом Аэрдис на это ответит.

"Мир остается прежним, мир всегда, всегда остается прежним".

Присказка Наклза не работала. Дэмонре было больно дышать и совсем не хотелось смотреть в небо.

* * *

- И вот мы вернулись, - со второй попытки Дэмонра все-таки закончила свой несколько пятнистый перерассказ событий, в котором не фигурировала ни девочка по имени Агнешка, ни чудовищная попойка с Гребером, состоявшаяся той же ночью, после которой нордэна палила по зеркалам и окнам и едва не пристрелила кошку. Кошку она в итоге забрала с собой. Гребер был в восторге и уже назвал ее Матильдой. Впрочем, после почти недели, проведенной в компании Магды Карвэн, Матильда откликалась на самые неожиданные слова и даже целые обороты. - Я тебя уверяю, ничему, кроме моей печени, опасности там не угрожало.

- Ясно, - кивнул Рейнгольд. - В газетах все, как всегда, выглядит несколько иначе.

Вот уж в чем, а в умении писак с ходу назначить черное белым Дэмонра не сомневалась ни мгновения. В конце концов, ей доводилось читать прочувствованный некролог, посвященный генералу Рагнгерд. Мать бы здорово удивилась, ознакомившись со своей альтернативной биографией и еще более альтернативным списком природных добродетелей.

Нордэна хмыкнула и перевела тему:

- А там не возмущались, что я взяла в плен очаровательную рэдку? Владеет навыками предательского нападения с верхней полки и имеет абсолютный иммунитет к Витольду Маэрлингу. Уж как он ее ни соблазнял, и колбасой, и ветчиной, и лживыми посулами...

- Жениться, надеюсь, не обещал?

- Да этого не дошло, по счастью. Матильда, конечно, роскошная красавица в лучших рэдских традициях, но Эвальд Маэрлинг - человек старой закалки. Четыре ноги и хвост невестки его бы смутили.

Рейнгольд улыбнулся и прошелся по комнате, подбирая разбросанные по полу и креслам вещи. Он любил порядок во всем, от личной жизни до бумаг. Дэмонра ему в этом отношении от души завидовала. Она тоже любила порядок, но эта ее любовь так и осталась без взаимности.

- Любопытный сувенир, - оценил Рейнгольд белую ленту, выскользнувшую из кармана брюк нордэны. Он легко подхватил ее, не дав упасть на пол, и поглядел на просвет. В солнечном луче блеснули глазки чудо-зверя.

- Да, красивая вещица. На базаре купила. Случайно, - не моргнув глазом соврала нордэна. По мелочам она лгала легко и свободно, не ощущая ни малейших угрызений совести.

- Тем лучше. Может, ты все-таки передумаешь и снова отрастишь косу.

- Ты что-то имеешь против стриженной невесты? - Дэмонра взяла ленту и снова засунула в карман. Далее обсуждать вещи, хоть как-то связанные с Рэдой, ей совершенно не хотелось. - Мне кажется, сильнее твои родные плеваться не будут, даже если я вставлю кольцо в нос, как это делают представители примитивных культов, - задумчиво добавила она. Своим будущим родственникам нордэна уже была представлена. И касательно их чувств не заблуждалась.

- Плеваться - это непристойно. Они будут имитировать апоплексические удары и обмороки. Но когда-то же им это надоест, - безмятежно сообщил Рейнгольд, щуря глаза на яркое солнце. - К тому же, ты пропустила роскошный скандал. Мой старший братец Освальд сбежал с актрисой, причем дважды разведенной. Эту прелестную женщину можно поблагодарить. Матушкино "попробуй еще хоть раз притащить сюда нордэну в брюках!" превратилось в очень выразительное "ну, когда же хоть один из моих непутевых сыновей осчастливит меня законными внуками? А где сейчас та милая рыженькая особа из старинного рода?"

При первом знакомстве с "милой рыженькой особой" особу окатили таким взглядом, что в пору было пойти и повеситься. Дэмонра добродушно фыркнула:

- Это можно считать родительским благословением?

- Думаю, да. Во всяком случае, когда я был дома в последний раз, по удивительной случайности в гостях не казалось ни одной Амалии, "достойной девушки из очень приличного семейства". Впервые за последние лет пять.

- Когда вечером будем обмывать твой двадцать седьмой день рождения, напомни мне, чтобы отдельный тост был посвящен дважды разведенным актрисам, самоотверженным меценаткам нового века, - рассмеялась Дэмонра. - А вообще, Рэй, ты непрактичен. Из приданого у меня только неземная красота и острый ум. Я где-то слышала, что в валюту такое не конвертируется...

- За приданое не беспокойся. В валюту прекрасно конвертируется оружие с твоих заводов, - довольно мрачно заметил Рейнгольд.

- Ты опять об этом?

- Продай их, Дэмонра. Пока ты не продашь, Иргендвегнанден не даст спокойной жизни.

- Это мое наследство, Рэй. Тебе не простят женитьбы на бесприданнице, - полушутя-полусерьезно ответила Дэмонра. Она догадывалась, что это женитьбу Рейнгольду не простят, даже если она будет самой богатой невестой Каллад. А в кесарии хватало невест и богаче. И с гораздо менее испорченными репутациями.

- Ты помнишь, как делили наследство Скульден?

- Я была маленькая тогда. Но моя мать видела. И приняла соответствующие меры. Один взрыв, и наследство Рагнгерд - пепел. И нет, я не продам заводы. Считай это моим вкладом в нашу с тобой будущую веселую старость.

- Мне безумно приятно слышать, что ты намерена до нее дожить и, более того, встретить ее в моем обществе, - сдался Рейнгольд. Или вежливо сделал вид, что сдался.

Дэмонра могла бы сказать, что за свою жизнь она поочередно намеревалась стать министром просвещения, как папа, генералом, как мама, медиком, баронессой Тальбер, мстителем за честь семьи и даже, страшно вспомнить, калладским героем, а закончилось все стареющей меценаткой в худших традициях прошлого века, разве что без миниатюрной собачки. Реальность о планах нордэны справлялась мало.

Эрвин не слишком любил ходить в гости и совсем уж не любил там задерживаться. Но мачеха Витольда - как ни мало это слово подходило к улыбающейся и очень красивой даме лет двадцати пяти - была неумолима. Ночь прошла спокойно - их впустили слуги, хозяев дома никто будить не стал - но вот утром пришло возмездие. Обнаружив, что у пасынка все же есть друзья, отказывающиеся от вина хотя бы утром и не употреблявшие грубых слов, Милинда Маэрлинг засыпала Эрвина сотней вопросов о делах полка. Граф Эвальд, заинтересованный рэдскими событиями, от жены не отставал. Завтрак прошел под перекрестным огнем. Сочинять приходилось правдоподобно, красиво и быстро. Ситуация усложнялась тем, что врал Нордэнвейдэ довольно посредственно, то есть чуть лучше средней гимназистки. Так что он трижды проклял тот час, когда согласился-таки пойти с приятелем. Витольд с видом Заступника с фрески сидел рядом и нисколько не помогал. Допрос закончился не раньше полудня. Милинда, прошелестев шелками, сообщила, что ей пора идти по делам благотворительного сообщества, патронируемого самой герцогиней Зигерлейн, но она будет рада в любой день видеть Эрвина в этом доме. Обедать в гостях Нордэнвейдэ тоже не любил, однако на всякий случай вежливо поблагодарил даму.

Эвальд поднялся из-за стола и направился в курительную, жестом потребовав идти за собой. Там извлек портсигар, предложил остальным и закурил сам, расположившись в кресле. Лейтенанты дружно отказались. Несколько минут в комнате висели клубы ароматного дыма и предгрозовая тишина.

- Витольд, будь любезен, проверь, не забыла ли Милинда просмотреть утренние письма. Кажется, ей приносили нечто с вензелем, - безмятежно проговорил граф.

Маэрлинг-младший глянул на папеньку с некоторым подозрением, но быстрокивнул:

- Как скажете.

Дождавшись, пока дверь за сыном закроется, Эвальд широко улыбнулся:

- Знаете, молодой человек, если вам когда-нибудь потребуется составить протекцию по дипломатическому ведомству, только скажите. А теперь будьте добры еще раз с самого начала, можно с грубостями, но без сказок. Если не возражаете.

Возражать графу с родословной длиннее, чем история калладского государства, было бы излишне самонадеянно.

- Вы хотите знать что-то конкретное?

- Именно. Про тамошних девиц и их нравы мне расскажет Витольд. Вы можете сразу переходить к тому, как вас встретило местное население. У меня доля в одном из приграничных заводов, так что хотелось бы знать заранее, к чему готовиться.

- Местное население... лояльно.

- А по-человечески?

- Они нас не любят, конечно, но нападать не станут, пока их не поддержат белокрылые. А белокрылые удрали. С князем и казной.

- Думаю, князь лежит со свернутой шеей где-нибудь под насыпью. И поделом. Редкий подлец даже по нашим диким временам. До того, как стать ярым ненавистником Каллад, он валялся у кесаря Эвальда в ногах и клялся служить ему до последней капли крови. Меня до сих пор мучает совесть, что я тогда мог поспособствовать этому и никак не поспособствовал. Некоторых, скажем так, государственных деятелей следует убивать заблаговременно. Во всяком случае, так их можно уберечь от клятвопреступления, что есть грех непростительный.

Эрвин кивнул:

- Вне всякого сомнения. Тем не менее, отвечая на ваш вопрос, скажу, что население лояльно.

- Излишне лояльно! - подал голос Витольд, переступая порог столовой. - Я заметил любопытную закономерность. Чем страшнее была девица из "благородного рода", набивающаяся на танец, тем большую лояльность кесарии она демонстрировала! Последняя - это, я вам скажу, был тихий ужас! - знала о нашей культуре и истории втрое больше, чем я. Она спросила меня, кто, на мой взгляд, внес наибольший вклад в развитие экзистенциализма в Каллад! - праведно возмутился Маэрлинг.

Атака и впрямь была вероломной.

- И что же ты ответил? - полюбопытствовал граф.

- Я замялся, но потом свалил все на нордэн. На них же модно все сваливать. Как позже выяснилось, это было несправедливо. Девять из десяти спрошенных мною нордэн заявили, что о такой позе в жизни не слышали, а десятой была майор Карвэн.

- Потрясающе, - оценил широту ее кругозора граф. - Я, увы, лишен счастья быть близко знакомым с миледи Магдой, но имел удовольствие знать ее мать, госпожу Карвэн Магденхильд. Та философскими течениями интересовалась мало. Но знала всегда необыкновенно много.

Граф поднялся и улыбнулся:

- Что ж, судя по вашим рассказам, рудники, заводы и кесария в целом находятся в полной безопасности. Не скрою, я

ожидал другого, поэтому мне особенно приятно это слышать. Господин лейтенант, присоединяюсь к моей супруге: вы можете приходить в этот дом, когда пожелаете. А теперь позвольте откланяться, господа, не одну Милинду ждут дела государственной важности. Бредни сената тоже должен кто-то слушать.

- Бедный папаша, - оценил Витольд уход родственника. - Благотворительность - это, конечно, омерзительно скучно, но там хотя бы бывают внучки благотворительниц. А сенат... Я иногда подумываю о том, чтобы умереть молодым! - подмигнул он.

- Мне сенат не грозит, и я хочу дожить до старости, - честно сказал Эрвин. - У тебя очень приятная семья.

- А то, - хмыкнул Маэрлинг. - Ну что, синяки, будем считать, украшают мужчину, как и шрамы. Может, все-таки к Люсинде?

К Тирье Эрвину по-прежнему не слишком хотелось, но знакомиться с Люсиндой он тем более не имел никакой охоты.

- Мне пора домой.

- Безнадежен, - припечатал Витольд, закатив глаза. - Воистину, Эрвин, если рай существует, тебе уже заготовлено там отличное местечко. Но это не отменяет скорбного факта, что ты глубоко неправ.

Глубоко неправый Эрвин вежливо распрощался, подхватил саквояж и направился на улицу Хельга Дэйна, к незабвенной патриотке Тирье и ее чересчур начитанной дочке.

7.

По дороге к Наклзу Дэмонра забежала в кондитерскую и купила Магрит самую большую коробку конфет с витрины. Подумав, решила бантиками не перевязывать. Рэдка пришла в неописуемый восторг и без них. Глядя на довольную девушку, Дэмонра поняла, что с подарком не прогадала, шелковые чулки можно оставить до лучших времен, а билет до Гвардэ и вовсе никогда не покупать.

- Где Наклз? - нордэна решила не мучить презент от Кассиана и говорила на рэдди. Презент от Кассиана явно был счастлив таким положением дел и объяснил, что маг в спальне, а вставать ему Сольвейг запретила. Но он уже проснулся и читал утреннюю газету.

Утренняя газета - это было неплохо. Иногда бредни хроникеров приводили мага в доброе расположение духа. Дэмонра была уже в курсе, что между Милиндой и Наклзом состоялся разговор, которого, конечно, следовало бы избежать, но кто же мог знать, что Рэду возьмут без единого выстрела и вернутся в апереле? Дэмонре бы такое и в бреду не привиделось.

В спальне было в меру сумеречно, пахло каким-то лекарством, но, в целом, нордэна ожидала, что будет хуже, а о причинах переноса двери она решила спросить позже. На прикроватной тумбочке стояла ваза с апельсинами. Наклз прятался от окружающего мира за "Калладским вестником", но вряд ли читал при таком освещении. К своему зрению маг относился аккуратно.

- Ну здравствуй, Рыжик, - с порога обратилась Дэмонра. - Скажи сразу, мы будем скандалить или ты проявишь потрясающее милосердие?

Маг опустил газету и поглядел на нордэну не слишком ласково. Дэмонра не расстроилась, поскольку прекрасно знала: чтобы перехватить его ласковый взгляд, следовало быть какой-нибудь очень сложной формулой, а не простым смертным. Но градус холода впечатлял.

- Я проявлю благоразумие, - мрачно пообещал Наклз. - Скандалить мы будем после. Попроси Магрит налить тебе чаю и присаживайся.

- Может, я все-таки позорно дезертирую? У меня есть надежда, что в ближайшее время ты остынешь?

- Нет. И я не случайно забеременевшая гимназистка,

чтобы полыхать страстями. Садись уже.

"Садись уже" Дэмонра сочла хорошим знаком. Она аккуратно прикрыла за собою дверь и уселась на стуле в изголовье кровати. Вблизи маг казался гораздо более похудевшим и усталым. Кожа, кости и ледяной взгляд. Просто вылитый неупокоенный труп из страшной сказки.

- Сперва скажи, как ты?

- Хорошо.

- Для "хорошо" ты слишком плохо выглядишь.

- На "хорошо" я не выглядел никогда, - парировал маг. - Не надейся, мы не мой внешний вид обсуждать будем.

Дэмонра вздохнула. Облапошить Наклза ей удавалось только тогда, когда он сам хотел быть облапошенным. А приступы гуманизма с ним приключались редко.

- Честное слово, Рыжик, знай я, что это будет такой трагифарс, я б и не заикнулась...

Наклз поморщился и перебил:

- Я должен тебя поздравить. Мне известно много способов промотать наследство. Но такого я еще не видел. Что мешало тебе просто просадить его в рулетку?

- Отсутствие мозгов? - попыталась отшутиться Дэмонра.

- Да разве же оно тебе когда-то мешало? - не понял или не захотел понять шутки Наклз.

- Что сделано, то сделано.

- Это ты очень верно заметила. Сделано тобою немало.

- Ладно, рулетка бы не помогла. Видишь ли, крупный проигрыш в казино куда заметнее убыточного завода.

- Убыточного оружейного завода? Не скажи.

- Было пять заводов. Три химических, два оружейных. Оружейные еще не закрылись. Химическим... пришлось. Я не покупала сыворотку на Архипелаге, это было бы слишком подозрительно. А ее нелегальный синтез безумно дорог, вот и верчусь, как могу.

- И Иргендвегнанден просто смотрит сквозь пальцы, как ты просаживаешь деньги?

- Не совсем. Но моя мама и об этом позаботилась.

- Дэмонра, очнись! Ее двенадцать лет как нет.

- У старых грехов длинные тени, как говорят на Архипелаге. В путаную историю моих отношений с Иргендвегнанден лучше просто не лезь. Я синтезирую сыворотку подпольно, в подвалах завода, купленного подставным лицом. Далеко отсюда. Оплачиваю это той небольшой прибылью, которую имею с оставшихся моими заводов. Что-то, наверное, ворует управляющий. Мне все равно. Я, как ты можешь видеть,

живу на жалованье, мне хватает.

- Ты объяснила мне как. Но я так и не понял почему.

- А я и не собиралась тебе этого объяснять. Ты хотел знать, в каких делах я замешана. Теперь ты знаешь. Причины значения не имеют, - отрезала нордэна. Ей очень хотелось верить, что Наклз выйдет из себя, назовет ее дурой и все на этом закончится. Увы, у мага имелись другие планы:

- Тогда причину назову я. А ты поправишь меня, если я ошибаюсь.

Дэмонра скрестила руки на груди:

- Ну?

- Рагнгерд встала не на ту сторону, когда делили наследство четы Скульден. И поэтому много людей погибло.

Дэмонра пробарабанила пальцами по подлокотнику стула, помолчала немного, собираясь с мыслями, потом поджала губы:

- Ты слишком умный, Рыжик. Иногда я тебя боюсь. Это тебе сказала Аксиома Тильвара?

- Она не говорит о причинах. Никогда и ничего. Это мне сказал здравый смысл. По твоему лицу вижу, что я угадал.

- Не совсем. Рагнгерд как раз встала на ту сторону, если "той стороной" считать заветы наших богов. И наследства Скульден в строгом смысле тогда не существовало, потому что Рагнеда с Дезмондом еще были живы и умирать не собирались. Но, в целом, да, ты прав. Почему ты об этом вспомнил?

Наклз невозмутимо скрестил руки на груди. Возможность пересчитать большую часть их костей даже при таком скудном освещении Дэмонру совсем не радовала.

- У меня было время подумать. Твой адвокат, которому, между прочим, это тоже может головы стоить, достал мне газеты почти двадцатилетней давности из архивов. Оставалось сложить два и два.

- И получить семь?

- И получить шестьдесят два трупа в конце. Скульден сходится с иноверцем, и они умирают. Трагически и безвременно. Участие Рагнгерд в этой истории мне не совсем понятно, но, я предполагаю, она как раз пыталась предотвратить безвременную гибель голубков. Чего Архипелаг так и не простил твоей матери?

- Она догадывалась, что море не будет спокойным. И предложила этим остолопам удирать на запад, но они предпочли Дэм-Вельду. Архипелаг жутко оскорбился, надо думать, а потом неожиданно приключился шторм. Концы в воду.

- Красиво. Что было дальше?

- Дальше матери предложили переписать завещание.

Нордэнские технологии должны оставаться в руках нордэнов, это аксиома, и Иргендвегнанден терпеть не может, когда ее истинность пытаются проверить. Моя математически безграмотная мама решила, что данная аксиома нуждается в доказательствах.

- И тут террористы внезапно взорвали церковь в Рэде, - прищурился Наклз.

- О да.

- Мне остается лишь спросить тебя, была ли дуэль, на которой за год до этого застрелили твоего старшего брата, случайностью.

- Бес знает. Мама никогда никого в открытую не обвиняла. Юнкерская дуэль. Совершенно безопасный способ устранить человека. Думаю, отец тогда что-то понял, стал наводить справки и...

- И теракт.

- И теракт. Шестьдесят трупов, сотня раненых. Меня там не оказалось по чистой случайности. Несданный экзамен. Я осталась в столице, поехала кататься с... поехала кататься. А дальше ты знаешь. Думаю, мне очень повезло, что кесарь понял, как далеко Дэм-Вельда пойдет, и испугался. Ничем иным тот факт, что мне случайно не вкололи слишком много морфия в больнице, я объяснить не могу.

- Испугайся он раньше, цены б ему не было.

- Возможно. К счастью, его сын в этом плане куда как менее отважен. Не стоит связываться с Дэм-Вельдой по собственному почину и трижды не стоит лезть в ее дела, если она вдруг просит вмешаться. Таково мое глубокое личное убеждение.

- Я тебя понял.

Дэмонра снова раздраженно пробарабанила пальцами по подлокотнику. Толку с того, что Наклз ее "понял" было немного. "Понимающих" хватало, что двенадцать лет назад, что позже. И ничего не изменилось. Разве что у Рагнгерд появились героическая репутация и флер великомученицы. За которые мать, если бы была жива, многих умников шашкой порубила бы.

Нордэна тряхнула головой, отгоняя неприятные мысли о том, как она в свое время безуспешно пыталась навести справедливость.

- Мне остается добавить, что террорист погиб на месте, а люди, участвовавшие в организации взрыва, никаких сногсшибательных показаний не дали и очень быстро покончили с собой в камерах. Психические расстройства - у всех, как у одного. Прелестно, правда? Кучка умалишенных одним махом устранила двух генералов, трех министров и бесову уймищу

девочек с цветочками!

Наклз едва заметно поморщился. Он не любил повышенного тона.

- Ингегерд Вейда, подтвердившая эту версию, тоже была умалишенной? Или все проще? - ровно уточнил маг.

- Все проще, Наклз. Но дело закрыто. Никаких улик, указывающих на Дэм-Вельду, разумеется, нет. Виновные вроде как наказаны. Отмщение отходит суду последней инстанции и переносится на неопределенный срок. Так что все должны быть очень счастливы. Считай, мы ничего не обсуждали. Все это теперь не имеет никакого значения. Наследство Рагнгерд почти промотано. Я решила проблему так, как сумела. Это было проще, чем доказывать каждому встречному-поперечному, что все кругом сплошное вранье. Ты услышал все, что хотел?

- Я услышал все, что ожидал услышать, и, небеса мне свидетели, ничего из этого слышать мне не хотелось. У меня осталось два вопроса. Первый - почему ты взялась за рэдских кровососов? Содержать приют или больницу было бы законно и безопасно.

- Вот поэтому я и предоставила приюты, больницы и богадельни великим герцогиням. Не стоит отнимать чужой хлеб. Мы взялись за рэдских кровососов, потому что у них не было бы другого шанса. Считай, мной двигала гордыня. Я хотела и до сих пор хочу доказать, что твоя ... аксиома Тильвара - сказка.

- Не верю, но дело твое. На второй вопрос ты мне тем более не ответишь, но я его все же задам. Эти технологии того стоят?

Дэмонра мрачно помолчала, потом буркнула:

- Да.

- Это оружие.

Нордэна не сразу сообразила, что слова Наклза не были вопросом. Сообразив, усмехнулась:

- Да уж не кулинарный рецепт. Извини, но об этом я не могу говорить даже с тобой. Я и так стою скорбно близко к ледяному аду. И Рейнгольд не поможет мне отбрехаться: иноверцев наши боги не слушают.

- Кстати о богах и высоких материях, - Наклз потянулся к вороту. - Забери колокольчик. Я думаю, свою практическую функцию он исчерпал.

- Оставь себе, - отмахнулась Дэмонра, вполне благодушно. Тот факт, что разговор ушел от проклятого наследства, ее полностью устраивал. - Подарочки - не отдарочки, как говорит дед Магды. А меня он к совершенству уже не приблизит, даже если я еще пять таких нацеплю. Кстати о совершенстве, - нордэна

кивнула на вазу. - Премилые апельсины. Может, уже оценишь старания бедной девочки?

Наклз непонимающе вскинул брови, потом догадался:

- Ты все о Кейси?

- Скорее это Кейси вот уже десять лет как все о тебе.

- Уверяю, я интересую ее даже меньше, чем она меня.

- Не сказала бы. Она тебя страшно любит. Это уже даже мне перестает нравиться.

- Мне это нравиться даже не начинало. Я бы предпочел, чтобы меня любили без таких ужасов. Впрочем, в случае Кейси я искренне сожалею о своем поведении. Если бы десять лет назад у меня хватило мозгов сымитировать бурный восторг при первой встрече, она бы поставила галочку и занялась чем-то более полезным.

- Наклз, давай честно. Кейси очень красива. Молода. К слову, богата, много богаче меня: ее мать - третье лицо Архипелага, после высшей жрицы и наместницы. Веселая. Добрая... Неужели она тебе совсем не нравится?

- Она не веселая и не добрая. И нет, мне не нравится быть лотерейным призом. Потому что единственный человек в мире Кейси Ингегерд - это Кейси Ингегерд. Остальные не существуют вне своего назначения.

- Довольно злое замечание.

- Но я ответил на твой вопрос. Подари ей котенка или подговори какого-нибудь мальчика из семьи поприличнее. Иногда это помогает, - без малейшей издевки пояснил маг.

Дэмонра взоднула. Любила она Наклза всегда. Но вот нравился он ей далеко не всегда.

- Заведи хоть немножко человечности. Это никогда не помогает, но все же бывает полезным для личностного развития. А теперь, извини, но мне пора к Рейнгольду. У него день рождения, а я еще без подарка.

- В таком случае, доброго тебе дня.

"Доброго тебе дня!", - мысленно передразнила Дэмонра Наклза, прикрывая за собою дверь в спальню. Потом спустилась по лестнице на первый этаж, где и обнаружила счастливую Магрит среди шоколадных оберток, и сообразила, что, препираясь с магом, забыла уточнить одну очень важную вещь.

- Ты кому-нибудь говорила, о чем бредил Наклз?

Девушка испуганно вскинулась, потом покачала головой:

- Нет! Ни словечка.

- Умница. Ни в коем случае не отступай от этой мудрой политики. Кстати, так о чем он говорил в бреду?

Магрит нахмурилась и буркнула:

- Я не поняла.

- Умница, - улыбнулась Дэмонра насупившейся девушке. - Все-таки ты умница. Я зайду завтра или послезавтра. Если нужны какие-то продукты или вещи, составь список. Пришлю Гребера. Спасибо тебе, - подумав, добавила нордэна. Магрит удивленно поглядела на нее, но ничего не ответила.

8.

Первым человеком, кого увидел Эрвин на улице Хельга Дэйна, была Анна. Закутанная в шубку и большой шерстяной платок девушка бродила по двору, периодически обращаясь к дворнику, деловито сгребавшему с дороги потемневший снег. Нордэнвейдэ только теперь понял, что наступила оттепель. С крыши весело стучала капель, светило солнце и вообще жизнь, за исключением нескольких частностей, была хороша. Одна из этих частностей, увы, перекрывала путь к парадному входу.

Разумеется, у Эрвина и в мыслях не было не поздороваться с Анной, хотя нарваться на очередную отповедь ему совершенно не хотелось. В итоге лейтенант решил, что у младшей Тирье хватит ума не скандалить на улице, и предельно вежливо пожелал ей доброго утра. Анна обернулась, явив Эрвину красный как мак нос, и сделала шаг навстречу. Нордэнвейдэ удивился, но долго удивляться ему не пришлось: девушка неловко ступила на брусчатку, попала каблучком в щель между камнями, всплеснула руками и полетела на землю. Эрвин едва успел ее подхватить. Анна неумело вцепилась в его шинель, все еще хранившую следы вчерашней потасовки, наклонилась к уху и почти беззвучно сказала только одно слово.

"Чистильщик".

Эрвину резко стало холодно, несмотря на льющиеся с небес солнечные лучи. Сыворотка была у него при себе, фляга лежала во внутреннем кармане шинели. Избавиться от нее до момента, когда он переступит порог дома, было невозможно. Развернуться и пойти прочь значило навлечь подозрения не только на себя, но и на Анну. К тому же, раз чистильщик ждал внутри, ордер на обыск у него, скорее всего, был. Блестящих идей у лейтенанта не появилось. Оставалось только пройти пять шагов до крыльца, подняться по лестнице и встретить неминуемое.

"Создатель, ну когда уже это прекратиться?", - подумал Эрвин скорее с усталостью, чем с обидой. Внезапно ставший

тяжелым саквояж оттягивал левую руку. На правой не слишком изящно висла Анна.

- Я подвернула ногу, - довольно громко сообщила девушка высоким, злым голосом. - Вы разве не поможете мне дойти до крыльца?

Эрвин понятия не имел, что задумала Анна, но точно знал, что без ее выдумки ему конец. Обысками чистильщиков в Каллад не шутили. Третье отделение - это вообще было совсем не смешно.

- Конечно, к вашим услугам, - механически ответил Эрвин и, поддерживая Анну, направился к крыльцу. Пять шагов. Затем дверь, а за дверью, конечно, агент охранки, специалист по нелюди. В просторечии - чистильщик.

Четыре шага.

- Коридор темный. Светильник упадет, - тихо сообщила Анна, очень натурально кривясь от боли. На ногу она тоже припадала весьма реалистично. - Где оно?

Три шага. Два. Нордэнвейдэ по-прежнему не представлял, что будет через несколько секунд.

- Где? - злее повторила Анна, все так же глядя в снег.

Эрвин молча коснулся груди. Фляга была под шинелью.

- Расстегните. Очень быстро, - выдохнула девушка. Они уже почти поднялись на крыльцо. Перед Эрвином темнел прямоугольник двери со скромным цветным витражом. Анна замешкалась на лестнице, слабо вскрикнув. Лейтенант опустил саквояж перед дверью, позвонил в колокольчик. Девушка что-то делала с пуговицами шинели.

- Дурак, - пробормотала она. - Да расстегни ты это, - тут Эрвин сообразил, что Анна и вправду едва не плачет. А заодно и то, что ее легко могут арестовать за содействие нелюди, если он немедленно не возьмет себя в руки. Нордэнвейдэ нащупал пуговицы, негнущимися пальцами расстегнул верхнюю. Дальше пошло проще. Дверь распахнулась через пару секунд. Анна неловко ввалилась в коридор, потащив за собою Эрвина, а потом раздался звон металла. Канделябр с полки полетел на пол, две свечи, упав, потухли, третья покатилась по направлению к Тирье. Открывшая дверь хозяйка взвизгнула и отскочила вглубь коридора. Анна опустилась на пол у двери, сопроводив это действо потрясающе выразительным взглядом. Эрвин резко закрыл дверь. На несколько мгновений в прихожей стало сумеречно, как в склепе. Нордэнвейдэ наклонился, чтобы поднять девушку. Что она сделала дальше, он понял не до конца, но фляга из его шинели точно исчезла. Прошло не более трех секунд, как распахнулась ближайшая дверь. Оттуда пробился дневной свет. В

желтоватом прямоугольнике четко обозначились две фигуры.

- Что за комедия? - поинтересовался незнакомый Эрвину писклявый голосок.

- Не знаю, - гаркнул в ответ человек, мгновением позже опознанный как Ярцек. Жандарм вышел в коридор первым. Анна к тому моменту уже успела прижаться спиной к двери и уставиться на представителя правопорядка, как кролик на змею.

- Поскользнулась, - почти беззвучно выдохнула она. Эрвин кивнул. Потом сообразил, что выглядит, как последний олух, чем подводит под монастырь не только себя, но и Анну. Плохо было дело.

- Добрый день, господа, - как мог твердо произнес лейтенант. - Я могу быть вам чем-то полезным?

- Не мне, - покачал головой Ярцек. Он смотрел на Эрвина спокойно, без неприязни. Из-за его спины выскользнул невзрачный человечек, с бледной, какой-то рыбьей физиономией, сам напоминающий вампира даже сильнее, чем Эрвин. Человечек пригладил слипшиеся волосы, потер руки и возвестил:

- Третье отделение. Проверка.

Нордэнвейдэ механически кивнул.

- Вот ордер, - человек протянул лейтенанту бумагу. Спокойный, деловитый Ярцек тем временем вышел в кухню, явился с еще одним канделябром и поинтересовался:

- Где ваш саквояж?

- На крыльце, - отозвался Эрвин, в тусклом свете свечей пытаясь разобрать строчки ордера. - Госпожа Тирье, мне кажется, вам с дочерью лучше уйти.

- Пойдемте, мама, - поддержала его Анна. - Мне страшно.

- Нет уж, останьтесь, барышня, - растянул человечек безгубый рот в подобии улыбки.

- С кем честь имею? - довольно грубым тоном поинтересовался лейтенант, возвращая бумагу. Ордер, увы, был в полном порядке. Чистильщику разрешался досмотр личных вещей гражданина второго класса Эрвина Нордэнвейдэ и обыск его жилища.

- Вы не возражаете, если за вашим саквояжем схожу я? - тем временем вполне любезно спросил Ярцек. Эрвин невозмутимо выдержал его взгляд:

- Не возражаю. Но я возражаю, чтобы любители копаться в грязном белье, выворачивали содержимое моего саквояжа при юной барышне.

Человечек вспыхнул:

- Это неуважение к служителю закона!

- Не то чтобы лейтенант пока проявил какое-то

неуважение, - буркнул Ярцек. У Эрвина сложилось впечатление, что рыбоподобный субъект и тому неприятен. В конце концов, жандармы и чистильщики традиционно питали друг к другу мало симпатии, хотя порой и работали сообща. Ярцека сюда захватили скорее всего потому, что опасались сопротивления. Так уж исторически повелось, что в массе своей борцы за чистоту калладской крови были заморышами, гонять воров и убийц по улицам не способными. И, по глубокому убеждению Эрвина, негодяями они были всегда. В конце концов, от избытка желания помочь стране можно было пойти в армию или жандармерию. Какие причины заставляли людей потрошить чужие чемоданы и регулярно проверять трущобных девиц, Нордэнвейдэ оставалось только гадать. Жандармов в Каллад, в отличие от армейских, не то чтобы любили, но хотя бы уважали через одного. Чистильщиков же просто боялись. Причем не столько их самих, сколько стоящую за ними машину и всесильного Герхарда Винтергольда.

Пока чистильщик, вероятно впервые в жизни столкнувшийся с откровенным хамством, беззвучно хлопал ртом, все больше напоминая карпа, жандарм сходил за саквояжем, вернулся и опустил его на пол. Застежки тихо клацнули.

- Мама, мне дурно..., - простонала Анна. Эрвин с изумлением понял, что в этой бесцветной девушке пропала отменная актриса. Даже он уже начинал верить, что Анне и вправду очень плохо. Та почти висела на руках у матери. И вот тут Тирье пошла в атаку. Хозяйка лихо боднула воздух чепчиком и громко возмутилась:

- Я позволила обыск в моем доме! Пошла на сотрудничество! Что вам еще от меня и моей дочери надо?

- Ваша дочь находилась наедине с подозреваемым, - с нескрываемой радостью ввернул человечек.

- Чушь, - с ходу отмел это предположение Эрвин. - Госпожа Анна подвернула ногу у крыльца, только и всего. Если уж вам так нравится лазить по чужим карманам, приступайте, но дайте девушке уйти.

- Пусть сперва вывернет карманы, - улыбнулся чистильщик. Присутствие жандарма явно добавляло ему смелости.

- Вы пошутили? - мягко уточнил Эрвин. Ему необыкновенно хорошо представилось, как с хрустом ломается тонкая шейка, торчащая из серого мундира. Один хороший удар в трахею решил бы проблему. А вот Анна у стены, кажется, и вправду начала задыхаться.

- Астма? - коротко спросил жандарм. Нордэнвейдэ быстро

кивнул. Ярцек насупился, потом пробурчал:

- Уведите девицу, мадам. Не дело это.

- Пусть сперва карманы вывернет!

Анна втянула воздух с каким-то страшноватым присвистом. Эрвин мысленно сосчитал до трех и любезно спросил:

- Сударь, уж не знаю вашего имени, вас когда-нибудь оскорбляли? Например, называли ублюдком в лицо? Нет? Мне кажется, самое время.

Чистильщик пошел густыми красными пятнами:

- Что?!

- Что слышали. Господин Ярцек, я уже кого-нибудь оскорбил?

Ярцек усмехнулся, но усмешку быстро подавил:

- Пожалуй, еще нет. Флауэрс, преступайте к обыску. Мадам, уведите дочь.

- Но...

- На нее ордера нет. И оснований я не вижу.

- Не вашего ума дело, Ярцек!

- Флауэрс, если уж в вас взыграло такое служебное рвение, пойдите и обыщите извозчика. Он пробыл наедине с подозреваемым никак не меньше, чем барышня.

Чистильщик, вероятно, хотел еще что-то сказать, но только дернул подбородком и занялся замками саквояжа. Эрвин равнодушно взирал, как сменные сорочки летели на не слишком чистый пол. И благословлял Зондэр Мондум.

- Рэдская самогонка. Три бутылки.

- Это преступление? - угрюмо полюбопытствовал Эрвин.

- Да! Она на два градуса крепче, чем позволительно напиткам, ввозимым в Каллад.

- Прелестно. Пятнадцать марок штрафа, конфискация и я свободен?

Флауэрс ожесточенно тормошил остальное содержимое саквояжа. Никаких сногсшибательных открытий его не ожидало. Лейтенант демонстративно уставился в потолок.

- Ничего, указывающего на порфирию, в саквояже, - подвел итог десятиминутной работы чистильщика Ярцек. - Вашу комнату мы уже осмотрели. Там тоже чисто. Вы возражаете против личного досмотра?

Брезгливый от природы Эрвин еще как возражал, но делать было нечего:

- Не обещаю случайно не дать в зубы означенному господину, если он станет распускать руки больше необходимого, - пожал плечами лейтенант. Ярцек снова тихо хмыкнул:

- Ладно уж, служба, извините.

- Снимайте шинель, сапоги и мундир!

- Я вам от всей души сочувствую, если раздевание представителя вашего же пола вызывает у вас такой прилив энтузиазма, - процедил Эрвин, но требование выполнил. Шинель Флауэрс перетряхивал долго и тщательно, лейтенант уже замерз стоять на холодном полу.

- Если вы ищете заначку, она не там. Сколько вам не хватает до получки?

- Молчать!

- Господин Ярцек, я обязан хранить молчание во время обыска?

- В принципе, нет. Флауэрс, вы ее по швам распороть решили? У меня дежурство сегодня в два заканчивается, давайте скорее. Господин Нордэнвейдэ, будьте любезны, выверните карманы брюк.

По выполнении просьбы Эрвин явил жандарму горсть мелочи и трофейную карамельку в зеленой обертке. Флауэрс был жестоко разочарован, потому что карамелька оказалась не капсулой с наркотиками или ядом, а именно яблочной карамелькой. Чистильщик раздраженно швырнул ни в чем не повинную конфету на пол. Снова взялся за шинель. Ярцек хмыкнул и махнул рукой, мол, все. Порядок.

- Да нет там ничего! - взвился чистильщик, все еще страдавший над шинелью и мундиром. - Говорю же, он что-то передал, когда светильник грохнулся! Пошли девку проверим.

Возможно, Эрвин бы сдержался, но тут Флауэрс добавил:

- Это не контуженная Карвэн, в зубы не даст, - и тут же получил в зубы. Правда не от упомянутой Карвэн, а от Нордэнвейдэ, который очень не любил, когда плохо говорили о порядочных женщинах вообще, и о его знакомых - в частности. Ярцек, по счастью, подхватил чистильщика до того, как тот впечатался спиной в стену.

- Нордэнвейдэ, спокойно, - распорядился он.

- Это оскорбление, - прошмякал Флауэрс из-за плеча жандарма, потрясая крохотным кулачком.

- Я не думаю, что, назвав мешок с дерьмом мешком с дерьмом, я кого-то оскорблю, - прошипел злой как бес Эрвин.

- Хватит! - рявкнул Ярцек. - Вы, Нордэнвейдэ, следите за своим языком. Штраф за самогонку вам выпишут завтра, бутылки я забираю. Флауэрс, нам пора. Как видите, донос был ложный.

- У него глаза черные. И он не пьет.

- Я просто со всякими мразями не пью, поэтому с вами пить не буду, - оскалился Эрвин. Помощь пришла неожиданно:

- Флауэрс, я не силен в процедуре, но знаю: чтобы взять кровь на анализ или просто накачать кого-то спиртом, надо предварительно найти что-то, указывающее на порфирию. Пока на это ничего, кроме воплей разобиженного недоросля, не указывает.

- В конце концов, он меня оскорбил!

- А вы потребуйте сатисфакции, - пожал плечами Ярцек. Эрвин был готов поклясться, что жандарм ухмыляется в усы. - Я уверен, лейтенант вам не откажет, хоть это и не вполне законно.

- Не откажу, - с готовностью заверил Эрвин. - Вы считаете себя оскорбленным?

Увы и ах, чистильщик с разбитой губой оскорбленным себя не счел. Что, конечно, было печально, но вполне ожидаемо. Флауэрс от души пнул саквояж, который ответить не мог, надел пальто, натянул шапку и, не глядя на Эрвина, вышел вон. Ярцек неторопливо застегивал пуговицы. Нордэнвейдэ был почти уверен, что тот что-нибудь да скажет, но жандарм молчал. Сам лейтенант нужные слова нашел, когда Ярцек уже разобрался с застежками и шагнул к двери.

- Спасибо. Я должен перед вами извиниться: я думал о вас хуже, чем следовало.

- Не за что. И я не знаю никого, кто бы о нас думал хорошо без очень веских причин, - отмахнулся Ярцек. Но под его усами явственно растягивалась довольная улыбка.

- Позволите пожать вам руку? Или людям, находящимся под подозрением, не следует такого предлагать?

Жандарм довольно хмыкнул, снял перчатку и протянул Эрвину широкую ладонь. Лейтенант от души пожал его руку.

- Как-нибудь при случае прихвастну знакомым в Звезде, - ухмыльнулся Ярцек. - Будьте аккуратнее. Флауэрс вам этого не спустит.

Оптимистом Эрвин не был никогда. Он и так догадывался, что только что приобрел одного врага. И, как ему хотелось верить, одного товарища. На этой радостной мысли он отправился собирать разбросанные по всему коридору вещи.

Ярцек, как выяснилось, оказался гуманистом: из трех контрабандных бутылок, купленных по настоянию Зондэр, он конфисковал только две. Толку от этого было мало, но широту жеста лейтенант оценил.

* * *

- Мадам, я съезжаю, - без обиняков начал Эрвин, едва из гостиной показалась Тирье. Чепец ее скорбно поник.

- Я не могла отказать представителю закона, - вяло возмутилась она из-под кружевных оборочек.

- Вы весьма безотказны, - не удержался от иронии Нордэнвейдэ. - Во всяком случае, когда речь идет о жандармении. Это уже второй раз, а год только начался. С меня довольно.

- Уж извините, я порядочная калладка! - взвилась Тирье, калладкой бывшая разве что по паспорту. Внешность ее недвусмысленно указывала на виарские корни.

- Будь вы действительно порядочной калладкой, вы бы уже давно собрали вещи и увезли дочь на юг, - процедил Эрвин. Ревностная патриотка Тирье, на его взгляд, большой чести Каллад не делала. - Скоро здесь будет сырость, тиф и все прочие столичные радости.

- Вас вот уж спросить забыла!

- Потому я сам и сказал. Дайте мне час на сборы. Аванс за апрель можете оставить себе, за беспокойство.

Не дожидаясь ответа, Эрвин миновал разгневанную даму, прошел в гостиную, мельком заметив забившуюся в кресло Анну, и поднялся к себе.

Обе комнаты были перевернуты вверх дном. Кабинету досталось сильнее, там старательный Флауэрс даже обои кое-где отколупал от стены. С другой стороны, старая истина, гласящая, что нет худа без добра, отчасти подтвердилась: на полу валялись некоторые вещи, которые Эрвин безуспешно искал месяцами. Лейтенант повертел в руках подаренный и благополучно потерянный бинокль, жестянку из-под кофе, где он в лучшие времена хранил всякие мелочи, и две новые пары перчаток, бесследно исчезнувшие сразу после покупки. Все-таки жизнь была полна сюрпризов.

В принципе, от обыска скорее пострадала патриотичная мадам Тирье, поскольку именно ей принадлежала большая часть вещей в комнатах. Сам Эрвин обходился минимумом, как будто чуя, что в один прекрасный день из этого гостеприимного дома ему придется уходить, причем уходить быстро. И вот этот прекрасный солнечный день настал. Лейтенант, насвистывая песенку, чтобы успокоить нервы, принялся кидать в саквояж и небольшой чемодан остатки вещей, благо, их было мало. Снизу донеслась "Кассиата", на сей раз идеальная. Эрвин было удивился такому прогрессу Анны, но быстро сообразил, что слышит еще и хор. Видимо, ревностная патриотка все же разорилась на ныне модный граммофон с пластинками.

Собирать чемоданы под ликующие аккорды "Кассиаты" было легко и приятно. Эрвин справился минут за двадцать, а бардак, наведенный чистильщиком, решил оставить Тирье в

порядке небольшой личной мести. Солнечные лучи, бившие из окна, празднично освещали самый настоящий бедлам.

Из неприятных дел в этом доме Эрвину оставался только разговор с Анной. Нордэнвейдэ подхватил свои пожитки и спустился в гостиную. Не останавливаясь там, вынес чемодан в коридор. Потом тихо вернулся. Мадам Тирье, видимо, отходила от хамства постояльца где-то еще, потому что в гостиной ее уже не было. Анна из кресла смерила лейтенанта подозрительным взглядом.

- Вы далеко?

- По возможности как можно дальше, - не стал врать Эрвин. - Боюсь, я все-таки неудобный постоялец.

Девушка пожала плечами:

- Далеко не худший из возможных. Вы хорошо подумали?

Эрвин встал у самого граммофона. Говорил он тихо, так что слышать его могла только Анна.

- Да. Мне не очень нравится, когда мне спасают жизнь дважды за месяц.

- За прошлое спасение вы уже сунули мне денег, - сощурилась девушка. - Что будет на сей раз? Вексель?

- Совет. Уезжайте из Каллад. Я не видел вас всего три недели, но вы уже успели сильно побледнеть. Этот климат вас убьет.

- Прелестно! Еще советы будут?

- Будут. Больше никогда не лезьте в подобные дела.

- Ну разумеется! Этот бледный типчик будет являться мне в кошмарных снах.

Лейтенант вздохнул. Он считал Анну несколько странной, но все же умной девушкой. А теперь ему под пиликанье скрипки над ухом приходилось разжевывать ей совершенно очевидные вещи. Настолько очевидные, что их понимала даже патриотичная Тирье-старшая с ее чепчиками и верой в страшных-престрашных рэдцев, угрожающих безопасности Каллад.

- Дело не в человечке. Вашим врагом сегодня чуть не стал не Флауэрс, а Каллад. Государство, Анна. Самое сильное государство во всем обитаемом мире.

- Герхард Винтергольд и все его силы ада? - усмехнулась девушка. - Честное слово, мне уже страшно.

- Мало вам страшно, - процедил Эрвин, которому еще шесть лет назад в ходе обзорной экскурсии по столице показали и казематы Эгрэ Вейд. А заодно популярно объяснили, что кодекс Клодвига, запрещающий пытки, на неграждан не распространяется. На тот случай, если он вдруг вздумает кого-то предавать или просто плохо себя вести. - Думаете, вы еще долго

сможете проявлять чудеса сообразительности? Если бы жандарм сегодня не проявил чудес благородства, сообразительность ваша вам же боком и вышла бы!

Анна поджала губы:

- Сыграйте мне на прощание "Кассиату", и мы в расчете. Вот сыворотка, - девушка извлекла из складок платья флягу и протянула Эрвину. Флягу лейтенант взял, но вот граммофон не остановил:

- Обойдемся без "Кассиаты" на пианино, ваша мать и так довольно рассержена.

Анна отвернулась к стене и процедила:

- В таком случае, прощайте. Не думаю, что вы оставите мне адрес, по которому стоит писать письма.

- Не оставлю, - согласился Эрвин. Он не слишком понимал, что творится сейчас в голове у младшей Тирье, но ситуация ему инстинктивно не нравилась. - Потому что сам еще не знаю этого адреса. Но, как только он у меня появится, я вам сразу напишу, не обессудьте, в обход вашей матери. Ненавижу, когда мои письма перлюстрируют. Кесарской цензуры нам вполне хватит.

Анна с любопытством покосилась на Эрвина:

- Даже так? И как же вы намерены мне написать?

- Потеряйте перчатку. Я передам письмо с дворником, который ее найдет.

Девушка усмехнулась:

- Ну просто шпионский роман. А как мне написать вам, если что-то случится?

- Знаете бакалейщицу Мирту, которая держит лавку на параллельной улице?

- Познакомлюсь.

- Если что-то произойдет, отдайте письмо ей. А теперь прощайте. Спасибо вам, Анна.

- До свиданья! - с непонятным вызовом ответила девушка. Эрвин поклонился и покинул комнату.

В коридоре, у чемоданов, его, конечно, ждала ревностная патриотка. Розовые кружева чепца негодующе трепетали.

- Даже не вздумайте сюда писать, - прошипела Тирье на прощание. На этот раз поклоном лейтенант себя затруднять не стал и молча вышел в солнечный полдень.

9.

День рождения Рейнгольда отметили хорошо. Даже, пожалуй, слишком хорошо. По счастью, Зиглинд и старший сын кесаря родились в один день, так что все внимание общественности было приковано к последнему. Рейнгольду по этой причине удалось организовать скромное торжество в узком кругу друзей, где не оказалось ни венценосцев, ни благотворительных дам из великих герцогинь, ни всей прочей титулованной публики, на которую у Дэмонры имелась стойкая аллергия. Нордэна, первый раз в жизни выступая в качестве пусть и неофициальной, но все же "хозяйки дома", весь вечер проявляла чудеса нордэнской дипломатии. Она загадочно молчала, когда все принимались вспоминать случаи из "бурной молодости", следила, чтобы гостям вовремя подливали вина, и делала вид, что прекрасно понимает юридический юмор, а также хорошо знакома со всеми громкими делами за последние десять лет. Иными словами, выполняла чисто декоративную функцию. И, по собственному убеждению, справлялась с этой функцией неплохо, разве что все время цепляла шлейфом всяческие посторонние предметы.

Часам к четырем утра закончилось и вино, и юридические анекдоты, а на какие-то более игривые темы перейти мешало присутствие дамы. Дама не сомневалась, что в данных вопросах понимает уж никак не меньше гостей, благо знакомство с Магдой серьезно расширяло горизонты, но на всякий случай скромно смотрела на скатерть. Такая тактика принесла плоды довольно быстро: после еще пары тостов за именинника и милейшую хозяйку дома гости откланялись. Дэмонра с чувством выполненного долга изобразила еще пару улыбок и с удовольствием проследила, как входная дверь закрылась за последним из приятелей Рейнгольда.

- Спектакль удался? - промурлыкала нордэна.

- Репетиция, - поправил Рейнгольд, улыбаясь. - Спектакль будет послезавтра.

- Послезавтра? - не поняла Дэмонра. Она надеялась, что чудес дипломатии с нее хватило. Родителям ее уже тоже представляли. Нордэна задумалась, в чем же подвох.

- Ты когда-нибудь заглядываешь в почтовые ящики? - совсем уж загадочно поинтересовался Рейнгольд.

- Раз в месяц Гребер вытряхивает из них мусор, - честно ответила нордэна. - Мне, знаешь ли, никто не пишет. В том смысле, что мне не пишут люди, чьи письма я стала бы читать. Там бывают только счета и приглашения. Счета Гребер оплачивает. Приглашения - выкидывает. Все просто.

- Очень смело. Я о приглашениях.

- Они всегда приходят с опозданием. Вот незадача.

Репутация Дэмонры в свете оставляла желать лучшего. Имя ее отца, конечно, открывало многие двери, но рэдские подвиги матери, дурацкая дуэль брата и - здесь нордэна не обольщалась - главным образом ее собственное поведение эти двери закрывали. Отношения с более-менее либеральной аристократией, за исключением Рейнгольда и четы Маэрлингов, у нордэны не сложились. Последнюю приличную книгу она прочитала еще в гимназии, о чем честно поставила в известность пару родовитых дарований от литературы, музыка ее не интересовала в принципе, политика - тем более, а еще Дэмонра от всей души ненавидела прогрессивные идеи и их носителей. Общих тем с либералами не находилось. С консерваторами Дэмонра также не сошлась по причине ношения штанов и ряду других отягчающих обстоятельств. Так что приглашения на именины дальних родственников по отцовской линии неизменно приходили ей с недельным опозданием. Что нордэну, конечно, нисколько не огорчало. По прошествии лет она могла признать, что плохо знала своего отца, но вот его многочисленных тетушек она знала даже слишком хорошо и знать лучше не хотела.

- Письма с кесарским вензелем всегда приходят вовремя, - возразил Рейнгольд. - Послезавтра бал.

Нордэна тихо, но выразительно ругнулась.

С балами, которые давал кесарь или его многочисленные родичи, дело обстояло сложнее. Здесь Дэмонре, как и любому отпрыску более-менее приличной фамилии, не отягощенному брачными узами, приглашения приходили регулярно и вовремя. И их уже нельзя было со спокойной душой отправлять в мусорную корзину, а потом сваливать свое отсутствие на простуду, неумение танцевать, похороны горячо любимого кота, коня и мышки или просто на запой.

- И мне там надо быть?

- Да. О чем мне было велено тебе напомнить.

- В честь чего танцульки?

- Эгмонту же исполняется пятнадцать.

- Вот уж велика радость для венценосного семейства, - пробурчала нордэна. За предыдущие четырнадцать лет ничем, кроме унаследованного от деда тяжелого характера, Эгмонт не отличился. Дэмонра, разумеется, лично с наследником никогда не общалась, но знающие люди поговаривали, что с таким кесарем Каллад по умеренно-либеральному Эдельстерну, имевшему хорошую привычку сначала слушать и только потом - вешать, еще наплачется. Впрочем, обо всем этом волноваться

было рано: кесарю в минувшем году исполнилось тридцать пять. При хорошем раскладе, ближайшие лет тридцать страна находилась бы в надежных руках. - И вообще, Рэй, я уверена, это происки твоей матери. Она просто хочет, чтобы ты увидел, какой коровой я смотрюсь среди семнадцатилетних благовоспитанных барышень из хороших семей, - пошутила Дэмонра. Доля шутки в этой шутке была не так уж и велика. Нордэна с ранней юности ненавидела балы. Танцы были единственным предметом, "крайне дурно" по которому она считала великой милостью преподавателя.

- В любом случае, это происки кесаря, а не матери. Не знаю, зачем ты ему понадобилась, но уж расстройство моей свадьбы его волнует в последнюю очередь, можешь мне поверить. У кесаря есть более насущные проблемы, а кесаревна Стефания не настолько несчастлива в своем браке, чтобы устраивать чужие.

Поверила Дэмонра безоговорочно. Увы, причин выпавшей ей чести она от этого больше понимать не стала. Нордэна была предельно далека от политики, налоги платила исправно, с иностранными дипломатами дружбы не водила и вполне могла дать в зубы за любое неодобрительное высказывание в адрес кесаря. Не потому, что не согласна, а потому, что в кесарии должен быть порядок. Наконец, ее внешность и репутация полностью исключали возможность стать очередной придворной юбкой. По совокупности перечисленных фактов Дэмонра даже примерно не могла представить, с чего бы кесарю ей заинтересоваться. Но на всякий случай насторожилась.

10.

Маленькая гостиница, в которой временно разместился Эрвин, оказалась не такой уж плохой. Во всяком случае, там было чисто, а хозяйка напоминала госпожу Тирье разве что наличием кружевного чепца. В остальном же это была вполне милая дама, в качестве приятного бонуса предлагающая постояльцам чай и пирожки. Пирожки были не лучше, чем в офицерской столовой, но вот крепким сладким чаем дама Нордэнвейдэ купила. Он, не торгуясь, заплатил за две недели вперед и отправился в свой номер.

Эрвин редко когда принимал серьезные решения с налету. Обычно ему требовалось посидеть в спокойной обстановке, подумать, даже составить табличку возможных вариантов

действий и их последствий на бумаге. И только после этого лейтенант приходил к каким-то однозначным выводам. На этот раз табличка выстроилась быстро и просто, но вот никаких однозначных выводов из нее не вытекало. Основных вариантов по-прежнему было два: уволиться и удрать или не увольняться и остаться. Каждый сулил определенные сложности, равно как и определенные выгоды. Удрать из Каллад было очень заманчиво, но тут ребром вставал вопрос с сывороткой. Свою Эрвин получал в первую очередь за то, что состоял в полку, и без этого рассчитывать на бесплатные поставки не приходилось. С другой стороны, если бы его схватили в Каллад, проблем вышло бы гораздо больше хотя бы потому, что на виселицу Эрвин пошел бы в хорошей компании. В лучшем случае это была бы Дэмонра, но лейтенант нюхом чуял, что такие аферы в одиночку не проворачивают. В общем, плохо выходило и так, и эдак. Нордэнвейдэ поломал голову часов до шести вечера, но ни до чего так и не додумался. Дальше мучиться не имело смысла. В итоге Эрвин рассудил, что утром отправится в штаб и попытается поговорить с полковником, поужинал, почитал немного и лег спать.

Всю ночь ему снилась какая-то муть, в которой фигурировала Анна, патриотичная Тирье, рыбоподобный человечек и еще какие-то люди, которых лейтенант знать не знал. В этих снах он то ли что-то искал, то ли сам от кого-то прятался. Сны были разные, но концовка у них была одинаковая: Эрвин очень четко видел криво вбитый в землю рэдский крест, с неаккуратно выцарапанными на нем цифрами. Вместо последних двух цифр года рождения стоял прочерк, смерть датировалась будущим годом. Имени не было. В третий раз увидев эту злополучную могилу, Эрвин понял, что спать сегодня ему больше совершенно не хочется. Наручные часы, оставленные на тумбочке у кровати, показывали половину седьмого. Комнатка выходила окнами на улицу, так что лейтенант мог видеть, как из-за труб Литейного района медленно разливается бледный рассвет. День обещал быть ясным.

Старая байка о том, что в восемь часов утра в штабе Звезды можно было встретить только уборщиков, призраков и майора Мондум жизнью полностью подтвердилась. Насчет призраков Эрвин ничего с уверенностью сказать не мог, поскольку был трезв, но вот уборщики и Зондэр наличествовали. Выждав под дверью минут пять и окончательно убедившись, что из кабинета доносятся шаги, лейтенант постучал. Он услышал, как в замке поворачивается ключ и тихий щелчок, и еще успел удивиться, от кого бы запираться в восемь утра, а потом дверь

открылась. Если Мондум и была удивлена, увидев посетителя, то об этом знала только она сама. Она, как всегда, выглядела выспавшейся, подтянутой и идеально уместной.

- Доброе утро, гос...

- Эрвин, мы не на параде. Доброе утро. Вы здесь так рано? - прежде чем лейтенант сумел придумать, а почему он, собственно, так рано - не про дурные сны же ему было рассказывать - Зондэр нахмурилась и уточнила:

- Что-то случилось?

Нордэнвейдэ глянул по сторонам. Коридор был пуст. Лейтенант кивнул.

Хмурое лицо Зондэр Мондум стало совсем уж хмурым. Она посторонилась от двери, только теперь пропуская Эрвина внутрь.

- Заходите. Там поговорим.

Он вошел и глазам своим не поверил. Кабинет, еще недавно являвшийся гордостью штаба и образцом того, как должен выглядеть порядок в калладской армии, имел совершенно нежилой вид. Со стола пропали фотография в рамке, чашка и еще какие-то мелочи. Полки были практически пусты. На стене остался только кесарский портрет. И грустно поникшая мухоловка тихо шипела с подоконника.

Зондэр, заметив взгляд лейтенанта, поджала губы.

- Да, Эрвин, я ухожу в отставку. Давайте не будем этого обсуждать.

Нордэнвейдэ только и осталось, что хлопнуть глазами. В полку майор Мондум казалась чем-то незыблемым. Эдаким оплотом порядка в бушующих волнах не всегда адекватной отваги. Она была вторым человеком полка, а в кое-каких вопросах, пожалуй, и первым. Отставка Зондэр выглядело чем-то из разряда дурного анекдота.

- Извините. Конечно не будем.

- Присаживайтесь, Эрвин, - нордэна невозмутимо продолжила сортировать бумаги. Одни она клала в сумку, другие - во внушительный гроссбух, третьи пока оставляла на столе.

Нордэнвейдэ опустился в потертое кожаное кресло и посмотрел в окно. Ничего интересного там, конечно, не было. Пустой плац неподалеку и чахлые кустики у дорожки. Память о высаженных Маэрлингом прошлой весной розовых розах. Эрвин с удивлением понял, что нынешняя весна была и в половину не такой спокойной, хотя ничего особенного вроде бы не происходило. Началась и кончилась какая-то война, которую никто особенно не заметил, отшумели студенческие волнения, на которые тоже особенного внимания не обратили,

активизировались шпики всех мастей. Все вроде бы было в порядке, но что-то шло не так. Впрочем, возможно все дело было в ночном кошмаре, который заставлял воспринимать мир в более мрачных тонах.

- У вас ведь стоит защита от прослушивания через Мглу? - скорее для формы спросил Эрвин.

Зондэр, не отрываясь от работы, хмыкнула:

- Легальная и нелегальная. Нелегальную Наклз ставил.

О Наклзе лейтенант знал немного, но даже этих немногих знаний хватило, чтобы счесть ответ Мондум исчерпывающим.

- Вчера у меня снова был обыск.

Зондэр, наконец, оторвалась от бумаг и сердито сверкнула синими глазами:

- Ну не надоело им? Лучше б убийц ловили.

- Ловить убийц не так безопасно, как стращать граждан второго класса в идеальном государстве...

- Каллад не рай, но это Каллад, - отрезала Мондум. Как показалось Эрвину, не столько агрессивно, сколько устало.

- Я вовсе не то имел в виду, - смутился Нордэнвейдэ. - Я скорее о... контингенте стращающих, чем о кесарии в целом.

- Эрвин, извините. Меня просто разговорами о гражданах и социальной несправедливости последние полгода изводят все, кому не лень. Как будто раньше была справедливость.

- А была?

- В Каллад-то справедливость? - изумилась нордэна такому смелому предположению. - Никогда. У нас исторически имелось слишком много воинственных соседей, чтобы мы думали об отвлеченных вещах. Итак, обыск. Ничего, конечно, не нашли?

- Нет, но мне уже второй раз необыкновенно повезло. Долго такое продолжаться не может.

- Именно с вами - может довольно долго. Под вашим протоколом о прохождении теста Кальберта стоит подпись канцлера Рэссэ. А канцлер достаточно любит свою должность, чтобы оградить вас от неприятностей.

- Вам виднее. Но мне показалось, что "чистильщик", во-первых, точно знал, к кому шел, и вовсе не собирался уходить с пустыми руками - во-вторых. Если бы не хозяйская дочка, сыворотку бы нашли.

- Так вам помогла хозяйская дочка?

- Хозяйская дочка и порядочный жандарм.

Мондум тихо фыркнула:

- Сюжет как в сказке.

- Чем дальше, тем страшней, - конкретизировал Эрвин. Нордэна помолчала с минуту, потом поинтересовалась:

- А вы-то сами чего бы хотели, Эрвин?

Сам Эрвин хотел бы в двадцать не получить осколочное ранение и, собственно, литр зараженной крови, начисто перечеркнувший все его мечты и чаянья. Но с этим желанием добрая фея Мондум опоздала на шесть лет.

- Выжить. И никого при этом не привести на виселицу.

- Дополнение очень похвальное, а ответ очень честный. Хорошо. Видите ли, какое дело. Я увольняюсь, мое место, скорее всего, займет Магда Карвэн, а ее - капитан Бернгард Глир. Таким образом, у нас появляется одна капитанская вакансия. Вместо того, чтобы пристраивать туда какого-нибудь генеральского внучка со стороны, мы хотели поставить вас. Маэрлингу капитана давать бесполезно, а вам - в самый раз. Шесть лет безупречной службы и все такое прочее. Да и повышение жалования вам будет нужнее, чем ему.

Три дня назад Эрвин бы очень обрадовался, получив капитанскую должность. Теперь подарок судьбы оказался ненужным.

- Меня беспокоят "чистильщики".

- Да, - кивнула Мондум. - Меня тоже. Значит, вы склоняетесь к варианту увольнения?

- Думаю, это было бы разумно. Я бы уехал куда-нибудь в провинцию, а, может, и вовсе в Восточную Рэду.

- В Рэду даже не думайте сунуться, - предупредила Мондум. - Если вы, конечно, не сумеете убедительно рассказать, почему шесть лет шатались в калладской армии. А с вашим умением врать, уж простите, это вряд ли выйдет. Можно выбрать какой-нибудь городок на границе с Виарэ. В принципе, я бы даже могла замолвить словечко, чтобы вас отправили в штат военного агента в Эйнальд.

От "штата военного агента", насколько Эрвин понимал, за версту пахло "деятельностью, несовместимой с дипломатическим статусом". При его неумении врать согласиться на это было бы уж очень смело. Видимо, сомнения отразились у лейтенанта на лице, потому что Зондэр улыбнулась:

- Спокойно. Руководство военной разведкой в Эйнальде вам никто не предлагает. Там уже есть умельцы. Вы можешь разве что какой-нибудь патрон новомодный "нечаянно" в карман сунуть. Ну и за калладскими захоронениями поухаживать. Им уже, конечно, лет под двести и калладцы лежат там вперемешку с эйнальдцами и эфэлцами, но, как говорится, порядок должен быть. К тому же, дипломатический иммунитет вам пригодится, как никому.

Все это было прекрасно, как во сне, но имелась одна

большая трудность:

- Я не говорю на эйльди.

- Тот, кто говорит на рэдди, язык Эйнальда освоит за месяц, но грамматику советую подтянуть. Ингмар Таргрейн, наш военный агент, не выносит, когда при нем ляпают ошибки. Я это очень хорошо знаю, потому что имею несчастье быть его племянницей по отцовской линии.

Эрвин изумленно воззрился на Мондум. Он ничего не знал о ее семье, но почему-то пребывал в уверенности, что там были только военные. А она, оказывается, состояла в родстве с не последней династией дипломатов.

Зондэр убрала в сумку последние бумаги и ровно добавила:

- Но увольнительную вы на всякий случай напишите, а там можете еще подумать.

- Но...

- Знаю, шесть лет назад уже писали, осталось только дату подставить. Но шесть лет назад все еще пользовались перьевыми ручками. Теперь предпочитают шариковые. Не будем недооценивать мировой прогресс и все его кляксы.

Зондэр протянула Эрвину листок бумаги. Нордэнвейдэ не слишком удивился, обнаружив в правом нижнем углу "Одобрено" и размашистую подпись полковника Дэмонры. Сделанную новомодной шариковой ручкой.

- Поставьте вчерашнее число. На всякий случай, - добавила нордэна. Помолчала еще немного, потом задумчиво сказала: "Нет, все-таки позавчерашнее".

- Отнести в канцелярию? - поинтересовался лейтенант, закончив. Бумага в его руках являлась итогом целых шести лет жизни. Как ни странно, никаких особенных эмоций эта мысль не вызывала. Эрвину просто было не по себе и просто хотелось спать.

- Оставьте, я передам, - Зондэр поежилась. - Давайте не будем сжигать мосты, - нордэна несколько сконфуженно улыбнулась. - Я вот свое тоже пока не отнесла. Не то чтобы я суеверна, но у меня какое-то нехорошее предчувствие.

Эрвин вспомнил криво накарябанные на кресте даты. У него, определенно, тоже имелся целый вагон нехороших предчувствий. Светившее за окном солнце и очумело орущие от такой радости коты развеять их нисколько не помогали.

Мондум нервно пробарабанила пальцами по столу.

- Vox molae. А ведь прав был Марград. Пять часов надвигающегося рока в наличии. Интересно, а рай в конце гореть будет?

Эрвин вдруг вспомнил, что пожар сегодня ночью он тоже

видел. Его передернуло.

- Надеюсь, что нет.

11.

День бала у Дэмонры не задался с самого утра. Началось все с того, что при генеральной примерке платья - собственно, единственного подходящего в ее гардеробе - Гребер, тащившийся мимо, наступил нордэне на шлейф. Все бы ничего, но она этого не заметила и сделала шаг в сторону. В результате платье приобрело очень интересный разрез, идущий точно по шву на талии. Грубейшая площадная брань, которой нордэна покрыла денщика, модистку и весь мир, делу не помогла. Туалет был безнадежно испорчен и починке в домашних условиях не подлежал: Дэмонра относительно собственных талантов в области кройки и шитья никогда не заблуждалась. Оставалось извлечь из шкафа парадный мундир и попытаться отбить сильнейший запах лаванды каким-нибудь другим сильным запахом. Пристыженный Гребер в стремлении помочь притащил очень пахучий самогон. Дэмонре стало совсем тоскливо.

Беда, разумеется, не пришла одна. Через полчаса пришла записка от Рейнгольда. Тот, выходя из дома, поскользнулся на ступеньках и неудачно упал. Явиться на бал к кесарю с вывихом и синяком в пол-лица с точки зрения светских условностей было хуже, чем не явиться вообще. Дэмонра, надеявшаяся отсидеться за кавалером, поняла, что на этот раз ее не спасет уже ничто, даже фляга в сапоге. Флягу нордэна убрала от греха подальше, лицо нарисовала, улыбку приклеила. В карман брюк она положила ленту Агнешки, на счастье. Несуеверная Дэмонра в ситуациях, приближающимся к критическим, становилась очень даже суеверной.

До прибытия большей части гостей в роскошно убранном зале было очень скучно. С прибытием, разумеется, стало намного хуже. Те из дальних родственников, которых не отпугнули штаны и короткая стрижка нордэны, даже поздравили ее с успехами на поле брани. Дэмонра не поняла, было это вызвано наглостью или глупостью, но на всякий случай отвечала так, что поток поздравителей иссяк быстро. Кардинально это ситуацию, конечно, не улучшило.

В итоге Дэмонра забилась в самый дальний угол зала и оттуда следила за кружащимися парами, ожидая, пока ее отзовут

куда-нибудь за портьеры, скорее всего, для очередной выволочки на предмет дурных манер. Если вообще отзовут. Конечно, именное приглашение, спасенное Гребером из мусорной корзины, вряд ли было ошибкой, но Рейнгольд мог что-то не так понять. Вероятно, кесарь хотел побеседовать с ним. На этой мысли Дэмонра окончательно успокоилась. Как оказалось, напрасно. Из спасительного угла ее весьма деликатно извлек Гофмиллер, лейтенант флота, скорее всего в жизни не видевший моря, и по совместительству близкий друг кесаря.

- Добрый вечер, госпожа полковник. Рад видеть вас в добром здравии, - самым любезным тоном заверил он. Нордэна ни мгновения не сомневалась - соврал. Придворные, заявлявшие, что они ей рады, всегда вызывали у Дэмонры большие подозрения.

- Благодарю. Вы чего-то хотели?

- Для начала я хотел бы пригласить вас на танец, - нимало не смущаясь резкому тону нордэны пояснил Гофмиллер. - Знаете ли, дама, весь вечер следящая за танцующими из угла, это подозрительно.

- О да. Явные происки имперской разведки, - поморщилась Дэмонра. Танцевать, тем более с франтоватым молодым человеком, который явно умел делать это гораздо лучше нее, нордэне нисколько не хотелось.

У Гофмиллера за годы при кесаре, видимо, выработались некоторые профессиональные добродетели. Он то ли не замечал грубостей, то ли очень хорошо делал вид, что не замечает. Друг венценосца только улыбнулся:

- Все возможно. Так вы позволите пригласить вас на танец?

Дэмонра задумалась, глядя на кружащиеся пары. Большинство дам были в светлом, именины наследника все же. Ее парадный мундир, как на зло, был черный. В лучшем случае, получилась бы ворона в стае ласточек. Лучший случай наступал редко, так что ворона, скорее всего, превратилась бы в корову.

- Я отвратительно танцую, - процедила нордэна. Гофмиллеру пора уже было обидеться и перейти к делу.

- И все же я рискну вам не поверить, - гнул свое придворный.

Дэмонра мимоходом оценила состояние его сапог. Блестели как зеркало.

"Блестят последние минуты в своей жизни", - не без злорадства подумала она и мужественно кивнула.

Минут через десять Дэмонра с мстительным удовольствием обозрела остатки былой роскоши, которая больше

не сверкала. В защиту Гофмиллера следовало сказать, что он умудрился весь танец сохранять на лице самую непроницаемую улыбку. Нордэне впервые в жизни пришла в голову мысль, что и у придворных шаркунов, наверное, есть какие-то таланты.

- Я вас уверяю, наш, гм, танец, видели все. И больше на происки аэрдисовской разведки, надо думать, не грешат. Если вспомнить историю, все шпионки оттуда были напропалую изящны и прекрасны. Диверсия против сапог противника - это мелко.

Гофмиллер улыбнулся:

- Я совершенно уверен, Его Величеству все равно, как вы танцуете, пока вы бьете наших врагов. Его Величество... умеет учиться на прошлых, - придворный сладчайше улыбнулся, - недоразумениях.

"Прошлые недоразумения" имели место лет эдак пятнадцать назад. В последние годы правления кесаря Эвальда высокие посты занимали в основном аристократы из самых старых родов. Аристократы эти, ввиду тонкой душевной организации и изысканного чувства прекрасного, больше тяготели к искусствам, чем к земной грязи. В результате нередко получалось так, что за балет и за артиллерию в кесарии отвечал один и тот же человек. Как шутил отец Дэмонры, балет был на высоте, а вот пушки стреляли скверно. По счастью, продолжалась такая глупость недолго: Эдельстерн в первые же годы повышибал из военного ведомства и казначейства всех любителей поэм, после чего пушки стали стрелять исправно, а инфляция, наконец, начала медленно снижаться. Иными словами, предыдущий кесарь спился очень своевременно. Или ему помогли, тоже весьма своевременно. Из области экономики Дэмонра понимала только то, что деньги, по всей видимости, не растут на деревьях. Но вот армию за три последние года Эвальд чуть не развалил, здесь сомневаться не приходилось.

- Извольте следовать за мной, - мягко продолжил Гофмиллер, покинул зал и уверенно двинулся куда-то вглубь анфилады. За третьим из гобеленов, изображающих серию героических побед юной калладской кесарии над грозной империей Аэрдис, оказалась маленькая дверца. Гофмиллер умело прошмыгнул туда. Дэмонра юркнула следом. Как и всякая нордэна, крысиные лазы она не любила, но делать было нечего. Оставалось только считать повороты и пытаться хотя бы примерно представить, куда они направляются. Коридорчик петлял. Минуты через три Дэмонра сдалась окончательно.

- А человеческий путь туда, куда вы меня ведете, есть?

- Есть. На самом деле, все просто. Из кабинета выходите в

приемный зал, затем в коридор, на третьем повороте сворачиваете налево, спускаетесь на этаж и идете вперед до комнаты с портретами. Оттуда вы увидите зал, где танцевали. А дальше вы дорогу знаете. Ну, еще, конечно, можно миновать комнату с портретами и выйти через старое крыло, если не хотите встретить знакомцев, - благодушно вещал Гофмиллер.

Он остановился у неприметной дверцы и постучал. Дэмонра даже без музыкального слуха сообразила, что Гофмиллер отбил какой-то ритм. Щелкнул замок, и дверца приоткрылась. После сумрака коридорчика освещение показалось Дэмонре очень ярким.

- Войдите, - прошелестел прохладный голос. Нордэне не впервые за этот вечер сделалось не по себе. Она вошла в комнату, где обнаружила за столом одного-единственного человека. Гофмиллера как ветром сдуло. Только дверца за спиной тихо клацнула.

- Ваше Величество, - нордэна поклонилась, выпрямилась и застыла по струнке, избегая смотреть в лицо сидящему за столом человеку. Эдельстерн Зигмаринен за одиннадцать с небольшим лет умудрился навести в стране порядок, за что пользовался заслуженным уважением, в том числе среди решивших остаться на континенте нордэнов. Но это нисколько не отменяло факта, что кесарь был вовсе не тем человеком, с которым хотелось поболтать по душам.

- Вольно, - распорядился кесарь. Но сесть, разумеется, не предложил. Дэмонра, впрочем, нисколько не сердилась. Весь свой либерализм кесарь продемонстрировал, когда отменил отцовский циркуляр, фактически запрещавший детям разночинцев получать высшее образование, и ряд других столь же бессмысленных, на взгляд нордэны, законов. А то, что в обществе Зигмаринена приходилось стоять и смотреть в пол, можно было и потерпеть. В конце концов, люди много сотен лет бились за право поцеловать край одежды его предков. Такие вещи накладывали известный отпечаток на характер.

Настолько близко кесаря нордэна видела только однажды, в день, когда приносила присягу, и тогда они оба были значительно моложе. Дэмонра не удержалась и все же бросила на него осторожный взгляд исподлобья. И тут же столкнулась с холодными глазами, голубыми, как небесная лазурь, и такими же пустыми. Кровь Аэрдис жила долго. Играть в гляделки с кесарем, определенно, не стоило. Нордэна снова уставилась в ковер. Ледяной взгляд ощущался где-то между бровей.

- Я позвал вас, чтобы поговорить, - спокойно заметил кесарь. - Вортигрен считает, что ваше мнение отчасти отражает

мнение многих нордэнов. - Дэмонра не знала, радоваться ей этому известию или огорчаться. С одной стороны, кесарь полагал, что с ней можно разговаривать, а это было лестно. С другой стороны, вряд ли разговор пошел бы о каком-то приятном предмете.

- Почту за честь, Ваше Величество.

- Насколько мне известно, нас не подслушивают, так что можете не добавлять титул каждый раз. Я не страдаю расстройствами памяти и, по счастью, помню, кем являюсь. Перейдем к делу.

От человека за столом веяло холодом. Можно было сколько угодно говорить, что кесарь надменен как бес, горд, неприятен в общении и тому подобное. Дэмонра с некоторым удивлением поняла, что все это обычная чушь и россказни. От кесаря просто веяло холодом, как от растворенного в снежную ночь окна, ни больше, ни меньше.

- Как вы оцениваете итоги последней рэдской кампании? - вопрос прозвучал жестко. Дэмонра, и до этого дня не завидовавшая министрам, стремительно начинала испытывать к ним сочувствие.

- Я? - опешила нордэна. Она даже не командовала операцией и совершенно не понимала, чего от нее хотят.

- Лично вы. Если бы я хотел узнать мнение канцлера Рэссэ или генерала Вортигрена, я спросил бы их. Собственно, канцлер о своих взглядах меня информировал уже раза три. Мнение совета промышленников и лично Эйвона Сайруса мне также известно. Я хочу знать ваше. Как человека, у которого нет денежных интересов в этом деле.

Оказаться на одном счету со всеми поименованными господами, разумеется, было чрезвычайно лестно, но вопрос нордэне все равно не нравился.

- Лично я не оцениваю их никак. Невозможно оценить итоги того, что еще не закончилось, - набралась наглости Дэмонра. - Если я правильно понимаю положение дел, разумеется. Правительство, подписавшее мир...

Политология в институте прошла мимо Дэмонры, поэтому культурного слова, обозначающегоситуацию, когда власть мгновенно рухнет без иностранных захватчиков в своей же стране, не знала.

- Нелегитимно, - подсказал кесарь. - Очень возможно. Оно не проживет и дня, если вернутся войска Аэрдис. Но речь идет не о кучке лисиц, внезапно обнаруживших, что облюбованный ими курятник горит со всех сторон.

Речь в Каллад, скорее всего, шла о хлебе. Все прочие

проблемы кесарии были разрешимы.

- Рэдские земли плодородны, - осторожно заметила нордэна.

- Безусловно. А правительство Виарэ разумно решило пойти нам навстречу и дать хорошую скидку.

В большой политике Дэмонра понимала даже меньше, чем в экономике. Но упоминание виарских торгашей и их скидки в таком контексте ей не понравилось.

- Значит, в этом году удастся избежать роста цен на хлеб, - сказала Дэмонра, чтобы сказать хоть что-то. Кесарь помолчал с полминуты. Нордэна за это время успела трижды проклясть свою леность и институтские прогулы. Требовалось сложить кампанию в Рэде со скидкой от Виарэ и потенциальным голодом на Дэм-Вельде, помножить все это на интересы многочисленных придворных группировок и получить какой-то результат. На такие подвиги, наверное, даже Наклз не был способен.

- Скидка уже получена. Поставка уже оплачена, - наконец, сообщил кесарь. - И рудники Карды уже наши. Вы прекрасно знаете, какую часть казны каждый год съедает армия. Поэтому я повторяю свой вопрос. Целесообразно ли оставаться в Западной Рэде, где, в целом, ничего полезного нет? Проблемных территорий у нас и так с избытком.

Дэмонре с гимназической поры не нравились вопросы, начинающиеся со слов "целесообразно ли...". В нордэнских словарях не было самого понятия целесообразности. Имелось понятие справедливости и понятие необходимости, которые даже теоретически не могли противоречить друг другу, поскольку любая необходимая или неизбежная вещь априорно считалась справедливой. Включая гибель Дэм-Вельды и отсутствие того самого хлеба. Определение целесообразности Дэмонра, получив пару "очень дурно", наизусть выучила. Смысла слова так и не поняла. В конце концов, в девяти случаях из десяти его можно было заменить на "удобно".

- Не мое дело судить о целесообразности тех или иных действий, в особенности - действий не боевых. Меня этому не учили. Моя задача заключается в том, чтобы максимизировать потери врага и минимизировать - наши, - механически ответила нордэна.

- Сказки мне обычно рассказывает канцлер, - сухо заметил кесарь. - И у него это получается более убедительно, чем у вас, хотя бы в силу солидного опыта. Мы здесь одни и я всего лишь хочу услышать ваше мнение. Я вовсе не собираюсь мигом воплощать в реальность все, что вы посоветуете, так что говорите спокойно.

А какое у нордэны бесы ведают в каком поколении могло быть мнение?

- Хорошо. Тогда война и еще раз война. До победного конца, - Дэмонра все же поняла глаза на кесаря.

Тот расплылся в улыбке. Трудно было сказать, чего в ней было больше - иронии или усталости.

- А где, позвольте узнать, вы видите ее конец? - полюбопытствовал кесарь. - На западной границе Рэды? Или, быть может, на Триумфальной площади Аэрдис?

- Я бы не отказалась вымыть сапоги в фонтане, расположенном на последней, раз уж вы спросили, Ваше Величество. Но, если смотреть на вещи реалистично, на первое время западной границы Рэды нам как раз хватит. Потом - я имею в виду сильно "потом" - можно заняться Эйнальдом и Эфэлом. Тявкают громко.

- Если смотреть реалистично, нам хватит рудников. Именно эту мысль сегодня утром до меня пытался донести совет промышленников во главе с Эйвоном Сайрусом. Война, как и все в этом мире, имеет экономическую целесообразность. Упомянутые господа утверждают, что экономическая целесообразность с захватом Карды и получением виарского хлеба по сниженным ценам себя исчерпала.

Дэмонра, наконец, взяла в толк реальные причины вторжения в Западную Рэду. Демонстрация силы. Из виарских поставщиков радикальным образом выбили скидку, только и всего. Ну, и попутно оттяпали с десяток роскошных полей.

"Хлеб взойдет, и вы с ним уедете. А потом вернется князь".

Князь не князь, а белокрылые бы вернулись. Дэмонру ощутимо передернуло.

Экономическая целесообразность - это было прекрасно. Но на тех немногих занятиях политэкономией, которые нордэна по каким-то причинам не прогуляла, ей так и не сумели внятно объяснить, какой такой целесообразностью оценить мертвых детишек в кустах. Видимо, на это требовался очень серьезный математический аппарат. Ее дальше азов тригонометрии и логарифмов так и не продвинулся.

- А сколько золота эти господа положат в свои кошельки, если война закончится сейчас, они не уточнили? - сдерживая бешенство, тихо поинтересовалась нордэна. У нее перед глазами стояла сытая и благостная рожа Сайруса. Эта мразь поставляла армии продовольствие не то чтобы блестящего качества, попутно сказочно наживаясь на дефиците в полуголодных предместьях Рэды. Ну, и конечно каждый воскресный день бегала в местную

часовенку - вознести истовую молитву о мире. Мразь.

- Полагаю, что-то да положат, - равнодушно бросил кесарь. - Бессребреников сейчас найти сложно.

- Ну да. Отступить тогда, когда мы можем получить земли до самой границы Эйнальда. Такая помесь идиотизма с предательством должна очень хорошо оплачиваться! - дольше удерживать свой рык в рамках вежливой беседы у Дэмонры не получилось. Ей как на грех вспомнилась январская пальба в перелеске, его благородие Август, отчаливший на поезде, и девочка Агнешка с мятой ленточкой, которую пригнали петь душещипательные песенки победителям.

Голубые как лед глаза Эдельстерна Зигмаринена блеснули, но голос остался ровным:

- Попридержите язык. Мне нужно ваше мнение, как специалиста. Темперамент оставьте для мужа, любовника или кем вам там приходится мой племянник.

- А я не специалист! - взвилась Дэмонра. Ледяные очи кесаря как-то перестали ее пугать. - Специалисты у вас победный пирог делят. А я его пеку. Знаете ли, довольно грязный процесс! Начинка громко орет...

- Я второй раз прошу вас перестать на меня кричать, и в третий раз просить не стану. Если вы сумеете доступно мне объяснить, почему калладцы должны и дальше лить свою кровь в Рэде, я вас выслушаю. Вот Эйвон Сайрус сумел достаточно доступно объяснить мне, почему делать этого не стоит. С цепочкой убедительных доказательств.

Сайрус, к гадалке не ходи, знал о загадочной природе "целесообразности" раза в три больше, чем Дэмонра. Нордэна решила пойти с другой стороны:

- Какое из них было самое убедительнее, Ваше Величество?

Кесарь нахмурился:

- Инфляция. В текущей... ситуации рост цен был бы очень вреден.

- В текущей... ситуации показательные порки были бы весьма полезны. И разве нельзя, к примеру, обложить акцизами предметы роскоши, а на вырученные деньги субсидировать...

- Остановитесь, - устало прервал кесарь. - Здесь начинается разница между тем, что написано в книжках, и жизнью. Представьте себе только, нельзя. Вы считаете, если обложить акцизами предметы роскоши, их станут покупать меньше?

Дэмонра нравы большей части аристократии представляла скверно, но вопрос был несложный:

- Вряд ли.

- Именно. А где возьмутся дополнительные деньги?

- Не знаю.

- Тогда объясню. Лишние расходы вобьют в цены вещей, которые производят фабрики, принадлежащие элите. В лучшем случае, подорожает одежда. А могут подорожать, скажем, лекарства. Как раз к весне, к самому тифу, ангинам, простудам... Или удобрения, или сталь. Вы уже начинаете соображать, что мир, в отличие от нашего флага, не имеет четких границ черного и белого?

Тот факт, что симпатичные калладские ромбики имеют мало отношения к реальности, Дэмонра понимала давно. Но все равно не могла взять в толк, о чем так беспокоится кесарь. Да, привозные шелка, чай, кофе и табак в Каллад были дороги. Но, в конце концов, сукно вполне приличного качества производилось в самой кесарии. Никто бы без шелка не умер, особенно учитывая, что лето в традиционном понимании этого слова в Каллад длилось дней эдак десять-пятнадцать в год.

Нордэну так и тянуло спросить, когда же ей предстоит усмирять голодные бунты и жарить кошек. Только привезла из Рэды Матильду - и вдруг выясняется, что в сытом Каллад, оказывается, скоро есть будет нечего.

Кесарь впервые изволил поморщиться:

- Каллад нужен мир.

Дэмонра нисколько не удивилась. Каллад и впрямь был нужен мир. Причем весь и желательно сразу. Но можно было взять и по порциям. В священной книге нордэнов примерно так и было написано.

- Для новой войны, смею полагать?

- Именно. Думаю, даже такая отчаянная сторонница радикальных мер, как вы, согласится, что рудники Карды позволят нам быть более... убедительными.

- Лет через пять в лучшем случае.

- А если бы и через десять. Ни я, ни вы умирать не собираемся.

Дэмонре хотелось спросить кесаря, как часто смерть консультируется с ним на предмет того, когда и при каких обстоятельствах намерена его навестить. Но дальнейшее хамство ощутимо попахивало ссылкой, поэтому она сделала все возможное, чтобы смолчать. В поисках нейтрального ответа беспомощно обвела кабинет взглядом. Увы, блестящих идей от этого действия больше не стало.

- Ваше Величество, о чем вы думали, подписывая приказ о вводе войск Рэду?

- Вы намекаете, что я не думал вообще?

- Вот уж нисколько, - быстро возразила Дэмонра. Намекать кесарю на подобные вещи было небезопасно. - Я пытаюсь понять. О Каллад? О Рэде? О виарском хлебе? О рудниках? О том, что всегда полезно выставить из страны пару тысяч самых горячих голов? О чем-то еще?

Эдельстерн тихо фыркнул:

- Метко. Вот уж о рудниках и Виарэ я тогда точно не подумал.

- А о чем же?

- Какая разница? Мне сегодня утром математически доказали, что я, как бы помягче выразиться, идеалистически настроенный олух, который не заботится о своем народе.

- Будьте спокойны, подлецы, которые вам показали те бумажки с цифрами, о народе заботятся еще меньше.

- Ладно, вашу позицию я понял, - кесарь устало покачал головой. - Война и еще раз война. Настроения порядочной части армии мне ясны. Утопим в крови всех инакомыслящих. Мой покойный отец, не к ночи будь помянут, говорил то же самое.

- А ваш дальний кузен до сих пор говорит. К сожалению, он одними разговорами не ограничивается, - сболтнула Дэмонра прежде, чем успела подумать.

Эдельстерн наградил нордэну тяжелым взглядом. А она в очередной раз поняла, что ее злейший враг - не Сайрус и прочая "гражданская сволочь", а собственный язык. Срочно пойти и отрезать. Наклз бы такое решение одобрил.

- Не будь вы действительно хорошим офицером, во всяком случае, в понимании Вортигрена, я бы вас только за эти слова сослал куда-нибудь, куда солнце не заглядывает, - процедил кесарь. - Особенности моей родословной обсуждайте с товарищами в кабаках. Я и так помню, кому и кем прихожусь.

- Прошу проще...

- Вы можете идти.

Дэмонра очень хорошо осознавала, что, если она сейчас уйдет - бесславно, зато безопасно - из Рэды они потом уйдут еще более бесславно. Чем сильно порадуют всяческих благородий Августов. По идее, одним упоминанием родства правящих домов она уже заработала на три повешения. Дальше можно было не бояться.

- Половина Рэды говорит на морхэнн, - отчеканила нордэна, глядя кесарю в лицо. - Вы понимаете, что это значит?

Кесарь явно не привык, чтобы его прямым приказам не подчинялись. Но повышать голос не стал. Разве что бровь вздернул.

- Да. Это, по всей вероятности, значит, что вторая половина на нем не говорит.

- Нет. Это значит, что не хрен было туда вообще лезть, - оскалилась Дэмонра, нисколько не сомневаясь, что следующий раз слово ей дадут в лучшем случае в камере, в худшем - на эшафоте. Глаза кесаря широко распахнулись. Нордэна нащупала в кармане ленточку Агнешки. Девочки, которая отлично говорила на морхэнн, хотела видеть брата, плевала на все рудники мира, родилась в Западной Рэде и по совокупности этих причин не должна была дожить до следующей осени. Все стало окончательно просто и легко. - Бесы бы с ними, обошлись бы эти б... рэдцы без нас! И мы без их б... рудников обошлись бы! Так нет же, влезли! Устроили форменную комедию! А теперь отваливаем с приличествующими извинениями?! Мол, так и так, у нас тут война вроде бы была, мы ее даже выиграли, но мы погорячились! Ну да вы не стесняйтесь, дело житейское! Возвращайтесь, суки вы белокрылые, творите, что хотите! Мы тут так, не Заступники, просто мимо пролетали, арки всякие триумфальные ставили! Выгребем хлеб разок и провалим. А вы, белокрылые, возвращайтесь, шпионов и предателей по сосенкам вешайте, вы это умеете! Вы географию учили?! У нас рудники, а три четверти Рэды - за рудниками! Мы отдадим три четверти Рэды, и все, кто там окажутся, по закону империи будут предателями! Не гражданскими, не военнопленными, вы меня слышите?! По закону Аэрдис им следовало сесть кружочком и самим перерезать себе горло, когда мы только входили в Рэду! Или выйти с рогатками на винтовки! Ты их всех убьешь, если отдашь приказ убраться оттуда, понимаешь ты или нет, сука ты белокрылая? Да е... я эту войну, ваш приказ и всех ваших имперских родственничков!

Кесарь пристально смотрел на нордэну и слушал очень внимательно. Даже моргать перестал. Дэмонра не знала, то ли он пытался вникнуть в суть речи без перевода, то ли думал, какой максимально болезненный способ казни предусмотрен действующими закономи. Нордэну это все, впрочем, уже волновало мало: чтобы пойти на эшафот так много слов не требовалось. Одного определения "белокрылый" в адрес кесаря было вполне достаточно. Дэмонра вынула из кармана ленту и швырнула на стол у самых рук государя. Собиралась швырнуть в лицо, но каким-то чудом удержалась.

Кесарь побелел как полотно, но держался поразительно спокойно. Он даже не дернулся, когда кусок белой ткани упал на стол. Оторвавшаяся бисеринка отскочила на пол. Дэмонра фиксировала детали чисто механически. Понимала, что не так

много деталей ей в жизни осталось увидеть.

- Вот она, цена ваших рудников и вашей победы! И ваша, кстати, тоже! Ненавижу! - прошипела она напоследок. Злость вышла, а страх еще почему-то не накатил. - Я бесовски сожалею, что приносила вам присягу, - уже более-менее ровно закончила нордэна. Нервничать теперь точно смысла не имело, и Дэмонра ощущала необыкновенную отстраненность от реальности, которую с некоторой натяжкой можно было бы назвать спокойствием.

Кесарь поднялся из-за стола и скрестил руки на груди:

- Благодари Создателя или своих северных демонов за то, что ты женщина. Для потомка белокрылых с... это имеет кое-какое значение, не то пристрелил бы прямо здесь. Ты свободна от присяги.

"Еще бы. Покойники - они от всего свободны", - мрачно подумала нордэна. Кесарь сверлил ее взглядом, Дэмонра в меру своих сил отвечала тем же. Дуэль длилась недолго:

- Ты такая же сумасшедшая, как твоя мать. Только глупее.

- Вы такая же мразь, как ваш отец. Только умнее.

- Пошла вон отсюда.

Дэмонра щелкнула каблуками, поклонилась и вышла.

Когда холодный воздух обжег нордэне лицо, она с некоторым удивлением поняла, что это конец. Совершенно однозначный и неизбежный. Дэмонра механически поправила мундир, поняла, что на улице очень холодно и домой идти не стоит, потому что ключ остался в кармане плаща, плащ - у лакея, а Гребер вряд ли откроет. Зачем-то направилась к набережной, где долго смотрела на уже подтаявшую Моэрэн и ледяные звезды над ней. Там нордэна окончательно закоченела и поняла, что оправдать жизненный срок не получилось, а Агнешке и всем остальным придется ее простить: в конце концов, она впервые жила на этой земле. Если бы могла вернуться вторично, прожила бы по-другому и наваляла бы меньше глупостей. Но что толку было теперь, если она все равно не вернулась бы сюда, как никто не возвращался.

Окружающий мир, который отчего-то не умер в тот самый миг, когда жизненная история тридцатидвухлетней нордэны по имени Ингрейна Дэмонра закончилась, напомнил о себе самым радикальным образом. От перил моста ее оттащил благоухающий, словно винная лавка, мужик, бормочущий нечто вроде "Чего ревешь, красавица?". "Красавица" не ревела, "красавица" беззвучно смеялась и все никак не могла остановиться. Оставив озадаченного доброхота удивляться

дальше, Дэмонра перешла мост и задумалась на распутье.

- Подвезти? - окликнул ее мужчина на пролетке.

- У меня денег нет.

- Да мы что ль нелюди? Замерзнешь, барышня. Садись.

Дэмонра, которую никто, кроме Гребера, барышней не звал уже лет десять, подивилась про себя, как, оказывается, везет покойникам. Но села.

- Куда едем?

Нордэна закуталась в меховой плед и пробормотала:

- К Рейнгольду.

- Куда? - не понял извозчик.

- Бульвар Вешних вод, седьмой дом. С мезонином, - уточнила Дэмонра и провалилась в черноту.

Удивительно было и то, что по пробуждении нордэна обнаружила себя именно у седьмого дома с мезонином, а не где-нибудь на свалке Литейного квартала и без сапог. Более того, совсем рядом слышался взволнованный голос Рейнгольда.

- Помогите мне довести ее до дома, пожалуйста.

Дальше происходило еще что-то не вполне понятное. Небо и земля мерно раскачивались, а потом резко стало светло и тепло. Дэмонра сообразила, что ее занесли в дом, и процедила:

- Все нормально. Я жива.

Сперва вокруг нее метались две тени, потом одна, и никаких заверений в том, что все в полном порядке, настырная тень не слушала. Потом тень поднесла к губам Дэмонры стакан и голосом Рейнгольда приказала:

- Пей!

Нордэна послушала, и тут же была наказана за свою легковерность: судя по всему, в стакане была водка или что-то на нее похожее.

- До дна пей! Ночью, в апреле, без плаща. Дэмонра, какого беса?!

До воспаления легких еще надо было дожить. Нордэна, морщась и кашляя, допила остатки жидкости. Как ни странно, в голове от этого действия несколько прояснилось. В частности, она поняла, что своим приходом только что донельзя скомпрометировала Рейнгольда.

- Что произошло? На тебя напали?

- Нет. Не кричи. Сядь.

- Что случилось, бесы дери? Я чуть со страху не умер, когда тебя без сознания в пролетке увидел! - оказывается, в редких случаях даже Зиглинд мог изъясняться вполне эмоционально. Дэмонра помотала головой. Тени вокруг разбрелись по углам.

- Ты сядь сперва. Слушай. Я только что от кесаря. Мы... мы повздорили.

Рейнгольд несколько секунд оторопело молчал. Он, видимо, не очень хорошо представлял, как можно "повздорить" с кесарем.

- Сильно повздорили? - подозрительно спокойным голосом осведомился он.

- Сильно, - не стала врать Дэмонра. - Мне хватит.

- Что значит тебе "хватит"?

- То и значит. Извини, я очень зря сюда приехала.

Рейнгольд поднялся и прошелся по комнате. Дэмонра обратила внимание, что он прихрамывал.

- Что ты ему сказала?

- Истинную правду. Что он белокрылая мразь. Так и есть.

Рейнгольд замер, как вкопанный.

- Этими же словами? - тихо уточнил он.

- Гораздо более грубыми словами. Знаешь, чем была рэдская кампания? Мы, оказывается, у виарцев скидку вытрясали... Скидку, представляешь?! Когда мы по этим малолеткам палили, когда нас прачки бранью крыли, когда у Агнешки отчим застрелился, а мать удрала - мы вытрясали скидку, понимаешь?! Скидку! Чтоб цена меньше стала, а сколько мы за это заплатили - мы, я, Магда, Агнешка, все! - это кто посчитал? Это никто, никто никогда не считает! Она очень дешевая, Рэй, кровь в чужих полях, и никто ее никогда выкупать не будет... - Дэмонра, не договорив, зарыдала.

Рейнгольд молчал долго. Минуты две, не меньше. Потом похромал куда-то прочь из комнаты. Дэмонра не стала предпринимать попыток встать с дивана, потому что прекрасно понимала - не получится. Стакан водки не самым удачным образом сочетался с расшатанными нервами. Зиглинд больше так и не появился. Через полчаса прибежала незнакомая запыхавшаяся женщина и вместо того, чтобы объяснить Дэмонре, какого беса происходит, вероломно сделала ей укол. Нордэна бездумно проследила, как количество жидкости в шприце уменьшается, и снова провалилась в темноту.

Проснулась она почти через сутки, ближе к вечеру, с тяжелой - скорее всего от опия - головой и ватными ногами. Рейнгольд, у которого вместо одного кровоподтека на лице теперь отчего-то было два, дремал в кресле рядом, положив голову на широкий подлокотник. Дэмонра изучала его черты, стараясь запомнить. На эшафот с собой следовало унести как можно больше хороших воспоминаний. В конце концов, не каждый человек встречает любовь на своем пути.

Зиглинд заворочался и открыл глаза. Вид у него был хмурый, как, впрочем, и у всякого человека, чье лицо украшают два синяка. Никаких вопросов нордэна задавать не стала. Все и так было вполне очевидно. Непонятно было только, что Рейнгольд здесь делает, или, вернее, почему она все еще в его доме. А не, например, в Эгрэ Вейд.

- Часть войск останется в Рэде, - бросил Рейнгольд, глядя не на Дэмонру, а в потолок. Сердце нордэны ухнуло куда-то вниз. - Кесарь не станет выносить сор из избы. Тебя не казнят, хотя рассчитывают при дворе более никогда не видеть.

- Ты был у кесаря?

- Да.

- Рэй, что ты такого ему сказал?

- Что ты права. Хотя и очень плохо воспитана.

- И что он сделал?

- Отвесил мне пощечину, разумеется. Его Величество отличается терпением, но у всего есть разумный предел.

- И что сделал ты?

- Я сказал ему, что с правовой точки зрения это очень сомнительный аргумент.

- Что было потом?

- Много чего. Потом он вышел из себя, поклялся повесить меня на одном столбе с тобой и всей твоей шайкой, затем долго ругался, взывал к Создателю и кому-то еще, даже плакал под конец, кажется. После этого глотнул чего-то прозрачного из графина - я не думаю, что это была вода - и подписал приказ. Западная Рэда остается за нами. Войска встанут на границе с Эйнальдом.

Дэмонра до сих пор не могла поверить, что все разрешилось так просто.

- И все?

- Почти. Где-то в промежутке между облаиванием моей скромной персоны и молитвами мы почти подрались, если тебе так уж интересны детали. И еще одно, - Рейнгольд нахмурился. - У тебя есть еще сорок восемь часов, чтобы покинуть Каллад.

- Покинуть Каллад? - переспросила Дэмонра. Она как-то настраивалась на эшафот, но совсем не ожидала изгнания. Мать за подобный же поступок только из столицы выставили.

- Да, - голос Рейнгольда стал жестким. - Покинуть Каллад. У меня есть два билета до Виарэ и дом там. Поступай как знаешь. Сейчас восемь вечера. Поезд отходит в четыре утра. Я на нем уезжаю. Как потомок белокрылых мразей, я, разумеется, ни минуты не навязываю тебе своего мнения. Но, если через сорок восемь часов ты все еще будешь находиться на территории

Каллад, можешь считать себя врагом государства. Я сказал.

- Рэй!

Зиглинд поднялся и похромал к дверям.

- У тебя восемь часов до поезда и сорок восемь до... очень нехорошего финала.

12.

Магрит, подавляя зевки, сидела в гостиной и прислушивалась к ночной тишине. В кресле у камина свернулся Наклз. Маг спал и дышал так тихо, что рэдка периодически вставала и подносила к его губам зеркальце. Зеркальце, по счастью, туманилось, но ей все равно было очень страшно.

Все неприятности начались прошлой ночью. Где-то в час пополуночи к магу заявился взволнованный незнакомец со ссадиной на лице и почти белыми волосами. Пока Магрит гадала, впускать его или не впускать, на верху лестницы показался Наклз, проснувшийся из-за шума. Маг, едва взглянув на гостя, изменился в лице и попросил мужчину подняться. О чем они говорили потом, Магрит не знала, но незнакомец ушел через четверть часа, по всей видимости, успокоенный. А вот на Наклза было страшно смотреть. Маг спустился в кухню и принялся лазить по своим таинственным жестянкам на полках. Рэдка сразу почуяла нехорошее, потому что все нужные лекарства, включая успокоительное, давно хранились у Наклза в спальне. Следовательно, искал он не лекарство. А спускаться во Мглу Сольвейг ближайшие три месяца запретила категорически. Когда Магрит попыталась об этом заикнуться, то получила в ответ такой взгляд, что сама не помнила, как вылетела из кухни.

Маг ушел в спальню со своими жестянками, щелкнул замком, а потом часа три его было не видно и не слышно. Когда на рассвете он сполз в гостиную, Магрит впервые за последние две недели всерьез испугалась, что Наклз умрет. Таких белых лиц у живых людей быть не могло никак. Но маг просто тихим голосом попросил Магрит разжечь камин. В доме было тепло, однако рэдка быстро сделала, как сказали. Наклз из-под ресниц смотрел на огонь и молчал. Когда Магрит уже решила, что он без сознания, негромко сказал:

- Я сейчас могу отключиться, причем надолго. Если придет Дэмонра, обязательно меня разбуди. Если... не получится, скажи ей, чтобы бросала все и ехала в Виарэ. Скажи ей, что я

позабочусь о ее... бездомных котятах, так и передай, слышишь?

- Конечно, - быстро пообещала Магрит. - Не получится? Наклз, ты ведь не...

- Перестань думать всякие глупости. Разумеется, я не умру. Просто от лошадиной дозы виссары клонит в сон. - Наклз даже изобразил улыбку, по которой Магрит окончательно поняла, насколько плохо дело. - Не бойся. Все запомнила?

Девушка кивнула. Потом, наплевав на все фанаберии мага, устроилась на подлокотнике и положила его голову к себе на колени. Наклз, вопреки ее ожиданиям, ничего не возразил. Серые глаза с расфокусированными зрачками еще несколько минут шарили по потолку, а потом маг уснул.

Больше всего Магрит напугало то, что спал он весь день, не меняя позы, не шевелясь и, если смотреть со стороны, даже как будто не дыша. Дэмонра все не приходила. Рэдка была готова ее за это убить.

Часы на каминной полке показывали уже без пяти минут два часа ночи. Если бы рыжая нордэна собиралась прийти, она бы давно пришла. Магрит раздраженно потрясла сонной головой и покосилась в кресло. Маг и не думал просыпаться.

В дверь тихо постучали. Настолько тихо, словно гость не был уверен, хочет ли он, чтобы его впустили. Магрит пулей метнулась к входной двери. За ней, как и ожидалось, обнаружилась Дэмонра. Нордэна, не здороваясь, скинула плащ и сапоги, миновала коридор, вошла в гостиную и замерла, как вкопанная. После короткой паузы отрывисто спросила на рэдди:

- Магичил?

- А то, - не без раздражения ответила Магрит.

- Ну, намагичил он хорошо, - вздохнула Дэмонра. Обошла кресло, в котором спал Наклз, по кругу. Магрит думала, что нордэна его разбудит, но та даже не попыталась. Она встала спиной к свету, так что на ее лицо падала густая тень, и с минуту молча смотрела на мага.

"Налюбовалась на то, что сделала?" - хотела спросить Магрит и молчала. Не нужно было быть гением, чтобы догадаться, кого Наклз спасал от крупных, видимо, неприятностей, рискуя головой.

- Я сейчас навсегда уезжаю из Каллад, Магрит, - наконец произнесла Дэмонра. Рэдке показалось, что голос у нее подрагивает. - И оставляю тебе самое дорогое, что у меня здесь есть. Ты ведь не собираешься вернуться?

Магрит поджала губы:

- Куда мне возвращаться? Знаешь, что я в отряде делала?

- Знаю. Кашеварила. Боевиками туда идут девушки

сплошь образованные, начитанные и умеющие умно рассуждать о добре, зле и легитимности насилия. Дуры безмозглые, если короче.

Рэдке осталось только подивиться, откуда рыжая нордэна так хорошо знает быт и нравы революционеров.

- Я здесь останусь.

- Хорошо. Тогда слушай меня очень внимательно, это крайне важно, и ты имеешь право знать. Все маги, рано или поздно, сходят с ума.

- Я знаю.

- В Каллад мага класса Наклза, если такое случится, немедленно усыпят.

Магрит стало холодно.

- Усыпят? - поразилась она. От таких новостей она даже злиться на нордэну перестала. - Как собаку?

- Именно. Что бы ни происходило с Наклзом, на людях он не должен вести себя подозрительно, запомни это накрепко, пожалуйста. Он достаточно умен и осторожен, но когда против тебя играет твой собственный разум - случиться может всякое. Следи за ним. И пиши мне, если тебе просто покажется, что что-то пошло не так. Когда что-то по-настоящему пойдет не так, писать будет уже поздно, поняла?

- Поняла, - кивнула Магрит.

- Условимся вот о чем. Письма перлюстрируют, и вряд ли наша с тобой переписка будет исключением. Если что-то случится, начни письмо описанием погоды. Если ты напишешь "было солнечно и ветрено", я пойму, что дело совсем плохо и примчусь немедленно, всеми правдами и неправдами. Благо, солнечно и ветрено здесь бывает часто. Поняла?

- Да.

- И еще одно, - Дэмонра бросила быстрый взгляд на кресло. Наклз спал. - Если тебе покажется, что он говорит с людьми по имени Элейна или Маргери, пиши "солнечно и ветрено" немедленно.

- Кто такая Маргери? - этот вопрос интересовал Магрит с первого дня. Но спросить Наклза она не решалась. Маг вообще не был склонен обсуждать с ней свою жизнь. - Он грохнул две чашки, когда я представилась.

Дэмонра дернула щекой:

- Не знаю, кто такая эта Маргери. На самом деле не знаю. Но знаю, что в живых ее нет. Зондэр Мондум останется в столице. Ей ты можешь доверять, как себе. Если что-то случится, сразу беги к ней. Вот адрес.

Магрит взяла протянутую ей бумажку и сунула в карман.

Нордэна нервно поправила волосы.

- И еще одно. У Наклза дис..., - нордэна осеклась. - Впрочем, неважно. Просто следи за ним очень внимательно. И пусть отправляет мне весточки дважды в неделю. Иначе я за себя не ручаюсь, так ему и передай. Адрес пришлю сразу, как приеду. По счастью, меня сослали, но право переписки оставили. Все ясно?

- Все. Наклз велел мне тебе сказать, чтобы ты сразу уезжала. И еще он обещал поухаживать за твоими котятами.

- За моими котятами поухаживают Мондум и Магда. У него аллергия на кошек, так что пусть он не лезет в это дело. Прощай, Магрит. Счастливо тебе.

Нордэна дернулась, словно хотела подойти к Наклзу, но в последний момент развернулась и поспешила в коридор.

- Мне ему сказать, что ты его очень любишь? - у дверей спросила Магрит.

Дэмонра поморщилась:

- Такие вещи, Магрит, запомни накрепко, стоит говорить только лично. И то не всегда стоит. И вообще, истории роковых ошибок не рассказывают за пять минут. Прощай.

Не дожидаясь ответного прощания, нордэна торопливо спустилась вниз по ступенькам и скоро растаяла в холодной сырой ночи. Магрит зачем-то поглядела ей вслед, а потом вернулась в гостиную. Маг по-прежнему спал и по-прежнему очень мало походил на живого человека. Рэдка поднялась в спальню за пледом, накрыла Наклза, а сама устроилась на диване и, наконец, с чувством исполненного долга провалилась в темноту. Безумные сутки закончились.

13.

Когда Дэмонра вылетела на платформу, до отправления поезда оставалось минут семь, не больше. Платформа, освещенная мертвенно-желтым светом газовых фонарей, была почти пуста. У дальнего конца Дэмонра увидела Зиглинда, прислонившегося к перилам и глядящего куда-то в темное небо. Нордэна понятия не имела, что он хотел там высмотреть.

- Я думал, ты не придешь, - сообщил он, когда Дэмонра приблизилась.

Нордэна хотела честно ответить: "Я тоже", но вовремя прикусила язык. В конце концов, Рейнгольд ломал свою карьеру

и, вероятно, жизнь, попутно подставляя рожу, не совсем для того, чтобы она сдохла под дверью Наклза в лучших романных традициях. Вступиться за человека, обругавшего кесаря на чем свет стоит, было подвигом. Чудом. Таким же чудом, как и то, что выкинул Наклз, только, может, еще более ценным, потому что простые люди чудес не творили.

- А ты тоже сослан? - вместо ответа поинтересовалась Дэмонра, глядя мимо.

- Разумеется. Но это тебя ни к чему не обязывает, - ровно проинформировал Рейнгольд. Дэмонра даже отдаленно представить себе не могла, как он должен на нее злиться сейчас. Но догадывалась, что она на его месте непутевую невесту убила бы на месте, а не пошла бы вместо этого героически получать зуботычины от сильных мира сего. И совсем уж ей не хотелось думать, как всю эту историю восприняли родители Рейнгольда.

- Я до сих пор не видел списка людей, которых ты считаешь белокрылыми суками, и, следовательно, ничего конкретного не могу сказать о своем положении в данном списке, - тем же тоном продолжил он.

- Тебя там нет. Это могу тебе сказать я.

- Мне представляется очень неправильным ненавидеть людей только за то, что пять сотен лет назад они удрали из страны, после которой им даже этот ледяной ад на радостях раем показался.

- Вероятно, ты прав. Я прошу прощения. Не за кесаря и всех твоих родичей, а лично у тебя. Мне стоило аккуратнее выбирать выражения. Вот уж тебя я никогда бы так не назвала.

Паровоз пронзительно свистнул и выбросил клуб дыма.

- Идем, - бросил Рейнгольд. Дэмонра молча проследовала за ним в купе. Едва они успели сесть, как поезд тронулся. Освещенная желтыми фонарями платформа медленно качнулась и поплыла назад. Потом замелькали редкие огоньки на каких-то складских помещениях. Поезд набирал ход. Не считая мерного перестука колес и позвякивания стаканов о подстаканники, в купе висела тишина.

Дэмонра прекрасно понимала, что кругом виновата она и никто другой. Но все равно начинала злиться. Вся ее прошлая жизнь, ее дело, друзья, даже Гребер с Матильдой, с каждой минутой оставались все дальше.

Наклз оставался все дальше. А если бы Магрит где-то ошиблась?

А если бы где-то ошиблась Зондэр?

А если бы даже никто не ошибся, но правда о Зимней розе все-таки всплыла бы? Если бы Иргендвигнанден перестали

бояться и начали копать - что стало бы тогда?

Дэмонре захотелось закричать. Перевернуть что-нибудь. Высадить стекло. И просто вернуться в Каллад, абсолютно любой ценой.

Рейнгольд молча смотрел в окно. В темном стекле отражалось напряженное лицо. Нордэне даже стало интересно, а что сейчас уплывало в черную ночь от него? Карьера? Успех? Спокойная старость?

- Может, ты уже скажешь мне, что ты очень сердит? А я тогда напомню тебе, как с самого начала предупреждала, что не хотела ломать тебе карьеру! - прошипела Дэмонра. Ей не столько нужен был ответ, сколько хотелось разбить тишину. Начать скандал. Что угодно, только не сидеть и не считать потери. И так было ясно, что она потеряла все, что может потерять человек, и даже чуть больше.

Результат у этой фразы был на свой манер потрясающий. Рейнгольд отвлекся от молчаливого созерцания темных далей за окном и сверкнул глазами. Дэмонра резко осознала, что он кесарю хоть и седьмая вода на киселе, а все-таки родственник. И умение морозить взглядом у них фамильный талант.

- Ты мне жизнь чуть не поломала, дура, - совершенно спокойно, если не брать в расчет выразительного взгляда, сообщил Зиглинд. - Тебя собирались повесить. Пожалуйста, осознай эту фразу. Повесить, Дэмонра. Вульгарно вздернуть за оскорбление величеств на тюремном дворе, понимаешь? И, если бы не Наклз, думаю, так оно бы и вышло. Я не знаю, что за существо этот маг, но он не человек, потому что человек сквозь дворцовую защиту не пробился бы. Когда я шел к кесарю, я был почти уверен, что мы с тобой покойники. То, что мы живы - чудо, Дэмонра. Я не разбираюсь в вероятностях, я только знаю, что после некоторых поступков люди не живут.

Нордэна слушала молча.

- Тебе кажется, мирно стариться у моря в моей компании - плохой финал? Что ты все теряешь? Что с тобой несправедливо обошлись? Что ты достойна лучшей доли? Очень возможно. Но сегодня ты стояла в шаге от еще менее героического финала. Наклз сказал, вероятность твоего повешения подкатывала к девяноста шести процентам. Мы с ним на пару организовали чудо, Дэмонра, самое настоящее чудо, о каких в сказках рассказывают! А ты сидишь и проявляешь большое недовольство, что злобная белокрылая бестия вышвырнула тебя из Каллад. Чем очень наглядно демонстрируешь свое отношение и ко мне, и к Наклзу, и к этому чуду. Так вот, я-то как-нибудь это переживу, а Наклзу ты будешь писать письма. Регулярно. И в этих письмах ты

будешь сообщать, что невероятно счастлива и высоко ценишь оказанную тебе услугу. Надеюсь, ты меня очень хорошо поняла, потому что повторять я не буду.

- Вы, два героических чудотворца, могли бы меня вначале спросить, что мне кажется более подходящим финалом, - огрызнулась Дэмонра.

- Могли бы. Но Наклз сразу сказал, что мнение героических дур следует спрашивать только постфактум.

Дэмонра прижалась лбом к холодному стеклу. За ним мелькали последние предместья столицы. Дальше будут пустынные поля и редкие огни больших городов. А через тридцать часов они увидят цветущую Виарэ.

- Ты все сказал?

- Да.

- Тогда я испорчу тебе настроение. Я не жалею ни об одном своем поступке за последние два дня.

Рейнгольд устало покачал головой:

- Я, Дэмонра, очень надеюсь, что тебе и впредь не придется ни о чем таком пожалеть. Но насчет писем в Каллад я не пошутил. Они должны быть сплошь веселыми и жизнерадостными. Потому что неблагодарность - это порок. А чаще просто свинство.

- Пиши ему восторженные письма сам! Это будет бесконечно либерально и современно, с оттенком эдакого высшего благородства... С поцелуями только поаккуратнее - он все-таки рэдец, может с перепугу в морду дать...

- Дэмонра. Или ты сейчас закрываешь рот, или я выхожу из купе и все свои дальнейшие проблемы в жизни, которую мы с Наклзом на пару тебе так изгадили, ты решаешь сама. С этой самой секунды.

- И ты этим меня думаешь напугать?

Рейнгольд вздохнул, скорее устало, чем печально:

- Я вообще не думаю, что тебя возможно напугать. Именно поэтому людям, которые тебя любят, очень сильно не повезло в жизни.

- У вас был выбор, мученики вы святые.

- По счастью, нет. Не было. И это - твоя удача.

- Расскажи мне про мою удачу, когда я стану стареть в этой бардачной Виарэ! Полюблю сладкое, куплю себе десяток юбок, заведу левретку, начну вышивать салфетки и сплетничать. Хотя нет. Если ты меня любишь - просто пристрели меня прежде, чем это случится.

- На следующем "если ты меня любишь", я тоже встану и уйду. Мне, кажется, только на лбу осталось написать, что это так,

а ты все не веришь.

- Предположим, верю. Что это сейчас меняет?

- Ничего. Ты же сама говорила - любовь ничего не меняет. Ложись и спи. Не то чтобы завтра будет лучше, но завтра хотя бы будет. Какая ни есть, а радость.

Эпилог.

За окнами орали калладский гимн. Орали уже, наверное, битый час. Наклз нервничал и даже злился. Игристое было давным-давно откупорено и стояло во льду у крыльца, салаты пахли на весь дом, Госпожа Стужа сверкала из угла недобрыми синими глазищами, часы готовились бить полночь, а Дэмонра до сих пор не явилась. Мага несколько удивляло спокойствие Рейнгольда и остальных, а также поведение Дэмонры - еще немного, и по милости нордэны Красная ночка прошла бы мимо. В конце концов, она почему-то попросила ее непременно дождаться, и теперь опаздывала, а ему приходилось исполнять все обязанности радушного хозяина, игнорируя усиливающуюся головную боль и вопли с улицы.

Колокольчик за дверью зазвонил неожиданно и как-то тревожно. Маг быстро прошел в прихожую. У Дэмонры были свои ключи, и он не понимал, с чего бы ей звонить в дверь.

За порогом действительно стояла нордэна, счастливая и сияющая, как именинница.

- Рыжик, ты посмотри, кого я привела! Надеюсь, все в сборе? У меня такой замечательный сюрприз!

Наклз удивленно посмотрел на "замечательный сюрприз". Им оказалась девочка лет десяти, одетая ну совсем не по погоде. Маг сразу же обратил внимание на ее легкие белые ботиночки. Это была не та обувка, чтобы щеголять в ней по заметенной снегом калладской столице.

- Заходи скорее, застудишь барышню, - Наклз отошел с прохода, пропуская обеих гостий в прихожую. - Все в сборе, мы только тебя ждали.

Девочка стянула шапку и сбросила платок, в который до этого кутала голову и плечи. Наклз едва удержался, чтобы не спросить Дэмонру, чем она думала, вытаскивая практически раздетого ребенка на улицу в такой мороз. Под платком у гостьи обнаружилась только вязаная белая кофточка и платьишко, едва прикрывающее колени. И причесана она была как-то нелепо: одна косичка лежала на груди, вторая была вовсе распущена, как будто про нее забыли. Даже Наклз, скверно умевший заплетать косички и вообще обихаживать детей, и тот понимал, что дело плохо.

Девчушка, видимо, замерзла, потому что сразу же подняла воротник кофты на манер шарфа, наклонила голову и приобняла себя за плечи.

- Пойдемте скорее в гостиную, там натоплено, - не

слишком ласково предложил маг. Он злился на Дэмонру, хотя и не помнил, почему. Что-то она то ли сделала, то ли собиралась сделать, то ли, наоборот, не сделала, а теперь еще и какую-то девчушку чуть по дороге не заморозила. К гадалке не ходи, маленькая гостья тоже была чем-то из категории ее гражданских подвигов, от которых пахло пеплом Волчьего поля.

Спрашивать об этом при Рейнгольде и остальных Наклз, конечно, не стал. Под бой колоколов он честно опрокинул бокал игристого, не почувствовав ничего, кроме холода, поковырял вилкой салат - большей частью для приличия - и стал думать о том, когда будет можно подняться к себе и лечь спать. Головная боль донимала его все сильнее.

Наклз сам не понял, в какой именно момент он сообразил, что на улице стало тихо. Как будто все гуляки разом то ли вымерли, то ли осуществили его мечту и завалились спать. Маг бросил взгляд на окно, но увидел только темноту за морозными узорами понизу. Всех прочих людей в доме это явно ничуть не волновало. Кто-то успел завести граммофон и теперь три пары - Дэмонра с Рейнгольдом, Зондэр с Эрвином и Магда с Витольдом - неторопливо закружились в вальсе.

"Откуда у меня пластинка с вальсом?" - отстраненно удивился маг, а потом его взгляд накнулся на лишнюю деталь. Девочка на стуле. Она сидела во главе стола, все так же обняв себя за плечи, и тряслась. Губы у нее были почти белые. И никто как будто не обращал на нее внимания.

"Ну мы и скоты, однако", - Наклз понял, что сам успел почти позабыть про Дэмонрин "сюрприз". Даже имени не спросил, хорошо же он гостей принимал. В конце концов, малышка вряд ли были виновата в том, что его добивала мигрень.

Маг поднялся и направился к девочке. Улыбнулся ей. Опустился на корточки возле стула и как мог мягко начал:

- Давай я передвину твой стул к камину? Если тебе хо...

И не закончил. Потому что девочка неловко передернула плечами, и под воротником Наклз необыкновенно четко разглядел широкий красный след. А потом и вещь, которую в скудно освещенном коридоре принял то ли за ленту, то ли за какое-то украшение.

Удавка.

Наклз отлетел от девочки. На ее белом как пудра лице стала медленно проступать улыбка, детская, простодушная и милая. Труп даже не скалился, как положено трупу в кошмаре, а именно улыбался, словно происходило что-то веселое.

В гостиной вдруг стало холодно. Наклз понял, что его дыхание вырывается изо рта клубами пара.

- Что... что ты такое?

Девочка все молча улыбалась, а воздух все выстывал. Наклз подскочил к ней, схватил за руку - холодную, окоченевшую - потянул на себя и стал целенаправленно волочь прочь из комнаты. Что бы это ни было, его здесь не должно было находиться.

- Что ты такое?! - прорычал он, уже вытащив непонятную тварь в коридор. Тварь, правда, не нападала и вообще не демонстрировала никаких агрессивных намерений. Только снова прикрыла руками передавленное веревкой горло и уставилась на Наклза не мигая. - Что ты такое? - уже тише повторил маг, перекрывая ей путь в гостиную. У него зуб на зуб не попадал от холода. - Это ты делаешь? Немедленно прекрати!

- Это не я, - на рэдди ответила девочка. - И здесь теперь всегда будет холодно.

- Что происходит?

- Я не за тобой пришла. Отойди.

Наклз, пожалуй, достаточно выжил из ума, чтобы говорить с какой-то потусторонней тварью в прихожей собсвенного дома, но все же не настолько, чтобы впустить ее в комнату, где танцевала Дэмонра.

- Убирайся вон!

- Но я уже здесь, - просто ответила девочка. Безо всякого вызова, буднично, даже, пожалуй, грустно. Тон ответа настолько не вязался с происходящим, что Наклз оглянулся через плечо и оторопел. Гостья с удавкой на шее сказала правду: гостиную, где все еще танцевали пары, заметал снег. Маг очень четко видел иней на столе и стульях, сосульки на канделябрах, лед на полу и медленно оседающие снежинки. Как пепел во Мгле. Как кошмарный сон.

Дэмонра, оставив Рейнгольда кружиться одного, как заведенную куклу на карусели, быстро шла к дверям.

- Что ты такое сюда притащила?! - прошипел Наклз.

Нордэна уже стояла в проеме. Она пожала плечами и как самую очевидную вещь на свете сообщила:

- Так это справедливость, Рыжик. Все ее звали, ну вот она и пришла. - И с извиняющейся улыбкой добавила: - Ты прости меня, пожалуйста. - А потом резко захлопнула створки дверей у Наклза перед носом.

По стеклянным вставкам почти мгновенно зазмеились снежные узоры.

- Дэмонра! - рявкнул Наклз и дернул ручки. - Немедленно открой, Дэмонра, ты что творишь?!

Створки не шелохнулись, только ледяные цветы и перья

поползли выше. Маг еще видел лицо нордэны. Виноватую улыбку. Грустные глаза.

Наклз выворачивал ручки, бил кулаками в стекло - все было бесполезно. Лицо по ту сторону исчезало за слоем льда. В конце концов, нордэна приложила ладонь к стеклу, Наклз сделал то же самое и не почувствовал ничего. Ни гладкости поверхности, ни ее холода - как будто перед ним вообще не было никакого препятствия. Но пройти вперед он не мог.

- Дэмонра!

Перед магом осталась только заиндевевшая дверь да перья, горы и леса, нарисованные морозом по стеклу.

Появившийся откуда-то из-за спины доппельгангер встал с ним рядом, почти коснувшись плечом, и небрежно поинтересовался:

- Ну что, герой, дай угадаю, ты снова сделал все, что мог?

"А что я мог?"

Наклз потерянно оглянулся. Пустой коридор. Никакой девочки. Конечно, девочка же осталась по ту сторону, там, где теперь не было ничего, кроме льда и снега.

- А я что-то мог?

- Конечно же, нет. Ты что, принципиально никогда ничему не учишься? Давай, это же упражнение для двоечников. Ты его уже проходил. Неужели забыл главное утешение профессиональных неудачников? Подсказываю. Мир... всегда... остается...

* * *

- Мир всегда остается прежним... Всегда остается прежним..., - Магрит не поняла, что так сильно напугало Наклза, но очнувшийся маг повторял эту немудреную фразу, как молитву. Да еще прижав правую руку к груди характерным жестом, будто хотел схватиться за висящую там ладанку. Конечно же, у профессионального строителя светлого калладского будущего ничего подобного на шее болтаться не могло. Магрит быстро поднялась с дивана и подбежала к Наклзу. Взяла его ладони в свои. Поняла, что мага трясет.

- Наклз, Наклз, все хорошо. Ты дома. Все в безопасности. Все получилось. Все кончилось. Она уехала. Слышишь?

Слышал Наклз или нет, но колотило его знатно. Взгляд мага прыгал с лица Магрит куда-то на стены и потолок, потом

обратно. Наверное, прежде чем он пришел в себя окончательно, прошло около минуты.

Сообразив, в каком мире он находится, Наклз вывернулся из хватки Магрит. Потер виски. И вдруг озадачил рэдку просьбой, в его устах звучавшей почти невероятно:

- Расскажи что-нибудь.

- Что? - опешила Магрит, не веря своим ушам.

- Расскажи что-нибудь. Таблицу умножения. Сказку. Молитву - что угодно.

- Наклз...

- Нужно прогнать отсюда эхо! Говори.

В своем твердом знании таблицы умножения дальше восьми Магрит уверена не была, поэтому бодро затараторила молитву. Даже если она и допускала какие-то ошибки и меняла слова местами, маг этого не замечал. Он сидел и словно напряженно прислушивался к чему-то, как прислушиваются собаки перед грозой.

У Магрит запершлило горло. Ей казалось, что она говорит уже с час, хотя прошло, наверное, минут пятнадцать. Наклз, наконец, успокоился. Суховато поблагодарил. С трудом выполз из кресла, держась за подлокотники. Поковылял к лестнице.

- Тебе помочь?

- Нет.

- Что-нибудь принести?

- Нет.

- Все уже в порядке?

- Нет.

- А можно все-таки относиться ко мне как к человеку?

Магрит была готова услышать все то же ровное "нет", но Наклз обернулся через плечо и снизошел до другого ответа:

- Прости. Я видел дурной сон. И испугался.

- За Дэмонру, да?

- Да.

- Она уехала, с ней все будет в порядке. Велела тебе не трогать каких-то котят и писать ей каждые две недели, вот. Мне кажется, она храбрая и она точно тебя очень любит, так что вряд ли даст себя в обиду. Не бойся за нее. Тем более, как маг может бояться? Это я могу бояться, а ты же будущее видишь и все знаешь. Знаешь же? - Магрит старалась щебетать как можно веселее и улыбаться как можно шире. Внутреннее чутье подсказывало ей, что так будет лучше.

При ее последних словах маг, держащийся за перила, отчетливо скривился.

- Будущего не существует, Магрит. Только ряды

меняющихся цифр. Я не вижу ни цели, ни правды. Мы так же ничего не знаем, как и вы. Только вы боитесь войны или инфляции, а меня до полусмерти напугала девочка с распущенной косичкой и в белых башмачках. Потому что вы нормальные, а мы - нет. Вот и вся разница, на самом-то деле.

- Никакая девочка сюда не приходила, пока ты спал. Ни с одной косичкой, ни с тремя, - заверила Наклза Магрит. - Я дежурила!

Маг все-таки улыбнулся:

- Я понял. Спасибо, Магрит. Если к нам сюда вдруг заявится какая-нибудь Справедливость, Необходимость, Необратимость или любой другой выкидыш нордэнского рока, я вежливо отправлю их к тебе, договорились?

- Ну да. Метла стоит в чулане, рогатки делать умею. Разберемся, вот увидишь.

Конец первой части.